

Светлана Митина

АНТИОХ III
ОДИН
ПРОТИВ РИМА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2014

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 94(569.4).014
ББК 63.3(0)32
М 662

Митина С. И.

М 662 Антиох III. Один против Рима. — СПб.: Алетейя, 2014. — 346 с.

ISBN 978-5-91419-976-7

Восточное Средиземноморье на всем протяжении истории человеческой цивилизации являлось постоянным очагом политической напряженности. Здесь всегда кипели политические страсти, бушевали войны, зарождались религии, сменяли друг друга цивилизации и решались судьбы государств и народов. Здесь во II в. до н. э. созданный гением Александра Македонского и его соратников мир эллинистических государств принял на себя удар со стороны будущей Римской империи, стремившейся безраздельно властвовать над миром. На международной арене развернулось невиданное по напряженности противостояние, в центре которого оказались выдающиеся политики, дипломаты и полководцы. Среди них особая роль принадлежит тем, кто до конца защищал независимость своей родины, стараясь быть достойным предков, вознесших славу греко-македонян на небывалую высоту. Таким был Антиох III из династии Селевкидов, не побоявшийся бросить вызов Риму и выступить в защиту всех эллинов.

Знакомство с книгой позволит наглядно представить как в бесконечном водовороте событий и судеб рождались основы современного международного права и дипломатии, ковались судьбы людей, оказавшихся достойными пера античных историков и памяти последующих поколений. Книга снабжена библиографией, иллюстрациями и представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей международных отношений и дипломатии, а также для историков, юристов, культурологов.

УДК 94(569.4).014

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-91419-976-7

© С. И. Митина, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ВВЕДЕНИЕ

Античная мифология богата поучительными сюжетами, персонажи которых соперничают друг с другом, пытаясь доказать свое превосходство, бросая вызов друг другу и судьбе независимо от своего божественного или человеческого происхождения. Боги проявляют чувства и эмоции, совершают поступки, свойственные простым смертным, а люди, забыв о своей природе, стараются встать вровень с богами. Но в конце концов все решает судьба, которой подчиняются и боги, и люди.

На западе Малой Азии в стране Лидии в античные времена был город Магнесия. Он стоял у северо-западного склона горы Сипила, знаменитой у древних греков тем, что скала на её вершине носила имя мифической Ниобы. Назидательный миф гласит, что высокомерная фиванская царица Ниоба, гордясь своими шестью сыновьями и шестью дочерьми, дерзнула равнять себя с Лето, возлюбленной Зевса и матерью Аполлона и Артемиды, упрекнув её в малочисленности потомства. В гневе Аполлон и Артемиды умертвили всех детей Ниобы. Жестоко наказанная мать от страшного горя обратилась в скалу и так осталась стоять на вершине горы Сипила, напоминая людям о тщетности попыток равняться с богами.

Однако люди и в древности, и в наши дни редко внемлют поучениям мифов, истории, да и недавнего прошлого! Вновь и вновь они пытаются уподобить себя богам и жаждут видеть мир покоренным у своих ног!

* * *

В один из зимних дней 189 г. до н. э., когда утренний туман, поднявшийся вверх с наступлением дня, навис тучами, а влага пропитала воздух, сделав его тусклым и мрачным, у города Магнесии выстроились в боевом порядке в ожидании сигнала к началу сражения два войска (App. XI. 33; Liv. XXXVII. 41. 2). Римским легионам под командованием Луция Корнелия Сципиона противостояла армия сирийского царя Антиоха III. Это была не первая «встреча» противников. Тремя годами раньше (в 191 г. до н.э.) они уже померились силой в Центральной Греции в Фермопильском ущелье. Тогда Антиох III переправился с войском в Европу под лозунгом спасения греков от римской экспансии, но был разбит Марком Атилием Глабрионом. Теперь римляне пришли в Азию, якобы для того, что бы освободить ее от власти царя, дерзнувшего называть себя, подобно Александру Македонскому, Великим. На самом деле Рим не освобождал, а планомерно покорял государство за государ-

ством, чтобы привращать их в доходные провинции. В свою очередь, Антиох III пытался продолжить политику Александра Македонского, стараясь объединить в одном государстве всех эллинов Европы и Азии. Рим и Сирия Селевкидов одновременно бросили друг другу вызов. Так, уже не в первый, и далеко не в последний раз в истории человечества Восточное Средиземноморье стало ареной столкновения крупнейших держав и борьбы за «мировое господство». Обе стороны полны уверенности в своих силах и превосходстве. Кто победит, а кто останется оплакивать своих павших сыновей? На чью сторону окажется судьба?

За спиной римских легионов оставалось уже покоренное Западное Средиземноморье, разгромленные Карфаген и Македония. За спиной сирийской армии целый мир Восточного Средиземноморья, мир, который в наши дни принято называть «эллинистическим».

* * *

В конце IV в. до н. э. Восточное Средиземноморье стало колыбелью эллинизма.

Термин «эллинизм» вошел в научный оборот после выхода в свет работы профессора истории Иоганна Густава Дройзена (1808–1884 гг.) «История Эллинизма» Немецкий ученый подразумевал под ним период, начиная с воцарения Александра Македонского и заканчивая включением царства Птолемеев в состав Римского государства (336 — 30 гг. до н. э.). В широком смысле понятие «эллинизма» означает взаимодействие эллинских и восточных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, верований, а также государственных и правовых институтов. Каковы точно хронологические рамки эпохи эллинизма, и какие вехи служат ориентиром её этапов, — вопрос на сегодняшний день спорный. Часто начало эллинизма приурочивается к победе македонского царя Филиппа II над греками в Херонейской битве 338 г. до н. э., но в большинстве случаев отсчет ведется от даты смерти Александра Великого (323 г. до н. э.), с которой начинается процесс развала его империи и образования самостоятельных эллинистических государств. Поэтому историю эллинизма можно смело называть историей бурного созидания новой государственности и зарождения международного права и дипломатии.

Александр Великий, Клеопатра Египетская, Диоген Синопский, Архимед, Эвклид, Эратосфен, Александрийский Маяк, Колосс Родосский, Александрийская и Пергамская библиотеки, Ника Самофракийская, Венера Милосская, — уже этих имен и названий достаточно,

чтобы оценить эллинизм как эпоху великих завоеваний, масштабного государственного строительства, грандиозных достижений в архитектуре, искусстве, науке и литературе.

Три столетия полнокровной политической, экономической и культурной жизни огромного региона: от Восточного Средиземноморья до Индии — слишком ценный исторический опыт, которым нельзя пренебрегать. И все же у современного человека, живущего в жестком ритме динамично развивающейся цивилизации, может возникнуть сомнение: стоит ли погружаться в античную историю с целью обретения политического опыта. Да, без сомнения, стоит! Нет в современном мире идей, политических и правовых институтов, экономических теорий или военных доктрин, которые не восходили бы своими корнями к основам античного миропонимания. Эллинизму во многом обязаны своим становлением современное международное право и дипломатия. А хитросплетения современной международной политики часто вызывают ассоциации с сюжетами античной истории.

Военные свершения Александра Македонского и его соратников раздвинули границы греко-македонского мира от Балкан и Северной Африки до Индии. Множество народов, племен, государств оказались втянуты в бурный водоворот политических преобразований и войн, вынесший их на просторы огромной империи Александра.

Вся последующая история региона являет собой уникальный пример весьма сжатого во времени эксперимента государственного строительства. Невиданный по размаху и масштабам преобразовательный процесс, имевший последовательно два вектора развития (первоначально центростремительный, а затем центробежный), позволил до основ преобразовать формы государств, социальную структуру общества, экономику и культуру многочисленных народов. Никогда ранее и в последующем политические условия не создавали столь благодатной почвы для созидательной деятельности, проявления человеческого гения и творческого потенциала. Причем все это осуществлялось в рамках целой системы государств, границы которых не препятствовали тесному взаимодействию как правителей, так и обычных людей, в самых разнообразных сферах общественной жизни. Рядовой человек впервые почувствовал себя космополитом, то есть не просто подданным или гражданином кокого-либо государства, а «гражданином мира».

Бурное развитие товарно-денежных отношений способствовало интенсивным перемещениям капитала, товара и людей из одного конца эллинистического мира в другой. Высокий темп жизни ускорил разви-

тие институтов права, дипломатии, призванных обеспечить сосуществование государств с различной формой правления, территориального устройства и пестрым национальным составом в рамках единой цивилизации, которую воспринимали как ойкумену, или обитаемый мир, то есть «обжитый» греками и македонянами.

Эллинистический мир, подобно человеку, прошел жизненный путь от рождения до заката, испытав взлеты и падения, славу и унижение. Уникальные исторические события и свершения отметили каждый этап этого пути, превратив эллинизм в школу международных отношений и дипломатии.

Коринфский конгресс, созданный в 337 г. до н. э. Филиппом II Македонским, положил начало истории нового мирового порядка, основанного на принципах сосуществования государств с различной формой правления в рамках единой Лиги. Получив боевую закалку в войнах Александра Македонского, Коринфская Лига преобразовалась в грандиозную империю от Балкан до Индии, которая тут же распалась на отдельные части. Это были молодые эллинистические государства, возглавляемые сподвижниками Александра (диадохами). Энергия их личной инициативы преобразовала за невиданно короткий период времени политическую карту огромного региона. Целая система государств существовала триста лет. Изначально составившие ее государства меняли свои границы, теряли провинции. Однако «ядро» системы большую часть истории эллинизма оставалось постоянным и включало Македонию, государство Селевкидов, государство Птолемеев, Этолийский и Ахейский союзы, Пергам.

Богатства и мощь эллинистического мира не могли не вызывать зависти и подозрительности западного соседа Рима, который заявил свои права на господство в Средиземноморье.

С появление римских легионов на восточном берегу Средиземноморья в судьбе эллинистических государств наступил решающий момент. Нужно было выбирать: отдать себя под опеку Римской республики, признать поражение и сложить оружие или до конца бороться за независимость. Выбор оказался тем более трудным, что делать его пришлось каждому государству по отдельности.

Эллинистическим монархиям не удалось консолидировать усилия в борьбе с Римом, и они по очереди, фактически в одиночку, вынуждены были противостоять римской «военной машине». Решительный момент для судьбы эллинистического мира наступил в начале II в. до н. э., когда сирийский царь Антиох III, волею судьбы, взял на себя ответственность

за мир, созданный Александром Македонским и его соратниками. Исход этой борьбы определил дальнейшую судьбу народов Восточного Средиземноморья на несколько веков вперед.

Историческая память о подобном примере масштабного политического преобразования мирового пространства несет неоценимо важную информацию для общества, вставшего на путь глобализации. Но современная международная жизнь со всей очевидностью свидетельствует, что нынешние поколения политиков и дипломатов отнюдь не склонны следовать аксиоме «*Historia est magistra vitae*» (История — учительница жизни). Человечество вновь и вновь «спотыкается» об одни и те же камни, не желая убрать их с дороги развития цивилизации, предпочитая эскалацию и военное противостояние мирной дипломатии, паритету сил и активному сотрудничеству. Это означает, что каждая нация или государство, претендующие на гегемонию и неоспоримое первенство, в конце концов, терпят фиаско. И ни развитые технологии, ни современные политические и военные доктрины не могут заменить основополагающие принципы сосуществования народов, что со своей наглядностью демонстрирует исторический опыт европейской цивилизации, начиная с античных времен.

ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ, СВИДЕТЕЛИ ВРЕМЕН, УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ

Quod non est in actis, non est in mundo
(Чего нет в документах, того нет на свете)

Судьба современного общества зависит от умения предвидеть и предотвращать угрозы мирному сосуществованию государств и народов, что невозможно без объективной оценки исторического опыта. А знания о таковом черпаются из источников столь разнообразных и многоплановых по своему характеру и сохранности, что даже неискушенный в античной истории читатель может найти среди них те «артефакты», которые удовлетворят его любопытство исследователя и позволят почувствовать себя первооткрывателем законов истории.

Жизнь античного общества, насыщенная бурными политическими событиями, войнами, яркими эпизодами проявления человеческого гения, героизма, но также и алчности, предательства и духовной слабости, так и просилась быть запечатленной мастерами ваяния, зодчества, живописи и литературы. Именно античной литературе наиболее полно удалось донести до наших дней яркий портрет эпохи.

Эллинистический период стал благодатным временем для развития историографии. Многие правители желали оставить память о своих деяниях не только в памятниках искусства, но и в литературных, и исторических произведениях. Они и сами порой выступали в роли авторов, например Птолемей I, Арат Ахейский. Эту традицию продолжили произведения писателей, политиков, дипломатов, государственных служащих, бывших современниками, а иногда и непосредственными участниками описываемых ими событий. К сожалению, большинство из них дошло до нас только в отрывочном пересказе последующих авторов: Диодора Сицилийского, Плутарха, Юстина. Между тем, любое переложение исторического труда или заимствование из него неизбежно ведет к появлению искажений, ошибок, неточностей. Поэтому, чем более удален по времени исторический труд от первоисточника, тем меньше его научная ценность, тем больше он напоминает справочное пособие, особенно это видно на примере поздних римских авторов. Как следствие, современная реконструкция исторической действительности возможна только путем преодоления недостатков источников научной критикой. Помогает в этом сравнительный анализ сохранившихся произведений античных авторов.

Особое место среди них занимают труды Арриана, Курция Руфа, Полибия, Тита Ливия, Аппиана, Юстина (Помпея Трога), Диодора Сицилийского, поскольку их сохранность позволяет довольно подробно восстановить наиболее интересные моменты истории эллинистического общества.

Арриан Флавий и Квинт Курций Руф работали над описанием похода Александра Македонского. Несмотря на то, что основное внимание они уделяли подробному описанию военных действий, в их произведениях нашлось место для характеристики фактов, свидетельствующих о формировании идеологии панэллинизма, эллинистической дипломатии и основ новой государственности.

Арриан Флавий (ок. 95–175 гг.) из Никомедии¹, состоявший на государственной службе при императоре Адриане, сенатор и консул, одно время даже наместник Каппадокии². Как видно, он был талантливым администратором, ибо удостоился афинского гражданства. Однако это не мешало ему заниматься сочинением исторических трактатов. Его рассказ о Восточном походе Александра Великого отличается вниманием к дипломатическим деталям. Хотя сам Арриан не мог быть очевидцем описываемых им событий, однако его труд дошел до нашего времени как лучшее изложение военных свершений Александра. Помимо описания военной истории, это произведение ценно, пусть и отрывочными, сведениями о политике Александра в отношении греческих городов и правителей государств, встречавшихся на пути следования его армии. В результате складывается картина трансформации его воззрений по поводу совершенного государственного устройства и управления.

О римском историке Квинте Курции Руфе (примерно вт./п. I–п./п. II вв.) сведений осталось значительно меньше. Возможно некоторое время он жил в африканских провинциях Римской империи. Он посвятил эпохе Александра Великого трактат из десяти книг, что в совокупности с трудом Арриана дает достаточно полное представление о событиях как военных, так и политических.

Но наиболее важное место среди античных источников по праву занимает греческий историк и дипломат Полибий (ок. 200–120 гг. до н. э.). Родом Полибий из города Мегалополя, расположенного в центральной области Пелопоннеса Аркадии. Его отец Ликорт был стратегом³ Ахей-

¹ Никомедия — город в Вифинии (область на северо–западе Малой Азии, преобразованная в 264 г. до н. э. в царство Никомедию, а с 74 г. до н. э. превращенная в римскую провинцию).

² Каппадокия — область в Малой Азии, с 17 г. до н. э. — римская провинция.

³ Стратег — военачальник, главнокомандующий, наделенный также некоторыми функциями управления.

ского союза. С самого детства будущий историк пребывал в гуще политических событий и был знаком со многими выдающимися людьми, о деятельности которых позже рассказал в своем сочинении.

Он и сам был непосредственным участником многих описываемых им событий в качестве политического деятеля Ахейского союза, военачальника и дипломата. Оказавшись с тысячью других знатных ахейцев заложником в Риме, он имел возможность на протяжении шестнадцати лет наблюдать жизнь римского общества «изнутри», сравнивать политический и военный опыт Рима и Греции. Сам Полибий считал, что только личные наблюдения автора могут являться основой исторического сочинения: «Невозможно описать правильно военные события, если не имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и в государственных отношениях» (Polyb. XII. 25 g). Это позволило создать произведение, в котором не просто хронологически излагаются события, но выявляются причинно-следственные связи, закономерности в судьбах государств и народов, даются яркие характеристики отдельных государственных деятелей, исторических ситуаций и даже присутствует момент морализации. Жизнеспособность и превосходство Римского государства была для Полибия очевидна. Но, несмотря на столь откровенно проримские настроения, Полибий довольно объективно оценивает уровень правовой и дипломатической культуры римлян на начальном этапе их восточной политики, подчеркивает их неопытность и неискушенность в дипломатическом этикете.

По долгу службы и выполняя дипломатические поручения, он путешествовал в разных районах Средиземноморья, совершил переход через Альпы и побывал на Черном море. Дожив до глубокой старости на родине в почете и уважении, он оставил фундаментальный труд «Всеобщая история», который имеет неоценимое значение для всех, кто интересуется вопросами политической истории, культуры и права эллинизма. Из сорока книг «Всеобщей истории» полностью дошли до нас всего пять, остальные в той или той мере сохранены в эпитомах (сокращенных изложениях). Содержащиеся в них сведения позволяют наметить общий ход событий на протяжении 53 лет, с 220 по 168 гг. до н. э., начиная с описания союзнической войны в Элладе и заканчивая римским завоеванием Македонии.

В «Римской истории от основания города» Тита Ливия международные отношения эллинистических государств освещены в той мере, в какой это необходимо для объяснения и оправдания целей политики

Рима в Восточном Средиземноморье. Ярко выраженная патриотическая позиция автора отражается в самом стиле изложения. В подробной фиксации военных мероприятий Рима откровенно прослеживается восхищение и прославление римского оружия. Сам Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) никогда не занимался политикой, посвятив себя изложению римской истории как добросовестный и патриотично настроенный ученый и писатель. Отсутствие собственного дипломатического и военного опыта компенсируется четкой идеологической программой его обширного труда, составившего 142 книги. Дипломатическая сторона происходящего, в основном передаваемая Ливием по Полибию, как бы оттеняет военные свершения римских полководцев и легионов. Тит Ливий наряду с Полибием являются наиболее авторитетными античными авторами из тех, кто освещает в своих трудах внешнюю политику эллинистических государств.

Увлекательно излагает историю политических событий александрийский историк Аппиан (ок. 100 г. — ок. 170 г.) в 24 книгах «Римской истории». Находясь на государственной службе в качестве прокуратора императорского фиска¹ в Египте, а также обладая юридическими знаниями (занимался адвокатской практикой в Риме), Аппиан со знанием дела оценивает политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье накануне создания Римской империи. XI книга его труда («Сирийские дела») посвящена как раз войне Рима с Антиохом III. Главным достоинством Аппиана можно считать его реализм, склонность к изложению сухого факта без нравоучительных сентенций, что делает его произведение похожим на хронограф.

Греческий писатель-биограф Плутарх, один из немногих авторов, сохранивший свою популярность на протяжении веков. Он родился в Греции в городе Херонее примерно в 47/48 г. Получил прекрасное образование, путешествовал по Греции, побывал в Александрии Египетской и в Риме. Его путешествия носили как познавательный, так и дипломатический характер. Подобно Полибию, он безоговорочно признавал превосходство Рима над его родной Грецией, но при этом целью своей считал служение отечеству. Плутарх приобрел богатый административный опыт, занимая различные муниципальные должности и выполняя функции жреца Аполлона в Дельфах. Его труд под названием «Сравнительные жизнеописания» содержит богатый материал по политической истории эллинистической эпохи благодаря подробному изложению

¹ Прокуратор императорского фиска — управляющий императорской казной.

биографий наиболее выдающихся политиков и полководцев: Эвмена, Деметрия Полиоркета, Пирра, Филопемена, Фламинина, Помпея.

Немало интересных фактов из военной и политической истории приводится в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия. Сын иудейского священника Иосиф родился в Иерусалиме в 37 г. Его собственная жизнь была весьма насыщена интересными событиями. Будучи высоко образованным человеком, Иосиф пытался построить карьеру в Риме при дворе императора Нерона. Ему было поручено подавить восстание против римлян в его родной Иудее. Однако он сам примкнул к восставшим, попал в плен к римлянам, но благодаря сделанному им предсказанию о будущем величии Веспасиана (основателя императорской династии Флавиев) освобожден. Имя Флавиев он и принял в последующем в знак почтения к новой императорской фамилии. Остаток жизни посвятил научным трудам, одним из которых и стали «Иудейские древности».

Картина борьбы эллинистических царей с Римом представлена в «Римской истории от времени царя Ромула до Цезаря Августа» Луция Аннея Флора (II в.), и в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, состоящей из сорока книг и охватывающей историю Греции и Рима, начиная с овеянной мифами глубокой древности, заканчивая войнами Цезаря в Галлии. По собственным рассказам Диодора, он посвятил своему труду тридцать лет, объехав Азию и Европу. Он жил во времена Юлия Цезаря и Октавиана Августа (конец I в. до н. э.), а значит был свидетелем крушения Римской республики и рождения Римской империи.

«Описание Эллады» Павсания (II в. н. э.) содержит богатый материал по греческой мифологии, описанию памятников и фактов политической истории. Примечательно, что родом Павсаний был из Малой Азии, как-раз из окрестностей горы Сипила, у которой и встретились войска Римской республики и сирийского царя Антиоха III. Его труд стал результатом скрупулезного сбора информации и собственных наблюдений во время путешествия по Греции, Италии, Аравии, Египту и, возможно, Сирии.

«Бревиарий от основания города»¹ римского историка IV в. Евтропия дает сжатый, но довольно насыщенный фактами обзор войн Рима против Македонии и Сирии. Личный административный и военный опыт писателя, служившего тайным секретарем при дворе императора Костантина и участвовавшего в военном походе против персов во время правления императора Юлиана, а также литературное изложение позво-

¹ Бревиарий — сокращенное историческое сочинение.

лили его труду оставаться популярным на протяжении веков. Евтропий, как опытный идеолог, проводит мысль, что римский народ ведет войны ради справедливости и благодаря мягкости по отношению к побежденным, выигрывает их.

Кажется, что из всей дошедшей до наших дней литературы нет произведения, не проникнутого идеей превосходства римлян над окружающими народами. Но, к счастью, сохранился уникальный материал по истории международных отношений восточно—средиземноморских держав, представленный в «Эпитоме сочинения Помпея Трога» Юстина. Эпитама означает сокращение, извлечение из труда, в данном случае, из труда Помпея Трога, который в первоначальном виде не сохранился. Сам Помпей Трог жил и творил в эпоху императора Августа. Ценность его произведению придает последовательное описание истории государств, возникших на развалинах империи Александра Македонского, вплоть до их подчинения Риму. Помпей Трог не стремился выразить проримскую позицию в освещении внешней политики эллинистических государств, что придает его труду особую ценность как объективному источнику.

Наглядно представить картину повседневной жизни эллинистических государств, их экономического развития, освоения моря, градостроительной политики помогают книги «Географии» Страбона (ок. 64—63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.). Его географические и этнографические описания стран и народов основаны на прекрасном знании античной философии, грамматики, истории. Кроме того, писатель сам много путешествовал по Средиземноморью и даже добрался до Эфиопии и Понта Эвксинского¹.

«Памятная книжица» Луция Ампелия (конец II — п/п. III вв.), — самый краткий бревиарий, содержащий исторические, географические и мифологические сведения. Фрагментарность изложения, уподобляющая бревиарий справочнику, тем не менее, имеет позитивную сторону. Так, автор, видимо, суммируя все свои знания о трех войнах Рима с Македонией, четко и сжато называет их причины. То же самое характерно для описания личных качеств эллинистических правителей. Каждый из них характеризуется всего одним, самым показательным, на взгляд автора, деянием.

Интересная информация о событиях эллинистической эпохи содержится в Библии. В Книгах Маккавейских присутствуют сведения о соперничестве и борьбе двух династий Птолемеев и Селевкидов за пограничные территории. Конечно, следует учитывать, что часть писа-

¹ Понт Эвксинский — совр. Черное море.

ния в свое время подверглась двойному переводу: с греческого на еврейский и с еврейского на греческий, что означает возможность искажений в следствии технической обработки текста. Однако эта особенность Библии не умаляет ее значения в качестве исторического источника.

Историографическая традиция в лице перечисленных авторов и произведений дает богатый материал для выводов об уровне развития политической и правовой культуры эллинистического общества, определивших темпы развития международных отношений и дипломатии. Но, к сожалению, до нас не дошло ещё слишком большое число исторических сочинений. В определенной степени этот пробел восполняется эпиграфическим материалом¹.

Многочисленные клятвы, священные договоры, начертанные на каменных стеллах (Polyb. IX. 36. 8–10; VII. 9. 1–17), решения международных судебных комиссий, религиозные посвящения, кодексы гостеприимства для послов. Эти документы сохранились в значительном количестве. Начиная с V в. до н. э. для дипломатической практики стало привычным надписывать общественные и правовые документы на долговечном материале: на камне или на металле. В наши дни изучением таких надписей, их дешифровкой, переводом, систематизацией занимается наука эпиграфика. Среди эпиграфических памятников встречаются иногда весьма уникальные, способные одновременно пролить свет на историю разных цивилизаций. Таким, например, является знаменитый «Розеттский камень».

Камень из черного базальта был обнаружен в 1799 г. во время похода Наполеона в Египет в деревне Розетта в дельте Нила французским солдатом во время рытья окопа. Надпись на камне содержала три текста на разных языках (трилингву). Нижняя надпись была сделана на греческом языке. Две другие — демотическим² и иероглифическим письмом. Сопоставление греческого текста с иероглифическим позволило французского ученому Жану Франсуа Шампольону в 1822 г. осуществить дешифровку египетских иероглифов. Так было положено начало египтологии и раскрыты многие тайны истории Древнего Египта. В то же время, содержание надписи свидетельствовало о том, что сделана она была значительно позже, в эллинистический период, когда в Египте правила греко–македонская династия Птолемеев. Надпись содержала благодарственное посвящение царю Птолемею V Эпифану от имени египетских

¹ Эпиграфика — наука о надписях, задача которой в прочтении, истолковании надписей.

² Демотическое письмо — упрощенный вид иероглифического письма (курсив).

жрецов и свидетельствовала об одном из самых напряженных политических моментов в истории царства Птолемеев, когда правящей династии и жрецам пришлось консолидировать усилия в противостоянии внешним и внутренним врагам. Многие документальные свидетельства эллинистической эпохи сохранились до нашего времени благодаря налаженному делопроизводству царских канцелярий. Успешность внешней политики государств во многом зависела от эффективности функционирования их административного аппарата. Особое внимание уделялось дипломатической переписке и официальным актам внешнеполитического содержания, требовавшим тщательной проработки и редакции.

Объективность исторической картины во многом зависит от подробного восстановления деталей. Поэтому так важно не упустить из виду все дошедшие до наших дней документальные свидетельства, хроники, жизнеописания.

История эллинизма предстает перед современными читателями в виде многоцветной картины калейдоскопа, составленной из отдельных фрагментов различных источников, упорядоченных «зеркалом» научной критики. Ученые пытаются собрать сохранившиеся свидетельства древних историков и восстановить на их основе последовательность событий, используя каждый признак, каждый элемент научного знания, затерянный в массе эпиграфического материала или других источников. Эта кропотливая работа способна значительно обогатить современные знания и представления о происхождении и закономерностях развития международного права и дипломатии.

КОРИНФСКИЙ КОНГРЕСС: РОЖДЕНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

В 338 г. до н. э. у беотийского¹ города Херонеи произошло сражение, ознаменовавшее установление македонской гегемонии над Грецией. Македонская армия под руководством царя Филиппа II нанесла поражение союзному войску коринфян, мегарцев, фиванцев и афинян. Для большинства греческих государств военная неудача обернулась банкротством демократических партий, установлением олигархических режимов и полной растерянностью в международных делах. Филипп II же действовал энергично и последовательно. Для него наконец то открывалась перспектива реализовать цели, которых он добивался военным и дипломатическим путем на протяжении двадцати лет: сделать архаичную Македонию морской державой с развитой торговлей и незыблемым авторитетом в международных делах.

Филипп II из династии Аргеадов вззошел на македонский престол в 359 г. до н. э. Больше всего о нем известно как об отце Александра Македонского (Великого). Однако Филипп II сам по себе личность выдающаяся. Он получил страну в период политической смуты и угрозы вторжения варваров. Однако несгибаемая воля, недюженные дипломатические и полководческие способности, хитрость и дальновидность позволили Филиппу достичь великолепных результатов. Несмотря на то, что в государственных делах и в судьбе монархии значительную роль продолжала играть армия, олицетворявшая весь македонский народ, Филипп сумел централизовать власть и добиться единоначалия в делах государственного управления, военного командования и внешней политики. В результате ему удалось превратить слабое государство в самое значительное на Балканах, с мощной армией, вооруженной и обученной новейшей военной тактике.

Справившись с задачей укрепления власти и внешних границ государства, царь немедленно приступил к реализации более масштабных планов, диктуемых его амбициозной, деятельной натурой. Все эти планы напрямую были связаны с Грецией. Эта соседняя страна, внутривнутриполитическую жизнь и военное искусство которой Филипп успел хорошо узнать и изучить еще в юношеском возрасте, находясь на положении заложника в Фивах, могла стать ключом, открывающим Македонии «врата» в вели-

¹ Беотия — область Центральной Греции.

кое будущее: через Грецию лежал путь к морю, а греческий флот мог обеспечить господство на его просторах. Филиппа ничуть не смущал тот факт, что греки считали македонян варварами. Для него были очевидны многочисленные слабые стороны полисного строя Греции, не способного обеспечить национальное единство и внешнюю безопасность.

Филипп, что называется, «с головой погрузился» во внутренние дела Греции, обнаружив немало поводов для легального внедрения в политическую и религиозную жизнь полисов. Прибегая то к открытым военным действиям, то к дипломатическим акциям, македонский царь пробивал дорогу к морю. И тут все средства были хороши. Когда подвернулся случай вмешаться в греческие дела под предлогом религиозного конфликта, Филипп не приминул им воспользоваться. Македонские войска приняли участие в так называемой «Священной войне» (355–346 гг. до н. э.), разгоревшейся между греческими общинами по поводу пограничных земельных участков, принадлежавших дельфийскому храму Аполлона. Фивы с союзными городами Фессалии и Локриды воевали против фокидян¹, которых поддерживали Спарта и Афины. Филипп, приняв на себя роль ревностного почитателя Аполлона, действовал решительно и даже черезчур жестоко, разбив армию фокидян, покушавшихся на священную территорию святилища, и приказав утопить в море три тысячи пленных. Как следствие агрессивная политика Филиппа спровоцировала настоящую идеологическую войну внутри греческого общества, расколовшегося на противников Македонии, которых возглавлял Демосфен, и сторонников, представленных Исократом и Эсхином. Будучи человеком высоко образованным, Филипп лично в письмах отвечал на гневные обвинения, звучавшие в публичных речах («Филиппиках») Демосфена, видевшего в политике Македонии угрозу свободе Греции. Филипп же выставлял себя поборником справедливости, мира и согласия между греками. Дипломатические дарования позволили Филиппу выйти победителем из «борьбы компроматов» и даже занять место верховного арбитра в спорах греческих государств. Далее развивая успех, македонский царь уже не ограничивал себя в средствах. Оправдываясь все той же ролью арбитра, он оккупировал македонскими войсками Среднюю Грецию. Окончательно утратившие иллюзии греки сформировали

¹ Фессалия — область на северо-востоке Греции с плодородной равниной, окруженной горами; Локрида — две небольшие области Центральной Греции: на побережье Коринфского залива и на берегу Эвбейского пролива; Фокида — область Центральной Греции, в пределах которой располагалось святилище Дельфы.

антимакедонскую коалицию в составе Коринфа, Мегар, Афин и Фив. Но военное столкновение с македонской армией и поражение при Херонее, как уже говорилось, «похоронило» их надежды на избавление от македонской «опеки». И в тот момент, когда греческие полисы готовились сдаваться на милость победителя или прилагали лихорадочные усилия к последней обороне, их неожиданно пригласили на конгресс в Коринф. Что могли чувствовать в такой ситуации греки: удивление, недоверие, возмущение от предчувствия очередного унижения? Свойственный эллинам прагматизм не позволял торжествовать иллюзиям. Но ясно было только одно: в Коринфе должна решиться судьба Греции. А возмущало больше всего то, что решение это зависело от македонян, которых греки еще совсем недавно не считали серьезными противниками.

Коринф — крупный дорийский торговый город на Истме, с именем которого связано событие, послужившее точкой отсчета в истории становления международных отношений и дипломатии эллинизма. Здесь в 338 г. до н. э. царь Филипп II и созвал представителей греческих государств на конгресс.

Термин «конгресс» неслучайно закрепился за этим историческим мероприятием. Представительность, цели, масштабность принятых решений позволяют оценивать его как всегреческое собрание, определившее дальнейшую судьбу греческих государств.

Официальной целью созыва многочисленных делегатов в Коринф послужило заключение союза греческих полисов и Македонии ради установления всеобщего мира в Элладе. Давняя мечта о мирном сосуществовании, казалось бы, имела реальный шанс на воплощение в жизнь. Но, как обычно бывает в политике, оказалось не все так просто. Филипп II, с одной стороны, путем военно-политического давления навязал грекам свою волю, с другой — «смягчил» ситуацию, придав собственным политическим целям форму воплощения на практике «греческой мечты». Такая дипломатическая комбинация удалась благодаря дальновидности царя, сделавшего ставку на право как инструмент окончательного подчинения Греции. Филипп сам поднял вопрос о преимстве прав и обязательств греческих государств, которые греки на тот момент не в состоянии были осуществлять и выполнять самостоятельно.

С правовой точки зрения, объектом преимства прав и обязательств являлась территория, применительно к которой сменялось государство. Это были Балканская и Малоазийская Греция и Македония в совокупности. Однако реализация столь масштабной задачи требовала объе-

диняющей идеи, продуманной, исторически и политически оправданной. Таковой могла стать лишь давняя мечта греков окончательно взять реванш в противостоянии с персами. Филипп II возложил на себя миссию организации грандиозного похода на Восток с целью отмщения персам за Греко–персидские войны. Греко–македонский союз предполагалось скрепить войной с общим врагом. Действительно, нет союзов более действенных и эффективных, чем военные. Военные цели позволяют максимально мобилизовать весь политический и экономический потенциал участников объединения. Именно к такому сплочению сил под контролем Македонии и стремился Филипп II.

Так Македония выступила правопреемницей политических обязательств Балканской Греции по отношению к малоазийским грекам и всему греческому миру вообще. Можно считать этот дипломатический шаг первым на пути поглощения Македонией суверенитета греческих государств. Однако Филипп II, всегда умевший трезво оценивать политическую ситуацию, сумел скрыть свои истинные цели, предоставив грекам возможность «добровольной» консолидации в рамках политического объединения, отличительной особенностью которого должно было стать признание македонской гегемонии.

Македонский царь рассчитывал на то, что общественное мнение афинян уже подготовлено к восприятию идеи объединения греков и общей войны против варваров. Значительную роль в этом сыграла деятельность и ораторское искусство Исократы, который в письмах убеждал Филиппа II положить конец безумию и амбициям, которые портят взаимоотношения между греками, примирить их, привести к согласию и объявить войну Персии.

Создавалась видимость своеобразного дипломатического диалога: с одной стороны греки, с другой — македонский царь. Македонские цари не были абсолютными монархами, это была монархия, ограниченная традицией. В международных отношениях они представляли Македонское государство, однако были ограничены в своих решениях контролем граждан. Филипп же первым из македонских царей попытался создать свое персональное государство путем распространения влияния Македонии на соседние страны. Его тактика на пути к достижению этой цели отличалась выверенностью и дипломатичностью. Он предложил побежденным грекам политический диалог «на равных», что также стало новым шагом в международных отношениях. Надо отдать ему должное: он сумел мобилизовать весь ресурс мирной дипломатии для того, чтобы заставить греков консолидировать усилия для реализа-

ции, собственно, его целей. Самым оперативным средством многосторонней дипломатии, позволявшим апеллировать сразу ко всем предполагаемым участникам межгосударственного взаимодействия, уже в античную эпоху был созыв их на совет. Коринфский конгресс функционировал тринадцать лет и оказался самым знаменитым из древних межгосударственных советов. Политические реалии вынудили греков не просто «сесть за стол переговоров» с теми, кого ранее считали варварами, но согласиться сделать это в тех организационных рамках, которые были свойственны высокоразвитой античной культуре, а в данный момент оказались предложены македонской стороной. Организационная форма конгресса позволила Филиппу как нельзя лучше совместить необходимый для такого собрания принцип коллегиальности и реализацию собственных целей.

Решения конгресса, оформленные договором, носили межгосударственный характер, а значит, налицо пример древнейшей формы многосторонней дипломатии. Это почти всегреческое собрание признало силу закона за волей гегемона, то есть, македонского царя.

Юстин говорит, что Филипп приказал созвать в Коринф представителей от всех государств для того, чтобы установить определенный порядок при сложившемся положении вещей. Здесь Филипп определил условия мира для всей Греции сообразно с заслугами отдельных государств и образовал из всех их общий совет, как бы единый сенат (Just. IX. 5. 1–2).

Союз должен был объединить почти все материковые государства к югу от Олимпа и многие островные. Содержание обязательств, включенных в договор, указывает на четко выраженную внешнеполитическую направленность объединения. Его участники обязаны были соблюдать всеобщий мир, нарушение которого влекло применение санкций. Кроме того, одной из задач предусматривалась совместная борьба с разбойниками и пиратами. А это можно расценивать как попытку обеспечения международного правопорядка. Правда, правопорядок гарантировался гегемонией Македонии.

Если представители государств созываются на собрание царским эдиктом — это означает только одно: эти государства уже не рассматриваются в качестве самостоятельных участников международных отношений, их суверенитет не признается! Недаром Спарта, которая еще имела силы противостоять воле македонского царя, отнеслась с презрением к его установлениям, считая рабством тот мир, о котором не сами государства договорились, а который дарован победите-

лем (Just. IX. 5. 3). Спарта будет упорствовать и позже, когда после смерти Филиппа II его сын Александр обратится с просьбой к эллинам вручить ему командование походом против Персов, которое они ранее уже предоставили Филиппу. Спартанцы опять ответят, что им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями (Arr. Anab. I. 1.1–2).

Но в целом попытка Филиппа использовать хорошо известные грекам инструменты дипломатии для оформления совершенно не свойственных греческому миру отношений вполне удалась. Этим политическим экспериментом были заложены основы изощренной эллинистической дипломатии, постоянно балансировавшей на грани полисных традиций и идеи универсальности монархии. Политика Филиппа II заложила те принципы взаимоотношений внутри объединения государств, которые в последующем позволили Александру Великому и его преемникам сформировать идеологию новой государственности.

Неравный характер договора для Македонии и ее союзников наиболее явно проявился в изменениях внутреннего устройства греческих государств. Филипп II обеспечил запрет неприемлемых для себя политических учреждений и передачу власти в греческих государствах в руки своих ставленников, преданность которых должна была быть подкреплена притоком азиатских богатств в случае успешного похода против персов. Объявление всеобщей войны Персии декларировалось как искреннее стремление всех членов союза. На самом же деле это было воплощение в жизнь замыслов Филиппа и идей Исократы.

Клятва, сопровождавшая договор, гласила: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Посейдоном, Афиной, Аресом, всеми богами и богинями. Я сохраняю верность... и не нарушу договора... и не пушу в ход оружия с целью причинить обиду кому-либо из сохраняющих верность в клятвах ни на земле, ни на море. Я не захвачу ради войны ни город, ни крепость, ни гавани ни у кого из тех, кто состоит в мирном договоре, никакой уловкой или ухищрением. Я не буду подрывать царскую власть Филиппа и его потомков и государственное устройство, существующее у каждого в тот момент, когда приносились клятвы о мире. И сам ничего не совершу противоречащее этому договору, и никому другому не позволю этого по мере сил. Если же кто-нибудь совершит что-либо, нарушающее этот договор, я приду на помощь тому, кому будет причинен вред, как только они попросят, и буду воевать с теми, кто нарушит всеобщий мир в соответствии

с тем, как кажется целесообразным союзному совету и как прикажет гегемон...»¹.

Внешне соотношение союзного совета (Синедриона) и гегемона было оформлено как мирный союз, в котором каждая сторона выполняет строго определенные функции. Гегемон должен был отвечать в случае необходимости за военную мобилизацию федералов. Однако самому Филиппу должность гегемона необходима была главным образом для юридического закрепления господствующего положения над греками, фактически полученного им в результате военной победы при Херонее.

Естественно, нельзя проводить сравнение между нормами античного и современного права. Но попытка македонского царя урегулировать отношения с внешнеполитическими партнерами посредством договора, превращающего последних фактически в подданных, не может расцениваться иначе, как принудительное учреждение нового государственного образования.

Как правопреемник греческих государств в сфере реализации военно-политических задач Филипп II мог претендовать на роль верховного главнокомандующего с широким объемом полномочий, диктуемым необходимостью руководства общими вооруженными силами. Остальные участники обязаны были поставлять военные контингенты, определенные договором. Филипп оказался избранным на должность стратега-автократора, что вполне соответствует статусу гегемона.

Таким образом, выверенная политическая позиция Филиппа II позволила ему обеспечить собственную армию весьма эффективными военными формированиями. В этом проявилась политическая прозорливость царя, и была намечена будущая стратегия всех эллинистических монархов, нацеленная на установление контроля над территориями, способными снабдить их ценными наемниками.

Коринф, славившийся роскошью и потому не каждому доступный город, к тому же, известный опасной гаванью, вошел в поговорку: «Non cuivis homini contingit adire Corinthum» («Не всякому человеку удастся попасть в Коринф»). Даже римляне не смогли найти мирный путь в его стены. В 146 г. до н. э. город был разрушен римскими войсками. Однако культурная традиция римского народа сполна отдала дань уважения

¹ Текст клятвы, данной членами Лиги в 337 г. до н.э., сохранившийся во фрагментах надписи, найденной на Акрополе в Афинах, см.: Philip of Macedon / Ed. By M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. Athens. 1980. P. 128.

городу, олицетворявшему собой богатство, силу и союзную волю греческого мира.

«Людам, однако, не всем удастся достигнуть Коринфа.

Сел, кто боялся того, что ему не дойти; пусть сидит он.

Что же? А тот, кто достиг, как муж поступил он? Конечно.

(Гораций «Послания», I, 17, 36–38. Пер. Н. Гинцбурга)

Эти слова Горация вполне можно отнести к Филиппу II, ибо он не только достиг Коринфа, но и заставил его служить своим интересам.

Филипп II Македонский

МОНАРХИЯ: ФОРМУЛА ВЛАСТИ

Право на царство

Главными действующими лицами на политической арене эллинистического мира, бесспорно, были цари. Антигониды, Селевкиды, Птолемеи, Атталиды — вот династии, давшие свои имена крупнейшим государствам эпохи. Эллинистические монархии имели единые корни происхождения, а их становление происходило примерно по одному и тому же «сценарию». Все основатели династий вышли из ближайшего окружения Александра Македонского, были его друзьями и полководцами.

Почему же именно монархия оказалась наиболее распространенной формой правления в эллинистическом мире? Ведь для большинства греков привычной была республика. Даже македонская монархия, несмотря на отсутствие признаков абсолютизма, не имела в глазах греков ни малейшей привлекательности. В представлении эллинов, только варварские народы управляются монархами. Филиппу II Македонскому, а затем и самому Александру стоило больших усилий совместить греческую и македонскую политические традиции. Последовавшее затем завоевание Египта и Азии разорвало границы греческого мира. Расширившаяся среда обитания греков, территориальный размах новых государств не предполагали организации и управления посредством республиканских учреждений и магистратур. Македонский вариант монархии, скованной условностями клановой, военной демократии, также не мог удовлетворять потребностям нового государственного организма. Оставался один путь — создание нового типа монархии, совмещавшего самые эффективные институты и механизмы управления, выработанные многовековым опытом государственного строительства эллинов, македонян и азиатских народов. Путь, по которому пошел Александр, преодолевая непонимание и открытое сопротивление все с тех же трех сторон: со стороны греков, македонян и восточных народов, в конце концов, привел античный мир к новой форме монархии — эллинистической, воплотившей в себе уникальнейший сплав социально-политического опыта, культуры и религии многочисленных народов.

Александр последовательно выстраивал стратегию укрепления власти как над побежденными, так и над своим греко-македонским окружением. Монументальность его политической фигуры делала такую задачу вполне решаемой. В его личности совместились идеалы

непобедимого полководца и мудрого правителя, стремившегося не столько покорять, сколько объединять народы под своей властью.

Однако первоначально не всем сподвижникам его дальновидная политика казалась приемлемой. Македонская аристократия цеплялась за свои родовые привилегии, ставившие её на один уровень с царем. А греческая элита никак не могла отрешиться от демократических принципов, составлявших основные устои ее жизни. И те и другие не желали делить пьедестал власти с азиатами и египтянами. Отсюда происходили попытки противостояния политике молодого царя, выливавшиеся в многочисленные заговоры среди его ближайшего окружения, и в откровенное роптание армии (Арг. Анаб. IV. 8–14). Тем не менее, идея единовластия была настолько привлекательна, что никакие архаические или полисные идеалы оказались не способны преодолеть её. И после смерти Александра ни у кого из его приближенных не возникло мысли вернуться к прежним устоям политической жизни. Они видели перед собой лишь одну цель: поделить наследство великого полководца, не нарушая его основной политико–правовой базы, которой являлась монархическая форма правления.

После внезапной смерти Александра в 323 г. до н. э. в Вавилоне судьба империи оказалась в руках военной верхушки, раздираемой взаимным недоверием, неумеренными амбициями, жадностью. В таких условиях любые попытки сохранить целостность огромного государства были обречены на провал. По легенде, сам царь, умирая, как бы подал сигнал к началу соперничества приближенных, ответив на вопрос о том, кого он назначает наследником своей державы одним словом: «достойнейшего». В последний момент Александр, якобы, снял с руки свой перстень и передал его одному из своих военачальников Пердикке, как бы чувствуя, на кого можно положиться (Just. XII. 15).

Действительно Пердикка, назначенный регентом на время междоусобицы, оказался единственным из всех соратников Александра, кто искренне считал своим долгом сохранить единство государства. Но и он не во всем следовал линии Александра. Его политику можно охарактеризовать как реакционную, так как она была направлена на возврат к позициям доминирования в государстве греко–македонян над азиатами и египтянами.

Пердикка убедил собрание македонской армии в Вавилоне в целесообразности выполнения последних планов Александра, изложенных в специальной записке, оказавшейся после смерти царя в архиве. Планы сводились к подчинению Западного Средиземноморья в ходе

военной экспедиции вдоль северного африканского побережья к Гибралтару, оттуда в Испанию, южную Галлию и Италию. Несмотря на фантастичность проекта, он был вполне реализуем в случае, если бы царь был жив. Суть плана была очевидна: создание мирового государства с единым народом и единым законом в лице монарха.

Был ли поступок Пердикки отступлением от общей стратегии Александра? Конечно, нет. Опытный полководец и политик понимал, что на тот момент выбор был небольшой: или сохранить то, что уже достигнуто, или потерять все. Однако с гибелью Пердикки в 321 г. до н. э. во время военного похода против захватившего Египет Птолемея Лага попытка сохранить единство империи провалилась окончательно. В результате последовавшей за этим жестокой борьбы за власть между военачальниками и друзьями Александра македонская династия Аргеадов, несмотря на авторитет умершего царя в армейской среде, была почти полностью истреблена. Та же участь в ходе сорокалетней упорной борьбы за его наследство постигла и многих соратников Александра.

В истории античной государственности наступил новый этап: на обломках империи, созданной военным гением Александра Великого, появились самостоятельные эллинистические государства, доставшиеся как военные трофеи наиболее удачливым и энергичным полководцам (диадокхам). Птолемей Лаг обосновался в Египте; Антигон Одноглазый в Сирии и Малой Азии; Селевк — в Вавилоне и далее на Востоке; Лисимах — во Фракии; Касандр — в Македонии. В последующем нескончаемые войны, соперничество в попытках овладеть наиболее политически значимыми и богатыми территориями привели к новым «переделам собственности». И, хотя, не всем из новоявленных властителей удалось сохранить власть и собственную жизнь, победившие в кровавой борьбе диადохи и их наследники (эпигоны) основали новые династии, по имени которых и получили название крупнейшие государства, определявшие «политический климат» Восточного Средиземноморья последующие два столетия: Египет Птолемеев, государство Селевкидов (от Сирии до границ Индии), Македония Антигонидов, Пергам Атталидов.

Несмотря на отсутствие до определенного времени царских регалий, диадохи правили своими государствами на положении монархов. Первыми царский титул приняли Антигониды. Победа над Птолемеем в морском сражении за Кипр, одержанная Деметрием Полиоркетом, позволила его отцу Антигону Одноглазому овладеть всей восточной частью Средиземного моря. Он счел это достаточным поводом для принятия царского титула, который одновременно распространялся и на

его сына и сорегента Деметрия. Аппиан так объясняет основания избрания Антигонидов на царство: «...Антигон оттеснил Птолемея и в знаменитой морской битве около Кипра одержал блестящую победу; главнокомандующим в этом сражении был его сын Деметрий. При таком блестящем положении дел войско провозгласило их обоих — Антигона и Деметрия — царями, тем более, что цари: Филипп, Арридей, Олимпиада и сыновья Александра были уже мертвы» (App. XI. 54).

В Македонии один из древнейших принципов наделения властью через волеизъявление народа, то есть войскового собрания, сохранял весьма устойчивые позиции и в период эллинизма, после прекращения династии Аргеадов. Надо полагать, что право армии решать судьбу престола действовало как правовосполняющий фактор в случае прекращения законной династии или при иных экстраординарных условиях. Таким образом было узаконено восшествие на престол новой династии Антигонидов.

Политические оппоненты Антигонидов Кассандр и Лисимах также приняли царские титулы примерно в 305 г. до н. э., демонстрируя тем самым, что они рассматривают себя неограниченными владельцами своих территорий.

Плутарх с определенной долей сарказма комментирует этот политический «конвейер»: «Затем народ в первый раз провозгласил Антигона и Деметрия царями. На голову Антигона немедленно надели диадему его приближенные. Деметрию же прислал ее отец вместе с письмом, где дал ему титул царя. Когда об этом узнали египтяне, они, в свою очередь, провозгласили царем Птолемея, чтобы не казаться павшими духом вследствие проигранного сражения. Таким образом, диадохи Александра подражали в этом случае один другому из зависти: диадему стали носить Лисимах и Селевк в сношениях с греками — в своих отношениях с иностранцами он еще раньше поступал как царь» (Plut. Dem. XVIII). Причина провозглашения царем Птолемея особенно знаменательна. Аппиан прямо подчеркивает, что Птолемея его собственное войско провозгласило царем, чтобы, вследствие поражения, он ни в чем не был унижен сравнительно со своими победителями (App. XI. 54). Это может означать только одно: акт наделения царским титулом не обязательно должен следовать за крупной победой. Важно, что такое право признает за своим полководцем его войско. К тому же последовательность событий подтверждает, что, право на территорию, полученное в результате военной победы, далеко не всегда совпадало по времени с приобретением права на царский титул. Тот же Птолемей Лаг задолго до коронации в полном объеме обладал царской властью на основании «права

победителя» в борьбе за Египет. Его царство было завоевано копьем (*chora doriktetos*). Таким образом, «право войны» являло собой весьма эффективный инструмент, которым различные политические группировки манипулировали в собственных интересах.

Далее началась упорная, нескончаемая борьба бывших соратников за расширение пределов своих владений. Селевк I, по словам Аппиана, отвоевал Мидию, убив собственноручно в битве Никанора, назначенного Антигоном Одноглазым сатрапом Мидии. Когда же сам Антигон пал в битве при городе Ипсе¹, то победившие его цари, Селевк, Лисимах и Касандр, принялись делить между собою его землю. Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Евфрату, и внутреннюю Фригию² (App. XI. 55). Но царский титул он принял только после того как повторил военный поход Александра Великого с целью закрепления власти греко-македонян в Азии.

На фоне общей практики формирования эллинистической государственности особняком стоит пример создания царства Атталидов. Решающую роль в обретении власти этой династией сыграл финансовый фактор. Страбон сообщает, что Пергам был сокровищницей Лисимаха, сына Агафокла, одного из преемников Александра. Охрана этой крепости и сокровищ (которые составляли сумму до 9000 талантов³) была вверена Филетеру из Тиея. Филетер оставался некоторое время верным Лисимаху; но впоследствии, поссорившись с Арсиноей, женой Лисимаха, которая клеветала на него, склонил Пергам к восстанию и управлял им, пользуясь обстоятельствами момента, так как он видел, что город готов к отделению. В течение двадцати лет он продолжал оставаться властителем крепости и сокровищ (Strab. XIII. IV. 1). Можно сказать, что это была власть, «купленная» у пергамского общества на деньги, украденные Филетером у Лисимаха.

Филетер не участвовал непосредственно в главном дележе власти и территорий. Он оказался успешным сепаратистом, «отколовшим» территорию Пергама от владений Лисимаха, занятого другими масштабными политическими планами и кампаниями, и не успевшего своевременно должным образом отреагировать на провокацию вассала. Своеобразие положения первых правителей Пергама в когорте «наследников» Александра определялось их финансовой независимостью.

¹ Ипс — Город во Фригии (Малая Азия).

² Фригия — область в центральной части Малой Азии.

³ Талант — крупная денежно-счетная единица, в Аттике равнялась 26,2 кг. серебра или 6000 серебрянных драхм.

Казна Лисимаха оказалась источником политической самостоятельности Пергама. Налицо роль экономических факторов в государственном строительстве. Оказалось, что не только место при дворе Александра и авторитет в войсковой среде открывают путь к власти, но и, как ни банально это звучит, деньги. Именно деньги на протяжении всей эпохи эллинизма позволяли пергамским правителям сохранять самостоятельную политическую позицию, влияние в античном мире и возможность лавировать между крупнейшими государствами.

Конечно, Атталиды старались демонстрировать приверженность уже сложившимся традициям легитимизации власти. Так, лишь третий по счету пергамский правитель Аттал I решился принять царский титул, и что важно, после знаменательной не только для собственного государства, но для всего греческого мира победы над галатами¹. О том, что эта победа имела широкий общественный резонанс, свидетельствуют сообщения о ней у наиболее авторитетных античных авторов Полибия и Страбона, а также строительство в честь неё по приказу Аттала I знаменитого Пергамского алтаря, посвященного Зевсу. Аттал, как говорится в источниках, начал с победы в сражении над галатами, в то время сильнейшим и воинственнейшим народом в Азии, и тогда впервые провозгласил себя царем (Polyb. XVIII. 41. 7; Strab. XIII. IV. 2).

Так Аттала I, самый авторитетный из пергамских царей, умело используя свои финансовые преимущества и проявив военную доблесть окончательно укрепил власть над Пергамом за царским домом Атталидов. Полибий восклицает: «...нельзя не восхищаться величием души Аттала, который употребил свои богатства на одно, на приобретение царской власти, — благо, выше и прекраснее которого нельзя назвать ничего. Начало достижения этой цели положено было не одними щедротами и милостями друзьям, но и военными подвигами» (Polyb. XVIII. 41. 5–6).

Значение финансов как фактора укрепления власти тем более важно, что военная удача во все века и времена весьма переменчива и потому также легко лишает власти, как и наделяет ею. Солдаты Деметрия Полиоркета покинули его, будучи окруженные у подножия Амана войсками Селевка, и признали последнего своим царем (Plut. Dem. XLIX). Для них право царствовать перешло от неудачливого полководца к счастливому. Такая ситуация была достаточно типичной для эллинистической эпохи. Жизнь в мире войны и воинов предполагает зыбкость альянсов,

¹ Галаты (галлы) — кельтские племена, в п./п. III в. до н. э. осевшие на центральном плоскогорье Малой Азии и создавшие собственное государство Галатию

непостоянство союзников. Умение править измерялось умением воевать. Недаром большинство эллинистических царей закончили свою жизнь на поле брани.

Однако легко перепутать роль и значение войны и ее непосредственного орудия, армии, в утверждении власти монархов. Армия выступала и как инструмент обретения желанной победы, и как олицетворение воли народа, то есть как рудимент родовой демократии. Последнее в первую очередь касается Македонии, для которой характерно было сохранение обычаев, предоставлявших армии законодательные полномочия. Этим объясняется та осторожность, с которой царям приходилось маневрировать в сложных политических ситуациях, затрагивавших интересы армии. Ко времени правления Филиппа V относится неприятный для царского дома инцидент: среди царских пелтастов¹ был спровоцирован мятеж, в результате чего оказались ограблены жилища царских друзей, выломаны двери в царском дворце и сломана черепичная крыша. Тем не менее, Филиппу V пришлось сделать вид, что он уступает требованиям армии, то есть царь не решился на открытые репрессии (Polyb. V. 25). Затем пелтасты отправили к нему посольство с просьбой не производить следствия по предмету обвинения в их отсутствии, иначе все они сочтут себя обиженными и оскорбленными. Как подчеркивает Полибий, такой свободой речи пользовались македоняне со своими царями (Polyb. V. 27. 5–8).

Возможно, тесная связь монархии с армией и усложняла в определенной степени жизнь царям, но одновременно служила гарантией устойчивости их власти. Македонские цари не были озабочены проблемой контроля за наемным войском и азиатским населением. Однако по этой же причине из всех эллинистических государств именно в Македонии наблюдался некоторый застой в развитии государственных и правовых институтов. Масштабность преобразований Александра Великого, как ни странно, почти не коснулась его родного государства, как будто все, чего он добивался, было неким экспериментом, пригодным для апробации на других странах и народах. Как обычно бывает в подобных случаях, успешный эксперимент привел к ускорению развития именно тех регионов, на которые он распространялся непосредственно. Сама же Македония еще оставалась негласно признанным всем эллинистическим обществом заповедником древних устоев и обычного права. Наряду с Грецией она выполняла функцию метрополии. Македонское

¹ Пелтасты — легковооруженные пехотинцы с кожаными щитами, длинными мечами, метательными копьями и дротиками.

войско, оно же — народное собрание, в случае необходимости выбирало царей, назначало регентов и опекунов для признанных им наследников, выносило приговоры по делам о государственной измене.

Правда, внешняя политика определялась все-таки царями. Войско не имело никакого голоса в этой сфере государственной жизни и если и вмешивалось в политический процесс, то только посредством мятежа, что иной раз и случалось. Именно цари в сфере внешней политики были главными творцами права и политического курса. При этом внешне все выглядело так, как будто царь осуществлял лишь представительские функции на международной арене, выступая от имени всего македонского народа. Это неизбежно вело к двойственности характера власти, поскольку в роли законодателя выступал македонский народ, и в то же время царь в межгосударственных отношениях руководствовался собственными соображениями и выражал их собственными актами и действиями. Суть такого «двоевластия» вполне отражает официальная формула, использовавшаяся в документах Антигона Досона: «царь Антигон и македоняне».

Что касается Сирии и Египта, здесь роль армии в жизни династии хотя и имела большое значение, особенно на начальном этапе, однако со временем сошла на нет.

Для Египта проблема национального состава армии была особенно острой. Пребывая в постоянном военном соперничестве с Селевкидами за пограничную область Келесирию¹, они вынуждены были недостаток опытных греко-македонских воинов в армии восполнять мобилизацией местного египетского населения. Птолемею IV, решившемуся выдать оружие двадцати тысячам египтян, удалось благодаря этому одержать победу над Антиохом III при Рафии². Однако триумф над Селевкидами обернулся масштабным восстанием внутри Египта, длившимся с 208 по 186 гг. до н. э. Египетские отряды, принесшие Птолемею победу, повернули оружие против власти греко-македонян.

В истории государства Селевкидов примеров, свидетельствующих о роли армии в законодательном оформлении монархии, не так много. Во время правления основателя государства Селевка I имел место весьма интересный исторический эпизод, превратившийся со временем в красивую легенду. Царь, узнав о любви старшего сына Антиоха к мачехе, развелся с собственной женой. Вторым шагом он намеревался

¹ Келесирия — Южная Сирия и Палестина.

² Рафия — прибрежный город в Южной Палестине.

выдать ее за Антиоха, но поскольку тот являлся законным наследником, то подобный акт не мог носить исключительно семейного характера. По старой македонской традиции Селевк I собрал войско и изложил перед ним суть дела. Упор в речи, если судить по Аппиану, был сделан именно на принципах преемственности, наследственности власти: «...самыми любимыми для меня и достойными власти являются из всех моих детей старший сын и жена. У них, так как они молоды, могут быть скоро и дети, и для вас будет больше хранителей государства. Поэтому на ваших глазах я сочетаю их между собою и посылаю быть царями народов, находящихся в глубине страны. Этим я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: "всегда справедливо то, что постановлено царем"» (App. Syg. 61).

В судьбе династии Селевкидов подобную роль армия сыграла, по крайней мере, еще один раз. После смерти Селевка III именно решением армии был призван из Вавилона на царство его брат Антиох III. Однако для истории государства Селевкидов эти примеры оказались исключениями.

Антиох III: в начале пути

Один из наиболее напряженных, даже драматичных, периодов в истории эллинистического мира начинается со времени смены поколения царей в ведущих государствах. На престол почти одновременно взошли молодые монархи: в Сирии — Антиох III (в 223 г. до н. э.), в Македонии — Филипп V (в 221 г. до н. э.), в Египте — Птолемей IV Филопатор (в 221 г. до н. э.) (Just. XXIX. 1. 1–5).

Филипп V — поначалу мягкий и воздержанный молодой человек, внешне приятный подавал большие надежды своим подданным на плодотворное и гуманное правление. Однако весьма скоро, по словам Плутарха, он превратился в кровожадного тирана, лишённого моральных устоев (Plut. Arat. LII). Жестокость его характера пришлось испытать на себе и соседним с Македонией народам и ближайшему окружению царя. Наступят времена, когда, алчно цепляясь за власть, Филипп прикажет отравить стратега Ахейского союза Арата и не остановится даже перед убийством собственного сына Деметрия. К концу своего правления без союзников среди других монархов и без искренних друзей он один окажется перед лицом грозного врага, Римской республики. И римский полководец Тит Фламинин скажет

ему: «...ты сам сделал себя одиноким, приказав казнить своих друзей и родных» (Plut. Tit. XVII).

Птолемей IV остался в памяти подданный как весьма синтентальный человек, о чем свидетельствует и его прозвище Филопатор (Отцелюбивый). Больше интересуясь искусством, чем администрированием, он доверил бразды правления своему министру Сосибью, лукавому, коварному и при этом весьма деятельному, предприимчивому царедворцу.

На фоне своих сверстников Антиох III выглядит как «золотая середина». Умеренный в привычках, энергичный в делах правления, обладавший незаурядными полководческими способностями, образованный и дипломатичный, отличающийся внешней привлекательностью, он во многом сохранил эти качества до конца жизни. И хотя к концу правления нашлось немало оппонентов, обвинявших его в вялости, излишней амбициозности, потере реализма и даже в пьянстве и легкомыслии, он оказался единственным из «эпигонов», кто удостоился от своих подданных почетного имени «Великий», подобно Александру Македонскому.

К моменту вступления на престол Антиоха государство переживало не лучшие времена. Авторитет династии Селевкидов весьма пошатнулся в результате внутрисемейных распрей и интриг. Так, отцу Антиоха Селевку II Каллинику пришлось вести борьбу с собственным братом Антиохом Гиекарсом, обосновавшимся в Малой Азии и превратившимся в самостоятельного правителя. Результатом этого стала потеря династией всех территорий от Тавра¹ (Just. XXII. 2–3; XXVII. 2. 6–12).

Антиоха не готовили к царствованию. Ему как младшему сыну были отданы в управление «верхние» сатрапии² (Polyb. V. 40. 5). Однако после гибели брата Селевка III во время похода в Малую Азию (Polyb. IV. 48. 8–9) Антиох принял власть и сразу же столкнулся с теми проблемами, которые накопились при его предшественниках и остались неразрешенными.

Из нового поколения царей в наиболее выгодном положении на тот момент находился Птолемей IV. Благодаря умелой политике, его предшественники к концу III в. до н. э. сумели обеспечить себе господствующее положение над морскими путями всего Восточного Средиземноморья, включая Эгейское море. Под контролем или в прямом владении египетских монархов находился ряд важных районов, которые в качес-

¹ Тавр — горный хребет на юге Малой Азии.

² Верхние сатрапии — традиционное название для Бактрии, Согдианы и других сатрапий Центральной Азии.

тве опорных пунктов обеспечивали функционирование торговых коммуникаций. Это были Киренаика, остров Кипр, Милет на побережье Малой Азии, Ликия и Памфилия в южной Анатолии, остров Самос. Кроме того, египетское влияние распространялось на Киклады, отдельные крепости в Аттике и в районе проливов, ведущих в Черное море, торговые города Финикийского побережья Тир, Сидон, Берит. Целую провинцию образовала Келесирия, через которую шли важные торговые пути. Однако претендовать на гегемонию в эллинистическом мире Египет не мог в силу своей территориальной удаленности от исконных центров эллинской цивилизации. К началу царствования Птолемея IV государство достигло своего наивысшего могущества и расцвета, превзойти которые в последующем оказалось уже не в состоянии.

Что касается Македонии, то именно она стала наиболее явным конкурентом Селевкидов. Македония, как никакое другое государство, имела непосредственное влияние в Греции. Территории, не попавшие под диктат Этолийского или Ахейского союзов, оказались в руках Антигонидов. Следующей задачей этой династии на пути расширения сферы влияния было вытеснение Птолемеев из бассейна Эгейского моря, что сулило помимо политических прямые материальные дивиденды, чего не могла дать разоренная войнами Греция. Наконец, македонские правители пытались проникнуть в бассейн Адриатики, но столкнулись здесь со столь же амбициозными претензиями Римской республики.

Районами наибольшей внешнеполитической активности и противостояния Селевкидов и Антигонидов оказались Балканская Греция, Эгейское море, а также Малая Азия. Не имея возможности реализовать свои гегемонистские планы, поскольку ни внутреннее положение, ни ресурсы обеих сторон к концу III в. до н. э. не позволяли этого, конкуренты вынуждены были временно решать внешнеполитические задачи, не сталкиваясь в спорных регионах.

При такой расстановке сил единственным соседом, за счет которого Селевкиды могли надеяться поправить свои дела, оставался Египет. Отношения между государствами Селевкидов и Птолемеев определялись многолетней борьбой за контроль над малоазийским торговым побережьем и над Келесирией. Последняя имела важное стратегическое и экономическое значение. За всю эпоху эллинизма были известны и широко эксплуатировались три торговых пути, соединявших восточное побережье Средиземного моря со Средней Азией и Индией. Один из этих маршрутов имел непосредственное отношение к оспариваемым двумя династиями территориям. Он пролегал от долины Инда через

перевалы Пешавара до Александрии Маргианы, к портам Каспийского моря, затем до Экбатан и в Селевкию на Тигре. Далее шло разветвление: из Селевкии в Александрию Харакс, через Дамаск или Пальмиру в порты Финикии или до Антиохии на Оронте, через Тарс и Апамею (во Фригии) и, наконец, к Эфесу. Протекторат Птолемеев над Эфесом и Келесирией лишал Селевкидов контроля над ключевыми позициями торговых коммуникаций, основная протяженность которых приходилась на их внутренние владения. Столица Селевкидов Антиохия на Оронте была крупным центром международной коммерции. Этот статус подкреплялся наличием при ней собственного порта, Селевкии в Пиери. Но и последняя была утрачена Селевкидами и перешла к Птолемею Эвергету примерно в 246 г. до н. э. (Polyb. V. 58. 9).

Антиоху требовалось время и совет приближенных, чтобы разобраться в обстановке, поэтому первые политические шаги государя определялись во многом его окружением, главную роль среди которого играл кариец Гермий (Polyb. V. 41. 2–4). Его положение при дворе можно характеризовать как должность премьер–министра. Гермий последовательно доказывал необходимость возвращения Келесирии, что означало очередную войну с Птолемеями. В случае реализации планов своего советника царь вынужден был бы оставить без личной опеки владения в Малой Азии.

Понимая, что невозможно осуществлять единолично контроль над всеми регионами, Антиох сразу после вступления на престол в наиболее важные из них назначил своих приближенных, наделив их довольно широкими полномочиями. Так, двоюродному брату Ахею, и ранее управлявшему владениями Селевкидов в Малой Азии, он предоставил право самостоятельно определять отношения с соседними государствами и разрешать возникающие на границе эксцессы (Polyb. IV. 48. 5). Поэтому Ахею пришлось проявлять инициативу в возвращении всех захваченных до 223 г. до н. э. Атталом I Пергамским территорий.

Назначенные в Мидию Молон и в Персиду Александр также оказались правителями пограничных сатрапий, так как все земли к востоку от Мидии, Сузианы, Персиды и Кармании к тому времени уже нельзя было считать селевкидскими (Polyb. IV. 40. 7).

Антиох, оставив за сатрапами заботу защищать интересы династии в Анатолии, Мидии и Персиде, обратился к подготовке похода против Египта. Он должен был стать первым крупномасштабным мероприятием молодого царя. В соответствии с планом Гермия предполагалось, что Антиох сам возглавит военную кампанию.

Оборона Египта к тому времени находилась не в лучшем состоянии. Птолемей III довел свою армию до полного упадка. Вероятно, именно видимая слабость Птолемея III, а затем и Птолемея IV (Polyb. V. 34) стимулировала правительство Антиоха подкрепить претензии на Южную Сирию военными действиями. Однако даже в этот неблагоприятный для себя период Птолемеи находились в более выгодном положении, чем Селевкиды. Благодаря территориальной компактности их государства внешнеполитические проблемы не носили столь угрожающего для существования страны характера, как у соседа. К тому же, Антиоху с самого начала не везло. Организация похода была осложнена внутренними неурядицами. Примерно летом 222 г. до н. э. началось восстание в Мидии и Персиде. Как сообщает Полибий, Молон и Александр пренебрегли авторитетом молодого царя, а также, стремясь избавиться от опеки коварного Гермия, задумали отделиться от Селевкидов (Polyb. V. 41. 1–2).

Особую опасность представляло собой стремление Милона привлечь к восстанию греко–македонских колонистов, поселения которых являлись опорой власти Селевкидов в Азии. В свою очередь, Селевкиды для колонистов, окруженных со всех сторон азиатским населением, были чем–то вроде оплота эллинизма. Теперь же авторитет династии оказался под угрозой. Слишком близко к центру империи подошла волна сепаратизма. Сама логика событий подсказывала необходимость незамедлительных ответных мер. Однако на совете, созванном по поводу восстания Милона, мнения приближенных царя разошлись. По предложению полководца Эпигена, надлежало немедленно пресечь попытку мятежа, причем необходимо было присутствие при этом самого царя, олицетворявшего законную власть (Polyb. V. 41. 7–9). Интересно, что очевидная правота этой точки зрения оказалась приемлемой не для всех. Гермий вследствие неопытности в военном деле, как говорит Полибий, страшился войны с Молоном и рвался в поход на Птолемея, считая войну с беспечным царем неопасной (Polyb. V. 42. 4–5). Кроме того, могущественный царедворец стремился оттеснить Эпигена и уменьшить его влияние на царя. Гермий старался сохранить свое положение, что было возможно только в случае создания такой ситуации, когда Антиох нуждался бы в постороннем совете и в то же время не доверял бы никому, кроме Гермия. Но объяснить сложившуюся при дворе ситуацию и готовность Антиоха следовать советам Гермия одной лишь атмосферой интриг невозможно. Не последнюю роль играло расстановка приоритетов: чем должен заниматься царь лично сам, а что можно передоверить приближенным. Например, наказание мятежных

сатрапов можно возложить на верных военачальников. Самому же царю полагалось оспаривать права только у равного себе.

Желая уверить Антиоха в необходимости выступления против Египта, Гермий сочинил письмо, присланное якобы от Ахея (Polyb. V. 42. 7). Обстановка подозрительности при дворе, подогретая изменой Молона и Александра, способствовала распространению недоверия на всех наделенных немалыми правами сатрапов. Тем более нетрудно было найти взаимосвязь между неурядицами дома и поисками внешних врагов.

В подложном письме говорилось, что Птолемей убеждает Ахея добиваться власти и при этом обещает поддержку флотом и деньгами. Поскольку речь шла о предложении узурпировать власть самого Антиоха, угроза могла показаться куда более очевидной, чем восстание Молона. Родство с царем позволяло обвинить Ахея в стремлении занять селевкидский престол, несмотря на то, что Ахей сам ранее официально заявил об отказе от претензий на него (Polyb. V. 48. 10). Мало того, Ахей фактически способствовал воцарению Антиоха. Тем не менее, Гермия удалось связать воедино две проблемы: анатолийскую и египетскую. Никогда ранее не была столь реальной возможность вмешательства в судьбу соседнего государства, причем, не второстепенного, а одного из самых значительных. В данном случае призыв к государственному перевороту в царстве Селевкидов исходил от Птолемеев. Следовательно, они сами провоцировали ответные меры со стороны Антиоха. «Царь горел желанием идти войною в Келесирию» (Polyb. V. 42. 8).

Популярность Ахея была велика, так как, вероятно, именно к этому времени (примерно, 222 г. до н. э.) ему удалось выбить Аттала I из владений Селевкидов. Пергам вернулся к своим прежним границам (с городами Фиатирой и Накрасой). Однако эти успехи и заслуги Ахея одновременно делали его скрытой угрозой для Антиоха. Он превратился фактически в полноправного властелина всех территорий «по ту сторону Тавра». Его противостояние Пергаму выглядело как сколачивание собственного независимого государства. Кроме того, оставалась возможность не санкционированных центральной властью дипломатических сношений Ахея с египетским двором, тем более, что Птолемеи постоянно стремились закрепить свое влияние в Малой Азии. Разбросанность и удаленность подконтрольных территорий была характерной для эллинистических государств. Отсюда очевидно желание сколачивать альянсы, искать союзников в разных частях Восточного Средиземноморья. Непрочность подобных союзов лишь усугубляла кризисные тенденции.

Исходя из того же стремления найти себе союзников, следует оценивать и факт женитьбы Антиоха в самый разгар подготовки похода в Келесирию и борьбы с мятежниками. Продолжая традицию брачных альянсов с малоазийскими династиями, он взял в жены понтийскую царевну Лаодику, дочь Митридата II (Polyb. V. 43), укрепляя таким образом свои позиции в Малой Азии. Свадьба была обставлена с подобающей пышностью (Polyb. V. 43. 3). Родство с владыками Понтийского царства, гордившимися своим персидским происхождением, должно было подчеркивать связь Селевкидов с азиатским населением. Однако нетрудно усмотреть в этом и попытку создать видимость личной унии с давно утраченными владениями.

Так или иначе, но выбор момента для заключения брака с понтийской царевной кажется неслучайным. Укрепив таким образом свои тыловые позиции, Антиох мог теперь заняться активными приготовлениями к войне с Египтом.

И тут вновь внутренние неурядицы поколебали решимость царя наступать в Келесирию. Посланные против Молона стратеги Ксенон и Феодот потерпели поражение, и мятежники проникли в Междуречье (Polyb. V. 45–47). Удивительно, что при столь шатком состоянии внутригосударственной обстановки Гермия опять удалось убедить Антиоха отправить против Молона ахейца Ксенету в звании полновластного военачальника, ибо «...самому царю подобает воевать и вести решительные битвы с царем» (Polyb. V. 45. 6–7). И опять сказалась неопытность юного царя и игра на его амбициях. Он сам возглавил армию и, пройдя через пустыню, вторгся в долину, называемую Марсией, лежащую между склонами Ливана и Антиливана (Polyb. V. 45. 7–9). Наступление оказалось недолгим. Узкие горные теснины были заняты птолемеевским стратегом Феодотом. Это полностью исключало возможность дальнейшего продвижения.

Успехи Молона в Месопотамии и серьезные неудачи похода в Келесирию побудили наконец государственный совет пересмотреть политические приоритеты. Центр внимания был перенесен на ликвидацию мятежа. К решению, которое следовало вынести намного раньше, царь и его приближенные шли путем долгих колебаний, игнорируя очевидную опасность, пока она не заявила о себе «во весь голос» почти у самых границ Сирии. Ранее стремление юного монарха проявить себя в достойных делах на международной арене представлялось реализуемым только через военно-политические акции за пределами государства, и, лишь столкнувшись с суровой действительностью, Антиох вынужден

был переосмыслить сущность ситуации, в которой оказалось его государство. Внутренние проблемы разрослись до угрожающих масштабов. Появилась тенденция к эволюции их во внешнеполитические, как это случилось в свое время с Пергамом, Парфией, Бактрией. Из-за вялости контрмер эти государства, тоже бывшие в прошлом сатрапиями, приобрели политическую самостоятельность.

И на сей раз было упущено слишком много времени. Шли уже первые месяцы 220 г. до н. э., когда, наконец, в результате решительных действий под руководством самого царя мятеж был подавлен, после чего, по сообщению Полибия, Антиох предпринял поход против правителя Мидии—Атропатены Артабазана, чтобы пригрозить владыкам пограничных варваров, поддерживающих мятежников (Polyb. V. 55. 1). Артабазан, напуганный решимостью молодого царя, принял договор на предложенных ему условиях (Polyb. V. 55. 6—10). Так неожиданно первым удачным актом Антиоха стал поход против Мидии—Атропатены, избежавшей в свое время эллинизации при Александре Македонском. Безусловно, это укрепило престиж царя, и прежде всего, среди собственных подданных. Антиох почувствовал себя достаточно прочно, а это провоцировало попытки избавиться от опеки Гермия. В результате заговора царских приближенных Гермий был убит (Polyb. V. 56).

Устранение временщика, единолично определявшего направленность внешней политики государства, казалось бы, должно было внести коррективы в дальнейшие намерения селевкидского двора. Однако «маховик уже был запущен». Неудачная попытка похода в Келесирию не могла остаться без последствий. Южное направление по-прежнему оставалось доминирующим во внешней политике Селевкидов.

В то время государство Птолемеев переживало упадок. Птолемей IV Филопатор, погрязший в пороках и праздности, казался неспособным к активной политической деятельности (Polyb. V. 34; Just. XXX. 1. 1—3).

В 219 г. до н. э. Антиох добился первых успехов: был взят порт Селевкия в Пиери, являвшийся чем-то вроде морских ворот в столицу Антиохию. Эта операция весьма показательна не столько в военном, сколько в политическом плане. Полибий начинает рассказ о ней с военного совета. Он рисует выступление бежавшего из Селевкии от птолемеевских властей врача Аполлофана. Последний предупреждает присутствующих на совете об опасности продвижения в глубь Келесирии, оставив в тылу гарнизон противника, убеждает в стратегических выгодах использования такого плацдарма как город-порт (Polyb. V. 58. 3—8).

Гарнизон его крепости, находившейся в двенадцати милях от Антиохии, контролировал морские коммуникации.

Помня об ошибках предыдущего похода, военный совет решил занять войсками узкие горные проходы в Келесирию. Начальник флота Диоген должен был плыть к Селевкии. А сам царь с войском направился к городу по суше и занял позицию в пяти стадиях от крепости (Polyb. V. 59. 1–2). Этот прием разделения войска на отдельные самостоятельные единицы будет использоваться Антиохом и в последующем и свидетельствует о довольно высоких полководческих способностях молодого царя. Непрístupные природные и искусственные укрепления города (Polyb. V. 59. 3–11) побудили Антиоха начать действия с попытки подкупа. Не сумев соблазнить деньгами старших начальников крепости, он, однако, подкупил младших по чину. Те должны были в момент захвата предместий города осаждавшими оказать давление на птолемеевского коменданта Леонтия: заставить его согласиться на переговоры с Антиохом (Polyb. V. 60. 1–2). План был успешно реализован. После этого к царю прибыло посольство с целью обговорить условия капитуляции. Он обещал даровать неприкосновенность свободным людям (6000 человек). После капитуляции было разрешено возвратиться в город жителям, бежавшим ранее от птолемеевской оккупации. Им возвращалось самоуправление и имущество. В цитадели размещался севевкидский гарнизон (Polyb. V. 61. 1–2).

Успехи были омрачены дурными известиями из Малой Азии. Ахей провозгласил себя царем (Polyb. IV. 48. 11–12). Антиох, и ранее засыпавший Ахея посланиями с угрозами, должен был решиться на конкретные меры. Опыт с Молоном напоминал о пагубности промедления. Однако новое неожиданное известие с египетского фронта заставило отложить расправу с мятежным родственником. При птолемеевском дворе в это время сложилась оппозиция по отношению к царю и его ближайшему окружению. Это выразилось в измене губернатора Келесирии Феодота. Он имел серьезные основания перейти на сторону врага, так как вместо благодарности за заслуги перед Птолемеями получил лишь подозрительность жалкого монарха и его придворных. Мало того, как сообщает Полибий: «...сама жизнь его подвергалась опасности» (Polyb. V. 61. 4). Феодот завладел Птолемаидою, традиционной резиденцией губернаторов Келесирии, и Тиром и теперь в письме Антиоху предлагал передать подконтрольные территории в его руки (Polyb. V. 61. 3–6). Это предложение вызвало замешательство царя. Несмотря на распространенность негативного мнения в отношении птолемеевского двора, Антиох,

видимо, не ожидал, что своими успехами ему придется быть обязанным предательству. Практика смены покровителей существовала и ранее. Но сдача Селевкии в Пиери подкупленными командирами, предложение Феодота наводят на мысль о тенденции. Было очевидным падение престижа одной из ведущих эллинистических династий. В пользу же Антиоха следует отметить, что занятая им позиция гуманности по отношению к побежденным (что он недавно продемонстрировал в Селевкии в Пиери) способствовала росту его авторитета. Из рассказа Полибия создается впечатление, что Антиох некоторое время почти беспрепятственно перемещался по бывшим птолемеевским владениям. Сначала вынудил птолемеевского военачальника Николая снять осаду Птолемаиды, обратил в бегство отряды критянина Лагора и этолийца Доримена, оставленные защищать теснины возле Берита (Polyb. V. 61. 7–10). Затем, встреченный Феодотом и Панетолом, он получил от них Тир и Птолемаиду. Кроме городов, ему были переданы военные арсеналы, в том числе сорок судов: двадцать палубных не менее чем в четыре ряда весел и остальные трех- и двухпалубные суда и лодки. Все они вошли в состав селевкидского флота под командованием Диогена (Polyb. V. 62. 1–4). Вполне ощутив угрозу, Птолемей стянул войска в Пелусий. Сама логика событий подсказывала, что селевкидские военачальники должны попытаться отнять у египтян как можно больше побережья. Египтяне спешно открывали каналы и засыпали колодцы с питьевой водой. Однако контрнаступления предпринято не было. На фоне столь благоприятно складывавшейся ситуации остается непонятной нерешительность Антиоха. Он занимался штурмом отдельных городов, которые, видимо, были предоставлены собственной судьбе (Polyb. V. 62. 4–6). То, что именно в этот момент можно было добиться значительного успеха, не вызывает сомнения. Ничто не препятствовало продвижению вперед. Но такового не последовало. Вероятно, первоначально намеченный селевкидским двором план не предусматривал столь глубокого проникновения, тем более военных действий на территории самого Египта. Антиох не смог преодолеть установку, базировавшуюся на традиционной исторической аргументации. В соответствии с ней Селевкиды могли выдвигать претензии только на Келесирию, некогда принадлежавшую им. Как только встал вопрос, переносить ли военные действия на территорию Египта, у Антиоха не хватило решимости взять на себя ответственность за начало войны совершенно иного рода, нежели война за Келесирию. Возможно, он не успел выверить ресурсы для вступления в широкомасштабную войну. По версии Полибия:

«...Антиох думал, что Птолемей не отважится на войну с ним и будет стараться с помощью переговоров и при посредстве друзей склонить его отказаться от Келесирии» (Polyb. V. 63. 3–4). Очевидно, что у Антиоха имелось определенное представление о допустимых границах внешнеполитической активности. И границы эти не распространялись далее территории государства при Селевке I.

Поскольку одна сторона не проявляла намерения форсировать наступление, а другая была не в состоянии вести активную оборону, назревал переход к дипломатическому диалогу. Заинтересованность в нем со стороны Египта очевидна. Советники Птолемея IV надеялись растянуть процесс переговоров. Это позволяло выиграть время и мобилизовать ресурсы для продолжения войны. Юстин упоминает о попытках египетского двора с помощью постоянно посылаемых к Антиоху посольств несколько задержать его и тем временем собраться с силами (Just. XXX. 1. 5). Египтяне обратились и к посредникам. В этой роли выступили Родос, Византий, Кизик и этолийцы. Египтяне сумели различными дипломатическими уловками превратить переговоры в непрерывный процесс. Прием посредников сменялся приемом послов Антиоха, что напоминало «беготню туда–сюда».

В конечном итоге эта продолжительная «беготня» дала время птолемеевским министрам стянуть в Александрию из иноземных городов крупные силы наемников, заготовить припасы (Polyb. V. 63. 8–9). При этом посредники вольно или невольно выполнили роль ширмы.

Антиох не сумел вовремя выявить закулисных манипуляций главного советника александрийского двора Сосибия. Последний же приложил все усилия, чтобы скрыть подготовку к войне. «Сосибий принимал послов Антиоха очень ласково, тем же, которые посылались к Антиоху, он не давал возможности видеть своими глазами приготовления к войне в Александрии» (Polyb. V. 66. 8). В данном случае селевкидская дипломатия оказалась более слабой.

Зима 219/218 гг. до н. э. оказалась для Антиоха вдвойне неудачной, так как известия из Анатолии становились все более тревожными. Царь был вынужден спешно заключить четырехмесячное перемирие, чтобы иметь возможность переключить внимание на Ахея. Военные действия на египетском «фронте» сменились дипломатическим противостоянием.

Селевкидский двор был весьма озабочен историческим обоснованием прав на Келесирию. Аргументация, предъявленная птолемеевским послам, должна была свидетельствовать о вынужденном характере войны. Все сводилось к событиям после битвы при Ипсе 301 г. до н. э.,

когда Селевк I получил права на Келесирию. Тем не менее, доказать права Селевкидов было весьма трудно, так как дипломатическая тактика послов Птолемея IV базировалась на том же историческом праве (Polyb. V. 67. 9–11). Посредники также не спешили занять чью-либо сторону, так как в случае поражения Птолемеев Селевкиды, опираясь на то же историческое право, могли развернуть экспансию в Малой Азии и Фракии. Они непременно переключили бы внимание на другие регионы, поэтому предпочтительнее было способствовать затягиванию конфликта. Поведение Ахея было очередной причиной, препятствовавшей достижению соглашения. Птолемей IV стремился включить его в мирный договор, вероятно, в качестве полноправного представителя династии Селевкидов (Polyb. V. 67. 12–13). Объяснение этому можно видеть только в одном: неприемлемость участия в договоре мятежника была очевидной, и обсуждение этого лишь в очередной раз служило затягиванию переговоров, что было наруку Птолемею. Антиох, отказываясь от мира на подобных условиях, невольно становился виновником продолжения конфликта. Ситуацию, когда в переговорах двух держав используется имя мятежника, можно рассматривать как окончательный отказ от исторического права в международных отношениях Египта и Селевкидов. Приготовления к решительному столкновению начались весной 217 г. до н. э. И Птолемеи сделали этот шаг первыми. Птолемей за пять дней дошел до Рафии (на самом юге Палестины) и встретился здесь с армией Антиоха (Polyb. V. 80. 1–4). Все должно было решить сражение (примерно, 22 июня 217 г. до н. э.). Обе армии в основном были наемническими. Птолемеевское командование возлагало особую надежду на египетскую фалангу. В тот момент некогда было задумываться над тем, что в последующем египтяне могут использовать выданное им оружие против самих же Птолемеев и всей правящей греко-македонской верхушки. Именно египетская фаланга не только выстояла в решительный момент сражения, но и прорвала селевкидский центр. Армия Антиоха потерпела поражение (Polyb. V. 84–86). Боевой дух и доблесть эллинов вынуждены были уступить патриотизму египтян.

Юстин отмечает, что Птолемей после удачного сражения мог бы отнять у Антиоха его царство, если бы доблесть пришла на помощь его счастью (Just. XXX. 1. 6). Однако Птолемей не был склонен затягивать войну. Его вполне удовлетворяло восстановление status quo, что означало выдворение Селевкида за Ливан (Polyb. V. 86. 9). Советники Птолемея понимали полную бесперспективность аннексии коренных селевкидских территорий. Это потребовало бы огромного напряжения,

что было не под силу александрийскому двору. Поэтому «...Птолемей удовлетворился возвращением городов, которые было потерял, заключил мир и с жадностью ухватился за возможность вернуться к мирной жизни» (Just. XXX. 1. 7). Пассивность египетского царя, его неумение и нежелание развить достигнутый успех вызывают единодушное недоумение и порицание у древних авторов (Polyb. V. 87. 3–5; Just. XXX. 1. 6–9). Мало того, Полибий прямо указывает на случайный характер его успеха (Polyb. V. 87. 8–9). Исход 4-й по счету Сирийской войны не способствовал росту авторитета даже победителя.

Под городами, возвращенными Птолемеем, имеются в виду города Келесирии. Египетский царь совершил нечто вроде карательной экспедиции по занятым ранее Антиохом территориям. Эта военная операция оказалась необременительной, поскольку городские общины, «обнаружившие природную склонность и охоту уступать требованиям времени» (Polyb. V. 86. 9), одна за другой спешили выразить победителю свои верноподданнические чувства. Полибий указывает на их глубокую привязанность к египетскому царскому дому (Polyb. V. 86. 10–11). Однако вряд ли за их поведением скрывалось что-либо, кроме конъюнктурности.

Антиох вернулся в столицу. Опасность, нависшая над ним в результате поражения, была очевидной: «...он не доверял более населению и опасался, как бы Ахей не воспользовался обстоятельствами для нападения» (Polyb. V. 87. 2–3). Несмотря на первоначальную скромность царского родственника, ранее официально отказавшегося от царской диадемы, его притязания постепенно росли с его военными успехами. Войны, которые он вел с Атталом I от имени Селевкидов, превратились в орудие сколачивания собственного государства. Поражение Антиоха при Рафии сулило Ахею ранее не предполагавшиеся перспективы.

Возможно, если бы Птолемей IV решил развивать свой успех, эти перспективы и нашли бы свою реализацию. Теперь же, после заключения мира между Египтом и государством Селевкидов, настала очередь разрешить давно назревший вопрос: кто кого? Дальше терпеть самоуправство Ахея было невозможно. Появление в Малой Азии нового монарха, к тому же потенциального претендента на селевкидский престол, вносило сумятицу в расстановку политических сил на карте Малой Азии. Антиох III мог лишиться недавних союзников, но прежде он совершенно неожиданно приобрел политического партнера в лице Пергама, для которого Ахей все ещё представлял серьезную угрозу. Этот альянс был вынужденным с обеих сторон и носил временный характер (Polyb. V. 107. 4). С приходом весны 216 г. до н. э.

войска Антиоха переправились через Тавр. Постепенно Ахей был оттеснен в Сарды. Несмотря на военные неудачи и потерю своих позиций, Ахей представлял собой интерес для александрийского правительства. Желание спасти его, чтобы использовать в дальнейших провокациях против Селевкидов, было очевидно. Однако заговор, организованный Сосибием, провалился из-за коварства главных исполнителей. Сосибий просчитался, доверив дело критянину Болиду, как человеку опытному, большого ума и неукротимой отваги. Болид же занял сторону Антиоха. Полибий живо рисует ситуацию, из которой ясно, что хитрый критянин вовсе и не думал о спасении Ахея и выполнении поручения доверившихся ему людей. Вместе с сообщниками он решил сдать Ахея Антиоху, при этом не упустив материальную выгоду, получив деньги от обеих сторон: от египтян и от сирийцев. Ахей был схвачен. Несмотря на то, что сам Антиох казался весьма удрученным печальной участью своего мятежного родственника, он не предпринял попытки помиловать его. Судьбу плененного Ахея определял военный совет. Было решено «...отрубить несчастному конечности, потом отсечь голову, труп зашить в ослиную шкуру и пригвоздить к кресту» (Polyb. VIII. 23. 2–4). Вся кампания по расправе с Ахеем закончилась за два с небольшим года (в 213 г. до н. э.) (Polyb. VIII. 17–25). Сразу после этого альянс с Пергамом распался. Но селевкидский двор, молча признавая временную утрату занятых Атталом I территорий, избежал очередного военного конфликта. Только при таком условии Антиох мог восстановить силы и подготовиться к дальнейшим мероприятиям.

Теперь, когда с Птолемеем IV был заключен мир, а Ахей оказался поверженным, оставалось два крупных очага опасности: Малая Азия и Восток. Восстания Молона и Александра указывали на необходимость срочно решать «восточную проблему». Слишком реальной стала угроза варваризации для территорий, непосредственно граничащих с Вавилонией и Сирией. Не было гарантий, что Мидия и Персида не возобновят попыток обрести самостоятельность.

Огромный регион к востоку от Мидии уже давно самоопределился. Казалось, что будущее его уже не связано с судьбой династии Селевкидов. Однако на бескрайних просторах Азии продолжали существовать греческие полисы. Эти очаги эллинизации оказались последней надеждой Селевкидов. В эллинах, навсегда связавших свою судьбу с Азией, Антиох видел тех, кто нуждается в его поддержке и покровительстве, кто способен был поддержать его стремление восстановить первоначальные границы государства и возродить величие династии.

При умелом использовании этого скрытого в Азии потенциала эллинизма и при продуманном идеологическом обосновании своей восточной политики Селевкиды могли превратить некогда принадлежавшие им центральноазиатские владения в новый плацдарм возрождения государства. А значит, следующей задачей, которую должен был решить Антиох, было очередное покорение Азии, подобно Александру Македонскому и Селевку I.

Монархия победителей и побежденных

Мощь государств во все времена покоится на солидарности подданных, на служении общим целям, лишенным меркантильности и мелочности частного интереса. Общее благо — вот то, что способно сплотить общество, невзирая на социальные градации и ранги. Но как наладить диалог с подданными, если они видят в правящей элите только чужеземцев, силой оружия захвативших власть, навязывающих большинству населения чуждую культуру и требующих беспрекословного подчинения?

Любая иноземная власть, несмотря на попытки наладить диалог с местным населением, неизбежно рано или поздно вызывает открытое противостояние. Вот и в эллинистическом обществе основу оппозиции власти греко-македонян составил этнический вопрос.

Александр Македонский в свое время попытался преодолеть этнический барьер путем единения персидской аристократии и своего греко-македонского окружения. Масса простого населения Азии в этом процессе не участвовала. Но даже в таком ограниченном варианте интернационализация власти вызвала жесткое противодействие греко-македонян. «Царь, македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами...», — так выражает суть протеста царских «друзей» Каллин (Arr. Anab. VII. 11. 6). Сама идея быть уравненными в правах с побежденными глубоко оскорбляла победителей. Однако и в стане последних никогда не было полного национального согласия.

Греки и македоняне продолжали оспаривать друг у друга право на превосходство. На пиру во время пребывания армии Александра в Индии македонский воин бросил вызов знаменитому афинскому борцу. Бойцовский поединок состоялся несколькими днями спустя. Греки болели за афинянина, царь и его македонское окружение старались ободрить своего соотечественника. К разочарованию и гневу Александра победил грек (Diod. 17. 100–101). Сохранение исторической памяти о подобных эпизодах свидетельствует об остроте «националь-

ного вопроса», который, подобно пламени, никогда не угасал, а лишь тлел и время от времени разгорался с новой силой.

Греческое завоевание сопровождалось перемещениями населения. Новые поселенцы активно осваивали оккупированные территории. Эллинистическим монархам греческое население было необходимо для пополнения армии высокочеловеческими воинами, для набора образованной администрации, способной наладить экономическое развитие территорий. Одновременно на государственную службу все активнее привлекались представители азиатской аристократии. Это порождало недовольство тех греко-македонян, которые не хотели делить власть с азиатами. И поскольку именно монархи олицетворяли «новационные» процессы, то и оппозиция складывалась главным образом на базе противостояния их власти.

В результате диадохи столкнулись с необходимостью нейтрализовать опасные тенденции противодействия их власти, как в среде азиатского населения, так и в среде греко-македонян, еще сохранявших приверженность идеалам полисной жизни. Антигону Одноглазому в свое время пришлось отослать в глубь Азии аргираспидов¹, знаменитую элиту армии Александра, в надежде оградить себя от наиболее боеспособной оппозиции. Те боевые части, которые еще ранее были оставлены Александром в качестве опорных гарнизонов в Азии по ходу продвижения армии, никто из диадохов и не собирался возвращать назад. Со временем почувствовав себя независимыми от центральной власти, начальники таких гарнизонов нередко пытались стать самостоятельными правителями. Так в глубине Азии разрастались сепаратистские настроения в среде греко-македонян.

Однако диадохам, погрязшим в затянувшемся военном противоборстве, было не до угроз, вызревавших в глубине Азии. Победителем считался тот, кто закрепит свое господство в Восточном Средиземноморье. Факт тяготения диадохов именно к традиционному для греко-македонян ареалу обитания не вызывает сомнения. Тому были конкретные причины: стремление иметь постоянный источник пополнения своих войск за счет оттока из Греции безработного молодого мужского населения; желание обеспечить непосредственную связь с этнической и культурной метрополией; намерение поставить под контроль наиболее развитые по тем временам центры цивилизации. Вот диадохи и старались изо всех сил закрепить свое влияние в Греции и Малой

¹ Аргираспиды — тяжеловооруженные отборные подразделения македонского войска, носившие посеребренные щиты.

Азии. А в это время все больше назревало противостояние власти греко–македонян со стороны покоренного населения. И особенно актуальной эта проблема была для Селевкидов и Птолемеев. Примеров массовых выступлений или элементарных бытовых конфликтов на национальной почве хватало с избытком.

Египетские суды достаточно часто рассматривали иски по бытовым спорам, в которых доминировал не столько материальный, сколько национальный вопрос. Например, греческий всадник похитил коров у египетского жреца–хранителя Ибиса. Жрец свидетельствовал против всадника, за что тот ворвался в дом египтянина и похитил то, что считал полезным. Или, другой случай: греческий поселенец пришел в маленькую деревню в Фаюме по делам. Местная египтянка вылила из окна ему на одежду мочу. Возникла ссора. Женщина порвала одежду грека, плюнула ему в лицо и скрылась у себя в доме, когда вмешались другие люди. Оскорбленный поселенец подал жалобу властям, подчеркнув, что сам он грек, а обращалась с ним плохо египетская женщина¹.

Но наиболее серьезные проблемы в этом плане были у Селевкидов. Огромная протяженность территории их государства и слишком пестрый этнический состав делали практически невозможным установление единой налаженной системы управления и контроля, чем и пользовались местные династы, племенные вожди и просто политические авантюристы. Решить эти проблемы кардинально попытались лишь два царя из династии: сам Селевк I и Антиох III.

* * *

Селевк I семь лет с 308 по 302 гг. до н. э. находился с армией на Востоке. Как и Александр Великий он провел свои войска вплоть до Индии. Это было не просто подражание. Очередная крупномасштабная военная экспедиция нужна была, чтобы вернуть в государство сепаратистски настроенные «верхние сатрапии», что и было сделано частично войной, частично договорами.

В Индии к тому времени Чандрагупта создал огромное государство. Селевк не только проник в Индию (Арр. XI. 55), он вел против Чандрагупты наступательную войну, в которой добился некоторых успехов. Примерно в 303 г. до н. э. между воюющими сторонами был заключен договор, которым подтверждалось политическое состояние, существо-

¹ Koenen L. The Ptolemaic King as Religious Figure/ / Images and Ideologies: self–definition in the Hellenistic world / A. Bulloch et al. — Berkeley ets., 1993. P. 35–36.

вавшее на 316–315 гг. до н. э. Вряд ли речь шла о значительных уступках со стороны Чандрагупты. Да и для Селевка не имело рационального смысла присоединять далекую Индию к своему государству. Он запросил себе в качестве отступного слонов. Ему было предоставлено 500 слонов, которые позже решили исход битвы при Ипсе, когда Селевк вместе с союзниками разбил войска Антигона Одноглазого. В договоре также упоминалась эпигамия¹, подразумевавшая будущие династические связи. Индийскому царю в залог дружбы была обещана одна из дочерей Селевка, однако неизвестно, дошло ли дело до реальной женитьбы. В 306 г. до н. э. Селевк начал чеканить монету с изображением слона, что должно было служить популяризации и пропаганде успехов его восточной кампании. Результаты похода, пусть больше имевшие пропагандистское, чем практическое значение для укрепления государства Селевкидов, дали формальный повод Селевку I принять царский титул и заодно почетное наименование «Никатор» («Победитель»).

Сообщение с Индией осуществлялось по караванным маршрутам или морем, что, однако, было небезопасно. Регулярное морское сообщение было налажено позже (примерно, с конца II в. до н. э.), когда точно стало известно «расписание» муссонов. Военную экспедицию Александра в свое время сопровождали многочисленные ученые и специалисты. Век открытий не закончился со смертью царя. Диадокси продолжили дальше эту политику. Известны имена посланников Селевка I ко двору Чандрогупты: Мегасфен, Даймах, Дионисий. Сохранились лишь подробные отчеты Мегасфена, переданные последующим поколениям поздними писателями. Труд Мегасфена подвергся серьезной критике еще античными авторами, например Страбоном. Однако надо учитывать, что скептическое отношение к сообщаемым Мегасфеном сведениям во многом было вызвано слабой информированностью самих критиков. Отчет Мегасфена о путешествии в Индию так и остался лучшим из известных древнему миру.

Приблизительно на то же время (299/298 гг. до н. э.) приходится наполовину военная, наполовину исследовательская экспедиция Демодама за Сыр Дарью (Яксарт). Демодам исследовал «страну Яксарта» и описал местные алтари.

Замечательная экспедиция была осуществлена так же офицером Селевка I Патроклом к берегам Каспийского моря. В свое время Алек-

¹ Эпигамия — право заключения брака между гражданами разных греческих государств, предоставляемое на основе межгосударственных соглашений.

сандр Македонский планировал выяснить, является ли Каспий самостоятельным морем или заливом Северного океана. Отчет Патрокла активно использовался в качестве источника Страбоном и Эратосфеном. Несмотря на военную экспедицию Александра, азиатские территории так и не удалось включить в единый политический и хозяйственный комплекс империи. Единственной связующей нитью между средиземноморским центром эллинистической государственности и азиатской глубинкой были торговые маршруты. По ним осуществлялся перелив денежной массы и товаров в обоих направлениях. Этот поток из Азии был фактически неконтролируем ни Селевкидами, ни Атталидами, поскольку отсутствовали реальные рычаги воздействия на местных династов, племенных вождей и правителей «верхних сатрапий».

Независимость последних базировалась не только на значительной удаленности от политического центра государства, но и на солидном экономическом потенциале. Торговые пути, пролежавшие через их территорию, соединяли побережье Средиземного моря с Индией и Китаем. Пошлины на транзит, широкий товарообмен, плодородие земель, — все это служило залогом экономического процветания и политической самостоятельности. К тому же, местные сатрапы вынуждены были больше сноситься с индийскими царями и другими местными правителями, чем со своими собственными сюзеренами. При этом все политические, дипломатические аспекты общения определялись ими самостоятельно и, исходя только из собственных интересов. Нет никаких данных, позволяющих судить о наличии постоянного контроля Селевкидов за хозяйственной и дипломатической деятельностью азиатских сатрапов.

Продолжая эксплуатировать идею «панэллинизма», позаимствованную в качестве идеологической платформы у основателя империи Александра Македонского, Селевкиды вкладывали в нее иной смысл. В соответствии с представлениями о роли эллинов как силы, обеспечивающей жизнеспособность эллинистического государства, они делали акцент на преобладание греко-македонского элемента. При этом становилось неизбежным тяготение к естественным центрам эллинизма. Селевкиды, игнорируя территориальные и этнические особенности своего государства, перенесли столицу ближе к побережью Средиземного моря. Постепенно «собственный домен» династии ограничился пределами Сирии, и то за исключением ее южной части. Это вело к росту сепаратистских тенденций. Примерно в 260 г. до н. э. часть Анатолии преобразовалась в государство Каппадокию. На малоазийском побережье Черного моря появились молодые царства Вифиния и Понтийское. Правители

Понта, происходившие из старой персидской аристократии, уже примерно с 280 г. до н. э. носили титул царей. Укреплению государственности Понта, Вифинии и Пергама способствовала борьба с нашествием галатов (278 г. до н. э.). Позже, когда галаты были разбиты, но остались в Малой Азии и даже образовали в её центре свое самостоятельное государство (Strab. XII. III. 28), они не раз использовались Понтом и Вифинией в качестве помехи имперским поползновениям Селевкидов.

Процесс развала империи, как по цепной реакции, продолжал распространение с востока к центру государства. Около 250 г. до н. э. из—под контроля Селевкидов вышла Бактрия. В состав этой сатрапии, вероятно, тогда входили так же Согдиана и Маргиана. Огромная империя демонстрировала свою вялость и неспособность справиться с сепаратистскими тенденциями. Страбон так повествует об этом: «Когда начались восстания стран за Тавром, в силу того что цари Сирии и Мидии, владевшие этими странами, были заняты другими делами, наместники, которым было вверено управлять страной, я имею в виду Евтидема и его сторонников, прежде всего склонили к восстанию Бактриану и всю ближайшую страну; затем Арсак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемых, апарнов, кочевников, живших по реке Оху, напал на Парфию¹ и завоевал её» (Strab. XI. IX. 2).

Селевкиды, увлеченные укреплением своей власти за западе государства, там где, с их точки зрения, находились реальные противники в лице Птолемеев, Антигонидов, Атталидов, не обращали внимание на состояние дел в глубине Азии. Даже экономический потенциал данных регионов их беспокоил мало, если не считать функционирования караванных путей. В результате очевидные проявления сепаратизма не находили своевременной реакции со стороны центральной власти. А между тем, удаленные от Средиземноморья сатрапии накапливали силы и средства, необходимые для обретения независимости. Страбон так характеризует состояние дел в одной из сатрапий: «Бактрия обширна и производит всевозможные продукты, кроме оливкового масла. Вследствие плодородия страны греки, которые склонили Бактрию к восстанию, приобрели такое могущество, что стали владыками не только Ариана², но, по словам Аполлодора из Артемиды, также и Индии; они подчинили себе больше племен, чем Александр; в особен-

¹ Парфия — область к югу от Каспийского моря.

² Ариана — область, включавшая восточные провинции Персидского царства: Гедросию, Дрангиану, Арахосию, Арию, Парфию, Карманию, область Поронамисадов.

ности Менандр... Некоторые племена он покорил сам, другие же — Деметрий сын Евтидема, царь бактрийцев» (Strab. XI. XI. 1). В книге XV Страбон опять возвращается к факту бактрийского восстания: «...Аполлотор, автор «Парфянской истории», упоминает о греках, поднявших восстание в Бактриане против сирийских царей — преемников Селевка Никатора. Он передает затем, что эти цари, возвысившись, напали даже на Индию. ...Евкратиду¹, например, по его словам, были подвластны 1000 городов. Другие же писатели утверждают, что ...ему были подвластны 9 племен и 5000 городов» (Strab. XV. I. 3).

Сатрап Бактрии Диодот, «наместник тысячи городов бактрийских», как называет его Юстин (Just. XXVII. 2. 10–12), приказал величать себя царем. Диодот I и его преемники опирались не столько на военную силу, сколько на стремление свободолюбивых народов Средней Азии к избавлению от власти Селевкидов. Парфия также вышла из-под власти антиохийских владык в результате вторжения кочевников из туранских степей и одновременного подъема освободительного движения среднеазиатских народов примерно в 256 г. до н. э. (Just. XLI. 4. 3–4; App. XI. 65).

Немаловажную роль в развитии сепаратизма сыграл и фактор примера. Полководцы диадохов, копируя поведение последних в отношении дележа огромной империи Александра, так же стремились отделить вверенные им сатрапии от метрополии и сделать их независимыми государствами. Такие попытки стимулировались характером происхождения сатрапий, многие из которых совсем недавно являлись самостоятельными государствами или сохранили историческую память об этом. Вот что сообщает Страбон о подобных событиях: «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, стали царями (первый — царем Софены, Акисены, Одомантиды и некоторых других областей, а последний — царем страны вокруг Артаксаты)» (Strab. XI. IV. 5). Принятие царской титулатуры было важно не столько для укрепления власти внутри государства, сколько для реализации внешнеполитических целей, так как в межгосударственных отношениях статус правителя имел весомое значение.

Для молодых монархий эллинистические державы стали неким этапом формирования государственных институтов и поведения на международной арене.

¹ Евкратид — правитель Греко-Бактрии (около 171–145 гг. до н. э.)

Отношения новых государств с Селевкидами были сложными и противоречивыми. Выйдя из-под опеки самой крупной эллинистической монархии, они, тем не менее, не могли избежать её влияния. Зависимость молодых династий от Селевкидов подчеркивалась родственными связями. Так, тетки Антиоха III были замужем за Ариаратом Каппадокийским и Митридатом Понтийским (Just. XXXVIII. 5. 3). Безусловно, Селевкиды не упускали возможности влиять через родственников на политические позиции соседних государств.

Центральная власть не без основания рассматривала образование самостоятельных государств, да еще во главе с эллинами, как откровенную угрозу центральной власти. Поэтому одной из главнейших задач нескольких поколений Селевкидов было пресечение подобных тенденций, что требовало огромного напряжения сил и мобилизации ресурсов, поскольку подразумевало повторение азиатской экспедиции Александра.

Анабазис Антиоха III: по стопам Александра Великого

Анабазис, то есть, восхождение — так называли древние авторы военные походы греков «вверх» от средиземноморского побережья во Внутреннюю Азию¹. Антиоху III также предстояло «подняться вверх» ради славы и спасения государства.

Поход начался с наступления на Армению. Антиох решил взять столицу армянского царя Ксеркса Армосату. Последний пытался сначала искать спасения с бегстве, но затем, убоявшись потерять все царство, стал просить Антиоха о переговорах. Несмотря на советы друзей захватить город и лишить Ксеркса власти, Антиох внял просьбам юного царя, принял его, примирился с ним и «...даже сложил с него большую часть дани, которую должен был уплатить Антиоху отец Ксеркса» (Polyb. VIII. 25. 1–5). Антиох удовлетворился получением трехсот талантов, тысячи лошадей и стольких же мулов. Он возвратил Ксерксу власть и даже выдал за него свою сестру Антиохиду. Так, задуманный Антиохом поход начался не с ярких батальных сцен, а с дипломатических шагов. Милостиво обращаясь с Ксерксом, царь «давал знак» правителям, с которыми ему еще предстояло встретиться на просторах Азии. Антиох показал себя монархом, способным на милость и великодушие к побежденным. К тому же он не мог с самого начала маршрута остав-

¹ Анабазис — 1) название труда Ксенофонта, посвященного походу греков 400–399 гг. до н. э.; 2) название трактата Арриана о походе Александра Македонского.

лять гарнизоны. Это ослабило бы армию, которой предстояло с боями идти до Индии.

Далее армию ждал переход через Мидию и Парфию. Мидия, территория которой была богата обильными пастбищами, послужила плацдармом для подготовки к вторжению в Парфию. Правитель Парфии Артабан I надеялся, что сирийский царь не решится вести войско через пустыню. О системе подземных каналов, питавших колодцы еще во времена господства персов, плохо знали даже местные жители (Polyb. X. 28. 1–4). Антиох имел представление об опасности, ожидавшей его войско, но всё-таки пошел на риск. Артабан приказал засыпать колодцы. Но специальный отряд в тысячу всадников предотратил разрушение колодцев, разведав местоположение противника и обратив парфян в бегство.

Царской армии приходилось действовать не только в географически непривычных условиях, но и в окружении местного азиатского населения, о котором у командования были, скорее всего, довольно смутные представления. Ситуация приобретала некую двойственность: с одной стороны, Антиох шел наводить порядок в своих собственных владениях, с другой стороны, он осозновал всю иллюзорность своих претензий на «центральноазиатское наследство». Так или иначе, он уже пошел по пути Александра Великого, отступать было поздно!

Одним из примеров блестящего осуществления военных операций является переход от Гекатомпила в Гирканию¹. Двигаться через горные теснины в условиях вражеского окружения целой армией было очень опасно. Антиох блестяще решил эту задачу, разделив легкое войско на отряды с отдельными начальниками по числу дорог, которыми нужно было продвигаться. Занятие возможно большего числа дорог страховало и от флангового обхода противником. Каждый отряд сопровождался землекопами, обеспечивавшими продвижение вьючных животных. Отряды горцев, оснащенных метательным оружием, камнями и дротиками, прикрывали основной строй с флангов. Предосторожности были оправданы. Переход оказался очень тяжелым из-за высоты подъема и военных стычек с противником. Тем не менее армия спустилась на равнину в полном боевом порядке, рассеяв по пути отряды парфян (Polyb. X. 31. 3–5). Далее последовало взятие нескольких крепостей. Трагичным эпизодом этой части военной компании стала осада кре-

¹ Гекатомпил — город к востоку от Тегерана, основанный Селевком I Никатором. Гиркания — местность к юго-востоку от Каспийского моря, отделенная от остального Ирана горами.

пости Сиринкса. Укрывшиеся в ней парфяне сопротивлялись яростно и в отчаянии вырезали все греко–македонское население города, проживавшее здесь со времен похода Александра Македонского. В конце концов Аршак исчерпал силы для сопротивления. Но был помилован и оставлен правителем на положении союзника (Just. XLI. 5. 7).

На 208/207 гг. до н. э. перед Антиохом стояла сложнейшая задача — покорение Бактрии. От того, как сложится ситуация в этой стране, зависел исход всего похода. В свое время Александру Македонскому очень тяжело дались многочисленные горные переходы и взятие укрепленных крепостями скал. В ходе штурма одного из таких замков в плен к македонскому царю попала замечательной красоты бактрийская аристократка Роксана, на которой Александр вопреки протестам греко–македонян в 327 г. до н. э. женился.

Теперь Антиоху предстояло испытать силы в борьбе с мятежным правителем Бактрии Евтидемом. Бактрийские войска включали греко–македонян, укоренившихся в Азии со времен похода Александра, и бактрийскую конницу. Хотя Евтидем врят ли мог рассчитывать на активную поддержку местного населения, он рискнул и отказался от дипломатического диалога с Антиохом. Его десяти тысячная конница заняла переправы через реку Арий на границе Парфии и Бактрии. Видимо не опасаясь переправы противника в темное время суток, на ночь бактрийцы удалились в город, оставив лишь сторожевые посты. Этим и воспользовался Антиох. С конницей и десятью тысячами пельтастов он захватил переправы и утром перебрался на другую сторону реки с большей частью войска. Но его войску не удалось быстро развернуться в боевой порядок, И царю пришлось с двумя тысячами конницы принять первый удар подоспевших бактрийцев на себя. Антиох, как некогда Александр Великий, сам встал во главе передового отряда, что должно было поднять боевой дух эллинов. Царь сражался доблестно: потерял лошадь, получил рану в лицо, но приобрел славу храброго воина. Сражение было ожесточенным, но в конце концов бактрийцы были обращены в бегство (Polyb. X. 49). После этого Евтидем, избегая еще одного подобного столкновения, предпочел укрыться за стенами своей столицы Бактр (Зариаспы). Опасаясь перехода лучшей части своей армии на сторону победоносного противника, он отвел оставшиеся силы за стены крепости и приготовился к осаде.

Осада Бактр, длившаяся около двух лет, стала ключевым моментом борьбы Антиоха III за Центральную Азию. В свое время Александр Македонский, по словам Арриана «с ходу» взявший Бактры, бывшие

уже тогда одним из самых больших городов Бактрии (Arr. Anab. III. 29. 1), вынужден был не один год затратить на покорение местных среднеазиатских племен. Можно предположить, что, если бы за стенами Бактр во время осады их Антиохом III не было эллинов, события приняли бы несколько другой оборот, более решительный. Однако опасность со стороны кочевников и для осаждавших, и для осажденных побудила обе стороны искать компромисс. В результате за Евтидемом было оставлено царское имя и сан. Поскольку многое определялось не только содержанием, но и формой переговоров, бактрийский правитель поручил довести их до конца своему сыну Деметрию. «Царь принял его ласково и нашел, что юноша и по своему виду, и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из дочерей своих, во-вторых, согласился удержать за отцом царское звание» (Polyb. XI. 34. 9–10). Таковы были условия заключения мира. Договор был письменно оформлен и скреплен клятвой. Остаются, правда, сомнения по поводу сообщаемых Полибием деталей, например, нет четких подтверждений женитьбы Деметрия на дочери Антиоха III, которая была еще ребенком в то время. И все же предложение Антиоха можно расценивать как формальную декларацию, необходимую для заключения соглашения с соблюдением рангов сторон, что указывает на желание Селевкидов в будущем обеспечить контроль над политикой Бактрии за счет династического брака. В целом же признаки заключенного соглашения слишком уж напоминают международный договор со всеми его внешними атрибутами.

Два года, проведенные Антиохом III под стенами Бактр, не пропали даром для селевкидских дипломатов. Это был достаточный срок для сбора всевозможной информации, «зондирования почвы» в направлении индийской части маршрута. Притязания Селевкидов не могли распространяться на все земли, завоеванные Александром Македонским. В соответствии с договором Селевка I и Чандрагупты из-под контроля династии вышла Ариана (Strab. XI. II. 9). К моменту появления Антиоха III на границах Индии страна переживала далеко не лучший момент своей истории. Падение империи Маурьев¹ привело к образованию на западных рубежах отдельных независимых владений маурийских правителей. Напрашивается предположение, что усиление сепаратизма на

¹ Империя Маурьев — государство в древней Индии, включавшее весь Индостан за исключением крайнего юга, существовавшее с 317 по 180 гг. до н. э., созданное Чандрагуптой, воевавшим с Селевком I.

востоке государства Селевкидов было обусловлено не только внутренними причинами, но и влиянием ситуации, складывавшейся в соседнем государстве. Если учесть, что децентрализация империи Маурьев особенно ясно обозначилась примерно к последней четверти III в. до н. э., то становится почти очевидной синхронность аналогичных событий на востоке государства Селевкидов.

Антиох III с войском совершил переход через Гиндукуш и вышел в долину Кабула, входившую в состав владений индийского царя Софагасена (Субхагасена). С ним также был возобновлен дружественный союз (Polyb. XI. 34. 11). Софагасен был одним из правителей, ставших независимыми в результате развала империи Маурьев. По своему положению в государстве Маурьев он представлял собой то же самое, что бактрийский правитель Евтидем в государстве Селевкидов. Получается интересный дипломатический казус. Антиох III, собственно говоря, и поход то свой осуществил для того, чтобы показать удельным правителям своей державы, «кто в доме хозяин». С другой стороны, он возобновляет дипломатические отношения с Индией Маурьев через их сепаратистски настроенного «вассала». То, что Антиох III подразумевал под договором с Софагасеном налаживание отношений со всей империей Маурьев, не вызывает сомнения, так как иначе его продвижение по индийскому маршруту не имело бы ни какого политического смысла и не способствовало бы росту престижа. «Возобновление дружественного союза» подкреплялось взятием с индийского правителя некоего подобия дани слонами и провиантом. Было оговорено также получение сокровищ, для чего спешившим в обратный путь царем было оставлено в Индии доверенное лицо (Polyb. XI. 34. 11–12).

После этого Антиох повернул армию назад, так как крайняя юго-восточная область некогда существовавшего государства Ахеменидов, по праву завоевания отшедшая Александру Македонскому, а затем Селевку I, была «приведена к покорности». На обратном пути Антиох, подойдя к Персидскому заливу, переправился в Аравию и посетил порт Геру. Такой маршрут объясняется коммерческими интересами Селевкидов, стремившихся взять под контроль торговлю пряностями.

Отдавая должное доблести Антиоха III, Полибий восклицает: «Так завершился поход Антиоха в верхнюю Азию, когда он подчинил своей власти не только сатрапов верхних областей, но также и приморские города и владык по сию сторону Тавра, вообще упрочил свою власть отвагою и настойчивостью, внушающими страх всем его подданным. И в самом деле, благодаря этому походу не только народы Азии, но и

Европы признали в нем человека, достойного царской власти» (Polyb. XI. 34. 14–16). Такую оценку дает человек, вовсе не отличавшийся личной симпатией по отношению к Селевкидам. И хотя после ухода сирийской армии азиатские сатрапии вновь оказались вне досягаемости царской администрации, результаты похода имели широкий международный резонанс. Антиох теперь по праву мог называться верховным правителем и покровителем всех эллинов Азии, достойным преемником Александра Македонского и Селевка Никатора. Принятие же царем сразу после возвращения из похода почетного наименования «Великий» подчеркивало рост его авторитета и общественное признание.

Восточный поход был важен не только для поднятия престижа династии Селевкидов. Эллинистический мир благодаря Антиоху III почувствовал возможность возрождения былого могущества эллинов, покоривших Азию. Появилась надежда, что впереди еще много великих свершений, еще появятся герои, способные завершить планы Александра Македонского и объединить все Средиземноморье под властью греко–македонян.

Эллинистические царские династии

Птолеми (Лагиды) — цари Египта

	гг. до н. э.
Птолемей I Сотер	305–283
Птолемей II Филадельф	285–246
Птолемей III Эвергет I	246–221
Птолемей IV Филопатор	221–204
Птолемей V Эпифан	204–180
Птолемей VI Филометр	180–145
Птолемей VII Неос Филопатор	145–144
Птолемей VIII Эвергет II (Фискон)	145–116
Птолемей IX Сотер II и Клеопатра III	116–107
Птолемей X Александр I и Клеопатра III	107–88
Птолемей X и Клеопатра Береника	101–88
Птолемей IX Сотер II (вторично)	88–81
Птолемей XI Александр II и Клеопатра Береника	80
Птолемей XII Авлет	80–58
Береника IV	58–55
Птолемей XII Авлет (вторично)	55–51
Клеопатра VII, Птолемей XIII	51–47

Клеопатра VII, Птолемей XIV	47–44
Клеопатра VII, Птолемей XV Цезарион	44–31

Селевкиды — цари Сирии

Селевк I Никатор	305–281
Антиох I Сотер	281–261
Антиох II Теос	261–246
Селевк II Каллиник	246–226
Антиох Гиеракс	242–228
Селевк III Сотер	226–223
Антиох III Великий	223–187
Селевк IV Филопатор	187–175
Антиох IV Эпифан	175–164
Антиох V Эвпатор	164–162
Деметрий I Сотер	162–150
Александр Балас	150–145
Деметрий II Никатор	145–140
Антиох VI	145–139
Антиох VII Сидет	139–129
Деметрий II Никатор (вторично)	129–125
Клеопатра Тея	126
Клеопатра Тея и Антиох VIII Грипп	125–121
Селевк V	125
Антиох VIII Грипп (вторично)	121–96
Антиох IX Кизикский	115–95
Селевк VI Эпифан Никатор	96–95
Деметрий III Филопатор	95–88
Антиох X Благодетельный	95–83
Антиох XI Филадельф	94
Филипп I Филадельф	94–83
Антиох XII Дионис	87–84
Филипп II	67–65
Антиох XIII Филадельф Азиатский	69–64

Антигониды — цари Македонии

Антигон I Одноглазый	(323) 306–301
Деметрий I Полиоркет	293–283
Антигон II Гонат	276–239
Деметрий II	239–229

Антигон III Дозон	227–221
Филипп V	221–179
Персей	179–168

Атталиды — цари Пергама

Филетер	282–263
Эвмен I	263–241
Аттал I Сотер	241–197
Эвмен II	197–159
Аттал II Филадельф	159–138
Аттал III Филометр	138–133

Александр Македонский (Лисипп)

Диадок (бронза — II в. до н. э.)

Селевк I Никатор

Аттал I

Эвмен II
(изображение на монете)

Селевк I Никатор
(изображение на монете)

Персей (последний царь Македонии
из династии Антигонидов)
(изображение на монете)

Селевк I Никатор
(изображение на монете)

Птолемей II Филадельф

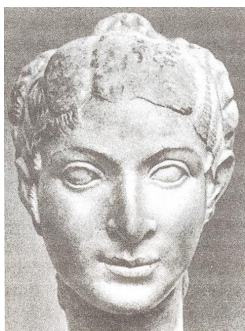
Антиох IV

Антиох I Сотер
(изображение на монете)

Деметрий Полиоркет

Клеопатра VII

Монета Клеопатры VII

Монета Антиоха IV Эпифана

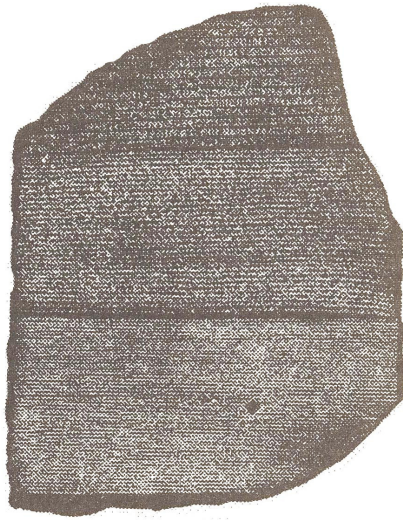
Монета Евтидема I (Бактрия)

Монета Деметрия I (Бактрия)

Монета Менандра I (Индия)

Розеттский камень
с надписью иероглифическим и демотическим письмом,
а также на греческом языке в честь Птолемея V

Эллинистические государства

(Словарь античности. Пер. с нем. — М.: Эллис Лак; Прогресс. 1994. С.652)

ПОЛИС НА ПОРОГЕ ИМПЕРИИ

Греческий полис — город–государство, особая форма политической и социально–экономической организации общества. Типичными признаками полиса всегда считались: муниципальное самоуправление, выборность магистратов, наличие у граждан права собственности на землю (в черте города или в сельской местности), деление граждан на особые подразделения по культовому признаку (филы). Все это обеспечивало организацию корпоративной жизни на основе выборности и сменяемости. Такие признаки на протяжении долгого времени оставались определяющими, а вот площадь территории, принадлежащей гражданскому коллективу, решающего значения для статуса полиса не имела. Поэтому, как точно замечает английский историк В. Тарн, для греков Вавилон, Мемфис, Иерусалим были, собственно говоря, деревнями¹.

Греческий полис был, прежде всего, сообществом людей, живущих вместе, регулярно устраивающих собрания для принятия решений по наиболее важным вопросам государственного управления и общественной жизни. Такие собрания позволяли гражданам полиса почувствовать себя наделенными властью, осуществлять которую следовало грамотно и с достоинством. Подобно большинству общин древнего мира, жители полиса имели гражданские культы и храмы. Их архитектурное оформление призвано было демонстрировать богатство и единение гражданского коллектива.

Однако собрания, храмы, культы не являются специфическими признаками греческих полисов, они универсальны для всех древних общин вообще. Полис же имел собственные формы социальной жизни, которые были выражением национальной культуры и существенно отличали греческую городскую общину от всех других общин в мире. Эти формы социальной жизни конкретизировались в том числе в специальных зданиях, которые по своему функциональному назначению и внешнему облику были исключительно греческими, как то, гимназии и театры. Они строились с расчетом на то, что будут посещаться и использоваться всеми гражданами полиса, и призваны были служить объединению людей, развитию личности, осознающей себя неотъемлемой частью государственного организма, способной открыто выражать свою гражданскую позицию. Гражданин полиса, независимо от социального положения и уровня материального благополучия, имел

¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М. 1949. С. 142.

беспрепятственный доступ ко всем благам, которыми располагала гражданская община, и сам, в свою очередь, чувствовал личную ответственность за общее благополучие. В этом коренное отличие гражданина полиса от обычного горожанина.

Полис не был вещью в себе, замкнутым организмом. Он представлял собой сообщество, рассчитанное на активное взаимодействие с другими сообществами и призванное как можно лучше подготовить своих граждан к такому общению и взаимодействию. Это являлось серьезной предпосылкой для развития практики межгосударственных отношений.

И все же, несмотря на то, что полис был главной формой организации государственной жизни греков, к первой половине IV в. до н. э. четко обозначился кризис полисного строя. Выявились социальные и политические проблемы внутри гражданского коллектива, а также острые межполисные противоречия, которые привели в конце концов к Пелопонесской войне между Афинами и Спартой (431–404 гг. до н. э.). Эта война окончательно расшатала устои общественной жизни греков, обострила социальные противоречия, ослабила солидарность греческих общин и сделала их сравнительно легкой добычей Македонии, которая незаметно для враждовавших между собой греков, накопила силы и превратилась в мощное государство.

После объединения под гегемонией Македонии, войны за Азию и формирования эллинистических монархий жизнь греческих городов кардинально изменилась. Для эллинизма стало характерным перемещение центра общественной жизни за узкие рамки полиса. Полису предстояло интегрироваться в систему молодых эллинистических государств. Его политическое положение теперь определялось степенью зависимости от той или иной монархии и способностью лавировать между интересами воинственных соседей. Особенно актуальны эти изменения были для греческого населения Малой Азии, так как здесь греки издревле привыкли селиться и основывать свои торговые города бок о бок с весьма разнообразным по своему этническому составу местным населением.

Еще на заре эллинизма наметились две тенденции в отношениях между монархией и полисом. Александр рассматривал греческие города как союзников в войне с персами. Поэтому активно использовал лозунг «освобождения греков Малой Азии от власти персидских сатрапов». Но, с другой стороны, — по его же инициативе происходила постепенная подмена самого понятия «полисной свободы». Будучи монархом, Александр не намерен был предоставлять полисам полную автономию. Подразумевалось, что под властью македонской династии

греческое население в любой части огромной империи должно чувствовать себя свободным.

Александр оставлял за собой монопольное право вмешиваться во внутреннюю жизнь любого полиса, насаждать политические режимы и ставить у руля управления выгодных монархии лидеров.

В 324 г. до н. э. на Олимпийских играх было зачитано письмо Александра, содержавшее предписание возвратить в полисы всех политических изгнанных. Наблюдение за проведением в жизнь этого решения царь поручил не избранному Коринфским конгрессом Синедриону, а Антипатру, приказав ему в случае необходимости даже применить силу (Diod. XVIII. 8. 4). После смерти Александра Антипатр, видя в жителях полисов лишь подданных, ставил в городах по своему произволу гарнизоны, поддерживал власть олигархов или тиранов, стоявших на его стороне.

В последующем судьба полисов и их правовой статус зависели от исторической традиции и принадлежности к определенному региону эллинистического мира. В Азии полисы оказались под контролем монархов, которые то наделяли города статусом свободных союзников, то облагали налогами, больше похожими на военную контрибуцию. В любом случае, было очевидно стремление царей поставить города под свой жесткий контроль. Для Балканской Греции было характерно создание федеративных государств, наиболее значительными из которых оказались Этолийский и Ахейский союзы.

Этолийский союз, возникший в конце IV в. до н. э., включал в себя Мессению, Элиду и отдельные общины Пелопоннеса и Средней Греции. Все члены союза пользовались равными правами, сохраняли самоуправление. Высшая власть принадлежала общесоюзному собранию, собиравшемуся один раз в год в городе Ферме в Этолии. Полномочия главнокомандующего доверялись стратегу и контролировались коллегией апоклетов, которая также отвечала за внешнеполитический курс. Несмотря на присущие поначалу союзному объединению архаичные черты военной демократии, оно быстро набрало политический вес, поставив под контроль большую часть Центральной Греции. На этой территории располагалось общегреческое святилище Дельфийского оракула, имевшего международный авторитет. Престиж Этолийского союза в Элладе особенно возрос после того, как он сумел защитить религиозную святыню во время нашествия галлов.

Признаваемый в современном праве важнейшим для федеративного устройства признак добровольного объединения не следует безоговорочно распространять на исторические примеры. Например фессалий-

ские области были присоединены к Беотии¹ военным путем в 245 г. до н. э. Тем не менее, для Этолийского объединения полисов была характерна совокупность признаков, прямо указывающих на его федеративное устройство: наличие общего законодательного органа — народного собрания, ведавшего вопросами войны и мира; самостоятельность городов в вопросах местного самоуправления, а также наличие симполитии — слияния гражданств союзных городов.

По такому же образцу в целом строился и Ахейский союз. Города, помимо федерального, имели собственное гражданство, свои законы и судебную систему, могли, в отличие от городов Этолийского союза, самостоятельно чеканить монету, словом, пользовались внутренней автономией. При формировании союзного собрания действовал принцип представительства пропорционально численности населения. Руководство внешней политикой находилось в руках федерального центра, представленного союзным собранием.

Однако, несмотря на коллегиальность управления, международное признание полисных союзов во многом зависело от деятельности их политических лидеров. Эллинистические монархи не случайно выстраивали свою дипломатическую «линию» в отношении Греции, ориентируясь на их личные качества. Стратеги Ахейского союза Арат из Сикиона (271–213 гг. до н. э.) и его последователь Филопмен из Мегалополиса (253–183 гг. до н. э.) вошли в историю как выдающиеся политики, пользовавшиеся непререкаемым авторитетом среди сограждан, уважением у врагов. Достоинством их было то, что они не отделяли свою судьбу от судьбы граждан многочисленных полисов, вверивших им собственную жизнь и безопасность. Это были лидеры, для которых интересы государства стали их личными интересами. Недаром на попытку спартанского царя Клеомена получить в свои руки руководство Ахейским союзом в обмен на предложенную Арату огромную пенсию в двенадцать талантов, последний ответил, что не он управляет делами, а скорее они им (Plut. Arat. XLI).

Сохранила свое политическое влияние в этот период и Спарта. Более того, на 240–е — 220–е гг. до н. э. приходится попытка возрождения ее былого могущества, предпринятая последовательно спартанскими царями Агисом и Клеоменом. Хотя в республиканской Спарте цари традиционно выполняли лишь функции главнокомандующих, именно им при-

¹ Беотия — область Центральной Греции, самым значительным городом которой были Фивы.

надлежала идея реформировать социально–политические устои спартанского общества на началах древнего законодательства Ликурга¹, провести передел земли, раздав её нуждающимся, укрепить тем самым гражданский коллектив и восстановить спартанскую гегемонию в Пелопоннесе. И хотя оба царя в конце концов пали жертвами политической борьбы и дипломатических интриг, Греция на некоторое время все таки почувствовала прежнюю мощь спартанского боевого духа. Ахейскому союзу например, пришлось заключить в 224 г. до н. э. альянс со своим давним врагом Македонией, лишь бы предотвратить нарастающую военную угрозу со стороны Спарты. Арату за это вынужденное соглашение пришлось не только расплачиваться авторитетом политического лидера, поскольку он подвергся жесткой критике соратников, но и терпеть личные унижения. По рассказу Плутарха, он молча перенес оскорбление от наследника македонского престола Филиппа (будущий царь Филипп V), который, будучи принятым в семье ахейского стратега на положении гостя, «оскорбил супружеские права молодого Арата» (Plut. Arat. XLIX)

В конце концов «союзникам» удалось таки сломить мощь Спарты в битве при Селассии в 221 г. до н. э. Но после этого «пути» Филиппа V, взойшедшего на престол как раз в 221 г. до н. э., и Арата окончательно разошлись. Филипп, завидуя политическому влиянию и славе Арата, погубил его, подослав убийц с ядом (Plut. Arat. LII).

Политическое наследие Арата не пропало даром. Филопмен оказался достойным его преемником. Он приложил немало усилий для укрепления Ахейского союза и продолжил борьбу со Спартой. К тому времени (с 207 г. до н. э.) в Спарте правил тиран Набис, который продолжил реформы Агиса и Клеомена, благодаря чему имел поддержку широких народных масс. На этот раз для борьбы со Спартой ахейцам пришлось консолидировать усилия с римлянами. В 192 г. до н. э. Набис погиб. Филопмен захватил Спарту и заставил ее, утратившую руководство и надежды на возрождение, войти в состав Ахейского союза. Желая предотвратить саму возможность возрождения былого величия спартанцев, он, по выражению Плутарха, «перерезал жилы их государственного тела» (Plut. Philop. XVI), а именно, отменил Ликурговы законы о воспитании, заставив молодежь Спарты обучаться по ахейскому образцу. Как видно, уже в античные времена образование рассматривалось как важный инструмент «моделирования» общественного сознания.

¹ Ликург — легендарный законодатель Спарты, создавший политические институты спартанского общества.

Филопмен пользовался такой любовью и уважением ахейцев, что вызвал недовольство союзников. Его славе тайно завидовал сам Тит Фламинин, римский консул, победитель македонского царя Филиппа V, от имени Римской республики провозгласивший Грецию свободной (Plut. Philop. XV). Но погиб ахейский стратег не от его рук, а от рук мессенцев, попытавшихся выйти из Ахейского союза и спровоцировавших тем самым войну. И, как ранее Арат, Филопмен умер от яда, будучи плененным коварными мессенцами в 183 г. до н. э. Судьба любит храбрых, но не прощает им гордость. Филопмен еще совсем недавно презрительно отзывавшийся о тех, кто попадал живым в руки неприятеля, сам, будучи без сознания по причине болезни и травмы головы, оказался в Мессене в тюремном подземелье, притворенном сверху огромным камнем. Сюда и явился раб с чашей яда, который с достоинством и спокойно принял Филопмен.

Вслед за гибелью Арата и Филопмена последовал политический закат Ахейского союза, распущенного римлянами. Так тесно переплетаются судьбы государств и их политических лидеров!

При всех преимуществах союзной жизни полисов, их дальнейшая судьба в рамках эллинистической системы, где доминирующую политическую роль играли монархии, не могла не зависеть от характера взаимоотношений с последними. Но, при этом, очевидное ослабление политических позиций мелких греческих государств отнюдь не означало их тотального поглощения монархиями и исключения из межгосударственной жизни в качестве самостоятельных участников. Позиция диадохов и эпигонов демонстрировала во многом их уважительное отношение к греческим полисам, что, правда, не мешало осуществлять над ними жесткий контроль. Так искушенные в тонкостях греческой дипломатии Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет с греческими городами в Азии вести себя особенно осторожно. Отдельные полисы, территория которых становилась плацдармом для различных внешнеполитических акций, даже приобщались к дипломатической практике. Деметрий Полиоркет, например, счел необходимым ознакомить граждан города Скепсиса с содержанием переговоров, которые вел по поводу мира с Кассандром и Птолемеем (Welles. 1). Горожане приняли участие в соглашении, принесли клятву.

В то же время к концу правления Антигона Одноглазого относится пример инициированного им слияния двух городов (синойкизм) Лебедоса и Теоса на западном побережье Малой Азии. Царь сам уладил все детали этого слияния в постановлениях и декретах, с которыми обра-

щался к городскому Совету и гражданам. Он действовал, как арбитр, выбранный непосредственно городом, давая советы, а не команды. И при этом поступал, как хозяин, господин. Законы нового города следовало представлять ему на утверждение. Он резервировал за собой право наказания законотворцев, действия которых не одобрял. Подобное вмешательство во внутреннюю жизнь городов не было исключительным, поскольку такой принцип декларировался как общепринятый.

Слиянием двух городов дело часто не ограничивалось. Антигон поистине с царским размахом решил задачу создания нового города, получившего его имя, Антигония Трояда, объединив семь полисов. Правда, рекорд принадлежал все же не ему, а Кассандру, объединившему в 315 г. до н. э. двадцать шесть общин Македонии в полис Фессалонику. Поскольку в новые полисы перемещалось не все население объединяемых городов, то разрушалась вся прежняя структура каждого гражданского коллектива и создавалась новая. Это давало возможность монархам безболезненно сменить магистратуры полисов на лояльные и подконтрольные. Прежние города, если и сохранялись, то чаще в статусе «деревень». По воле монархов города меняли свое место расположения. Например, Деметрий Полиоркет, вступив с войсками в Пелопоннес в 303 г. до н. э., разрушил расположенный на побережье город Сикион и «уговорил» жителей переселиться на новое место. Со сменой места город поменял и название на Деметриаду (Plut. Dem. XXV).

Нетрудно представить настроения граждан, «осчастливленных» соизводительной энергией монархов.

И, тем не менее, Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет были единственными из диадохов, последовательно признававшими автономию греческих полисов. Когда же после гибели Антигона в 301 г. до н. э. власть над его территориями перешла к Лисимаху, жизнь городов явно изменилась к худшему. Лисимах был более резок с городами. По его приказу был сформирован один административный район из тринадцати ионийских городов, управляемый стратегом царя. У ионийских греков было достаточно поводов для нелюбви к Лисимаху. В нескольких местах — на острове Лемносе например, досадная политика и финансовые требования Лисимаха оставили злые воспоминания. Граждан Колофона¹ он заставил переселиться из района на равнине в новый город на холме, который назвал в честь своей жены Арсиноей. Сама мера была оправдана наличием на новом месте гаваней. Однако действовал

¹ Колофон, Лебедос, Эфес, Приена — города в Малой Азии.

Лисимах жесткими методами, насильно переселяя людей, чем вызвал даже вооруженное сопротивление. Жителям Лебедоса также пришлось переселиться по прихоти царя в Эфес. Лисимаху приписывается разрушение нескольких городов. В Эфесе он восстановил олигархическую конституцию. Однако нельзя полагать, что политика Лисимаха была враждебна именно демократии. Манипуляции с эфесской конституцией вряд ли производились по политическим соображениям. Кроме того, отсутствуют свидетельства его последовательной политики в отношении отмены где-либо демократических режимов. Он защищал Самофракию и Эфес от пиратов, поддерживал некоторые города, например Приену (Welles. 6), в ее борьбе против кочевников. Магнезия на Менандре установила его культ со священниками и алтарем на агоре. Лисимах действовал как беспристрастный арбитр в постоянном пограничном споре между Приеной и Самосом¹ (Welles. 7).

То, что Лисимах пытался привязать города к своему государству и действовал в этом направлении более жестко, чем Антигон и даже Александр Великий, вполне оправданно с точки зрения здравого смысла правителя, так как города западного побережья Малой Азии были богатыми торговыми центрами. Поэтому его интересовали не столько политические режимы, сколько лояльность и платежеспособность городских общин.

Юридической базой взаимоотношений монархов и автономных полисов служили договоры. Содержание договоров соответствовало обычной схеме оборонительных союзов: не предусматривалось ограничений суверенитета, а лишь исключались войны на греческой земле. В то же время договоры рассматривались монархами как средство обеспечения господства над полисами и должны были поглощать прочие международно-правовые соглашения. Таким являлся договор Филиппа V Македонского с Лисимахией². По его условиям обе стороны не могли заключать мир против воли другого партнера. Это обычное и широко распространенное определение федеративных договоров, принимаемое равными сторонами. Далее шла статья об укреплении дружбы. Ни в одной формулировке не было намека на доминирующее положение Македонии. То же характерно и для договора Птолемея II с Милетом. Однако все эти юридические формальности не защищали от господства

¹ Самос — остров у западного побережья Малой Азии.

² Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus // Klio. — Beiheft 39. Wiesbaden. 1963. S. 59, 180–181.

монархов в жизни. Тот же Милеет, находясь в сфере влияния Птолемеев, имел на своей территории царскую резиденцию и гарнизон. А в упомянутом договоре город как будто бы связан с Птолемеями дружбой и симмахией (т.е. «боевым союзом»).

Господство монарха над полисом, тем не менее, нельзя понимать однозначно. Царские письма отражают стремление властителей найти послушных и преданных подданных в лице горожан (OGIS. 282; Welles. 34). Но добиться послушания было не так то просто. Оно могло стать результатом только независимого волеизъявления граждан полиса, выраженного в официальном решении или постановлении, как это сделали например граждане Баргиилии в отношении Антиоха I Сотера (Syll. 426 Z 4). Государственная воля (воля городской общины) воплощалась в настроениях господствующих внутри общины политических группировок. Другими словами, греческая коммунальная политика была всегда партийной политикой в самом радикальном смысле. Власть над всем государством находилась в руках определенной политической группы. Влияние инакомыслящих на государство не допускалось, исключалась возможность существования политической оппозиции как независимого фактора политики. Оппозиция в любом случае была отрезана от легального доступа к политическому руководству посредством угрозы физического уничтожения казнью, ссылкой, конфискациями имущества. Эта практика была традиционной для Греции уже на протяжении двухсот лет, и в эпоху эллинизма она продолжала укореняться как совершенно естественная. Правда уже к середине III в. до н. э. традиционное для греческих полисов противостояние олигархических и демократических группировок теряет смысл в силу обострения социальных противоречий в обществе. Партийная среда теряет признак четкой социальной ориентации. Основная линия раскола в гражданском коллективе проходит между богатыми и бедными. При этом и те и другие могут публично выражать свое сочувствие демократии, олигархии или даже тирании. Но в любом случае, в Греции эллинистическим монархам приходилось солидаризироваться с тем или иным городским режимом, чтобы быть уверенными, что их намерения будут восприняты общиной.

Несколько иначе выглядела ситуация в Азии. Здесь города оказались в эпицентре политического и военного соперничества диадохов. Поэтому политическая жизнь городских общин определялась противостоянием приверженцев того или иного царя. Кроме того, нахождение в границах тех или иных царств ставило под сомнение

легальность функционирования таких демократических институтов как народные собрания. Управление как правило концентрировалось в руках городских советов и магистратов. Несмотря на утрату подлинного духа самоуправления, азиатские полисы еще сохраняли остатки истинно республиканских принципов коммунальной жизни. Разраставшемуся чиновничьему аппарату монархий греческие города могли противопоставить магистратуры. В чем кардинальное отличие магистрата от чиновника? Работа чиновника как в наши дни, так и в древности оплачивается из государственной казны. Для магистрата служба государству — это честь! А за право быть удостоенным чести нужно платить! Оплачивать следовало строительство и ремонт общественных зданий, организацию празднеств, благоустройство, снабжение продовольствием и так далее. И состоятельные граждане полисов готовы были платить за то, чтобы внести свое имя в историю родного города. По сути говоря, у граждан полиса просто и не было другого варианта карьерного роста, кроме как пройти «лестницу» магистратур посредством участия в регулярно проходивших избирательных компаниях. Наибольшее значение в эллинистический период приобретают магистратуры, связанные с обеспечением повседневных потребностей граждан, например агораномы, отвечавшие за снабжение города хлебом. Значительную роль играли жреческие должности, также являвшиеся магистратурами. И хотя в условиях подчинения монархам политическое содержание магистратур заметно снизилось, тем не менее они еще позволяли гражданам ощущать некоторую автономию.

Противостояние стремившихся сохранить независимость полисов и монархов продолжалось на всем протяжении истории эллинизма. Своеобразным его проявлением были попытки городов, вопреки своему зависимому положению, проводить самостоятельную политику в сфере межгосударственных отношений. Сохранилось письмо Селевка I в Милет 288/7 г. до н. э., находившийся в то время под контролем Лисимаха. Селевк I обращается с приветствием к совету и людям Милета и перечисляет дары, отправленные им святилищу Аполлона Дидимского, являвшегося богом-покровителем династии Селевкидов: «Мы отправили в святилище Аполлона в Дидимах большой светильник и золотые, и серебряные чаши в дар богам-спасителям под попечением Полианфа, имеющего описи. Вы же, когда он прибудет, взяв их при счастливой случайности, передайте в храм, чтобы вы могли совершать возлияния и пользоваться ими за здоровье

и счастье наше и города сохраняемого, спасения которого я хочу и (за которое) вы возносите моления...» (Welles. 5). Далее царь просит милетцев в соответствии с их предписаниями способствовать Полианфу исполнить порученное ему жертвоприношение и посвящение. Столь внушительный дар явно не мог остаться незамеченным со стороны Лисимаха. Однако последний, несмотря на то, что город находился в пределах его государства, не имел возможности в одностороннем порядке ограничить право городской общины на осуществление сношений с другими монархами в интересах святилища, имевшего международный статус. Данный документ подтверждает достаточно свободное положение Милета под властью Лисимаха, которое, кстати, нашло подтверждение девять лет спустя, когда милетцы приняли очередные пожертвования, на этот раз от Птолемеев.

В 193 г. до н. э. город Теос, находившийся под юрисдикцией Антиоха III и недовольный ограничением автономии, апеллировал непосредственно к римскому сенату и получил ответ (Syll. 601). Сам Антиох III, на тот момент пребывая в состоянии «холодной войны» с Римом, отверг притязания последнего на дипломатическое вмешательство в азиатские дела. И, тем не менее, царь считал естественным, что подконтрольный город вступает в прямой дипломатический диалог с римским сенатом.

Во многом оппозиция городского населения по отношению к царской власти и стремление к самостоятельности проистекали из интенсивных экономических новаций, которые озаменовали уже самое начало эллинистической эпохи и достаточно глубоко заделали традиционные основы социальной и общественной жизни. Коммерческая необходимость разрушала барьеры между городами, а осознание общности цивилизации вело к смягчению старых противоречий. Это доказывается увеличением обмена любезностями между городами. Их делегаты съезжались на городские празднества. В 206 г. до н. э. Магнезия на Менаandre пригласила представителей со всей ойкумены на новый местный праздник и получила согласие даже от таких удаленных государств и городов как Эпир и Антиохия Персидская.

У греческих городов было достаточно оснований для надежды на щедрую благотворительность монархов. Эллинистические цари осознавали свою неразрывную связь с греческой религией, со святилищами, находившимися в старых греческих городах и обслуживавшими, в частности, потребности определенных династий. Постоянными бенефициариями монархов были Афины, Тилос, Милет, Дельфы как

исторические, религиозные и культурные центры греческого мира. Так, Селевкиды возводили свое происхождение к Аполлону Дидимскому, святилище которого находилось рядом с Милетом. Соответственно царское внимание и великодушие по отношению к святилищу распространялось на весь город.

При благоприятной финансовой ситуации в собственном «домене» цари активно инвестировали средства в экономику полисов, финансировали строительство зданий, проведение празднеств, учреждение гимназий и даже жалование преподавателей. В определенной степени они обеспечивали рабочие места и выступали в роли банкиров, хотя и сами при случае пользовались кредитованием со стороны городов.

Неудивительно, что и большие, и маленькие города пробовали получать пожертвования от царей, особенно в случае критического положения, вызванного войной, голодом или землетрясением. Города обычно сами проявляли инициативу. Их послы играли важную роль в подготовке царских предоставлений. Иногда лица, ведущие переговоры, были одновременно и царскими «друзьями», и гражданами городских союзов, и поверенными отдельных городов.

Были и чисто политические причины для активной помощи старым греческим городам со стороны монархов. Например, когда в условиях противостояния Антигонидам Афины между 286 и 279 гг. до н. э. обратились за помощью к эллинистическим державам, то получили внушительные денежные суммы и большое количество зерна от Лисимаха, Птолемея, Спартокидов, которые тем самым оказали поддержку врагу их врага. Родос, осажденный Деметрием Полиоркетом, получил помощь от Кассандра, Лисимаха и Птолемея зерном и наемниками. Антигониды, Атталиды и другие цари поддерживали Афины, когда город был осажден Кассандром.

Однако поводы для благотворительности не во всех случаях были столь очевидны. На первый взгляд выглядит лишенным серьезных оснований обещание Антиохом IV помощи городам Тегее и Мегалополису в строительстве театра и городской стены. Однако любая демонстрация благотворительности, а по отношению к маленькому городу — вдвойне, служила росту международного престижа монарха. Тем более, что Тегея и Мегалополис были членами Ахейского союза. Цари не без оснований надеялись, что их благотворительность будет отмечена декретами, статуями, чествованиями и найдет широкий отклик во всем цивилизованном мире. Если маленький город сам не в состоянии был воздать монарху по заслугам традиционными масштабными поче-

стями, то вполне в его силах было засвидетельствовать благодарность в каких-либо дипломатических акциях. Хотя были и обратные случаи: Филипп V на конференции в Локриде, перечисляя представителям Ахейского союза все пожертвования, полученные союзными городами от македонской династии, упрекал их в неблагодарности, выразившейся в связях с врагами Македонии. Налицо извечный конфликт морали и целесообразности.

В подобной щекотливой ситуации ахейцы вновь оказались в 198 г. до н. э., когда вынуждены были решать: присоединяться ли к Пергаму и римлянам для совместного ведения войны против своего благодетеля Филиппа V.

Система взаимных обязательств, опутавшая постепенно все греческие государства, приводила к столкновению конкурирующих требований. Зачастую город или целый союз были обязаны сразу обоим конфликтующим сторонам и не могли в равной степени удовлетворить встречные требования. В военных конфликтах приходилось открыто занимать сторону одного из покровителей, что приводило к упрекам со стороны другого и к санкциям, соответствующим военному времени. Таким образом, речь идет не просто о моральных обязательствах. Благодарительность, особенно подтвержденная документальными или другими материальными свидетельствами, накладывала вполне реальные обязательства, самым минимальным из которых можно считать лояльную политическую позицию по отношению к покровителю. Нарушение обязательств считалось законным поводом для санкций, достаточно было продекларировать причину их применения публично. В случае с Ахейским союзом Филипп V публично обосновал суть своих претензий, тем самым сняв с себя ответственность за последствия военных репрессалий в отношении провинившихся городов. Двойственность положения греческих полисов в новом для них мире порождала немало болезненных моментов. Нуждаясь в материальной и политической поддержке, они вынуждены были просить царей о помощи, которую обязаны были компенсировать публичной лестью.

При этом обе стороны четко понимали правила политической игры и следовали им, хотя в этом была основательная доля притворства и сарказма. Когда пергамский царь Эвмен II принял от Ионийской Лиги почести, установленные ему специальным декретом, он в ответном послании сам резюмировал причины, по которым удостоился таких: защита городов от варваров (имеются в виду галаты), сохране-

ние их государственного строя, хорошее расположение по отношению к каждому городу и помощь, предоставляемая им.

Монархи не раз демонстрировали готовность к соглашениям, регулярно объявляли о своей приверженности старым традициям организации полисов. Однако общественное мнение по-разному интерпретировало содержание монаршей воли: иногда, как искреннюю гарантию конституционных правомочий полисных коллективов или, что случалось чаще, как обман, бессмысленный фасад, прикрывающий всевластие царей и зависимость полисов. Ведь большинство городских законов принималось по инициативе или под контролем монархов. Так, законы аркадского города Мегалополя разрабатывал философ Притан по поручению Антигона Досона. А Птолемей I инициировал создание своеобразной конституции для Кирены, важного торгового пункта Северной Африки к западу от Египта. В этой «Хартии вольностей»¹ царь обосновал свою политику по отношению к государству, которое фактически поставил под полный контроль: возглавлял коллегию стратегов, оставлял за собой право на решение в вопросах экономики. В соответствии в духом конституции, Птолемей занимал первостепенное положение в управлении государством: он — господин, ничто не может происходить против его воли. Он не только главнокомандующий, но и верховный судья. Конституция Кирены была утверждена на специальном Консилиуме.

Так, перемежая диктат с обещаниями свободы и автономии, монархи пытались «выиграть» греческие города. Города же надеялись на щедрость покровителей, не отягощенную ограничением свободы. И даже заключая соглашения, обе стороны имели в виду совершенно разные цели.

Тем не менее, несмотря на ограничение самостоятельности или стеснение соседством с мощными государствами—монархиями, полисы сумели сохранить демократические традиции во внутреннем управлении и привнести многие из них в практику взаимоотношений с монархами. Именно полисная традиция стимулирования частной инициативы обогатила международные отношения активным участием индивидуумов в экономической, религиозной и культурной жизни эллинистического мира. Гражданин полиса как носитель демократических тенденций, активный участник и творец политических и социальных процессов служил в значительной степени эталоном для

¹ Bengtson H. Die Diadochen. Die Nachfolger Alexanders des Großen. München, 1987. S. 28–29.

подданных монархий, с той лишь разницей, что последние могли проявлять свою инициативу и созидательную энергию исключительно в экономической и культурной сферах, что не противоречило принципу единовластия. Наконец, хозяйственный уклад жизни полисных коллективов в будущем позволил наполнить новым содержанием римский институт муниципий, сделав их активными участниками гражданского оборота, что ускорило формирование имперской экономики Рима.

Для истории международных отношений важен сам факт признания городских общин партнерами по дипломатическому диалогу с эллинистическими монархиями. И пусть это партнерство не всегда было равным, тем не менее, эллинизм был последним периодом античной истории, когда право голоса свободного греческого города не только признавалось и уважалось, но и играло значительную роль в международных делах.

РИМ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НА ПУТИ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

После разгрома Карфагена в 201 г. до н. э. Римская республика активно включилась в политическую жизнь Восточного Средиземноморья. Это решающим образом изменило ситуацию в регионе. С одной стороны, у эллинистических государств четко обозначился новый политический партнер с запада, а с другой стороны, в лице Рима крупнейшие эллинистические монархии получили мощного конкурента в планах установления «мирового» господства.

Ни Селевкиды, ни Антигоны не намерены были делить власть на востоке Средиземноморья с римлянами. Единственным крупным государством, которое весьма охотно пошло на контакт с Римом стал Египет. Для этого был ряд причин. Династия Птолемеев, столь блестяще начинавшая свое правление, весьма быстро деградировала. Как сообщает Страбон, все цари после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли государственными делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний — Авлет; он помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце. Следствие всего этого стало изгнание царя александрийцами. Так как из трех дочерей царя только одна, старшая, являлась законной, то её и провозгласили царицей, однако, при этом два малолетних сына Птолемея Авлета были совершенно устранены от власти (Strab. XVII. I. 11). Но еще задолго до этого, после смерти Птолемея IV Филопатора александрийский двор официально обратился в 202 г. до н. э. к Риму за дипломатической поддержкой против Селевкидов и Антигонидов, объединившихся, якобы, с целью нанести урон интересам Птолемеев (Polyb. III. 2. 8; XV. 20. 1–2; Liv. XXXI. 14.5; App. IX. IV; Just. 2. 6–8). Тем самым был «открыт шлюз» для проникновения римского влияния в регион. Рим не преминул воспользоваться ситуацией. Пока ведущие эллинистические монархии оспаривали друг у друга приграничные территории, Рим действовал быстро и безапелляционно.

Римляне признавали лишь один вариант обеспечения стабильности в международных отношениях — это свое безусловное доминирование, что и было ими доказано в ходе упорной борьбы с Карфагеном.

При близком рассмотрении динамики внедрения Рима в орбиту точно-средиземноморской политики и дипломатической деятельности

его легатов сам собой напрашивается расхожий тезис о том, что история повторяется. В европейской дипломатии это пожалуй первый пример, когда молодое государство, быстро нарастившее военный потенциал, но не овладевшее еще достаточным уровнем политической культуры, вступило на путь борьбы за передел мира. Рим не смущал тот факт, что древний и высоко цивилизованный мир Восточного Средиземноморья на протяжении веков вырабатывал свой стиль и свои правила дипломатии, что политическая карта региона сложилась в результате битвы «гигантов» политики и военного дела, которых даже современники сравнивали с богами. Да, римляне на тот момент не могли похвастать высоким уровнем дипломатической культуры. Однако их вела вперед несокрушимая уверенность в том, что сила оружия способна переломить волю любого оппонента. Отсутствие развитой политической доктрины компенсировалось незыблемой верой в приоритет римского права, способного принести мир и порядок всем народам.

Римское право, достаточно основательно изученное с точки зрения его рецепции¹ современным европейским правом, представляет интерес не только для цивилистов и историков, но и для специалистов в области международных отношений. Казалось бы, хорошо знакомые юристам институты римского частного права не могут быть напрямую связаны с практикой межгосударственных отношений, которые являются прерогативой публичного права. Тем более, что именно римские юристы теоретически обосновали деление права, четко разграничив предмет регулирования: «...правом публичным будет то, которое касается интересов Римского государства; частным — будет то, которое касается интересов отдельных лиц» (*Digesta Justiniani*. I. 1. 4). Однако исторические факты дают основания для более широкой трактовки изначального древнеримского понимания сущности права, целевой направленности, задач и функций его отдельных институтов. Свидетельством тому как раз и является история покорения Римом эллинистических государств Восточного Средиземноморья.

Процесс этот начался с конца III в. до н. э. и через два столетия закончился превращением огромного региона в римскую провинцию. Эллинистические государства отличались высоким уровнем экономического развития, политической и правовой культуры. Греческое право, азиатская и египетская системы администрирования позволили за короткий

¹ Рецепция римского права — заимствование, использование римского права европейскими странами.

срок сформировать в каждом государстве достаточно эффективный механизм, рассчитанный на управление многонациональным населением, на обеспечение высоких темпов экономического развития. Безусловно, римский сенат не мог оставить без внимания столь интенсивно развивавшийся регион, обладавший, к тому же, мощным военным потенциалом.

Рим, несмотря на успех в борьбе с Карфагеном, не был в состоянии решать свои задачи на Востоке исключительно военным путем. В борьбе против «варваров», где гласности не надо было бояться, римляне обычно применяли открыто зверские, агрессивные методы. На Востоке же гегемонистские планы воплощались в жизнь осторожно, предпочтительно цивилизованным путем, по крайней мере, без прямого насилия, без жесткого контроля и больших войн. Частное право, восходившее в своей первооснове к древнейшему письменному памятнику римского права «Законам XII таблиц» (451/450 г. до н. э.), закрепляло существовавшую со времен глубокой архаики практику взаимоотношений патрона и клиента, опеки и попечительства, наследования. Все эти институты, которые современные юристы привыкли рассматривать как присущие исключительно частно-правовым отношениям, Рим активно использовал при проведении своей экспансионистской политики на востоке Средиземноморья в качестве эффективных средств наступательной дипломатии.

Римский сенат сам возложил на себя миссию по урегулированию межгосударственных отношений в регионе, и это при том, что до Пунических войн (с Карфагеном) и наступления на Восточное Средиземноморье у римлян не было практики цивилизованных международных отношений, опыта дипломатии, рассчитанной на упорядочение взаимоотношений с высоко развитыми государствами. Единственными нормами, которые они воспринимали в качестве регулятора взаимоотношений любого уровня, были те, что они знали как свое собственное право. Римлян не смущал тот факт, что эти нормы были выработаны внутри римского общества и рассчитаны на специфику такового. Точнее сказать, они не были озабочены изучением правил взаимоотношений между государствами, уже существовавших на протяжении веков, а просто методично навязывали другим народам свое собственное право.

Обыкновенно Рим имел тенденцию рассматривать независимые греческие государства через призму отношений клиентелы. Именно с позиций моральных обязательств этого института он оценивал шансы на дипломатический успех своих действий в отношении эллинистических государств. Институт клиентелы, несмотря на свою моральную составляющую, является, прежде всего, правовым по своей природе и,

соответственно, предусматривает четкие обязательственные отношения. Своеобразие позиции Рима в том и состоит, что он фактически насильно насаждал схему отношений клиентелы иностранным партнерам, без их согласия наделяя не только правами, но и обязанностями.

Победа над Карфагеном подвигла Рим к принятию на себя роли международного полицейского, особенно относительно постоянно конфликтующих государств Греции и эллинистического Востока. Самые дальновидные из греческих политиков предвидели нарастающую с запада угрозу, но их голоса, как водится, не были услышаны современниками. Во время переговоров и заключения Навпактского мира 217 г. до н. э. между Филиппом V и ахейцами с одной стороны и этолиями, с другой, из уст этолиянина Агелая четко прозвучало предупреждение об угрозе с запада и призыв к грекам сплотиться. Он говорил, что для эллинов должно быть всего желаннее никогда не воевать друг с другом. Необходимо, по крайней мере, соединиться между собой и оберегать друг друга в такое время, когда на западе встали сильные полчища и возгорелась великая война; восторжествуют ли карфагеняне над римлянами, или римляне над карфагенянами, победитель ни в коем случае не удовольствуется властью над италийцами и сицилийцами, он будет простираť свои замыслы и поведет свои войска далеко за пределы, в каких подобало бы ему держаться (Polyb. V. 104. 1–3). Однако в пылу политических интриг монархи и политики эллинистического мира не сумели оценить реальность общей угрозы, предпочтя решать свои локальные проблемы за счет притеснения соседей.

Наверное, поэтому отсутствие достаточного опыта мирной дипломатии не помешало римским легатам организовать внедрение в греческую политику посредством демонстрации мирных, «благих» намерений. Римляне настойчиво добивались и, есть основания считать, что добились в 228 г. до н. э. разрешения участвовать в Истмийских играх (Polyb. II. 12. 8), что было исключительно редкой привилегией для иностранцев. Кроме того, они очистили море от иллирийских пиратов, досаждавших и грекам; пытались устанавливать контакты посредством отправки посольств в Коринф и Афины. У части современников могло сложиться впечатление, что все акции римлян в регионе носят исключительно миротворческий характер, и даже войну с Македонией в принципе можно рассматривать как меру превентивную, ибо агрессивные аппетиты Филиппа V слишком уж хорошо были известны. Во всяком случае римляне старались, как могли, представить дело именно так.

Правда, поначалу такая тактика не срабатывала. Отсутствие особых симпатий и доверия к Риму со стороны большинства греческих государств вполне объяснимо. Вся известная грекам история Римского государства и особенно его борьба с Карфагеном, не оставляли сомнения в истинных настроениях римлян, в отсутствии у них способности к компромиссам.

А между тем, историческая память греков сохранила представление о том, что именно им римляне во многом обязаны совершенством своих законов. Страбон приводит речь Гераклита о прославленных жителях Эфеса в которой упоминается некий Гермодор, «самый полезный среди эфесцев человек», который, «...кажется, написал для римлян некоторые законы» (Strab. XIV. I. 25).

Знакомству с греческой культурой римляне были обязаны и правовыми началами международных отношений. Например, институт гостеприимства (*hospitium*), призванный определять правовой статус иностранцев, находящихся на территории Римского государства, безусловно, имел греческие корни. Сфера его действия определялась договорами Рима с народами, в дружбе которых он был заинтересован.

У римлян, как и у греков, была обязательной практика юридического оформления наиболее важных внешнеполитических акций, например, посредством проведения закона через сенат. В ранние периоды законы, сенатские постановления, договоры выставлялись на форуме или в Капитолии на всеобщее обозрение. Со временем рост числа государственных актов потребовал учреждения архива. Специализированный архив для договоров находился на Капитолии. Еще один, содержащий акты финансового управления, был в храме Сатурна у Капиталийского холма. Наконец, после 83 г. до н. э. был построен общий архив (*Tabularium*) позади храма Сатурна.

Римляне без стеснения навязывали своим внешнеполитическим партнерам собственную юридическую терминологию, представления о правилах дипломатического диалога. Весьма популярной была практика объявления то одного, то другого восточно-средиземноморского правителя «*socius et amicus populi Romani*» (союзником и другом римского народа). Звание это играло роль почетного титула, и, скорее, указывало на нравственную сторону расположения римского народа к тому или иному государственному деятелю или народу. Но со временем, наделение им все чаще означало включение конкретного государства в сферу политических интересов Рима и предшествовало стадии непосредственного подчинения.

Надо отдать должное умению греков отклонять римское силовое давление средствами мирной дипломатии. Принимая на себя определенные обязательства по отношению к новым западным союзникам, греческие государства хотя бы поначалу все же пытались требовать от Рима соблюдения уже устоявшихся норм поведения на международной арене. Так, когда перед союзными властями ахеян явился римский легат Квинт Цецилий¹ и попытался укорять их в том, что они поступили с лакедемонянами (спартанцами) не в меру сурово и жестоко, настойчиво увещевал исправить допущенную ошибку, а позже потребовал созыва народного собрания, то ахеяне предложили ему показать полномочия, которые по данному делу даны ему от сената. Когда Цецилий ничего на это не сказал, они отказались созвать ради него народное собрание, так как законы ахеян не позволяют созывать народное собрание, если желающий не предъявит письменного полномочия от сената с наименованием дел, ради которых собрание должно быть созвано. Позже в сенате ахейские послы еще раз пытались довести до сведения римлян, что у ахеян есть закон, позволяющий созывать народ на собрание только для решения вопросов о союзе или войне или в тех случаях, когда доставлено предписание о том от сената (Polyb. XXII. 13. 1–14; 16. 5–7).

Для восточно–средиземноморских государств основная проблема дипломатического диалога с римлянами состояла в том, что они не признавались последними в качестве равноправных партнеров. В пределах областей, еще не захваченных, но, так сказать, забронированных Римом, допускалось существование независимых государств. Однако они в любом случае находились под контролем римлян.

Когда Рим появился на Востоке, он столкнулся с отлаженной политической системой, имевшей свои стандарты и традиции. Поэтому первоначально была сделана попытка обеспечить существование на равных, например с Филиппом V Македонским. Такая ситуация, возможно, могла бы сохраняться достаточно долго. Но Филипп самонадеянно пошел на столкновение с буферным государством Иллирией, чем спровоцировал подозрительность Рима.

Если причиной для вмешательства Рима в восточно–средиземноморские дела можно считать рост территориальных претензий македонских царей, амбициозную политику Филиппа V, то поводом, как было сказано выше, послужило ослабление царской власти в Египте. Со смертью

¹ Квинт Цецилий Метел Македонский — претор 148 г. до н. э., консул 143 г. до н. э., воевавший против македонян и ахейцев.

Птолемея IV Филопатора нарушился паритет сил, который держался на негласном разделе сфер влияния между тремя крупнейшим державами Сирией, Македонией и Египтом. Последовавшие за этим события вызвали немало вопросов у современников. Законным наследником умершего царя остался его малолетний сын Птолемей V, чем, по мнению александрийского двора, и воспользовались Антиох III Сирийский и Филипп V Македонский. И в наше время пресловутый «договор» Филиппа и Антиоха, заключенный якобы с целью поделить владения Птолемеев, оставшиеся без защиты, продолжает порождать массу гипотез, базирующихся на довольно свободном толковании сообщений источников.

Так, Полибий восклицает: «Кто не удивится, что Антиох и Филипп ..., когда Птолемей умер и остался малолетний сын его, которому оба властителя по всей справедливости должны были бы содействовать удержаться на царстве, они как раз в это время стали подстрекать друг друга к тому, чтобы поделить между собою владения отрока и его самого, беззащитного, лишить жизни» (Polyb. XV. 20. 1–3). Ему вторит Юстин: «... жители Александрии отправили к римлянам посольство, умоляя их взять на себя опеку над мальчиком и защиту египетского государства, которое, как они говорили, уже поделили между собой по взаимному соглашению Филипп и Антиох» (Just. XXX. 2. 8). Не вдаваясь в дискуссии по поводу реальности договора, можно признать вполне очевидный факт: тогдашнее общество было склонно видеть в синхронных действиях двух царей результат взаимной договоренности, или просто существовала заинтересованность определенных кругов представить дело именно таким образом.

Все это являлось свидетельством столь высокого роста напряженности межгосударственных отношений эллинистической системы, какого не наблюдалось со времен раздела империи Александра Великого диадохами. Только теперь должна была решиться судьба владений династии Птолемеев. Селевкиды надеялись получить Келесирию и Финикию, Филипп V претендовал на Кирену, Киклады и Карию (Polyb. III. 2.8). Каждый из них стремился аннексировать в первую очередь ближайшие к своим границам территории Птолемеев. Антиох III оправдывал свои прензии историческим правом. В соответствии с ним только он имел основания распоряжаться в Келесирии, незаконно отнятой у него после военного поражения при палестинском городе Рафии, нанесенного покойным Птолемеем IV в 217 г. до н. э., и ставшей предметом дальнейших постоянных раздоров двух династий.

Военная операция по возврату Келесирии началась весной 202 г. до н. э. Это и подтолкнуло египтян отправить в Рим посольство с жалобой на

действия Антиоха и Филиппа. Данный дипломатический шаг имел далеко идущие последствия. Ответственность за него несут не только египтяне, но также Филипп V и Антиох III. Египет оказался перед перспективой потерять не только свои пограничные территории, но, возможно, и самостоятельность. Никто не мог дать гарантий, что намерения двух царей ограничатся периферийными владениями Птолемеев. Все эти события означали крушение баланса сил не только в рамках эллинистического общества, но и всего Средиземноморья. Обращение к римлянам менее значительного эллинистического государства, возможно, и не имело бы подобного резонанса. Но Египет, являвшийся одним из трех основных носителей политического равновесия, попытался подменить себя и свою роль в обеспечении баланса сил внушительной, но чужеродной силой. Нет оснований полагать, что александрийский двор навсегда собирался вверить судьбу государства римскому сенату. Суть обращения Египта к Риму сводилась только к поиску защиты от агрессии соседей. Римскому государству отводилась роль временного арбитра, полномочия которого определялись сроком стабилизации обстановки и, возможно, достижением малолетним монархом совершеннолетия. Однако римляне получили прекрасную возможность использовать противоречия ведущих эллинистических государств в своих собственных интересах. Это уже означало не частный инцидент, а глобальное нарушение границ эллинистического мира.

Правда, на первом этапе все выглядело не столь угрожающе. Римляне, как свидетельствуют источники, намеревались использовать жалобу египтян в качестве повода для начала второй войны с Македонией. К Филиппу V и Антиоху III были направлены послы с требованием воздержаться от захвата Египта. В качестве опекуна Птолемию V был назначен Марк Лепид (см.: Just. XXX. 3. 1–4). Видимо, ему отводилась роль наблюдателя и консультанта при египетском дворе. Правда, можно поставить под вопрос серьезность назначения на роль опекуна и управителя царством человека, самого едва ли достигшего двадцатилетия. Если с точки зрения римского права в этом нет ничего неординарного, то у региональной политической элиты такое развитие событий могло вызвать сомнения в истинности заявленных Римом целей опеки. Впрочем, и в планы птолемеевских чиновников вовсе не входило, чтобы управление страной окончательно перешло в чужие руки. Египтянам было достаточно политических деклараций со стороны Рима.

Между тем в Рим прибыли послы от Пергама и Родоса с жалобой на Филиппа V. На этот раз римляне отправили в Македонию легионы

(Just. XXX. 3. 5–6; Liv. XXXI. 2–3). Началась Вторая Македонская война (200–197 гг. до н. э.).

Затем последовала эскалация в отношении Селевкидов. Трудно воспроизвести объективную картину всех событий, имевших место с 201 по 197 гг. до н. э. Попытки разобраться в дипломатическом диалоге Рима и сирийского двора наводят на мысль о подобии «холодной войны», предшествовавшей прямому столкновению двух держав. Первые шаги Рима не внесли корректив в планы Антиоха III. Он не чувствовал себя нарушителем чьих-либо прав, а потому продолжал осуществление программы по установлению контроля над Келесирией и южным побережьем Малой Азии. Возможно, римлян на тот момент это устраивало ввиду необходимости выиграть время, четко определить приоритеты внешней политики и последовательность наступательной стратегии. Не последнее место в этой стратегии играла дипломатия, построенная на достижении сепаратных соглашений с соседями Македонии и Сирии. В 193 г. до н. э. римский сенат принимает на рассмотрение обращение Теоса, на которое даже дает официальный ответ, хотя город находился под управлением Антиоха III. Из сохранившегося документа (Syll. 601) ясно, что город воспринимается римлянами как самостоятельный участник международных отношений. Налаживались дипломатические контакты с Пергамом и Родосом.

Что касается Египта, то совершенно очевидно, что Рим уже не собирался выпускать его «из своих цепких когтей». Эпизоды непосредственного или опосредованного вмешательства сената или даже отдельных римских политиков и полководцев в египетские дела следуют один за другим. Страбон рассказывает, что после того, как Птолемей Авлет был изгнан александрийцами, Помпей Великий, приняв изгнанника, который прибыл в Рим, рекомендовал его сенату и добился его восстановления на престоле (Strab. XVII. I. 11). После смерти Авлета началась острая борьба за престол между его детьми, в которой римляне принимали уже самое непосредственное участие в лице Цезаря, Антония и Октавиана.

Интересно, что борьба римлян за установление окончательного господства над Египтом совпала с самым напряженным этапом противостояния республиканцев и цезарианцев в Риме. Это не могло не наложить отпечатка на содержание внешнеполитического курса Римской республики. Активность римских политиков, их стремление реализовать свои амбиции, в том числе и в сфере внешней политики, вели к явному росту экспансионистских настроений в обществе. Поэтому «восточную стратегию» Рима нельзя считать результатом стечения

обстоятельств или спонтанной реакцией на потенциальные угрозы. Некоторая нерешительность и неуклюжесть на первом этапе её реализации свидетельствовала лишь о стремлении не форсировать события перед лицом сильного противника. Успех воплощения восточно–средиземноморских планов сената зависел не только от мощи легионов, но и от глубоко продуманной политической игры, основательной идеологической платформы и, наконец, интеллектуального потенциала политиков и военачальников, ответственных за их реализацию.

Именно амбиции индивидов зачастую являлись решающим фактором в вопросах войны и мира. Можно сказать, что суть римской внешней политики после Суллы — это реализация интересов не всего римского народа, а лишь наиболее активной политической верхушки, причем, раздираемой противоречиями. Цезарь и Помпей действовали во многом независимо от сената и римского народа. Но, в то же время, они не могли не учитывать экономические интересы римских публиканов (откупщиков государственных доходов), рвавшихся к новым источникам богатств и азиатским рынкам. Сама система ежегодных перевыборов магистратур толкала римских политиков к максимальной активности, позволявшей в короткие сроки осуществить намеченные планы и поднять свой престиж. Конкуренция в борьбе за признание со стороны римского общества, ежегодно стимулировавшаяся новыми выборами, являлась «генератором» воинственных планов и агрессивности политиков. В то же время в их действиях отражалось национальное самосознание и самооценка всего римского общества, его представление о праве Римского государства по своему усмотрению решать судьбы других народов.

Восточно–средиземноморская эпопея стала для римлян суровой школой не только воинского, но и дипломатического искусства. В начале II в. до н. э. Рим, в лице своего легата Тита Фламинина наконец обнаружил, что эллинистические монархи на протяжении нескольких поколений строили свою политику с учетом общественного мнения. Гегемония на Востоке традиционно зависела от элементарного умения наладить сотрудничество с партнерами. Следовательно, отношения, по крайней мере, с некоторыми из царей, союзов и городов надо было строить так, чтобы сохранить одобрение тех из них, чей голос имел значительный вес на международной арене. Это было вполне цивилизованно и гарантировало мир. Фламинину стоило немалых усилий довести эти аксиомы до «коллективного сознания» римского сената. Он настоял на необходимости отказа от размещения гарнизонов в ключевых крепостях Греции, а после окончания войны со спартанским тираном Набисом

отвел все римские военные части. Поначалу сенаторы с трудом воспринимал достаточно модернистские идеи своих легатов. Однако ставка на пропаганду оправдала себя в кампании против Антиоха III. Рим представлял себя главным защитником греческой свободы от порабощения сирийским царем. Как только Антиох был побежден, эта пропагандистская линия потеряла свою значимость и была оставлена. Тем самым римляне продемонстрировали свое презрение к международному мнению, когда оно больше не имеет значения. Сохранение свободы для всех греков, по мнению Рима, привело бы к анархии, в то время как римляне хотели установления порядка, причем гарантированного их легионами.

В отношениях с Селевкидами как нельзя более четко отразилось основное противоречие римской политики — противоречие между попытками завуалировать аннексионистские планы дипломатическими акциями и открытой агрессией, к которой римляне весьма легко «скатывались». Правда, трезвый расчет в планах римского сената всегда присутствовал. В лице эллинистических монархов римские дипломаты столкнулись с опытными и знающими себе цену политиками. Поэтому Рим и опасался начинать политический диалог с прямого нажима. На начальном этапе дипломатической дуэли римлян и Антиоха III очевидным было взаимное нежелание начинать войну. Однако упорство царя и надменность Рима, а также опасения последнего относительно селевкидской угрозы его планам, в конце концов, создали эффект «пороховой бочки» в регионе. Рим пытался использовать лозунг «греческой свободы» в качестве рычага, чтобы «выдавить» Антиоха III из Европы. Римляне настаивали на отсутствии у азиатской династии, пусть и греко-македонского происхождения, права на решение судеб Греции. В свою очередь Антиох III был возмущен присутствием в регионе совершенно чужой политической силы, к тому же пытающейся диктовать свои условия, что явно противоречило всем представлениям о правилах межгосударственного общения.

Поворотным пунктом для их региональной политики стали переговоры в Риме между Фламинином и послами Антиоха III. Сирийской стороне в жесткой форме был предъявлен ультиматум, суть которого сводилась к следующему: Антиох не должен претендовать на Европу, а Рим обязуется воздерживаться от Азии. Сама форма обращения к монарху со стороны должностного лица Римской республики была недопустимо оскорбительной. Антиох отказался от дальнейшего диалога. Результатом этого была война, закончившаяся сражением при Магнесии зимой 190/189 гг. до н. э. и подписанием летом 187 г. до н. э. Апамейского мирного договора, положившего конец амбициозным планам Селевкидов.

Римская политическая доктрина всегда покоилась на принципе «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»). Римляне пытались превратить Пергам и Родос в свои марионеточные режимы, обеспечивающие утверждение римского порядка в регионе. Поэтому оба государства получили большое приращение территории. Таким образом демонстрировалась практика поощрения лояльных клиентов. Однако чуть позже, когда тот же Родос стал проявлять самостоятельность в управлении предоставленными ему по Апамейскому мирному договору Ликией и Карией (областями юго-восточной части Малой Азии), римляне расценили это как нарушение моральных обязательств благодарности, вытекающих все из тех же отношений клиентелы. При этом, в действиях Рима не наблюдалось проявлений реакции действительного собственника территории Ликии, по поводу управления которой и возник конфликт. Сенат пока еще не считает себя вправе выступать на положении такового, недаром ответ на действия Родоса в отношении Ликии запоздал на одиннадцать лет. Рим выстраивал свою политическую и юридическую позицию, исходя из якобы имеющегося нарушения обязательствных отношений Родосом.

После всего этого Рим мог все еще утверждать, что его цель — просто гарантировать мир и предотвращать угрозу его безопасности. Однако не прекращавшиеся войны, какими бы целями они ни прикрывались, лишний раз доказывали агрессивную сущность его намерений. Римское вмешательство становилось все более открытым и явным. Методы изменились, но принципы остались прежними. Наиважнейшая цель сводилась к тому, чтобы избежать очевидных аннексионистских проявлений своей политики. Главный метод состоял в том, чтобы оставить одно, два сильных государства в регионе для обеспечения порядка, не противоречащего римским интересам. Однако любое усиление таких союзников заставляло римлян чувствовать опасность. Альтернативой данному методу была надежда на слабость и фрагментарность проявления оппозиции при постоянном римском контроле.

Примером может служить опять же египетская политика Рима. После смерти Птолемея V Эпифана в 180 г. до н. э. Египет постепенно погрузился в гражданскую распрю, разделившись на два лагеря: сторонников Птолемея VI Филометра и Птолемея VII Фискона. В 169 г. до н. э. Антиох IV, воспользовавшись тем, что на египетском престоле остался малолетний Птолемей VI, оккупировал значительную часть территории Египта. Александрийский двор обратился за помощью к Риму. Римляне вновь использовали политический момент для вме-

шательства во внутренние дела Египетского государства. Под видом назначения опекуна малолетнему правителю в Египет с легатскими полномочиями был отправлен Гай Попилий Ленат. Он в достаточно грубой, не подобающей диалогу с царем форме потребовал от Антиоха IV эвакуировать сирийские войска из Египта, вручил постановление сената и, не дав времени на размышление, очертил вокруг царя палкой круг на земле со словами: «Дай мне ответ для сената, не выходя из этого круга!» (Liv. XLV. 12. 5). Опешив, Антиох замешкался, но затем вынужден был согласиться. Факт наглого поведения римского легата со всей очевидностью демонстрировал степень уверенности римлян в своих позициях в Восточном Средиземноморье.

В конце концов, сенат разделил птолемеевские владения между двумя царями: Птолемей VI Филометр получил сам Египет и Кипр, а Птолемей VII Фискон — Киренаику.

Страбон подробно рассказывает, как при римском содействии Кипр был первоначально определен под власть Птолемеев, а затем перешел под прямое управление Рима. Птолемей VI Филометр, правивший там последним, оказался человеком плохого характера и неблагодарным по отношению к своим благодетелям, был свергнут с престола, а римляне заняли остров, который был обращен в особую преторскую провинцию. Главным виновником низвержения царя был Публий Клавдий Пульхер¹. Страбон считает, что им двигало чувство мести, так как египетский царь не счел необходимым в свое время прислать для выкупа Клавдия, попавшего в плен к пиратам, необходимой суммы. Царь покончил с собой, а римляне, прибыв на остров, захватили его, распорядились продать царское имущество, а вырученные деньги увезли в римскую казну. С этого времени остров стал римской провинцией (Strab. XIV. VI. 6). Эта внешнеполитическая акция римлян 58 г. до н. э. была оформлена законом народного трибуна Публия Клодия о конфискации собственности кипрского царя в пользу римской казны. Так в очередной раз римская дипломатия прибегла к своему национальному праву для обоснования аннексионистских планов.

Одновременно римляне старались окончательно закрепить свое господство над Сирией. То, что государство Селевкидов представляло собой объединение ранее самостоятельных государств или, во всяком случае, сохранивших память о независимости, на первом этапе поборе-

¹ Публий Клавдий Пульхер — представитель древнего римского рода Клавдиев, народный трибун 59 г. до н. э., «прославившийся», кстати, как яростный гонитель Цицерона.

ния Азии было весьма «на руку» римлянам. Именно на лояльность сравнительно незначительных местных династов они рассчитывали. Показателен в этом отношении пример Иудеи. С самого начала политика Рима в отношении иудейского народа мало чем отличалась от политики тех же Селевкидов. И только надеждой на перемены можно объяснить стремление определенных кругов иудейской аристократии найти в лице Рима союзника и покровителя в борьбе за независимость. Уже Помпей достаточно жестко «откорректировал» последствия некоторой самостоятельности иудеев, которую они обрели вследствие ослабления власти последних Селевкидов. Он отделил от Иудеи некоторые области, захваченные иудеями силой, и сам выбрал кандидатуру на пост первосвященника, тем самым предопределив условия для складывания новой царской династии (Strab. XVI. II. 46). С этого времени положение иудеев во многом зависело от степени лояльности к римлянам.

Иудейская политика римлян на этапе борьбы с Селевкидами являет собой показательный пример тактики постепенной подмены ранее присутствовавшей в данном регионе власти. Вытесняя прежних гегемонов, Рим не оставлял власть в руках освободившихся народов и династов даже на время, стараясь тут же закрепить её за собой.

Несмотря на свой небольшой опыт дипломатического диалога с эллинистическими партнерами, Рим неоднократно демонстрировал способность серьезно относиться к формальной стороне политических мероприятий. Это видно по совместной римско–пергамской дипломатической кампании против македонского царя Персея, который наследовал Филиппу V Македонскому в 179 г. до н. э. У Рима серьезные опасения вызывало укрепление политических позиций Македонии при этом царе, который активно приступил к восстановлению международного авторитета монархии и своего собственного престижа в пределах государства и за границей. Кроме того, его брак с представительницей царского дома Селевкидов вызвал тревогу Эвмена II Пергамского, реакция которого была моментальной: он сразу постарался обратить внимание римлян на эту «проблему». В результате Рим с Пергамом в 172 г. до н. э. сделали совместный дипломатический шаг, консолидировав врагов Персея. Было подготовлено письмо, содержащее пятнадцать жалоб против Персея. Его послали амфикионам¹, которые установили надписанную на камне копию письма в Дельфах. В том же году сенат,

¹ Амфикионы — союз греческих племен, живших рядом со святилищем и защищавшим его.

проголосовал за войну против Персея, если он не даст удовлетворение относительно этих жалоб.

После битвы при Пидне в 168 г. до н. э. потерпевшая окончательное поражение Македония была разделена на четыре округа. Союзная Македонии Иллирия по аналогии оказалась разделена на три округа. Далее Рим без промедления приступил к программе военного и политического ослабления своих бывших союзников, Пергама и Родоса, в помощи которых больше не нуждался. К тому же римляне не простили предпринятую родосцами в ультимативной форме попытку прекратить войну Рима с Македонией, которая самым негативным образом сказывалась на их морской торговле. Родос был лишен всех владений в Малой Азии, а его торговля была подорвана предоставлением статуса «свободного порта» Делосу. В результате морская мощь Родоса оказалась сломлена. Пергам, проявивший излишнюю политическую самостоятельность, попал в немилость и остался без защиты перед лицом враждебных соседей. Более того, римляне стали демонстративно покровительствовать старым противникам Пергама Вифинии и Геракле Понтийской.

Самому же Риму победа над Македонией принесла столь значительные трофеи, что позволила снизить налоги с граждан. Это не могло и далее не «разжигать аппетиты» римских политиков и дипломатов, тем более что Греция пока еще избежала тотального римского контроля. Продолжали существовать и внушать подозрение своей политической активностью Ахейский и Этолийский союзы. Ахейцы не подозревая об истинных намерениях Рима, пытались реализовать собственные экспансионистские планы, расширяя подконтрольные союзу территории за счет тех, что освободились от македонского влияния. Они силой попытались удержать Спарту, предпринявшую очередную попытку выйти из состава союза и вернуть себе самостоятельность. Этот момент использовали римляне, поддержав Спарту и потребовав от ахейцев ограничения территориальных приращений. Ахейский союз самонадеянно решился на войну с Римом. Приняв вызов и вступив в войну в 147 г. до н. э., римская армия под командованием консула Луция Мумия нанесла поражение войску Ахейского союза, после чего был взят штурмом и разрушен до основания древнейший греческий город Коринф. Все греческие полисы, за исключением Спарты, Афин и Дельф, получивших статус «союзных», должны были платить дань. До 27 г. до н. э. Греция подчинялась проконсулу Македонии, а затем Октавиан Август создал отдельную провинцию Ахайю. Шесть тысяч ахейцев были высланы в Италию.

Ахейский, и Этолийский союзы были распущены. Тем самым римляне обезопасили себя от потенциальных угроз. Такая жесткость в конце их «греческой кампании» объясняется желанием превентивными мерами обеспечить себе стабильное будущее в регионе. Чего стоят после этого все концепции «невмешательства» и «филэллинства»!

То, какими принципами руководствовались римляне при выборе дипломатических средств и механизмов установления контроля над Азией, во многом зависело от начального статуса и степени лояльности тех или иных властителей по отношению к новому гегемону. Привлекает внимание стремление Рима максимально использовать юридические институты для легализации своих имперских планов. Это весьма важный момент их политики на Востоке, свидетельствующий о том, что отнюдь не одни лишь «железные» римские легионы прокладывали Риму путь к мировому господству. Были мобилизованы все известные римскому праву и дипломатии средства, начиная от манипуляций лозунгом «свободы», заканчивая наследственным правом.

Если речь заходила о реальных попытках какого-либо государства отстоять свою самостоятельность, Рим действовал быстро и беспелляционно. Вспыхнувшее в 132 г. до н. э. против римского владычества в Пергаме восстание Аристоника ознаменовало собой реакцию населения Азии на начало второго этапа установления власти Рима в регионе, проявившегося в стремлении сразу максимально интенсивно использовать ресурсы превращенных в имперские провинции государств. Недаром восстание быстро переросло границы Пергама и распространилось в соседних Вифинии, Каппадокии, Пафлагонии. Рим задействовал в его подавлении не только собственные силы, но и помощь царей Вифинии и Каппадокии (Strab. XIV. I. 38).

Та легкость, с которой со временем римские легаты от имени своего государства вершили судьбы целого региона, смещали и назначали по своему усмотрению царей, может свидетельствовать только об одном факте: они восприняли идею персонификации закона в облике победителя, столь характерную для эллинистического общества. Только в данном случае воплощением закона являлся не монарх, а римский народ по отношению к населению покоренных государств. Даже при первых дипломатических контактах с парфянами, которые к тому времени уже представляли собой значительную силу, способную противостоять римским амбициям в отношении мирового господства, римские политики небезуспешно пытались «оставить последнее слово за собой». На переговорах во время конференции на берегу Евфрата Сулла позволил себе

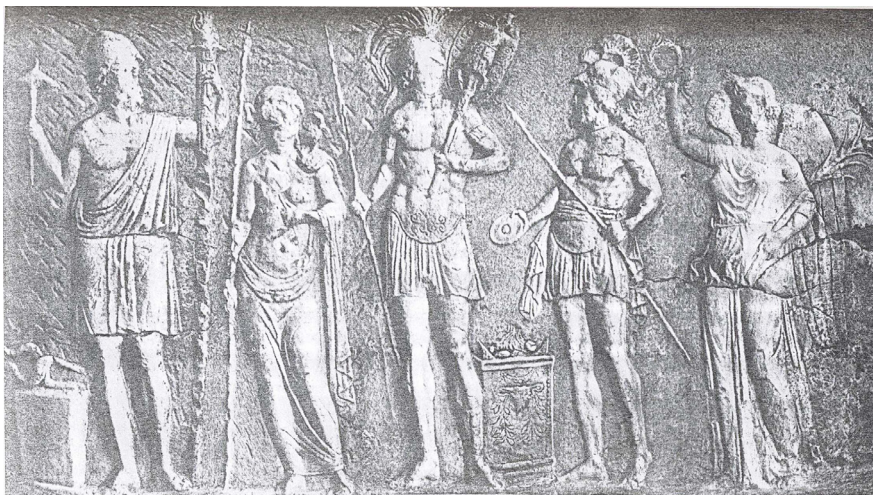
занять почетное место между царем Каппадокии и парфянским уполномоченным, тем самым продемонстрировав амбиции тогда еще мало известного в регионе италийского государства. Наглое повеление Суллы стоило парфянскому послу по возвращении домой головы, поскольку парфянский царь обоснованно счел себя оскорбленным. Парфия же со временем осталась последним серьезным оппонентом римлян в Азии.

Знаменитую антиримскую акцию понтийского царя Митридата VI Евпатора (89 г. до н. э.) можно считать актом отчаяния не только его самого, но и всего населения региона, пытавшегося почти безумными средствами отстоять независимость и свободу, которую не смогли сохранить «наследники» Александра Великого. Митридат издал приказ умертвить всех находящихся на азиатской территории италиков, без различия их пола и возраста. В результате реализации этого страшного приказа погибло не менее восьмидесяти тысяч в основном мирных италиков. Имущество убитых конфисковалось: половина отдавалась убийцам, половина поступала в царскую казну. Безусловно, это было бессмысленное кровопролитие. Азия не избавилась от римских откупщиков, наоборот, было спровоцировано очередное открытое военное противостояние, в результате которого Митридат все-таки потерпел поражение в 64 г. до н. э.

Судьба эллинистического мира была предрешена. Выбор оставался небольшой: сопротивляться до конца или сдаться на волю нового властителя. Рим остался единственным арбитром в регионе Восточного Средиземноморья. Некогда могущественные эллинистические государства могли теперь «наслаждаться» свободой только в той мере, в какой она не противоречила интересам Рима. Римляне, постоянно твердившие о своем филэллинстве, не выделяли средств на развитие региона, а лишь использовали его для «выкачивания» ресурсов. Хотя для Греции наступало время мирного существования под властью мощного патрона, было утрачено главное, свобода, за которую на протяжении веков боролись ее полисы. *Miserrimam servitutem pacem appellant* (Жалкое рабство называют миром), — иначе и не скажешь!

Все это являло собой яркий пример неспособности системы эллинистических государств, раздираемой внутренними противоречиями, противостоять военному потенциалу Рима. Однако и сам Рим оказался «в плену» политической культуры эллинистического общества. Во-первых, эллинизм подарил Риму уникальный образец монархии, возвращенной одновременно в античной и азиатской политических традициях, и в силу этого, приспособленной к управлению космополитичным, многонациональным обществом. Во-вторых, римская поли-

тическая элита именно на востоке Средиземноморья получила урок дипломатического искусства, корнями своими уходящего в сложный этикет восточных монархий и демократические традиции межполисного общения. Все это способствовало развитию теории государственного и правового строительства империи, непосредственным образом отразилось на развитии римского публичного права, в целом, и на практике международного общения, в частности. Кроме того, несмотря на достаточно высокие темпы развития собственного частного права, Рим именно на примере эллинистического общества получил образец активного участия индивидов в межгосударственном экономическом и культурном диалоге, что не могло не способствовать расширению понятия правоспособности лица в классическом римском праве.

Покорители эллинистического Востока
Рельеф с изображением сцены жертвоприношения
в честь победы римского полководца
(примерно, после 46 г. до н. э.)

(Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. — Oxford: At the Clarendon Press, 1941. Vol. II. P. 950)

РЕЛИГИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОМУ ПОМОГАЮТ БОГИ?

Эллинистический мир — творение богов и людей

Международную жизнь эпохи эллинизма, как и повседневную жизнь любого эллина невозможно представить без традиционной греческой религии. Что еще могло столь полно раскрывать внутренний мир античного человека, его мироощущение, чаяния и надежды как не постоянный диалог с богами. Посредством его не только удовлетворялись духовные потребности индивида, но и выражалась суть бытия античного общества. Содержание религиозной практики отражало наиболее насущные политические и социальные задачи, встававшие перед эллинами. Поэтому эллинистический мир не мог позволить себе пренебрежительного отношения к богам и устанавливаемым ими нормам поведения, будь то в быту или в международной жизни.

Греческая классика подарила эллинизму основные правовые формы, облеченные образом бессмертных богов. Фемида — олицетворение земного порядка, богиня права и благонравия, жена Зевса, с которым творит порядок в природе и в жизни людей. Дикэ — богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды, покровительница права и судов, водворяющая на земле законность, мир и спокойствие. Персонификация правовых категорий, еще не нашедших четкого закрепления в писанных нормах, посредством божественных образов придавала им устойчивость и авторитет, делала непререкаемыми и не подлежащими сомнению. Мир, организованный божественным провидением, должен божественным же законам и подчиняться. Внешним выражением реализации таковых является общественный порядок, который обеспечивает господство принципа справедливости во всех сферах общественной жизни, в том числе и во взаимоотношениях с другими государствами и народами. Этому ни в коей мере не противоречит тот факт, что большинство окружающих народов рассматривалось греками в качестве варваров, пригодных лишь на роль рабов. Такое положение считалось естественным и справедливым, ибо было угодно богам.

Не отказываясь в целом от традиционного греческого пантеона, эллинизм все же выбрал главным своим божеством Тихе, богиню судьбы и случая. Римским аналогом Тихе была Фортуна (Fors Fortuna). Тихе олицетворяла удачу, оптимизм и одновременно неизбежность предначертанной судьбой, тотальное господство рока. В мире, подвластном Тихе,

бессмысленно противиться судьбе. Однако, с другой стороны, именно активная и даже авантюристичная личность, отличающаяся неординарным мышлением, способная решать масштабные задачи, может рассчитывать на божественный промысел. Самое популярное божество эпохи эллинизма отнюдь не воплощало сурового, непреерекаемого порядка и закона. Но, одновременно в мире, где господствует Тихе, неизбежно возникает потребность установить определенные правила, позволяющие справляться с превратностями рока. Поэтому, в некоторой степени, можно считать культ Тихе катализатором формирования единого мировосприятия, мировоззрения для всего разноликого эллинистического общества, которое способно было стать базой для закрепления старых и складывания новых норм человеческого поведения.

Подобным религиозным настроениям, как нельзя более, соответствовало распространение в эллинистическую эпоху различных оракулов. Неопределенность ситуации, частая смена векторов власти вели к тому, что не только население пыталось найти разумное объяснение происходящему в освященных религией пророчествах, но государственные деятели, активные участники политической жизни стремились использовать этот источник религиозной мысли в своих интересах для морального и даже правового обоснования своей политической позиции и своих действий.

Одной из функций Фемиды всегда было давать предсказания и объявлять волю Зевса. Люди узнавали о божественной воле, как правило, опосредованно, через священные откровения, наиболее распространенной формой проявления которых в античную эпоху был оракул. И именно богине порядка Фемиде изначально принадлежало право контролировать самый знаменитый и авторитетный Дельфийский оракул до момента передачи его Аполлону. От предсказаний и советов Дельфийского оракула зависел зачастую настрой общественного мнения и отдельных политиков по поводу реализации тех или иных политических планов, начала войны или заключения мира.

Таким образом, в сознании эллинов религиозные предсказания несли на себе отпечаток божественной воли, направленной на установление должного правопорядка в человеческом обществе. Отсюда проистекало почтительное стремление принять указания оракула как требование высшего божественного закона в качестве руководства к действию.

Период эллинизма не стал исключением в отношении общества к оракулам, среди которых наиболее таинственными и почитавшимися как греками, так и римлянами были книги Сивилл. В них современники усматривали пророчество установления македонской гегемонии над Грецией,

великих свершений Александра Македонского. Даже события времён диадохов и эпигонов так же нашли отражение в пророчествах Сивиллы, содержавших намёки на образование и последующую судьбу Греко-Бактрии, борьбу Птолемеев за влияние в бассейне Эгейского моря¹.

Одно из пророчеств Сивиллы приводит в своей седьмой книге Павсаний (Paus. VII. 8. 8):

«Вы, македоняне, вы, что гордитесь царями из рода
Аргоса, будет для вас Филипп и счастьем и горем:
Первый даст городам и народам царей полновластных;
Всю эту славу погубит последний Филипп, побежденный
Силой людей, пришедших от запада и от востока».

Павсаний считает, что посвящено оно ходу македонской истории после поражения, понесенного от римлян при Киноскефалах в 197 г. до н. э. Под «людьми с востока», Павсаний видит пергамцев, под «людьми в запада» — римлян. Действительно пергамский царь Эвмен II старался при помощи римлян оттеснить македонян с фракийского побережья.

Характерной чертой эллинизма стало демонстративное уважение греков и македонян к иноземным оракулам. Общеизвестен факт обращения Александра к оракулу Омона во время военного похода в Египет. Страбон с критическими замечаниями воспроизводит рассказ Каллисфена о том, как жажда славы побудила Александра подняться по Нилу к оракулу, так как он слышал о том, что в прежние времена Персей и Геракл совершили такое путешествие. Прорицатель в точных выражениях сказал царю, что он — сын Зевса. К этому рассказу Каллисфен прибавляет, подобно трагическому поэту, ещё следующее: после того как Аполлон покинул оракул у Бранхидов, с тех пор как святилище было разграблено (т.е. члены рода Бранхидов, заведовавшие оракулом Аполлона в Дидимах близ Милета, выдали персидскому царю Ксерксу сокровища храма), иссяк и источник. Однако с прибытием Александра не только источник вновь появился, но и милетские послы доставили в Мемфис много изречений оракула относительно рождения Александра от Зевса, о предстоящей победе около города Арбел в Северной Ассирии, кончине Дария и попытках восстания в Лакедемонне. Каллисфен говорит, что Эритрейская Афинаида также возвестила о божественном происхождении Александра, ибо, по его словам, эта пророчица была похожа на древнюю Эритрейскую Сивиллу (Strab. XVII. I. 43). Для царя, намеревавшегося про-

¹ Книга оракулов. Пророчество Пифий и Сивилл. М. 2002. С. 277.

двигаться далее вглубь Азии, стремление найти поддержку своей политики у восточного оракула вполне объяснимо. В сознании Александра уже зрели планы по объединению Востока и Запада в границах одного государства. Поэтому одобрение египетского оракула, пусть и сомнительное с точки зрения добровольности, играло роль религиозно–правовой санкции на продолжение реализации грандиозных планов.

В античном мире религиозная жизнь всегда тесно переплеталась с правом, политикой и дипломатией. Взять хотя бы амфикионию, представлявшую собой союз греческих племен, живших по соседству со святилищем общих высших божеств и объединявшихся для его защиты. Наиболее известными являлись Дельфийский (в Фокиде) и Делосский островной союзы, посвященные святилищам Аполлона. Специфика их состояла в том, что объединявшие их сакральные идеи требовали закрепления путем регулярного отправления обрядов, общих празднеств, участие в которых, в свою очередь, подтверждало причастность того или иного племени к религиозному объединению. Такая духовная близость на основе отправления одного культа, способствовала выработке системы правил межплеменных взаимоотношений, то есть, того, что можно считать прообразом норм международного права. Спорные вопросы, возникавшие между членами такого союза, улаживались третейским судом. Так, Дельфийско–Пилейская амфикиония, основанная еще в архаические времена, сохраняла свое значение до 346 г. до н. э. Содержание присяги ее амфикиононов однозначно свидетельствует о политических и дипломатических задачах, которые призвано было играть объединение: «Не разрушать никогда до основания ни одного из амфикиониийских городов, не отводить ни у одного из них воды ни в военное, ни в мирное время, всеми силами охранять святилище дельфийского бога»¹. Дельфийцы обладали исключительным правом дарования иностранцам промантии, означавшей возможность прежде всех других вопрошать Дельфийский оракул, и активно спекулировали этим правом на пользу собственных интересов. Дельфийцы пытались монополизировать право предоставления вида на жительство иностранцам на подконтрольной амфикионам территории (Syll. 480). Неудивительно, что Филипп II Македонский в свое время сделал все, чтобы занять в союзе место, предоставляющее право голоса.

С глубокой древности практика Дельфийского религиозного центра допускала возможность обслуживания сакральных запросов и потреб-

¹ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3 т. М. 2001. Т. 1. С. 95.

ностей иностранцев. Так, с одной стороны, он являлся одним из оплотов панэллинизма, с другой стороны, материальная потребность заставляла придерживаться принципа космополитизма. Дельфы всегда были известны своей благосклонностью к иностранным дарителям, жаждущим получить предсказание, а также часто выполняли функцию посредника при заключении международных договоров. Такая универсальность и гибкость античных религиозных представлений была весьма притягательна и востребована в дипломатии.

Римская культура в целом была готова к восприятию эллинистического религиозного синкретизма с его интернационализацией культов и религиозно-правовых представлений. Естественность такого положения вытекает из представлений римлян о праве как одном из выражений божественной воли (*fas*). Даже зачатки международного права появляются в Риме из права фециального (*jus fetiale*). Фециалы — так именовались члены жреческой коллегии, учреждённой на заре римской истории. Они являлись древнейшими римскими дипломатами, на которых возлагались функции объявления войны и заключения мира. В то же время для римлян очевиден был приоритет политической целесообразности по отношению к религии. Развернув экспансию в Восточном Средиземноморье, они откровенно использовали религиозное право в дипломатии, а точнее в международной пропаганде.

Римляне не упускали возможности воспользоваться оракулами в качестве идеологической поддержки своих имперских планов. Остров, поднявшийся из глубины моря между Ферой и Ферасией (островами архипелага Киклады) в результате землетрясения, дал повод прорицателям предсказать, что восходящая римская держава пожрет древние державы, греческую и македонскую (Just. XXX. 4. 1–4; Strab. I. 3. 16).

У античных авторов присутствуют упоминания о том, как во время военного перехода римлян через Фригию к консулу Гнею явились жрецы от Матери богов Аттида и Баттика из Пессинунта с обещанием римлянам победы и владычества. Консул благосклонно отнесся к жрецам (Polyb. XXI. 37. 5–7; Liv. XXXVIII. 18. 9–10)¹. С точки зрения римского военачальника, благоволение со стороны восточной богини ничуть не противоречит нормам римского религиозного права. То же самое произошло во время римской осады Сеста, портового города

¹ Пессинунт (Пессин) — город в Галатии (область в Малой Азии), знаменитый святилищем богини Кибелы. Кибела — фригийское божество, Великая мать. Римляне вывезли статую богини в Рим, поскольку в Сивиллиных книгах говорилось, будто бы судьба их государства напрямую связана с ее изображением.

в Херсонесе Фракийском, когда гальские жрецы Матери богов выполнили фактически роль парламентариев, предварив официальные действия городского совета и обеспечив сохранность города при сдаче (Liv. XXXVII. 9. 9–10).

Известно, что римляне демонстративно уважительно относились к Дельфийскому оракулу. Квинт Фабий Пиктор, известный римский политик и писатель—историк, посланный в Дельфы в 216 г. до н. э. после битвы при Каннах, в которой римляне были разбиты Ганнибалом, вернулся в Рим с четким предписанием от тамошних жрецов, кому из богов как молиться. Выполнение условий оракула должно было принести Риму благополучие и победу в войне. За подобное расположение оракула римляне должны были послать Аполлону Пифийскому дары, достойные его (Liv. XXIII. 11. 1–3). Позже в Дельфы были отправлены послы Марк Помпоний Матон и Квинт Катий с дарами из добычи, взятой у Газдрубала (Liv. XXXIII. 45. 12).

В последующем уже Рим диктовал тем же Дельфам свою волю, контролировал их внешнеполитическую стратегию, выбор политических партнеров. Например, при отборе и приглашении участников священных празднеств Апполона Пифийского дельфийцы должны были впрямь руководствоваться соображениями лояльности и союзнических отношений с Римом. Особенно зорко римляне следили за весьма нежелательными для них контактами Дельф с македонскими монархами. Интересно отметить, что македонский царь Персей, сразу по вступлении на престол провел ряд мероприятий с целью повышения своего авторитета. Он издал приказ, содержащий разрешение возвратиться бежавшим при его отце из страны от долгов, приговоренным к изгнанию по суду, покинувшим отечество по обвинению в оскорблении царского достоинства. Приказ был выставлен на Делосе, в Дельфах и в святилище Афины Итонской (Polyb. XXV. 3. 1–3). Это не случайно. Общеэллинистские святилища в силу частого их посещения были центрами распространения информации и одновременно служили убежищем для спасающихся от гнева властей на родине. Святилища так же направляли свои декреты и письма эллинистическим монархам, римскому народу, отдельным римским военачальникам. Часто эти акции носили явно пропагандистский характер. Делосцы специальным декретом провозгласили награждение лавровым венком Сципиона Африканского как благодетеля храма и покровителя народа Делоса. Декрет был зачитан глашатаем в театре под сопровождение детского хора. Делос еще задолго до эллинизма получил статус «асилии», священного места, в отношении которого действовал

режим неприкосновенности даже во время войн. Но с приходом Рима в Восточное Средиземноморье произошла переоценка не только политических, но и правовых институтов. Поэтому в целях поддержания своего правового статуса, создававшего благоприятные экономические условия для святилища, делосцы искали пути к «сердцу» Рима, и безуспешно. В 168 г. до н. э. Дело было провозглашено свободным портом.

Эллинизм отличался бурным ростом числа новых, часто персонафицированных культов с ярко выраженной политической окраской. Для эллинов практика обожествления людей (апофеоз) не была чем-то новым и практиковалась издревле. Однако до эллинизма религиозная сущность данного акта превалировала над политической. Обожествлению подлежали герои, исторические деятели, на которых после смерти изречением оракула или постановлением коллегии жрецов распространялись божественные почести. Эллинизм же открыл дорогу для широкой эксплуатации религиозного сознания и культов в политических целях. И воспользовались этим в первую очередь монархи. Можно было бы предположить, что распространение царских культов свидетельствует об ослаблении веры в традиционную религию среди образованных греков. Однако формальный повод для согласия греков на признание монархов богами в греческой религии все же был. Стержнем новой религиозной политики с ее восточными принципами сакрализации власти оказался весьма популярный в Греции культ героев. Кто, как не Александр, навсегда избавивший греков от персидской угрозы, был достоин обожествления.

Именно поэтому эллины, хотя и с определенной долей иронии, но согласились в 324 г. до н. э. с требованием Александра воздать ему божественные почести. Согласию предшествовало бурное обсуждение на народном собрании, выступление Демосфена в поддержку Александра. Царь был включен в пантеон греческих богов как Дионис, египетский Амон был признан его отцом. Священная царская триера в честь этого акта получила наименование «Амониада», правда, ненадолго. После смерти царя все эти решения народного собрания были отменены, а их инициаторы наказаны штрафами.

Но те же исконные греки, в случае крайней необходимости, первыми демонстрировали пример подчинения фактически восточному обычаю, противоречившему любым принципам античной демократии. Афиняне, несколько не смущаясь, адресовали Деметрию Полиоркету, осадившему в 295–294 гг. до н. э. их город и доведшему их до голода, гимн, в котором называли его богом. Подобная гибкость мышления показывает, насколько оперативно воспринимались новые веяния политической и религиозной

жизни. Афиняне, вопреки здравому смыслу, отвели Деметрию для жилья опистодом, то есть заднюю часть Парфенона и удовлетворили противоречившее всем нормам религиозной практики и закону требование о досрочном посвящении его в мистерии Диониса (Plut. Dem. XXIII; XXVI). Место, куда Деметрий вступил по выходе из колесницы, афиняне посвятили богам, поставили на нем алтарь богу Деметрию. Для отправления культа ежегодно выбирали специального жреца (Plut. Dem. X).

Обожествление живых правителей для них самих имело двойственные последствия. С одной стороны, инициаторами собственной сакрализации, пусть и опосредованно, всегда выступали сами монархи, имея в виду конкретные цели, ради которых акт осуществлялся: поднятие престижа династии, централизация и абсолютизация власти, так необходимая для контроля над азиатскими подданными. С другой стороны, апофеоз действовал на собственное сознание обожествляемых так, что они как бы забывали истинные его корни и природу и начинали сами верить в свое высшее предназначение и искренность подданных в проявлении подобающих чувств. Александр первым подал тому пример. Принимая как должное откровения оракула Омона о том, что отец его не смертный македонский царь Филипп II, а бог, он допустил эту иррациональную, с точки зрения классической античной философии, идею в собственное сознание. В то же время, реалистичный ум греков содержанию «божественного откровения» находил собственное объяснение в элементарной лингвистической ошибке египетского жреца, неясное греческое произношение которого превратило фразу «сын мой» в патетичное «сын Зевса» (Plut. Alex. XXVII). И хотя Александр вполне осознавал «зыбкость» своей «новоиспеченной» генеалогии, тем не менее не мог удержаться от апломба даже в общении со своими старыми друзьями и соратниками.

Диадочи восприняли идею собственного обожествления уже как должный атрибут единоличной власти. Кроме того, эллинистические монархи стремились обставить собственный апофеоз так, чтобы он имел как можно более широкий международный резонанс и, чтобы другие государства и властители стали свидетелями проявления стабильности и незыблемости их царской власти.

Первый официальный шаг в направлении обожествления живых правителей был сделан в Египте. Здесь Птолемей I, подражая Александру, пошел даже дальше и подобно фараонам получил инкарнацию бога-солнца. Эту тенденцию продолжил Птолемей II, обожествивший обоих родителей под греческим наименованием «боги Сотеры» и учредивший священные празднества в их честь. Все это нашло отражение и

в титуле, воспроизводившем по древнеегипетскому образцу божественные начала власти правителя. В 224/3 г. до н. э. афиняне по политическим соображениям учредили культ Птолемея III Эвергета.

Птолемеи неслучайно объявили традиционную египетскую религию государственной наравне с греческой. Ведь именно в местных египетских культах они нашли санкцию на обожествление. Это соответствовало господствовавшей в Египте уже на протяжении тысячелетий религиозной и государственной практике. Сакрализация власти правителя делала ее не просто законной в глазах местного населения, но фактически отождествляла ее с законом.

В отличие от Птолемеев Селевкиды решились самостоятельно возвести свою родословную к греческим богам. Основатель династии Селевк I воплощался в образе Зевса Никатора, Антиох I — Аполлона Сотера и так далее. Сакрализация даже через греческие культы была рассчитана прежде всего на эффект в среде азиатских подданных. Для греков и македонян, несмотря на вынужденное время от времени пресмыкательство перед монархами, ни Селевкиды, ни Птолемеи не были богами ни при жизни, ни после смерти. Да и сами диадохи, будучи образованными людьми, поначалу не прониклись мистической концепцией царского сана, не искали божественных почестей, во всяком случае, не относились к этому серьезно. Только четвертый Птолемей закончил организацию царского культа в Египте. И, возможно, только третий из Селевкидов Антиох Теос сам решил назваться богом. Но уже вскоре города Малой Азии поклонялись царям как благотворителям или основателям. Селевк I, несомненно, был еще жив, когда Илион (Троя) решил, что жертвоприношения царю будут осуществляться каждый месяц, и что скачки, гимнастические упражнения и музыкальные соревнования должны проводиться в его честь каждые четыре года. Позже, после смерти Селевка фестиваль с названием Селевкейя был учрежден в Эритрее. Антиох I имел служителей своего культа в Илионе и гимнастические соревнования в Баргиилии. Ионийские города праздновали его день рождения, подобно Александру, и посвятили ему теменос (temenos), религиозный сбор и храм. Игры проводились в честь его самого, в честь его сына и его супруги царицы Стратоники. В Смирне был храм Афродиты Стратоники. Начиная с Антиоха III, налицо были все признаки организации имперского культа. В столице каждой сатрапии существовал штат священников и жриц, обслуживавших культ царей или цариц.

Пергамские цари решились на обожествление только умерших предков. Даже в Македонии, где в силу устоявшейся обычной практики и

сохранения родовых пережитков рафинированная восточная традиция не была столь активно распространена, имелись примеры обожествления монархов. У Диодора есть упоминание о некой попытке Филиппа II во время свадебных торжеств в Эгах, рядом с двенадцатью статуями олимпийских богов поставить и свое изображение (Diod. XVI. 9). Антигон Досон почитался как божество в Сикионе, Деметрий I — в Афинах, Эвбее, Сикионе; Филипп V — в Амфиполе.

Позже, во II в. до н. э., греческие города проводили подобную религиозную политику и в отношении Римской республики и ее официальных представителей. В 195 г. до н. э. в Смирне¹ был установлен культ города Рима, в Халкисе² обожествили Тита Фламинина. В Афинах после победоносных военных кампаний Рима стали совершаться жертвоприношения «Демосу римлян». Римский народ стал предметом обожествления на Самосе и Родосе, в Лаодикее, Пергаме и других эллинистических государствах. Особенно активно этот культ стал внедряться после победы римлян над крупнейшими эллинистическими царствами Сирией и Македонией. Титу Фламинину, провозгласившему на Истмийских играх 196 г. до н. э. от имени римского сената свободу Греции, греки демонстративно оказывали почести почти что наравне с Зевсом.

Однако греческие культы всё-таки не вполне удовлетворяли задаче сакрализации власти монархов. Осуществить её полноценно можно было только в рамках восточных религий. Отсюда такая откровенная лояльность и даже поощрение со стороны царей распространения тех восточных религиозных представлений, которые были им политически выгодны.

В определенной степени процесс слияния греческих и восточных культов был неизбежен для такого космополитичного общества, как эллинистическое, и часто носил стихийный характер. Стихийность, как известно, провоцируется прежде всего среди низов общества. Задачей правящей верхушки было уловить основную направленность религиозных чаяний подданных и по возможности скорректировать её в нужном для себя русле. Маленький человек, оставшийся без поддержки полисного коллектива, уставший от равнодушия старых греческих богов, судорожно искал новую опору для душевного равновесия. Он ещё не научился правильно определять свое место в обществе, объединенном единоличной властью. Восточные культы как раз и помогали его адап-

¹ Смирна — город на западном побережье Малой Азии.

² Халкис — стратегически важный город Эвбеи, острова у восточного побережья Центральной Греции.

тации к новым условиям жизни. Монархам же они давали возможность стать центром нового общества не только по признаку административной роли, но и по духовному содержанию. Именно таково было восприятие царской власти на Востоке, где монарх был инкарнацией бога. Вполне понятно, что его воля и все ее проявления, включая внешнеполитические инициативы и акции, в таком случае должны рассматриваться через призму божественной сути.

Конечно, в массе своей греко-македонское население не могло быстро и безболезненно оторваться от традиционной религии, поэтому предпочитало, не порывая со старыми богами, объединять их с восточными, совмещая в своем представлении лучшие качества тех и других. К тому же это позволяло без особых угрызений совести приносить жертвы у азиатских алтарей и участвовать в восточных церемониях. Даже в Афинах было построено святилище Астарты и малоазийской Матери богов, а одним из наиболее ярких примеров слияния культов, официально санкционированных государством, являлся культ Сараписа, объединивший черты сразу нескольких божеств: Осириса — Аписа, Зевса, Асклепия, Аида. Он был утвержден в Египте уже первым Птолемеем.

Посягательство на восточные святилища могло осуждаться также, как разорение эллинских. Смерть Антиоха III при попытке конфискации сокровищ храма Бела (Юпитера) в Элимаиде¹ расценивается как наказание за бесчинство, хотя царь пошел на это ради выплаты контрибуции римлянам (Just. XXXII. 2. 1–2; Diod. XXIX. 15; Strabo. XVI. 1. 18).

Дело в том, что, несмотря на расположение храмов на подконтрольной монархам территории, цари не имели права самовольно распоряжаться храмовой собственностью, не вызвав при этом возмущения местного азиатского населения. Поэтому в случае острой потребности в средствах они вынуждены были лавировать между применением откровенно властных санкций и использованием религиозных настроений общества для достижения собственных целей.

Так, пожалуй, самый одаренный и искушенный в искусстве и политической игре сирийский царь Антиох IV, как заправский актер, попытался добраться до средств персидского храма Нанайи под предлогом вступления в брак с богиней, что давало ему право забрать ее богатства в качестве приданого (II Мас. 1.14). «Брачная афера» царя закончилась трагично: «...Антиох с немногими вошел во внутренность храма, — тогда они (жрецы) заключили храм, как только вошел Антиох, и, отво-

¹ Элимаида — местность в Сузиане на границе с Персией.

рив потаенное отверстие в своде, стали бросать камни, и поразили предводителя и бывших с ним, и, рассекши на части и отрубив головы, выбросили их к находящимся снаружи» (I Мас. 1. 14–16). Антиох IV и до того имел опыт непродуманной религиозной политики, будучи решительным сторонником эллинизации, он спровоцировал в Иудее беспорядки, осквернив храм в Иерусалиме кровавой жертвой, установив там статуи Зевса, запретив обрезание и празднование субботы. В результате началось знаменитое восстание Маккавеев, описанное в Библии (I Мас. 1).

Римляне же, учитывая печальный опыт эллинистических владык, вооружились совершенно иной тактикой в отношении святилищ на завоеванной территории. После «освобождения» Дельф от контроля со стороны Этолийского союза городу и храму Аполлона от имени римского народа в 191 г. до н. э. были предоставлены гарантии автономии и свободы от налогов. Тем самым посредством права закреплялось признание римлянами авторитета одного из древнейших в Восточном Средиземноморье святилищ. В свою очередь это давало Риму дополнительную правовую гарантию и моральное право на оправдание своего присутствия в регионе.

Закат эллинизма ознаменовался замечательной попыткой римского консула Антония и египетской царицы Клеопатры соединить Запад и Восток, религию и власть, любовь и политику. Клеопатра, как опытный режиссер, уже первое официальное свидание с Антонием обставила как торжественную встречу богов Афродиты и Диониса во благо Азии. И благо не замедлило себя ждать: по единоличному решению Антония территория государства Птолемеев приросла Финикией, Келесирией, Кипром, большей частью Киликии, частью Иудеи и Набатейской Аравии. Дары достойные богов раздосадовали римский сенат, а для самой египетской правительницы означали еще одну решительную попытку встать во главе «пирамиды» нарождавшейся имперской власти. Имперская власть «с первых шагов» нуждалась в сакрализации, и где как не на Востоке всегда знали, как удовлетворить столь деликатный запрос.

Окончательное поражение в 31 г. до н. э. Антония и Клеопатры от Октавиана Августа вовсе не означало крушения идеи сакрализации власти. Наоборот, все последующее развитие Римского государства шло уже по проторенному эллинистическими монархиями пути слияния светского и религиозного, божественного и человеческого, конфессионального и государственного.

Во славу богов и эллинов

Религиозная жизнь эллинистического общества давала немало примеров международного сотрудничества, особенно среди государств, осознававших свое этническое и культурное единство. Немаловажное значение в поддержании этого единства играли религиозные празднества и соревнования. Поскольку они почти всегда имели межгосударственное значение, то все отношения, связанные с их проведением, подчинялись общепринятым в международных отношениях правилам.

К наиболее популярным общегреческим торжественным мероприятиям относились Немейские игры в честь Зевса, празднества Антигоний у ахейцев, Панафиней у Афинян, панегирический праздник ионических городов на западном берегу Малой Азии Панионии в честь геликонского Посейдона и так далее. Но не все желающие участвовать в них получали такое право. Родосцы, раздраженный действиями Эвмена II, не приняли его торжественное посольство, посланное на праздник бога Солнца (Гелиоса), единственное из всех царских посольств (App. XI. 3). Подобные праздники спланивали эллинов, позволяли сохранять исторические традиции, ведь многие из них учреждались в честь конкретных событий, имевших общегреческое значение. Например, Сотерии в Дельфах праздновались в честь победы над войском галатов, пытавшихся захватить одно из наиболее почитаемых греками святилищ. Это была действительно общая победа греков, поскольку за неё сражались этолийцы, беотийцы, фокейцы, локриядне, мегарцы, патрасцы, а также войска Антигона Гоната и Антиоха I.

Количество участников и масштабы подобных мероприятий внушают уважение. В Олимпии в 324 г. до н. э. собралось двадцать тысяч одних только политических изгнанников, чтобы услышать провозглашение Александром Великим приказа о возвращении их на родину; на Истмийских играх 196 г. до н. э., когда Титом Фламинином было оглашено решение сената о свободе Греции, так же присутствовала целая толпа. Причем, для столь многочисленных собраний не обязательно служили поводом исключительные события. В Дельфы отправляли на празднества делегации более пятисот городов. В 243/2 г. до н. э. город Кампаний отправил посольства во всех направлениях, даже в Македонию, на Сицилию и в Италию для приглашения царей и городов на музыкальный и гимнастический фестиваль, посвященный Асклепию. Магнесия на Меандре регулярно устраивала общегреческие празднества в честь Артемиды, в которых участвовали делегации от царей, критских городов, большинства городов континентальной Греции, даже

таких далеких, как Коркира, Эпидамн и азиатских Селевкии на Тигре, Селевкии на Красном море. Приглашения отправлялись со специальными посланниками, совершавшими ради благочестивой цели весьма трудные и опасные путешествия.

Даже строительство дорог в Греции во многом стимулировалось необходимостью посещения национальных празднеств, которые были вместе с тем и главными ярмарками. На дороги распространялся статус неприкосновенности храмов, к которым они вели. В определенной степени это решало вопрос о безопасности иностранных участников праздников и игр в это изобилующее всякого рода международными конфликтами время. Кроме того, сохранился существовавший задолго до эллинизма обычай «Экехерии», так называемого «Божьего мира», который объявлялся публично глашатаем по поводу проведения какого-либо религиозного празднества, национальных игр, предполагавших участие представителей соседних государств. Такой мир призван был гарантировать безопасность всем направляющимся на празднование путешественникам. На тех территориях, где глашатаем провозглашалась Экихерия, примерно в течение месяца должен был обеспечиваться свободный проезд, прекращалась всякая общественная и частная вражда. Павсаний при описании храма Геры в Элиде упоминает среди посвящений богине диск Ифита, на котором написан текст перемирия, объявлявшегося элейцами на время Олимпийских игр (Paus. V. XX. 1). Таким образом, «Экехерия» гарантировала особый международно-правовой статус всем путешествующим в целях участия в празднествах.

Для греческих городов-государств проведение священных праздников, фестивалей, игр было наиболее действенным способом проявления этнической и религиозной солидарности. Спортсмены и артисты боролись на священных играх и выступали на представлениях не только ради собственной славы. Полисы, отправляя делегации, ставили задачу продемонстрировать перед богами и другими городами достоинство своих граждан, а, следовательно, и своего государства.

Общеэллинские празднества были и самым удобным местом для выражения протеста или любой формы отрицательного отношения, например, к какому-либо политику. Так, в Сикионе на всенародном празднестве Антигоний, ненависть граждан к проримским политикам Каликрату, Андрониду и прочим выразилась в шиканье и насмешках при упоминании их имен, а так же в демонстративном отказе мыться одной водой с ними (Polyb. XXX. 23).

В эллинистическую эпоху уже устоявшаяся традиция организации фестивалей и праздников, посвященных богам, ломается в силу амбициозных притязаний монархов, греческих стратегов и прочих политиков, стремившихся всеми способами подчинить своему влиянию как можно больше соседних территорий и часто бравших на себя роль организаторов подобных мероприятий. Ахейский стратег Арат, желая склонить клеонцев присоединиться к Ахейскому союзу, отпраздновал Немейские игры, в Клеонах, вопреки традиции праздновать их в Аргосе. Аргосцы не отступились от своего права и также отпраздновали игры. В результате была нарушена неприкосновенность участников игр, и их личная безопасность, — ахейцы брали в плен и продавали в качестве неприятелей всех проходивших через их владения участников игр в Аргосе (Plut. Arat. XXVIII).

В целом же монархи вынуждены были считаться с устоявшейся обычной практикой, подразумевавшей строго регламентированную процедуру проведения празднеств. Религиозная сторона жизни, как частного лица, так и целого государства сохраняла неоспоримый приоритет.

Цари старались максимально использовать трибуну панэллинских мероприятий для укрепления собственного авторитета. Посол акарнанов Ликиск на союзном собрании в Лакедемонe напоминает спартамцам, что Антигон Досон воевал против них и в открытом сражении одержал победу. Однако вместо причинения обиды он избавил спартанцев от тирании, восстановил законы и государственное устройство. В благодарность за это на всенародном празднестве, призвав в свидетели эллинов, спартанцы провозгласили Антигона через глашатая своим благодетелем и спасителем (Polyb. IX. 36. 3–5).

Благодаря многочисленности подобных примеров панэллинские фестивали приобрели репутацию агоры Греческого мира, места для обмена информацией, политических обсуждений, комментариев и сплетен.

ДИПЛОМАТИЯ

Aequalitas haud parit bellum (Равенство не рождает войны)

«Сношения государств с другими государствами обычно ведут к смещению прав, так как чужеземцы внушают местным жителям различные новшества», — так утверждал Платон в своих «Законах» (Plat. Leg. XII. 950. а.). И хотя писал он это за полвека до эллинизма, его слова как нельзя более точно подходят к характеристике этой эпохи как времени всевозможных «новшеств» благодаря активным международным связям.

С точки зрения истории международного права, античность — это время, когда еще не сформировалась профессиональная дипломатия, поскольку не было ни постоянных представительств за границей, ни специальных государственных органов, отвечавших за проведение государственных интересов на международной арене. Однако нет сомнения, что античность стала колыбелью дипломатической этики и договорного права. Античная философия, политические учения, религиозные нормы и обычная практика межполисных отношений в совокупности составили начальную базу формирования дипломатического права.

В период, предшествовавший эллинизму, цели греческой дипломатии сводились к налаживанию отношений между небольшими государствами—полисами и их союзами и разрешению противоречий, большая часть которых возникала по территориальным вопросам. Этим задачам вполне соответствовал сравнительно небогатый арсенал существовавшей на то время специальной терминологии, достаточно точно передававшей смысл и содержание отражаемых ею принципов и институтов. Дипломатия развивалась под влиянием необходимости решать общие для всего греческого мира задачи. Серьезным стимулом для консолидации политических усилий большинства греческих полисов стало совместное противостояние персидскому вторжению. Потребность координировать общие усилия толкала к поиску политических партнеров, отказу от «полисного эгоизма», объединению в крупные союзы с единым военным руководством и политической стратегией. Все это создавало благоприятную почву для становления и развития целой системы обычаев и формально закрепленных правил, которые можно было бы описать как зачатки международного права.

Дипломатия не рассматривалась как самостоятельная функция государственных органов. Она составляла аспект политической деятельности,

который наряду с другими развивал знания и искусство убеждения. Последнее было особенно востребованным, поскольку эллинистическая эпоха характеризовалась многополярностью политических подходов к определению главных приоритетов и ценностей общественной жизни вообще и международных отношений, в частности. Причина такого положения в невиданном ранее разнообразии участников внешнеполитического диалога: эллинистические монархи и тираны, греческие полисы, военные и политические союзы, автономные святилища и, наконец, Римская республика. Все они строили фундамент своего взаимодействия с соседями на основе единого для всех опыта, соединявшего политическую и правовую культуру полисной жизни, дополненную традициями македонской и восточных монархий. Поэтому формирование правил межгосударственного общения от Греции до Египта происходило в рамках единого процесса. В таких условиях базовым и важнейшим мог стать лишь жизненно важный для всех государств принцип паритета сил. Ничто так не стимулирует развитие правовых институтов как стремление весьма военизированного общества выжить и сохраниться, что возможно было лишь при достижении определенного баланса внутри эллинистической системы.

С глубокой древности в основе греческих представлений о налаживании мирных отношений между народами лежало убеждение в необходимости соблюдения баланса сил. На его основе формировалась обычная практика взаимоотношений полисов. Греки, несмотря на политическую разобщенность, всегда осознавали свое национальное единство. Для эллинизма же было характерным единство правящей элиты, состоящей из греко-македонян, помноженное на общность религии, культуры.

Задача сохранения паритета сил стала особенно актуальной после краха идеи создания единой империи. Поиск путей мирного сосуществования молодых государств порождал разные, порой противоречащие друг другу взгляды и концепции.

С одной стороны, актуальными становятся идеи, сформулированные как раз накануне эллинистической эпохи Демосфеном, который считал, что в интересах политической умеренности в межполисных отношениях допустимо поддерживать тех, кто действует вопреки праву (Demosthenes. XVIII. 18). С другой стороны, по мнению самих же древних авторов, целостность права не всегда могла быть попорана во имя политических целей. Полибий рассматривал борьбу с гегемонистскими замашками отдельных эллинистических государств как средство не допустить общество до той крайности, когда становится возможным посягательство на общепризнанные нормы права (Polyb. I. 83. 4–5).

Неразвитость формальной терминологии, отсутствие теории права межгосударственных отношений, что естественно для данного исторического периода, вели к тому, что сама концепция «равновесия сил» была доступна для общественного сознания не в сформировавшемся политологическом и юридическом определении, а в форме конкретных практических проявлений, в виде вызванного жизненной потребностью процесса, целью которого было обеспечение сосуществования эллинистических государств и их способности противостоять варварскому миру, к которому относилась и Римская республика. Реализация данной цели была невозможна без согласования позиций всех государств эллинистической системы, начиная от монархий, заканчивая независимыми полисами. Согласование позиций во все века и времена предполагает признание необходимости уступок и компромиссов. Таковые фиксировались, прежде всего, в договорах, в постановлениях специальных судебных комиссий, в декретах монархов и городов. Благодаря формальному закреплению международные обычаи становились законами для всех эллинов. И, даже находясь в состоянии войны, враждующие стороны воспринимали как объективную необходимость сохранения *status quo* в регионе. Отсюда нежелание доводить противника до полного поражения.

Например, в отсутствие Селевка I, отправившегося в очередной раз покорять соседние с Индией области, Деметрий Полиоркет вторгся в Вавилонию. Но он не собирался силой оружия навсегда закрепить ее за собой. «Он приказал солдатам грабить и уничтожать в провинции все, что могут, и вернулся к берегу моря, оставив, однако, Селевку провинцию с еще более прочным владением для него, чем прежде, — опустошая провинцию, Деметрий как бы отказывался от неё, как от не принадлежащей ни ему, ни его отцу», — комментарий Плутарха как нельзя более точно отражает суть геополитической ситуации, сложившейся в регионе. (Plut. Dem. VII).

Со временем принцип взаимоотношений крупнейших эллинистических монархий, сводившийся к тактике сдерживания взаимных амбиций, развился в негласно признаваемое правило международной жизни.

Когда Птолемей III Эвергет возвратил Селевку Каллинику отнятые у него в ходе третьей Сирийской войны территории, это отнюдь не было альтруизмом. Египетский царь точно просчитал политический эффект своей победы, стратегическую ценность захваченных территорий и перспективы дальнейшего освоения и контроля над ними. Оказалось, что намного выгоднее удовлетвориться положением победителя, способного «держать в узде» воинственных соседей, чем взвалить на себя

бремя государственной заботы о «приращенных» областях. Теми же соображениями, видимо, руководствовался и Птолемей IV после нанесения поражения Антиоху III при Рафии в 217 г. до н. э. Он вовсе не намеревался доводить последнего до полного разгрома. В этом как раз и выражалось одно из основных правил практики построения отношений между эллинистическими государствами: сохранять паритет сил ради стабильности всей системы.

Весьма своеобразной тактикой характеризовалась политика Антигона Гоната, правившего в Македонии с 276 по 239 гг. до н. э. Царь нестандартно подошел к решению задачи соблюдения собственных интересов, при признании необходимости следовать принципу сохранения стабильности. Основные усилия он направил на борьбу с Пирром Эпирским и Птолемеем III. Его цель — гегемония в Северной и Центральной Греции. При этом, удовлетворившись прямым подчинением Фессалии, он установил контроль над остальной Грецией путем размещения гарнизонов и морских баз. Такая сравнительная умеренность избавила Антигона Гоната от столкновения с Этолийским союзом. Подобная практика реализации геополитических целей в последующей истории народов нашла весьма широкое применение.

Однако наиболее ценны примеры согласованных действий всех заинтересованных в мирном сосуществовании сторон. Навпактский мир 217 г. до н. э., подытоживший «Союзническую войну» между Македонией, ахейцам, с одной стороны, и этолийцами — с другой, можно считать ярким примером соблюдения паритета, поскольку стороны остались при своих изначальных владениях. Переговоры вошли в историю весьма знаменательной акцией. Этолиец Агелай призвал греческие государства сплотиться против угрозы с Запада. Если учесть, что такая угроза в лице Римской республики вскоре явственно обозначилась, то можно оценивать мирные переговоры в Навпакте как последний пример собственно греческой мирной дипломатии.

Определенная заслуга в поддержании равновесия политических сил принадлежала малым и средним государствам, которые избрали в качестве политико-правовой базы своей внешней политики нейтралитет. Стремление обеспечить себе нейтралитет диктовалось желанием гарантировать политическую неприкосновенность и беспрепятственную реализацию экономических целей.

С одной стороны, это давало возможность государствам самосохраниться в условиях обострения взаимных противоречий и конфликтов, а с другой стороны, позволяло играть роль независимых арбитров и тем

самым повышало их политический статус на международной арене. Так, политику Родоса в условиях противостояния Селевкидов и Рима отличало то, что островное государство до последнего старалось оставаться нейтральным в конфликте и даже прилагало усилия к сохранению паритета сил. Востребованный в союзники с обеих сторон, Родос не спешил включаться в реализацию римских планов. И хотя перспектива закрепления влияния Селевкидов на Балканском полуострове не слишком-то воодушевляла родосцев, они вышли из нейтралитета, выступив на стороне римлян, лишь в 191 г. до н. э., когда военное противостояние стало свершившимся фактом. Родосцы окончательно осознали бесперспективность надежд на мирное разрешение противоречий между великими державами.

Экономическая необходимость диктовала стремление к нейтралитету Византия, стабильное существование которого целиком зависело от международной торговли. Престиж этого города-государства был настолько высок, что зачастую именно к нему эллинистические монархи обращались с просьбами о посредничестве в межгосударственных конфликтах. Представители Византия по просьбе Птолемея участвовали в мирных переговорах с Антиохом III (Polyb. V. 63. 5), осуществляли посредническую миссию в разрешении военного конфликта между Филиппом V и Этолийским союзом (Polyb. V. 100. 9). В большинстве политических ситуаций налицо было стремление Византия сохранить мир в Греции.

Стараясь избегать непосредственного участия в военных действиях, византийцы, тем не менее, вынуждены были считаться с политической ситуацией, которая не всегда складывалась в их пользу, и пробовали корректировать ее за счет политических мер, не нарушающих явно принципа нейтралитета. Это проявилось в их поддержке Антигона Одноглазого, пытавшегося переправиться с войском через проливы из Малой Азии в Европу, чему старался воспрепятствовать Полиперхонт. Последний направил к месту переправы флот (Diod. XVIII. 72). Антигон был разбит, но византийцы завершили его военную операцию, предоставив ему свои суда для переправы войска. Тем не менее, на предложение Антигона войти в союз с ним Византий ответил твердым отказом (Diod. XIX. 77). Выйти из нейтралитета византийцев заставила угроза со стороны Филиппа V Македонского. Их флот с союзной эскадрой Родоса и Пергама участвовал в морском сражении у острова Хиос против македонцев (Polyb. XVI. 3–7). Примечательно, что ни одна из сторон по итогам сражения не считала себя проигравшей. Филипп V отстаивал право называться победителем, исходя из формальных осно-

ваний: потому что загнал пергамцев на сушу и завладел флагманским кораблем, а также бросил якорь у так называемого Аргена, то есть как бы утвердил стоянку на обломках кораблей противника (Polyb. XVI. 8).

Статус нейтралитета признавался в соответствии с формальной декларацией или посредством специального соглашения. Для эллинистического периода характерно то, что действенность соглашений теперь во многом зависела от готовности соблюдать таковые монархами. Именно межгосударственные договоры, начиная с тех, что были заключены диадохами в ходе раздела империи Александра Великого, и, заканчивая многочисленными договорами об оборонительных союзах, создававшихся на всех этапах истории эллинистического мира, стали главным средством обеспечения равновесия сил. Первым среди таковых можно считать скрепленный клятвой договор участников Коринфского конгресса 338 г. до н. э., в соответствии с которым Македония в лице Филиппа II выступила гарантом сохранения равновесия политических сил в Греции, главную угрозу которому в то время представляло недовольство большого числа высланных из греческих полисов участников политической оппозиции.

Если представлять всю последовавшую за смертью Александра историю эллинистического общества только как череду нескончаемых войн, то можно упустить из поля зрения достаточно показательные примеры решения спорных ситуации посредством права, религии, даже морали, или, как сейчас принято говорить, «мирной дипломатией». Так, последними представителями царского дома Аргеадов Филиппом III Арридеем и его супругой Эвридикой предпринимались попытки восстановить мир в Элладе под сенью македонской монархии. В 318 г. до н. э. было издано распоряжение, нацеленное на водворение порядка в Греции (Diod. XVIII. 56). В акте оговаривалась обязанность всех греков к взаимному оказанию помощи в случае необходимости. Это был весьма важный документ, провозгласивший свободу греков и всеобщий мир в Греции, определивший изменения во взаимоотношениях и самих диадочов. Все они, за исключением Селевка, участвовали в соглашении. Во всяком случае, это была попытка предотвратить братоубийственные войны.

Еще одним усилием урегулировать ситуацию правовыми средствами стало инициированное в 311 г. до н. э. Антигоном Одноглазым соглашение, которое должно было закрепить рамки сформировавшейся на тот момент в ходе войн диадочов системы государств. Этот документ, сохранившийся в качестве эпиграфического памятника из города Скепсиса, известен под названием «Манифест Антигона о свободе эллинов». Главным условием соглашения было возвращение к политическому

положению, существовавшему до войны диадохов. Документ, санкционированный Антигоном, предусматривал взаимную ответственность всех участников соглашения: «Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать...» (OGIS. 5). С одной стороны, данным актом Антигон обязывал сам себя признать независимость других властителей. С другой, — он выглядел главным защитником греков, что позволяет расценивать его инициативу как популистскую. Однако в целом это было соглашение диадохов о разграничении сфер влияния, способствовавшее хотя бы временной мирной передышке. Гарантией реализации норм договоров служило достаточно развитое межгосударственное правосудие.

Ведущий принцип регулирования межгосударственных отношений утратил свое значение в результате распространения в регионе римского влияния. Римляне осознавали лишь себя в роли блюстителей мирового порядка, а свое государство в качестве гаранта политической стабильности. Это означало кардинальное изменение политической системы, обеспечивавшей жизнеспособность всего сообщества эллинистических государств. Наиболее сильные державы, воевавшие за оспариваемые территории и интриговавшие, чтобы подорвать друг друга на протяжении истории двух поколений после смерти Александра Великого, были слишком заняты, чтобы распознать угрозу принципу равновесия политических сил, на котором базировалось независимое существование каждого из них. Птолемеи, Селевкиды, Антигониды, а также Пергам, Вифиния и даже Этолийский и Ахейский союзы — все они, несмотря на политические разногласия, играли свою роль в реализации названного принципа, и исчезновение любого из них вело к катастрофе. Разрушение механизма гарантий политического и военного равновесия означало конец истории эллинистического общества.

И, тем не менее, исторический прецедент состоялся. Принцип баланса политических сил на всем протяжении эллинистической эпохи служил основным вектором международных отношений, определяя их содержание и цели дипломатии. В нем выразилось главное достижение политического и правового строительства античного общества, осознававшего жизненную потребность соотнесения интересов отдельных государств с интересами всего общества, искавшего оптимальные варианты ограничения весьма частых военных конфликтов.

Государственные органы внешних сношений

«... Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-то войной без общегосударственного решения, то ему наказанием будет смерть. Если какая-нибудь часть государства заключает с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо войной, то виновных в этом стратеги привлекут к суду и в случае изобличения им грозит смертная казнь» (Plat. Leg. XII. 955. с).

«Итак, относительно путешествия в чужие края и страны и допущения к себе чужеземцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было. Затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным: речь идет о глашатаях, послах и феорах» (Plat. Leg. XII. 950. d).

Со времен Платона принцип государственной монополии на дипломатическую деятельность укрепился еще прочнее благодаря распространению монархии как доминирующей формы правления.

Начиная с Александра Македонского, в монархических государствах руководителями дипломатических ведомств были сами цари, в республиканских — специальные органы. Свойственная монархии бюрократизация государственного управления в качестве положительной стороны имела четкую структуризацию государственного аппарата и скрупулезную отчетность чиновников.

Сам монарх представлял собой главный государственный орган, определявший внешнеполитический курс, цели и задачи дипломатии. Как правило, необходимости в специальной должности, уполномоченной заниматься исключительно вопросами международных отношений, не было. Эллинистические монархи лично осуществляли функции министров иностранных дел. Все документы и юридические акты международного характера сосредоточены были в их канцеляриях и исходили именно оттуда с визой царя. Лишь иногда монархи доверяли вести переговоры своим сановникам. Антиох III, по рассказу Ливия, удрученный внезапной смертью одного из своих сыновей, избегал одно время переговоров с послами, то ли пребывал в растерянности от недавней утраты, то ли чувствовал, что проигрывает в споре. Поэтому его ближайший советник Миннион убедил вызвать послов из Пергама, пообещав сам провести переговоры (Liv. XXXV. 15. 9).

Однако налаживание дипломатического диалога между монархами и греческими полисами происходило далеко не всегда гладко. Свойственная греческим полисам демократичная практика формирования

посольств сталкивалась с амбициозными требованиями отдельных монархов. Так, Деметрий Полиоркет счел себя оскорбленным, когда из Спарты к нему приехал только один посол: «Как неужели спартанцы прислали мне одного посла?» — «Да, государь, — ответил тот с обычным спартанским остроумием, — одного — к одному» (Plut. Dem. XLII). Он же, несмотря на расположенность к афинянам, заставил однажды их посольство ждать аудиенции два года.

С другой стороны, достаточно примеров, когда цари во время приема послов старались демонстрировать те качества, которые в глазах общества расценивались как признак просвещенности, гуманности и в то же время твердости царственной воли. Антигон Одноглазый, ведя переговоры с посольствами, всегда заранее знакомился с записями архива относительно того, какие из послов раньше к нему уже приходили и по какому делу. При встрече, припоминая каждого, он поражал всех послов тем, что обладает столь превосходной памятью (Polyaen. Strat. IV. 6. 2).

В наиболее ответственных случаях функции послов, представлявших интересы монархии, могли выполнять члены правящей династии. В исторической литературе весьма популярен сюжет о дипломатической миссии в 183 г. до н. э. македонского царевича Деметрия, сына Филиппа V. Поскольку юноша пользовался популярностью и доверием в Риме, где он провел некоторое время в качестве заложника, отец отправил его оправдываться перед сенатом относительно многочисленных жалоб от греческих государств на незаконные действия Македонии. После поражения от Рима во Второй Македонской войне Филипп V нарушил условия мирного договора, стараясь ускоренными темпами восстановить свой военный и политический потенциал, чем вызвал серьезные опасения соседей. Деметрий добился прощения для отца, не используя свое право на защитительную речь, лишь молчанием продемонстрировав раскаяние македонского царского дома. Что весьма примечательно, этот факт был отражен в специальном сенатском постановлении, определявшем, что Филипп не столько оправдан, сколько прощен ради сына (Just. XXXII. 2. 3; Liv. XXXIX. 46. 6–48. 1; Polyb. XXII. 14, 9–10; XXIII. 1–3; App. IX. 6). Правда, для царевича дипломатический успех обернулся подозрением в измене и казнью по распоряжению собственного отца.

Высокой дипломатической активностью отличались пергамские цари Аттал I, Эвмен II и Аттал II. Они много путешествовали, лично возглавляя дипломатические миссии в Балканскую Грецию, Дельфы и Рим. Стараясь максимально использовать положение друга и союзника римского

народа, пергамские правители постоянно провоцировали политическую напряженность и подозрительность в отношении своих главных оппонентов: Селевкидов и Антигонидов. В отдельные моменты их бурная деятельность доводила до раздражения даже римский сенат. Накануне Третьей Македонской войны (172–167 гг. до н. э.) Эвмен II устроил настоящий дипломатический шторм сената, стараясь форсировать начало военных действий. В ход пошли и явно фальсифицированное покушение на Эвмена, якобы устроенное молодым македонским царем Персеем, и лихорадочный поиск новых союзников и прямое давление на Рим в ходе переговоров. В такой обстановке римские сенаторы предпочли выслушать возмущенных послов Македонии и Родоса уже после отъезда из Рима Эвмена II. Дело в том, что многие из сенаторов откровенно подозревали пергамского царя в намеренном разжигании военного конфликта. Конечно, очередная война с Македонией была неизбежна в силу собственной заинтересованности римлян, однако сенат не намерен был уступать стратегическую инициативу пергамскому царю. Родосцы же в знак протеста отказались принять торжественное посольство Пергама, посланное на праздник бога Солнца (App. IX. XI. 3).

Двусторонняя дипломатия осуществлялась в основном специальными посольствами и делегациями, работа которых носила временный характер.

С архаических времен в сфере внешних сношений, базировавшихся на обычном праве, сложилась практика доверять дипломатические функции прежде всего представителям культов. Так в Греции существовали специальные должности герольдов (*kerykes*), связанные с культом посланника богов Гермеса. Они занимались внешнеполитической деятельностью и обладали чем-то вроде дипломатического иммунитета. А в древнем Риме заключение договоров было прерогативой фециалов. Учреждение коллегии фециалов приписывают четвертому из семи легендарных царей архаического Рима Анку Марцию или его деду Нуме Помпилию. Фециалы избирались пожизненно из знатнейших семейств и обладали неприкосновенностью. Функции фециалов ассоциировались с понятием мира. На них возлагалась обязанность до официального объявления войны попытаться договориться о мирном разрешении конфликта. Их присутствие было обязательным при заключении мирных договоров. Однако именно на долю фециалов выпадало совершение формального акта, символизировавшего объявление войны: бросание копья на территорию врага с провозглашением законности объявляемой войны (Liv. I. 32. 5). В последующем данная процедура осуществлялась у храма богини войны Беллоны на Марсовом поле.

Несмотря на то, что в эпоху эллинизма само общество, государственные учреждения радикально изменились, некоторые религиозные и церемониальные функции, имевшие непосредственное отношение к дипломатии, были сохранены последующими поколениями династий, профессионально занимавшихся этой деятельностью. Так в Спарте древние традиции герольдов сохранялись в семействе Тальфибиев, носившем имя, восходившее к Тальфибию, герольду легендарного царя Агамемнона.

Если два государства, находившиеся в состоянии войны, намеревались вступить в переговоры, то начинался этот процесс с отправки герольда. После сражений проигравшая сторона обычно посылала герольда, чтобы испросить от победителя разрешения забрать своих убитых и раненых воинов с поля боя. Само присутствие герольдов в обменах между государствами являлось доказательством того, что государства уже находятся в состоянии войны, даже если она еще не объявлена. Правда, в 431 г. до н. э. Периклом было предложено новое понятие «война без герольда», которое означало, что война была начата без формального провозглашения. Интенсивность политической жизни неизбежно вела к постепенному снижению формализма внешнеполитических акций.

В отличие от герольдов, которые осуществляли свои функции единолично, посланники (*presbeis*) в основном работали коллективно. Дипломатические миссии выполнялись также посольными (*angeloi*). Их статус носил больше политический характер, чем юридический. В своей деятельности они руководствовались традиционными кодексами поведения для иностранцев, но не обладали дипломатическим иммунитетом и свободой от ареста. В случае необходимости совершения путешествия по суше они могли запросить разрешение третьей стороны для прохода через её территорию. При путешествии по морю получить такую же гарантию безопасности не было никакой реальной возможности.

Численность посольств зависела от дипломатических традиций конкретного государства. В этом отношении Спартанское государство еще в классическую эпоху выглядело самым последовательным. Оно неизменно посылало трех достойных миссии спартиатов. Афиняне же отправляли для ратификации договоров двух, трех, пятерых и даже десятерых послов, как было сделано для установления отношений с Филиппом II Македонским в 346 г. до н. э. Для демократических Афин размер посольства во многом определялся политической важностью миссии и числом политических группировок или деятелей, заинтересованных в ее реализации.

Афиняне издревле придерживались практики назначения достаточно низкой оплаты своим послам, примерно по драхме в день, что равнялось

среднему ежедневному заработку обычного ремесленника или солдата. Это должно было гарантировать, что посольская деятельность не будет расцениваться гражданами как источник дохода, средство обеспечения своего существования. Демократические принципы полисной жизни требовали от должностных лиц, в том числе и послов, бескорыстного служения общественным интересам.

При наборе посольств важным условием являлось соблюдение жестких критериев. Так, греческие государства придерживались издревле существовавших правил, определявших возрастную ценз послов, в большинстве случаев, от тридцати лет. Когда Афины решили послать посольство к Пердикке, выполнявшему функции регента после смерти Александра Великого, каждый из трех послов должен был быть старше пятидесяти лет.

Четкой реализации политического курса в дипломатической деятельности государств способствовало возложение персональной ответственности на влиятельных политиков за воплощение вносимых ими предложений. Так, на рубеже эпох, классической и эллинистической, в 346 г до н. э. Филократ, предложивший афинянам вступить в переговоры с Филиппом II Македонским, был включен в афинское посольство в Македонию, как и Демосфен, поддержавший предложение Филократа и имевший возможность профессионально изложить суть афинской внешней политики.

Должность посла не была постоянной. Только наиболее уважаемые граждане за свою жизнь имели возможность побывать участниками многих посольств. Немалую роль играл фактор оценки личности посла со стороны партнера по переговорам. Во взаимоотношениях двух государств на протяжении долгих лет могла существовать традиция отправлять в качестве послов друг к другу одних и тех же людей, уже испытанных прошлыми дипломатическими миссиями, хорошо разбирающихся в тонкостях отношений двух государств и пользующихся уважением и доверием принимающей стороны. Иногда личность посланника имела большее значение, чем содержание его миссии и даже власть, которую он представлял.

Дипломатическая практика во многом зависела от прямого, устного обмена и контактов между политиками и государственными органами. В эллинистических государствах в роли послов часто выступали добровольно вызвавшиеся уважаемые граждане или, если речь идет о монархии, назначенные царем сановники. Это были, как правило, люди искушенные в тонкостях придворной дипломатии, хорошие ораторы, психологи, владевшие искусством речи и убеждения.

Полибий, рассказывая о дипломатической миссии своего отца, подчеркивает отличительные качества царского посла из Египта: «В это

время прибыл посол от Птолемея, афинянин Деметрий для возобновления существовавшего раньше союза царя с народом ахеян. Ахеяне согласились с радостью на возобновление союза, причем выбрали послами к Птолемею отца нашего Ликорта и сикионян Феодорида и Росителя, для принесения клятвы царю от имени ахеян и принятия таковой от царя. К тому же времени относится случай, правда, побочный, но стоящий упоминания, именно: когда союз был возобновлен, Филопмен от имени ахеян пригласил посла к себе. За столом, когда речь зашла о царе, посол распространялся в похвалах Птолемею, причем сообщил несколько примеров его ловкости и отваги на охоте, а также его умения и искусства обращаться с лошадьми и оружием. В подтверждение своих слов он под конец рассказал, как царь с лошади умертвил быка месанкилом» (Polyb. XXII. 3. 5–9).

Зачастую успех послов зависел от их артистических способностей. Однажды египетские послы прибыли в римский сенат с жалобой на Антиоха IV, грозившего осадой самой Александрии. Стараясь наверняка вызвать сочувствие сенаторов, они явились в курию в скорбной одежде, держа в руках масличные ветви, с опущенными бородами и волосами, и пали ниц. При этом речь их была еще жалостнее, чем вид (Liv. XLIV. 19. 6).

Продолжали функционировать и, так называемые, священные или торжественные посольства, «феории (теории)». Они отправлялись для приглашения на религиозные празднества и соревнования, которые в большинстве случаев имели межгосударственное значение, или для непосредственного участия в них. Зачастую в их функции входило осуществление жертвоприношений богам от имени своего государства, а также обращение за консультациями к оракулам. Такие посольства часто сопровождалось частными лицами, желавшими также принять участие в празднестве или имевшими определенные политические или торговые цели. История эллинизма знает примеры когда беспринципность политиков приводила к попыткам использовать теоров для исключительно политических целей. Некому Стратоклу, которого Плутарх характеризует как «наглеца во всех отношениях», принадлежала «выдающаяся выдумка» отправить священное посольство к Антигону Одноглазому и Деметрию Полиоркету (Plut. Dem. XI). Одним из наиболее известных, было посольство, регулярно снаряжаемое за счет общественных литургий афинянами на Делос в святилище Аполлона. Литургии в Афинах относились к государственным повинностям, подразумевавшим личные услуги со стороны состоятельных граждан

по содействию организации религиозных празднеств, снаряжению всем необходимым священных посольств¹.

На послов часто возлагались функции, от которых зависело в буквальном смысле экономическое благополучие государства, например, достижение соглашений о хлебных поставках, расширении торговли другими жизненно важными товарами.

Послам поручали посреднические миссии при разрешении конфликтных ситуаций и налаживании дипломатических контактов между государствами. Так, в ходе Второй Македонской войны в 198 г. до н. э. попытка возобновить переговорный процесс между римским полководцем Титом Фламинием и македонским царем Филиппом V была принята при посредничестве послов Эпира (App. IX. V).

Посольские миссии использовались и для сбора разведданных. Аппиан сообщает, что римляне, относившиеся с подозрительностью к быстро усилившемуся Персею, через послов, отправленных к бастернам², получили сведения о сильном укреплении Македонии, хорошем снаряжении ее армии и обученной молодежи (App. IX. XI. 1). Царь Иллирии Гентий в 168 г. до н. э. заключил в оковы прибывших к нему римских послов, обвинив их в том, что они пришли не как послы, а как разведчики (App. X. II. 9).

Особую роль в истории международных отношений эллинизма сыграли посольские миссии в Индию.

Эллинистические монархи всячески стремились установить дипломатические контакты с самыми дальними по их представлению восточными государствами, до границ которых когда-то с боями дошла армия Александра. Одним из таких удаленных соседей была Индия. В свое время индийский царь Пор присягнул на верность Александру Македонскому, и, вероятно, был оставлен править своим царством в северо-западной Индии на положении сатрапа (Arr. Anab. V. 29.2; VI. 2.1). Однако после возвращения на запад основных сил греко-македонской армии последовало изгнание оставленных Александром в Индии гарнизонов. В последующем диadoхи, не имея реальной возможности влиять на события в столь удаленных регионах, *post factum* решились юридически оформить то, что уже стало реальностью. В 321 г. до н. э. была признана независимость индийских царей. Однако очевидной оставалась потребность посредством дипломатических кон-

¹ Любкер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 150, 389; Т. 2. С. 249, 252.

² Бастерны — народ кельтского происхождения, живший между Днестром и Днепром.

тактов сохранять контроль за ситуацией в регионе. Этим было продиктовано направление Селевком Никатором посла Мегасфена ко двору Чандрагупты Маурья. В III в. до н. э. Птолемей IV Филопатор отправил в Индию астронома Дионисия, а Антиох I — Даймаха из Платей. Каждая из дипломатических миссий увенчалась подробными страноведческими отчетами, составившими самостоятельные произведения и послужившими источниками для «Естественной истории» Плиния Старшего и «Географии» Страбона.

Послы должны были составить описание маршрута следования с указанием расстояний между пунктами. Несложно догадаться, что подобная задача имела, прежде всего, стратегический характер. Эллинистические монархи руководствовались совершенно конкретными целями: иметь насколько можно более точное представление о географии и маршрутах в Индию и обеспечить прочный политический тыл с востока.

Однако наблюдательность послов позволяла делать выводы не только стратегического характера. Мегасфен восхищался тем, что индийцы отличались законопослушанием, проявляли воздержанность в отношении воровства, и это при том, что у них не было писанных законов (Strab. XV. 1. 53).

В Риме заключение договоров поручалось магистратам (должностным лицам республики) или легатам (послам, назначаемым сенатом), причем под свою ответственность. Состав посольств утверждался сенатским постановлением. Сенат снабжал послов инструкциями и деньгами, принимал отчеты о результатах миссий. Сенат же контролировал деятельность и иностранных послов на территории Рима. За их размещение и содержание отвечали квесторы (государственные казначеи). Они определяли целесообразность содержания иностранных послов и наделяли их подарками, стоимость которых обычно составляла две тысячи ассов. Впоследствии такого рода внимание оказывалось только послам особенно дружественных государств, или имевшим заслуги перед римским народом. Так, Аполлоний, глава посольства Антиоха IV, направленного в римский сенат с дарами и извинениями за задержку выплаты дани по Апамейскому договору, заключенному еще с Антиохом III, получил в дар от римлян сто тысяч ассов, бесплатное помещение для проживания и содержание на время пребывания в Италии. Ливий так объясняет причину благосклонности сената: «Послы, побывавшие в Сирии, донесли, что этот человек в большой чести у царя и очень расположен к римскому народу» (Liv. XLII. 6. 6–12).

Послы враждебных держав не имели доступа в Рим без специального приглашения и размещались «по ту сторону Тибра». В случае получения аудиенции, они отправлялись в Curia Hostilia (здание заседаний сената) на форуме. Переговоры обычно шли по стадиям. Сенат заслушивал посольства, совещался, затем вновь призывал послов для сообщения ответа, который озвучивал консул или претор (глава судебной власти).

Римские посольства выступали от лица сената и всего римского народа. Это вносило новизну в дипломатический этикет Востока. Осознавая себя частью великого народа, послы часто вели себя на равных с эллинистическими владыками, и уже одно это придавало заключенным договорам весьма своеобразный характер. Легат Марк Эмилий Лепид, исполняя решение сената, пригрозил Филиппу V судом за обиды, причиненные Атталу и родосцам (Polyb. XVI. 34. 4–5). Видимо, римляне восприняли действия царя как нарушение договора. О каком суде шла речь, сказать трудно. Скорее всего, речь может идти о некоем подобии третейского суда в составе представителей сената и обиженных сторон. Однако, интересен сам факт угрозы применения санкций за нарушение договорных условий.

Римская дипломатическая практика знала, так называемые, свободные посольства (*legatio libera*), то есть, что то, наподобие почетной командировки. Когда сенаторы спрашивали право на время отлучиться из Рима, они преследовали свои частные интересы, но при этом активно пользовались полученной от сената должностью легата, дававшей им определенные привилегии, например бесплатный проезд и содержание.

В период заката ведущих эллинистических государств Рим использовал для вмешательства в их внутренние дела отдельные переговоры, осуществление которых возлагалось на посольские миссии. В частности, стремясь поддерживать любые проявления сепаратизма в государстве Селевкидов, римский сенат благосклонно принимал посольства тех народов, которые еще находились под юрисдикцией данной династии. Иосиф Флавий сообщает, что иудейский первосвященник Гиркан, желая возобновить после смерти Антиоха VII Сидета союз с римлянами, отправил к ним посольство, которое изложило следующие политические требования: чтобы Яффа с её гаванями, Газара с источниками и вообще все остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановлению, отнял у них на войне Антиох, были возвращены им; затем, чтобы царским войскам не был разрешен проход по владениям иудейским или областям подвластных иудеям племен, чтобы все, Антиохом предпринятое во время той войны и не соответствующее сенатским постанов-

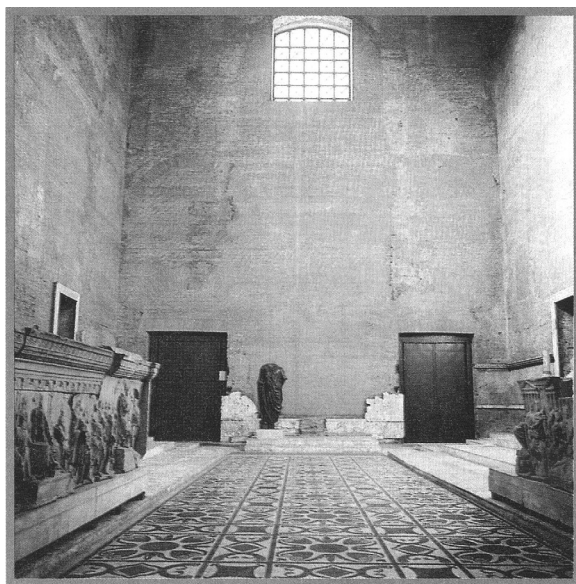
лениям, было признано недействительным; далее, чтобы особое посольство вернуло иудеям все отнятое у них Антиохом и приступило к новой переоценке всех опустошенных этим царем земель и, наконец, чтобы римляне выдали им к царям и неподвластным им народам пропускные грамоты, дабы они, послы, могли беспрепятственно совершить обратное путешествие на родину. Просьба послов была рассмотрена в комициях и сенат постановил возобновить дружественный союз, дал обещание, что на будущее время иудеев более никогда не постигнет такая несправедливость, и распорядились, чтобы претор Фанний отпустил послам денежные средства из казны для возвращения посольства на родину. Иудейские послы были снабжены постановлением сената для всех тех, к кому они должны были на возвратном пути приехать, дабы эти последние не ставили им никаких препятствий во время их пребывания и путешествия (Jos. Ant. XIII. 9. 2). Заметим, что все это осуществлялось задолго до прямой аннексии государства Селевкидов римлянами.

Рим

Справа — Курия (место заседания римского сената)

Слева — Табулярий (государственный архив)

Галерея Табулярия

(Рим: Эхо имперской славы/ Пер. с англ. Т. Азаркович. — М., 1997. С. 36–37)

Проксения в эллинистический период

Особая роль в античной дипломатической практике принадлежала институту проксении. Проксенов по ошибке иногда считают предтечами современных консулов в силу того, что с ними связывалось представление о защите на территории какого-либо государства прав иностранных граждан. Однако сам проксен не являлся для данного государства иностранцем. В своем родном городе он представлял интересы граждан избравшего его государства. Проксения оформлялась специальным декретом (Syll. 383; 404; 477/8; 492; 585). В обязанности проксена входило: оказывать иностранцам гостеприимство и помощь в судебных разбирательствах, выкупать пленных, проявлять заботу о достойном погребении погибших на войне, осуществлять держание и передачу наследникам имущества умершего, официально представлять делегации города, проксеном которого он является, и помогать в осуществлении их миссий. Как видим, обязанности проксена часто были довольно обременительными. Компенсировались они посвящением специальных декретов, надписей, оказанием различных почестей

со стороны городской общины, интересы которой он представлял. Среди материальных выгод, предоставляемых иностранным городом, несколько возмещавших затраты проксена, следует назвать ателию, право свободного и беспошлинного захода на корабле в порт и выхода из него, приобретения земли.

В эллинистический период институт проксении широко практиковался в отношениях полисов с монархиями. В таких случаях проксенами оказывались влиятельные сановники при монарших дворах. Так, афиняне специальными декретами оказали почтение милетианину Менестею, а также сановнику Антиоха VII по имени Менодор (или Зенодор) за помощь, которую тот оказал афинским послам в Антиохии. Оба селевкидских подданных получили право афинского гражданства. Византий аналогичным образом отметил заслуги Евдема Селевкийца, дружески относившегося к византийцам и оказывавшего услуги в предоставлении удобств во время пребывания их в Селевкии. Ему даровалось право гражданства по закону и возможность приписаться к любой из сотен, на которые делились граждане Византия, и право пользования византийской гаванью во время войны и мира¹.

Обыкновенно проксен получал право поземельной собственности и право общения с советом и с народом без посредников и, в исключительных случаях, полные гражданские права того государства, интересы граждан которого он представлял у себя на родине.

Звание проксена могло переходить по наследству. В таком случае наследник продолжал в точности выполнять тот объем полномочий, который первоначально подлежал осуществлению «проксеном по назначению». Полибий упоминает подобный случай, когда некий месенец Никагор по наследству от предков был проксеном лакедемонского царя Архидама (Polyb. V. 37. 1–5).

Проксения чаще всего фигурирует как институт частноправовой. Поэтому отношения в его рамках строились в русле оказания услуг отдельным гражданам иностранного государства, которое могло в ответ на это предоставить определенные почести проксену. Это не означает, что проксен поощряется за проведение политики иностранного государства на территории своей державы. И даже в том случае, когда проксен оказывал услуги главе иностранного государства, он все равно являлся выразителем интересов, прежде всего, своего отечества.

¹ Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М. 1999. С. 278; Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М. 1953. С. 130.

Дипломатические дары

Эллинистическая дипломатия оказалась весьма искусенной в вопросах стимулирования внешнеполитических партнеров посредством материальной заинтересованности. Речь идет о подкупе и подарках.

Умение правильно сделать подарок, продемонстрировав тем самым свои намерения и учтя запросы и вкусы одариваемой стороны, — это целое искусство, от которого в международной жизни может зависеть судьба государства.

В условиях постоянных коммунальных войн в Греции, когда гражданский коллектив полиса раздираем партийными и социальными противоречиями, а финансы совершенно расстроены, искусные в искусстве дипломатии политики как правило заранее «готовили почву» для обращения за помощью к монархам, так сказать, страховались «на черный день». Ахейский стратег Арат, переживавший за судьбу родного Сикиона, которому угрожали смуты и гибель, заранее расположил к себе Птолемея IV, посылая ему из Греции различного рода художественные вещи и картины. Будучи знатоком в искусстве, Арат сумел настолько угодить египетскому царю, что получил в подарок для города полтора ста талантов, которые помогли стабилизировать политическую ситуацию, восстановив мир и согласие между бедняками и богачами (Plut. Arat. XI; XII).

Без лишнего преувеличения можно утверждать, что подобная тактика преодоления внутригосударственных кризисов сохранилась в Греции до сих пор. Всегда находился и находится тот, кто готов заплатить за мир в Греции.

Но грань между подарком и подкупом, как известно, весьма тонка. Полибий подробно описывает попытку подкупа членов ахейского союзного собрания пергамским царем Эвменом. Он через своих послов обещал выдать ахейцам сто двадцать талантов, при условии, что они положат эти деньги в рост и из получаемых процентов будут платить жалование участникам совещаний на союзных собраниях. В ответном слове сикионец Аполлонид отметил, что дар Эвмена отвечает достоинству ахейян, если судить о нем по размерам предлагаемой суммы; но он является позорнейшим и бесчестнейшим из даров, если принять во внимание намерение дародателя и употребление, на какое дар назначается. «Законы наши возбраняют кому бы то ни было из граждан, будет ли то частное лицо, или должностное, принимать дары от царя под каким бы то ни было видом; поэтому принять деньги и дать подкупить себя открыто всему гражданству было бы деянием не только противозаконнейшим, но несомненно и постыднейшим. В самом деле, и позорно,

и гибельно было бы ежегодно принимать собранию ахейян угощение от Эвмена и затем, как бы испив отравы, совещаться о союзных делах. Теперь дает деньги Эвмен, потом предложит Прусий, засим Селевк, а так как царства и народные правления противоположны по самой природе, и так как большинство важнейших совещаний всегда касается наших распрей с царями, то неизбежно и несомненно получается одно из двух: или выгоды царей будут поставлены впереди нашего собственного блага, или в противном случае мы в мнении всех окажемся неблагодарными, врагами наших собственных мздовоздаятелей» (Polyb. XXII. 11. 1–8). Предлагаемый дар был единогласно отвергнут.

Ахейский стратег Филопмен также отверг дар спартанцев, которые пытались расположить его к себе после присоединения Спарты к Ахейскому союзу. Когда Спарта потерпела поражение от римлян и ахейцев, а спартанский тиран Набис погиб, Филопмен, занявший город своими войсками, постарался привлечь на свою сторону спартанцев обещаниями свободы. В надежде на искренность таких посулов спартанцы решили деньги, вырученные от продажи дома и имущества Набиса (сто двадцать талантов), поднести в подарок Филопмену. Однако Филопмен посоветовал спартанцам подкупать не своих друзей и людей честных, готовых служить им своими нравственными качествами даром, а негодяев, вносящих в город смуту на Народных собраниях, чтобы взятка зажала им рот и чтобы они менее беспокоили других: лучше давать право высказываться своим друзьям, нежели врагам (Plut. Philop. XV). Так, ахейский стратег сумел устроить целое политическое шоу с поучениями и самовосхвалением.

Муниципальная политика монархов невозможна была бы без широко практиковавшихся даров и прямого подкупа политической верхушки городских общин. Города, отошедшие в управление к пергамским царям Атталидам, и греческие поселенцы на Ближнем Востоке устанавливали культ царя, которому они обязаны были своим существованием. Полибий рассказывает, что царь Аттал и раньше, с того самого времени, как за большую сумму выкупил для сикионян священное поле Аполлона, пользовался у них высоким почетом; в награду за благодеяние сикионяне поставили его огромное изображение в десять локтей вышиною подле Аполлона, что на площади. Теперь, когда он снова подарил им десять талантов серебра и десять тысяч медимнов пшеницы, сикионяне, еще больше тронутые его милостями, определили соорудить золотое изображение царя и положили законом ежегодно в честь его приносить жертву (Polyb. XVIII. 16).

Дары фигурировали при осуществлении почти каждой дипломатической миссии. Их характер обычно соответствовал намерениям дарителя в отношении одариваемой стороны. То же ахейское собрание, которое пытался подкупить Эвмен, приняло дары от царя Селевка, желавшего возобновить дружественные отношения и предложившего ахейцам эскадру из десяти длинных судов (Polyb. XXII. 10. 4–5).

Боспорское царство, экономическое процветание которого зависело от хлебного экспорта в Аттику, старалось поощрить Афины продовольственными дарами как своего постоянного покупателя, даже в то время, когда город не мог расплатиться за зерно¹. Такой подарок боспорского правителя Спартока III был не просто красивым жестом по отношению к старым друзьям, но преследовал цель: в условиях нараставшей конкуренции с египетским хлебным экспортом, путем своего рода подкупа сохранить крупнейшего покупателя.

Македонский царь Персей, стремясь усилить свои позиции на антиримском фронте, постарался заручиться поддержкой иллирийского царя Гентия. Пошел он на это вынужденно и с большой неохотой, понимая, что такой дипломатический шаг потребует больших расходов. Гентию через посла были переданы три сотни талантов серебром и произведен обмен заложниками (Liv. XLIV. 23. 1–6).

Роль даров и прочих видов материального поощрения военных союзников, торговых партнеров, отдельных дипломатов и политиков была настолько важна и очевидна в эллинистическую эпоху, что Плибий находит допустимым порицать Персея за скупость, недопустимую при реализации важных политических целей. Именно жадность македонского царя, не уделившего часть из своих денег свободным государствам, в конечном итоге привела его к поражению от римлян (см.: Polyb. XXVIII. 9. 4–8).

Это серьезный урок для любого политика. Официальные отношения между государствами — это отношения между людьми, наделенными властью и полномочиями. Представляя в своем лице государство, монархи и дипломаты посредством даров выражали нужды, чаяния и надежды как свои собственные, так и своих подданных и сограждан. Пренебрежение, казалось бы, к условным традициям, как то поддержание дружественных отношений с партнерами посредством официальных знаков внимания и расположения, к каковым относятся и дары, может привести к самым печальным последствиям.

¹ Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. С. 156.

Дипломатическая неприкосновенность

Практика закрепления за дипломатами особых правовых преимуществ существует с древнейших времен. Произведения античных авторов, особенно тех, кто сам, как Полибий, был активным участником политических событий, позволяют достаточно подробно проследить историю развития специальных иммунитетов на примере эллинистической дипломатии.

Послы считались во всем античном мире священными персонами и обладали статусом неприкосновенности. Как юридический институт личная неприкосновенность находила свое выражение в различных формах защиты от посягательств и оскорблений. За преступления, совершенные послами в чужом государстве, они могли быть наказаны только в своем отечестве. Статусом неприкосновенности со времен глубокой архаики обладали и глашатаи. Как посредники между различными государствами, они находились под защитой древнейших обычаев.

Эллинистическое общество имело представление и о нарушении дипломатической неприкосновенности. Дипломатам эллинистической эпохи был хорошо известен не столь отдаленный от них факт греческой истории, когда спартанцы, разгневанные требованием покорности, предъявленным персидским царем, бросили в колодец его вестника. Однако затем, осознав, что сами поступили как варвары, они почувствовали угрызения совести. Двое спартанцев даже добровольно просили отдать их персидскому царю в возмездие за совершенное злодеяние. Царь, однако, отослал их назад. В 396/5 гг. до н. э., то есть уже после окончания Пелопонесской войны между Афинами и Спартой, спартанский военно-морской командующий Фаракс арестовал и казнил членов афинской делегации, направлявшейся в Персию.

По мере проникновения римлян в Восточное Средиземноморье привычная эллинам практика межгосударственного общения претерпевала серьезные изменения и не всегда в лучшую сторону. Зачастую пренебрежение общепринятыми политическими и моральными ценностями и правилами приводило к значительному увеличению случаев нарушения дипломатической этики.

У римлян на тот момент уже имелась своя традиция использования обычной практики заключения договоров о гостеприимстве с другими государствами и даже с пиратствующими народами для гарантии безопасности дипломатических миссий. Так, Ливий сообщает, что римские послы повезли в дар святилищу Аполлона в Дельфах золотую чашу. Недалеко от Сицилийского пролива их военный корабль был перехвачен липарскими пиратами и уведен на Липары. Тамош-

няя община обыкновенно делила добычу между всеми, считая плоды разбоя как бы государственным достоянием. Однако возглавлявший в это время общину Тимасифей предложил послам гостеприимство от имени государства и затем отправил их в Дельфы, дав еще корабли и охрану, а оттуда невредимыми вернул в Рим. Сенат заключил с ним договор гостеприимства и послал ему подарки от казны (Liv. V. 28. 2–5). Обязательственные отношения подобных договоров переходили и на потомков, в частности, римляне руководствовались ими при покорении острова Липары в южной части Тирренского моря в 252 г. до н. э.¹ Хотя описываемый случай относится примерно к 391 г. до н. э., нет оснований полагать, что подобная практика изменилась во время активизации римской политики в Восточном Средиземноморье.

В Сирии в конце царствования Антиоха IV был убит римский посол Гней Октавий. Он по поручению сената осуществлял надзор за избием сирийских боевых слонов, которых было запрещено иметь Селевкидам по Апамейскому договору. Царь вынужден был отправить посольство в Рим для доказательства непричастности сирийского двора к убийству Гнея Октавия (Polyb. XXXI. 19. 1–3; App. XI. 46–47). Тем не менее, убийца посла некий Лептин был доставлен в Рим без оков, поскольку сам желал явиться перед сенатом и доказать правильность своего поступка. При этом он ссылался на волю богов, которым, видимо, неугодны были действия римского посла. Интересно, что к ответственности был привлечен и ученый Исократ за попытки публично оправдать данное преступление. Причем, в отличие от самого преступника, он был заключен в ошейник и кандалы (Polyb. XXXII. 6; 7. 1–7). Римские сенаторы не приняли доставленных виновных, не вынесли никакого решения о наказании, тем самым оставив за собой право в будущем потребовать удовлетворения от сирийского двора при решении какого-либо политического вопроса (Polyb. XXXII. 7. 11–13; App. XI. 47).

В письме одного из консулов в Дельфы сообщается о том, что Рим поручил своему командующему Марку Фульвию расследовать убийство дельфийских послов, которое произошло после возвращения их на родину. Ему предписывается найти виновных, наказать их соответствующим образом и восстановить нарушенные права и доброе имя пострадавших и их родственников².

¹ Schachermeyr F. Griechische Geschichte. Stuttgart. 1960. S. 356.

² Rome and the Greek East to the death of Augustus / Ed. by R.K. Sherк. Cambridge ets., 1984. P. 15–16.

Аппиан описывает ситуацию, послужившую поводом к объявлению римлянами войны иллирийцам: иллирийский царь Аргон в 230 г. до н. э. захватил часть Эпира, Коркиру, Эпидамн, Фар и поставил туда гарнизоны. Когда он с флотом напал на остальную часть Ионийского залива, то остров Исса, обратился за помощью к римлянам. Римляне отправили вместе с иссиями послов, чтобы узнать притязания Аргона. Корабль с посольством был перехвачен быстроходными челноками иллирийцев, которые убили посла иссиев Клеемпора и римского посла Корункания. За это римляне начали войну с иллирийцами одновременно и на море, и на суше (App. X. II. 7; ср.: Polyb. II. 4–8).

Война Рима с ахейцами вспыхнула также после оскорбления римского посольства. Конечно истинные причины имели более глубокие корни: Ахейский союз, бывший последовательным союзником римлян в борьбе с Македонией и Сирией, не мог смириться с имперским диктатом Рима. Римская республика, желая остаться единственным гегемоном на Балканах, старалась ослабить и поставить под жесткий контроль все греческие государства, включая своих верных союзников. Поэтому в Грецию было отправлено посольство для расследования причин войны Ахейского союза со Спартой. Была объявлена воля сената, чтобы Спарта, Коринф, Аргос и Гераклея были выделены из Ахейского союза как города, не родственные по крови ахейцам. В Коринфе, куда прибыли послы, они подверглись оскорблениям разгневанных на римское самоуправство ахейцев во главе с неким Критолем, в чем состояло оскорбление (в словах или насилии), точно не известно (Flor. II.16).

Полибий замечает явные преувеличения в жалобах послов, тем не менее, приводит их утверждение, что нападавшие имели целью в лице послов преподать урок всем римлянам (Polyb. XXXVIII. 7. 1–2). В любом случае, сенат воспользовался инцидентом для объявления войны Ахейскому союзу (Eutr. IV. 14. 1). Красивейший город союза Коринф был захвачен и разрушен консулом Муммием в 146 г до н. э. Санкции Рима оказались настолько чрезмерными, что вошли в историю как пример откровенного злодеяния. Весьма символично, что Коринф, являвшийся на заре эллинизма колыбелью греко–македонской союзной государственности, гибелью своей ознаменовал её приближавшийся закат. В 44 г. до н. э. город был восстановлен, но лишь в статусе римской колонии.

Бдительно охраняя безопасность своих дипломатов, Рим оставлял за собой право в отношении иностранных послов поступать по собст-

венному усмотрению. Так, Помпей, активно приступивший 60-х гг. до н. э. к формированию системы управления римских провинций на востоке Средиземноморья, занял в династической борьбе царей пока еще не покоренного окончательно Египта сторону Птолемея Авлета, свергнутого александрийцами. Он убедил сенат восстановить последнего на престоле и предать смерти многочисленное египетское посольство, прибывшее в Рим с объяснениями по поводу недовольства Авлетом. Среди послов, кстати, был философ-академик Дион (Strab. XVII. I. 11).

Как следствие отсутствия у ведущих государств согласованных позиций в отношении правового статуса дипломатов и посольских миссий, последние нередко становились «разменной монетой» в спонтанных действиях военачальников. В 215 г. до н. э. римская триера перехватила в пути карфагенских и македонских послов, следовавших для обмена клятвами в знак заключения договора между Филиппом V и Ганнибалом. Пленные были доставлены в Рим. В отместку за это Филипп V напал на Керкиру¹, которая была союзницей римлян (App. IX. I).

И все же, несмотря на сложности взаимопонимания и отсутствие согласованных гарантий безопасности дипломатов, эллинизм стал важной исторической ступенью развития тех институтов международного права и дипломатии, которые в наши дни известны как дипломатические иммунитеты. Именно в этот период дипломатическая неприкосновенность становится правилом дипломатии большинства средиземноморских государств и могла бы получить дальнейшее развитие, если бы не столкнулась с имперскими амбициями Рима.

¹ Керкира — совр. Корфу, остров, лежащий к северо-западу от материковой Греции.

ПРАВО УБЕЖИЩА (РЕЛИГИОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ)

Асилия подразумевает личную неприкосновенность и защиту от репрессалий (права поступать с побежденными по законам военного времени: продавать в рабство, разорять). Другими словами, государство гарантирует иностранцам безопасность их личности и имущества от посягательств всякого рода¹.

В таком виде это понятие сложилось задолго до эллинизма. Еще в архаическую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.) в условиях отсутствия развитых процессуальных средств защиты священные алтари, рощи, храмы и прилегающая к ним территория считались местом неприкосновенным. Это правило распространялось и на всех людей, подле них находящихся. С развитием государственных и правовых институтов этот обычай, освященный древностью и религией, не утратил своего значения. Напротив, он стал общепринятой нормой, носившей как внутригосударственный, так и международный характер.

Право греческих храмов и святилищ предоставлять убежище преследуемым признавалось всеми эллинистическими государствами, что лишний раз подчеркивает связь политики и права с религией. На что еще могли ссылаться главы государств, дипломаты, полководцы, представлявшие невероятно широкий спектр политических сил, отстаивавшие часто полярные позиции, как не на нормы, освященные древностью и религией. Отсюда то значение, которое придавалось демонстративному покровительству наиболее почитаемым святилищам, устройству празднеств в честь общеэллинских культов, священным клятвам, скреплявшим договоры и являвшимся правовой гарантией их соблюдения. Известно послание Селевка II в Дельфы, а также в Смирну в святилище Афродиты Стратоники. По сути это декрет, гарантирующий святилищу Афродиты безопасность, неприкосновенность. Текст был начертан на стене здания городской магистратуры (OGIS. 228). К 203 г. до н. э. относятся письма Антиоха III в малоазийский город Амизон, провозглашающие неприкосновенность святилища Аполлона и Артемиды (Welles. 38, 39, 40). Подобное покровительство, собственный авторитет и широкие политические связи святилища использовали для самосохранения в условиях постоянных войн.

Нарушителей права асилии, например, расправившихся с теми, кто искал спасения у божественных алтарей, постигала кара богов и госу-

¹ Любкер Ф. Указ соч... Т. 1. С. 200.

дарства, несущего ответственность за неприкосновенность сакрального места. Виновные объявлялись нечестивцами и величайшими преступниками, изгонялись из государства, если вообще оставались в живых. Кара была неотвратима, ибо постигала виновных не только при жизни, но даже и после смерти: их кости не придавались земле, а некоторые поколения потомков также могли нести бремя изгнания.

Древнейшим местом убежища считалось святилище Гераклидов в Афинах. Широко известны были также убежище Афины Халкийской в Спарте, храм Аполлона в беотийском городе Делии, о котором Ливий говорит: «Здесьнее капище и священная роща при нем пользовались той неприкосновенностью и тем заветным правом, коими обладают храмы, называемые у греков “убежищами”» (Liv. XXXV. 51. 1–2). Некоторый скептицизм Ливия не случаен. Несмотря на устроенное еще на заре римской истории самим Ромулом убежище, которым стала дубовая роща на Капитолийском холме (Liv. I. 8), римляне в силу характерного для них рационализма не рассматривали подобные религиозные правила всерьез. Ведь и в отношениях с богами они руководствовались более соображениями практицизма, чем священного трепета, свойственного религиозному чувству других народов.

В эллинистическую эпоху право асии очень широко эксплуатировалось и в силу этого несколько трансформировалось. Теперь оно в первую очередь означало право определенной территории давать защиту всем, находящимся в её пределах от посягательства с любой стороны. Ввиду этой трансформации асии стали все чаще распространяться не только на святилища, но и на простые полисы. Для получения асии необходимо было правильно сформулировать обоснование, сославшись на наличие в данном городе какой-либо святыни. Особой сложности это не представляло, так как единство греческого пантеона позволяло фактически любое место назвать священным, а любой алтарь сделать объектом общегреческого поклонения.

Города, как правило, обращались за предоставлением асии к той стороне, на покровительство которой рассчитывали или от посягательств которой хотели себя гарантировать. Поэтому полисы, находившиеся под юрисдикцией монархов, у них же и испрашивали асию. Поскольку многие греческие полисы располагались на побережье, то и за асией они вынуждены были обращаться к промышленным морским разбоем общинам Крита или к этолийцам. Города настойчиво добивались распространения на их территорию права неприкосновенности, которым пользовались находившиеся поблизости храмы и святилища.

Так, уже упомянутым декретом Селевка II право неприкосновенности храма Афродиты Стратоники распространялось и на весь город Смирну.

Среди убежищ эллинистического периода большим почетом пользовался храм Артемиды Эфесской. Страбон рассказывает, что сам Александр по — новому определил пределы данного убежища, расширив их на одну стадию, что, безусловно, повышало статус храма. Позже Митридат определил пределы убежища, пустив стрелу с угла крыши; наконец, Антоний удвоил это расстояние и включил в пределы убежища некоторую часть города (Strab. XIV. I. 23). Правда, Страбон не считает подобные действия властьпридержащих полезными для общества, поскольку они способствовали широкой эксплуатации убежища преступными элементами и беглыми рабами.

У храмовых алтарей приходилось иногда искать защиту и самим царям. Когда македонский царь Персей был разбит у Аскаридского болота римлянами, он, по историческому преданию, пытался найти убежище на острове Самофракии под защитой храма. Там он и сдался римскому полководцу Эмилию Павлу под честное слово. Царь был проведен перед колесницей победителя в триумфе, а затем состарился в древнем римском городе Альбе под домашним арестом (Amp. 17. 4). Сторонники Персея таким же способом старались скрываться от римского суда. Родосец Полиарт, будучи затребованным к выдаче Гаем Папилием Ленатом у Птолемея, пытался найти убежище в Фаселиде у общественного очага с масличной веткой в руках. Последняя деталь вызывает удивление даже у Полибия, восклицającego: «...зачем понадобилась ему масличная ветвь?» (Polyb. XXX. 9. 1–5).

Однако не только римляне порой игнорировали правовой статус святыни, наделенных правом асии. Сами эллинистические монархи и их приближенные весьма избирательно следовали предписаниям религиозных норм.

Библия сохранила свидетельства нарушения права асии, в случае его столкновения с политической целесообразностью, которой, в первую очередь, и руководствовались правители и их приближенные. Еврейский священник Ония был убит сановником Антиоха IV Андроником за то, что избличил кражу из Иерусалимского храма золотых сосудов. Ония пытался скрываться в безопасном, по его мнению, месте, храме Дафны подле Антиохии. Однако Андроник ложной клятвой убедил несчастного покинуть убежище и тотчас убил его. Этот инцидент вызвал негодование не только иудеев. Антиох IV, стремясь сохранить лояльность подконтрольного населения, приказал казнить виновного в злодеянии (II Mac. 4. 32–38).

В конечном счете и Селевкиды, и Птолемеи, и прочие монархи рассматривали древние, овеянные сакральным смыслом религиозные традиции и институты с точки зрения их практической пользы. Храмы и прочие места, имеющие статус асии, все чаще использовались в качестве безопасных хранилищ и убежищ.

Однако с асией нельзя путать институт предоставления политического убежища. О таковом можно говорить на примере бегства в Сирию Ганнибала после его разгрома Сципионом Африканским. Как лаконично сообщает источник: «К Антиоху присоединился Ганнибал, оставивший Карфаген, свое отечество, в страхе, что его выдадут римлянам» (Eutr. IV. 4 3. 2). В данном случае в роли убежища оказалось целое государство, а сам акт его предоставления не санкционирован религиозными нормами или каким-либо договором. Антиох III не только принял знаменитого полководца, но и поручил ему руководство своим флотом. Надо помнить, что речь идет об иностранце, который даже по формальным признакам мог рассчитывать исключительно лишь на политическое убежище. Подобный институт широко эксплуатировался и внутри эллинистического общества, тем более, что греческое право знало достаточно широкий спектр «отлученных от родины». Помимо подвергнутых остракизму, это могли быть наказанные изгнанием за убийство или по политическим причинам. Подобное изгнание зачастую сопровождалось конфискацией имущества. В таких случаях даже физическое выживание изгнанников зависело от воли иностранных покровителей, принимавших их под свою защиту. При дворах эллинистических монархов постоянно пребывали различного рода политические изгнанники, представители царских династий, потерявшие власть, и даже откровенные авантюристы. Все они пользовались расположением монархов в силу каких-то конкретных причин. Их положение определялось лишь волей покровителя и, в определенной степени, «кодексом чести». Хотя в отдельных случаях предоставление политического убежища могло быть и результатом двусторонних соглашений.

Даже отдельные города иногда наделялись исключительной привилегией на право предоставления убежища для политических эмигрантов. Например, находившийся под юрисдикцией Селевкидов Арад, город-остров у финикийского побережья, заслужил такую привилегию благодаря разумно избранной политической позиции во время братоубийственной войны Селевка Каллиника и Антиоха Гиеракса. Страбон сообщает: «...арадии вместе с остальными финикийцами подчинились сирийским царям, вступив с ними в дружбу. Потом, во время раздоров

между двумя братьями — Каллиником Селевком и Антиохом Гиераком, арадии присоединились к Каллинику и заключили с ним договор; по этому договору они получили дозволение принимать у себя изгнанников из его царства и не выдавать их против воли...» (Strab. XVI. II. 14). Правда, изгнанникам не разрешалось отплывать с острова без дозволения царя. Однако самим островитянам этот договор с царем принес большие выгоды. Действительно, изгнанники, искавшие у них убежища, не были рядовыми людьми; прежде они были облечены высшей властью и поэтому боялись страшных последствий. Встретив у арадиев радушный прием, изгнанники почитали их своими благодетелями и спасителями, помня об оказанном благодеянии, в особенности по возвращении на родину. Таким образом, арадии приобрели много земли на материке и вообще достигли благосостояния.

При дворе Птолемея Филометора жил бежавший от Селевкидов иудейский первосвященник Ония. Он даже сумел испросить у своего покровителя разрешение построить в Египте храм, подобный иерусалимскому (Jos. Ant. XIII. 3. 1–2). После битвы при Панионе в 198 г. до н. э. во время пятой Сирийской войны Антиох III занял все птолемеевские анклавы в Азии и укрепил свое влияние в Иудее. В результате представителям проптолемеевской партии в Иудее пришлось срочно эвакуироваться в Египет, где им было предоставлено убежище.

Монархи и полководцы при проведении военных операций достаточно часто прибегали к объявлению гарантий безопасности тем участникам конфликта, которые боялись перейти на их сторону из-за опасений быть выданными противнику или, наоборот, быть наказанными за ранее совершенное дезертирство.

Антигон Одноглазый во время осады Родоса, которую он поручил своему сыну Деметрию, объявил, что гарантирует безопасность родосским перебежчикам; купцам и рыболовам, находившимся возле берегов Сирии, Финикии, Киликии и Памфилии. Он также пообещал безопасность мореплавания при условии, что они не будут приставать к Родосу, дабы взять его, лишенным всяческой помощи, тем более что помощи со стороны Птолемея не было достаточно, чтобы успешно противостоять руководящему осадой Деметрию (Polyaen. Strat. IV. 6. 16).

Этолия, которую античные историки часто обвиняли в покровительстве пиратам и разбойникам, в то же самое время служила местом прибежища политическим эмигрантам, беглецам. Этолийский посол Хленей, выступая на собрании лакедемонян, напоминает собравшимся, с какой беспощадностью поступил Антипатр с несчастными афиня-

нами и прочими народами после победы над эллинами в Ламийском сражении, устроив охоту на изгнанников, которые были неприятны царскому дому македонян: «Одних из этих изгнанников насильно уводили из храмов, других отрывали от алтарей и предавали мучительной смерти; тех же, кому удалось спастись, гнали отовсюду из Эллады; нигде, за исключением народа этолян, они не находили себе пристанища» (Polyb. IX. 29. 2–5).

Предоставление политического убежища само по себе предполагает существование экстрадиции как вполне сформировавшегося института посредством формального закрепления в нормах международных договоров.

Выдаче подлежали прежде всего военные преступники. После победы над Карфагеном во Второй Пунической войне (218–201 гг. до н. э.) римлянам пришлось буквально «отлавливать» Ганнибала по всему Средиземноморью. Они последовательно требовали его выдачи у Карфагена, у Антиоха III и у Пруссия I Вифинского. И хотя воевал Пруссий I не с Римом, а с его сателлитом Пергамом, ему пришлось принять условие римского сената. Ганнибал же предпочел римскому плену яд (Polyb XXI.14.7; Eutr. IV. 4. 5. 2; Just. XXXII. 4. 2). Четыреста лет спустя римляне сами воздвигли на месте его гибели гробницу и статую, отдав должное военному таланту и несгибаемой воле своего главного противника.

Некоторые исторические эпизоды, связанные с выдачей преступников, демонстрируют её «развернутую» юридическую процедуру, а также приемы, позволявшие избежать международной ответственности.

Так, при выдаче римлянам родосца Полиарта, агитировавшего сограждан за союз с македонским царем Персеем, воевавшим против Рима, в саму процедуру оказались включены сразу несколько государств, причем с разной степенью обязательств по отношению к Риму. Первоначально через легата Гая Попилия Лената он был затребован у египтян. Птолемеи, находившиеся в дружбе с Римом, отправили его на Родос, о чем просил сам Полиарт. Но, высадившись по пути в Фаселиде, родосец начал тем самым собственную «одиссею». Фаселиты отправили на Родос просьбу забрать от них беглеца. Родосцы, чтобы избежать конфликта с римлянами пошли на хитрость: отправили за Полиартом беспалубное судно, при этом, воспретив капитану брать его на борт судна, так как именно египтянам было приказано доставить его в Рим. Однако характер присланного судна подразумевал, видимо, что беглеца никто, собственно говоря, не принимает на палубу, поскольку таковой просто нет. По пути Полиарт вновь

сбежал с судна и укрылся в портовом городе Кавне, в юго-западной части малоазийского полуострова, к жителям которого обратился с просьбой о защите. Но кавнии находились в зависимости от родосцев, поэтому отказали в просьбе и послали просить кибиратов принять его в свой город и дать ему провожатых. Малоазийский город Кибир принял Полиарта, так как у него в свое время воспитывались дети тамошнего тирана, однако это поставило город в трудное положение. Из страха перед Римом кибираты не осмеливались держать его у себя, но и отправить не могли, так как, являясь народом материковым, были несведущи в морском деле. Наконец, они вынуждены были обратиться через послов на Родос и к проконсулу в Македонии Луцию Эмилию Павлу с предложением взять от них Полиарта. Римский проконсул через родосцев организовал окончательную отправку Полиарта в Рим. Таким образом, Полиарт оказался выданным не только Птолемеями, но и фаселитами, кибиратами и родосцами (Polyb. XXX. 9).

Так к судьбе одного человека оказались причастны сразу несколько государств. Эллинизм стал эпохой, когда рушились границы замкнутой жизни народов. История «потекла по общему руслу» средиземноморской цивилизации.

Появилась потребность в специальных службах, делопроизводстве, правилах, атрибутике и прочих средствах поддержания межгосударственных отношений, которые постепенно оформляясь и развиваясь, составили основу науки, известной теперь как дипломатическое право.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРАВА

Conventio facit legem
(Соглашение создает закон)

Расставшись окончательно с идеей единого государства и раставив по частям империю Александра, диадохи вынуждены были вступить в политический диалог, ибо в ходе одних лишь войн государства не создаются. Новоиспеченные властители стремились как можно быстрее обозначить свое присутствие на международной арене, заявить свои права на территории и власть таким образом, чтобы это нашло признание во всем греческом мире. Что еще могло служить более действенным средством легализации их власти как не международные договоры?

Цели таких договоров сводились к разграничению посредством легальных, ненасильственных методов сфер влияния и, по возможности, разрешению взаимных претензии. В истории международного права договорам эпохи эллинизма принадлежит особая роль. Пожалуй, никогда ранее во внешней политике договор так активно не использовался греками и македонянами.

Характерная для эллинизма нестабильность политической обстановки создавала благоприятную почву для развития различных видов договоров, как средства достижения компромиссов между государствами. Именно компромисс был главной целью большинства дипломатических контактов. Постоянная смена политических партнеров, поиск новых путей укрепления власти, не имевшей исторической традиции, определяли временный и достаточно условный характер любого компромисса. Договор же являлся главной внешней формой их закрепления, придавая формальную завершенность соглашениям и гарантируя от нарушений возможностью применения санкций.

Посредством договоров перекраивалась политическая карта Восточного Средиземноморья. Бурные политические и военные события вели к подвижности границ, образованию и распаду многочисленных альянсов, к появлению новых и обновлению прежних форм международного общения.

Практика заключения договоров в эллинистическом мире была обширна и многопланова. Её основу составляли традиционные для Эллады нормы соглашений, восходящие к международным обычаям архаической эпохи. Международный договор нашел особенно широкое

распространение в V–IV вв. до н. э. Связано это было с популярностью в Элладе идеи всеобщего мира, которая должна была составить основу идеологии политического единства эллинов. В идеале всеобщий мир предполагал отказ от войн и любых других форм насилия в межполисных отношениях, уважение суверенитета любого греческого государства. В это время большое значение приобрели многосторонние договоры, в которых участвовало большинство полисов. Их предметом стали эпимахия или симмахия. Первое понятие означает оборонительный союз, предполагавший совместные действия на случай нападения на любую из сторон договора. Второе подразумевает наступательно — оборонительный союз. Разграничения этих понятий важно учитывать при попытках разобраться в хитросплетениях взаимных обязательств и претензий множества греческих полисов, иногда приводивших к невозможности выполнения каким-либо субъектом договора обязательств сразу по отношению ко всем его участникам. Например, афиняне отказались заключить с коркирянами симмахию, предвидя возможность военного столкновения Коркиры с Коринфом, с которым у Афин уже имелся на то время договор. Выход нашли в заключении эпимахии, то есть оборонительного союза на условии оказывать взаимную помощь в случае нападения кого-либо на Керкиру или на Афины или на их союзников (Thuc. I. 44).

При заключении подобных договоров важно было изначально определить роль каждого участника в предусмотренных условиями соглашения обстоятельствах. Так, в наступательных договорах, заключавшихся Этолийским союзом, вопрос, кому должна достаться гегемония, решался способом, известным еще в V–IV вв. до н. э. Вспомогательный контингент подчинялся командованию атакованного партнера. Определенная свобода действий и, вместе с тем, опасность споров до минимума снижались разъяснением отдельных весьма специфических вопросов, например сроков, в пределах которых вспомогательный контингент следовало посылать.

Подобным являлся договор между Милетом и Гераклеей на Латмосе начала II в. до н. э. В соответствии с ним граждане Гераклеи и Милета должны иметь общих (одних и тех же) друзей и врагов на все времена, причем оба дема (общины) не должны ни в чем нарушать симмахии с Родосом. Кроме того, предусматривалась взаимная амнистия для участников военных преступлений; оборонительный союз, предполагавший обоюдное предоставление помощи при военных операциях в случае нападения третьей стороны против одного из партнеров; общее исполнительное определение к взаимно награждаемым; обес-

печение беспрепятственной перевозки товаров. Включение же в качестве одного из условий договора исполнения позволяло упростить процедуру разрешения территориальных споров, установить равную стоимость для граждан обоих городов проезда, а точнее, переправы в Ионию, обеспечиваемой Милетом¹.

Договоры позволяли мирным путем разрешать полисные разногласия, а для военного времени были единственным способом обеспечения поддержки родственных общин и организации общего фронта. Так, основной причиной заключения договоров между городами Крита было стремление преодолеть всеобщую разобщенность, состояние войны всех против всех, когда каждый ждал только того, чтобы подчинить других. Попытка одолеть это повсеместное зло путем единения в III в. до н. э. критских полисов в рамках одной общины прочного успеха не имела. Поэтому двусторонние договоры рассматривались как следующее средство преодоления разногласий.

Особенность содержания греческих межгосударственных договоров классической эпохи составлял учет интересов всего гражданского коллектива полиса. В правовой практике уже в то время существовали соглашения, касающиеся разрешения частноправовых споров на международном уровне. Положения и условия таких договоров принимались к исполнению в государствах, их заключивших, наравне с собственными законами.

В эллинистический период, заключая договоры, не только полисы, но и монархи учитывали интересы своих союзников. Это позволяло при установлении новых договорных отношений сохранить ранее принятые союзные обязательства. Вифинский царь Никомед, пригласивший к себе на службу галатов под руководством Леоннория и Лотария, в заключенном с ними договоре специально оговорил не только верность наемников ему, но и мир, и дружбу с его союзниками: византийцами, гераклеотами, калхедонянами и другими членами Северной Лиги, в которой состоял и сам царь.

Историю договорных отношений эллинистической эпохи можно разделить на два этапа. Для первого характерно развитие и модификация традиционных форм греческого договора. Наступление второго периода связано с появлением на востоке Средиземноморья Рима и его стремлением навязать эллинистическому обществу свою схему межгосударственных отношений.

¹ Gawantka W. Isopolitie. Ein Beitrag zur Geschichte der zwischenstaatlichen Beziehungen in der griechischen Antike. Munchen. 1975. S. 149.

На первом этапе договор по своей сути отражал субъективистский подход и прагматизм государственных лидеров. Монархи, стратеги союзов, ведущие политические деятели рассматривали договорные отношения лишь как продолжение войны. Война же за три века эллинизма превратилась чуть ли не в привычный способ существования государств, зачастую, являясь не только порождением экономической или политической необходимости, но и следствием амбициозности государственных лидеров. И все же, каждый монарх стремился обосновать законность своей власти. Отсюда проистекал интерес к правовому оформлению международного признания, то есть, к договору. В умах мыслителей античной эпохи он воспринимался в качестве некоего стержня, позволявшего ощущать и сохранять единство устоев и исторических традиций общества.

Актуально даже для нашего времени звучат слова Полибия о том, что предки заключали между собой договоры не употреблять друг против друга ни тайных, ни дальнобойных видов вооружений (Polyb. XIII. 3. 4–6). Эллинистическое общество воспринимало как идеал тот смысл, который закладывался в понятие международного договора в более раннюю эпоху. Он сводился к ограничению неизбежных конфликтов рамками самосохранения народов.

Со временем изменились как представления о назначении договоров, так и их содержание, структура, внешняя форма выражения. Утвердилась процедура их заключения. Обмен посольствами, подарки должны были знаменовать взаимную расположенность сторон. Так, Птолемей V, желая заключить союз с Ахейской Лигой, отправил посла с предложением десяти кораблей, стоимость которых доходила почти до десяти талантов. Ахеяне приняли дар царя с радостью (Polyb. XXIV. 6. 1–3).

Правовые последствия принятия договоров, выполнение их условий напрямую зависели от воплощения на практике принципа правопреемства. В условиях сосредоточения государственной власти в руках монархов, судьба любого договора зависела от воли как самого монарха, так и его наследников. Ситуация осложнялась тем, что не во всех эллинистических государствах и не на всем протяжении их существования преемственность власти осуществлялась по строго династическим принципам. Особенно остро эта проблема стояла в Македонии, где смерть царя означала как бы временное «замораживание» государственной власти до момента назначения армией, то есть, народным собранием, нового правителя. При этом каждый последующий царь вовсе не обязан был выступать правопреемником всех политических обязательств своего предшественника. Пагубность такой системы сказывалась и на самой

Македонии. Так, соглашения о нейтралитете с этолийцами, достигнутые в свое время Антигоном Гонатом, а затем и Антигоном Досоном, сразу после их смерти утратили силу, что стало чревато серьезными политическими осложнениями при их преемниках.

Что же касается Селевкидов и Птолемеев, то благодаря устойчивости династической линии и независимости царской власти от влияния армии, преемственность договорных обязательств была более очевидной. Однако и здесь судьба международных договоров в конечном счете определялась политической конъюнктурой и целесообразностью.

Во избежание возможных в последующем пререканий по предметам соглашения текст фиксировался письменно и скреплялся печатями (Polyb. XXIII. 4. 10–16). Взаимные клятвы, дававшиеся в подтверждение договоров, также неоднократно упоминаются в источниках (Polyb. IV. 24. 8; 33. 2–3; VII. 9. 1–17). Например, посол Акарнаний¹ Ликиск, выступая с пространной речью на собрании Этолийского союза в Лакедемонe, настаивает на разрешении противоречия между двумя договорами в пользу оформленного по всем правилам юридической техники того времени: «Что же предосудительнее: нарушение ли ваших обязательств только по отношению к этолянам, или нарушение договора со всеми эллинами, священного, начертанного на столбе?» (Polyb. IX. 36. 8–10).

Нарушение союзнических клятв рассматривалось как предательство и святотатство, поскольку клятвы носили священный религиозный характер. Полибий осуждает вероломство спартанского тирана Набиса, который, будучи в союзе с этолянами, элейцами и мессенянами, обязанный в силу клятвы и договора им помогать, если бы кто пошёл на них войною, совершенно пренебрег этими обязательствами и решился предательски напасть на город мессенян (Polyb. XVI. 13. 3).

Известно, что клятвами скреплялись даже договоры с наемниками. Клятва и соглашение пергамского царя Эвмена I и его наемных солдат, заключенные, дабы предотвратить их волнения, содержали взаимные обязательства и были начертаны на четырех каменных стелах, которые поместили в пергамском святилище Афины, в святилище Асклепия в городе Митилене на острове Лесбос и еще в двух местах (OGIS. 266). Использование войск союзников и наемников было столь широко распространено, что соглашения о взаимной военной помощи часто заключались именно с целью создания условий для свободного набора волонтеров. Именно так действовал Эвмен II, заключив дого-

¹ Акарнания — область в Центральной Греции.

воры с критскими городами¹. В 183 г до н. э. между Эвменом II и целым рядом критских городов был заключен союз. Состоялось подписание договора о дружбе и симмахии на вечные времена между пергамским царем, с одной стороны, и «жителями Крита», с другой. Под «жителями Крита» подразумевались все гражданские общины критских городов, поименный список которых в общей сложности доходил до тридцати одного. Процедура заключения договора состоялась при участии римской комиссии, присутствовавшей на Крите в 184 г. до н. э. и предварялась переговорами с подробным обсуждением условий с посланниками отдельных городов, которые затем решали, хотят ли они участвовать в договоре на данных условиях.

В соглашении оговаривались обязанности сторон и в конце определялись санкции в случае его нарушения. Условием оказания сторонами помощи друг другу являлся *casus foederis*, который подразумевал возникновение общей военной угрозы. Если такой случай наступает, то помощь должна быть оказана как имуществом, так и войсками, включая конницу. В заключении договора подробно расписывались правила денежного содержания войск. Тот, кому потребовалась помощь войсками, должен был финансировать их до тех пор, пока они будут ему нужны. Критские конные войска, посланные в качестве помощи по соглашению партнеров, поступали под командование Эвмена Пергамского, а те, которые прибывали на Крит, должны были слушаться критских офицеров, в противном случае они могли быть подвержены денежному штрафу. Этот договор, заключенный Эвменом II с отдельными общинами, показывает насколько были самостоятельны критские города в своей внешней политике. Этим они значительно отличались от других греческих городов на материке, в Эгейском море и в Малой Азии.

Договоры критских городов с Пергамом и Родосом наглядно отражают изменения политического климата в регионе. Так, граждане Олунта в 201/200 г. до н. э. заключили симмахию с Родосом². По договору городу было обещано не расторгать постоянный союз, но заключение новых договоров без согласия Родоса ему запрещалось. Так как отношения между Родосом и Пергамом за последующие двадцать лет заметно ухудшились, то родосцы не давали разрешения олунтиям вступить в договор с Эвменом II.

¹ Kreuter S. Aussenbeziehungen Kretischer gemeinden zu den hellenistischen Staaten im 3. Und 2. Jr. V. Chr. Munchen, 1992. Band 3. S. 98.

² Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Bearbeitet von H.H. Schmitt. München. 1969. Bd. 3. S. 321–324.

Стремление Пергама, Родоса и других государств закрепить свое влияние на Крите объясняется задачами военной стратегии. Остров являлся источником постоянного пополнения эллинистических армий наемниками, и, кроме того, поставлял зерно. Не последней причиной являлось также стремление прибрежных государств оградить себя от набегов критских пиратов. Наём последних на службу в армии эллинистических монархов гарантировал отток значительной части дееспособного критского населения из пиратского промысла. Поэтому названные договоры можно рассматривать в рамках родосо–пергамских планов ограничения пиратства.

Договоры, заключавшиеся с наемниками не греческо–македонского происхождения, можно отнести к особому подвиду по специфике их участников. Наемники, например галаты, незнакомые с обычной правовой практикой эллинистических государств, зачастую не считали себя связанными условиями договоров, допускали возможность более широкого их толкования в свою пользу. Бывали случаи откровенного шантажа со стороны галатов своих партнеров по договору. У Полиэна находим рассказ о том, как во время войн диадохов Антигон Одноглазый нанял за плату наемников из галатов, которыми командовал Кидерий, при этом, заключив соглашение, что он даст каждому по золотой македонской монете и отдаст в качестве залога знатных мужей и детей от благородных родителей. Вскоре произошла битва с Антипатром. После того, как она завершилась, галаты стали требовать плату. Антигон расплатился с каждым воином, имеющим щит. Галаты же стали требовать денег для невооруженных, женщин и детей; ведь в договоре было сказано следующее: «Заплатить каждому из галатов». Несложный подсчет показал, что, если получают плату принимавшие участие в битве, то выйдет тридцать талантов, а вместе с неучаствовавшими в битве — сто талантов. Чтобы заставить Антигона расплатиться сполна, галаты вышли из–под командования Антигона и стали угрожать убить заложников. Антигон, боясь за жизнь заложников, обещал дать то, что они требуют, если они пошлют людей взять золото.

Обрадованные известием галаты послали для принятия золота лучших воинов. Антигон, захватив в плен пришедших, заявил, что отпустит их не прежде, чем получит обратно своих. Галаты, сильно желая спасти своих соплеменников, после того как отдали заложников со стороны Антигона, получили взамен своих собственных и вместе с ними всего тридцать талантов (Polyaen. Strat. IV. 6. 17). Таким образом, содержание договоров зачастую грешило неточнос-

тиями, что приводило к достаточно вольному толкованию их условий отдельными сторонами.

Прекращение действия договора могло происходить по разным причинам, чаще всего обусловленным сменой политической обстановки. В подобных случаях стороны высказывали друг другу претензии и разъясняли, в силу чего, по их мнению, договор терял силу. Каких-либо формальных действий при этом не требовалось. Иногда старый договор аннулировался в результате заключения нового соглашения с третьей стороной. Так, Эвмен II Пергамский и Ариарат Каппадокийский при заключении мирного договора с боспорским царем Фарнаком потребовали от последнего признать все его прежние договоры с галатами недействительными (Polyb. XXV. 2. 1–5). Договор 205 г. до н. э. между Македонией и Римом был заключен в результате сепаратных переговоров и привел к нарушению союзного договора Македонии с Карфагеном. Нарушение договоров в эпоху эллинизма было делом частым и практически неизбежным, поэтому эллинистические государства постоянно находились перед дилеммой: каким соглашениям или обязательствам отдать предпочтение, а какими можно пренебречь (Polyb. IX. 31. 3; 36. 8–10).

Особый интерес представляют договоры или, точнее говоря, псевдодоговоры, имевшие в свое время широкий резонанс, но не оставившие о себе никаких точных свидетельств в источниках. Например, пресловутый договор Антиоха III и Филиппа V о разделе египетского наследства, а именно заграничных владений Птолемеев в Финикии и Малой Азии. Речь идет об основанном на договоре разграничении сфер влияния. Кроме отрывочных и сбивчивых намеков античных авторов (см.: Polyb. XV. 20. 1–3; Just. XXXI. 1. 1–4; App. IX. IV), других реальных доказательств существования договора нет.

Однако общество склонно было видеть в синхронных действиях двух царей результат взаимной договоренности: «Рассказывали, что Филипп и сирийский царь Антиох дали друг другу следующие обещания: Филипп Антиоху — идти с ним войной на Египет и на Кипр, которыми правил тогда бывший еще мальчиком Птолемей четвертый, прозванный Филопатром, Антиох же Филиппу — идти с ним войной на Кирену, Кикладские острова и Ионию» (App. IX. IV). Полибий называет действия царей гнусным делом и сравнивает с бесстыдством и яростью рабов, у которых гибель младшего служит к питанию и поддержанию жизни для старшего (Polyb. XV. 20. 3–4). Столь бурная реакция общества даже на слухи о возможности заключения подобного соглашения свидетельствует о разнообразии политических комбинаций, в которых фигурировали договоры.

Секретные договоры — неотъемлемый атрибут дипломатии любой эпохи. Зачастую сама возможность их существования порождает политические последствия, сравнимые с реально осуществляемыми акциями. По вполне понятным причинам, о большинстве из них осталось слишком мало свидетельств современников и тем более официальных источников. Чаще всего лишь явно согласованные действия сторон служили доказательством наличия тайной договоренности. Дело в том, что хитросплетения межличностных и политических взаимоотношений диадохов делали неизбежным обилие тайных соглашений, посредством которых строились и разрушались военные союзы, долгосрочные и мимолетные, политические и династические альянсы.

Так, например, три царя — Селевк I, Птолемей I и Лисимах объединили усилия в борьбе с Антигоном Одноглазым и Деметрием Полиоркетом и через послов провоцировали Пирра Эпирского к нападению на Македонию. Как свидетельствует Плутарх, Пирр, не обращая внимания на договор с Деметрием, согласился (Plut. Dem. XLIV). Вторжение же в 287 г. до н. э. в Македонию Лисимаха, подтолкнуло к заключению оборонительного союза теперь уже между Пирром и Антигоном Гонатом (сыном Деметрия Полиоркета), свидетельством чему стали синхронные действия этих правителей, не оставшиеся незамеченными современниками.

Практике заключения договоров явно недоставало единых общепризнанных правил. Их отсутствие приводило к путанице и росту напряженности. Кроме того, ситуация осложнялась из-за непредсказуемости и откровенного авантюризма отдельных государственных лидеров. Им часто ничего не стоило пренебречь общепринятыми нормами и правилами международного общения. Полиэн упоминает, что Антигон Одноглазый, намереваясь захватить Афины и желая ввести афинян в заблуждение, умышленно заключил с ними мир на позднюю осень. Афиняне, поверив македонскому царю и засеяв немного хлеба, тщательно сохранили необходимый до жатвы запас. Однако как раз во время жатвы, Антигон вместе с войском вторгся в Аттику. Афиняне, с одной стороны, израсходовав запас хлеба, а с другой — будучи не в состоянии выйти на поля и пожать новый урожай, вынуждены были впустить Антигона в город и подчиниться всем его приказаниям (Polyaen. Strat. IV. 6. 20).

Подобная, мягко говоря, непоследовательность при осуществлении договорных условий прослеживается и в дипломатических контактах с Римом. По Апамейскому мирному договору, заключенному после поражения Сирии от Рима, Ликия перешла от Селевкидов под контроль Родоса. Через несколько лет ликийские послы жаловались римскому

сенату на произошедшее, вопреки их ожиданиям, ухудшение положения (Polyb. XXV. 4. 1–4; Liv. XLI. 6. 8 — 10). Сенат решил дело в пользу ликийцев, поскольку это соответствовало его собственным интересам. Хотя Родос расценил столь вольное варьирование прежних положений договора как совершенно незаконное и произвольное, Рим не считал необходимым оправдываться за изменение своих планов.

Источники сохранили сведения о попытках заключения сепаратных договоров, что было неизбежно в условиях бурной политической действительности, характеризовавшейся участием множества субъектов международных отношений, каждый из которых старался соблюсти свои интересы. Так, в ходе очередной римско–македонской войны развернулся самый настоящий торг между пергамским царем Эвменом II и македонским — Персеем. Несмотря на то, что Пергам официально всегда придерживался проримских позиций, однако его цари не были бы Атталидами, если бы в любой ситуации не старались, прежде всего, обеспечить свои финансовые интересы. Эвмен пытался спровоцировать Персея на сделку, предлагая себя посредником в переговорах с римлянами. Он старался узнать через критянина Кидаса, какой ценой готов будет Персей купить себе мир. Полибий прямо говорит, что между царями шли торги, ход которых был приблизительно следующий: «... пятьсот талантов Эвмен требовал за то, чтобы в течение четырех лет не вмешиваться в войну и не помогать римлянам ни на суше, ни на море; а за приведение войны к концу требовал полторы тысячи талантов, причем обещал дать в скором времени заложников и обеспечение. Относительно заложников Персей соглашался, когда и в каком числе они будут отправлены, и каким образом устроена будет над ними охрана у кносян. Что же касается денег, то срам будет, уверял он, если станут говорить, что один покупает невмешательство в войну, а другой, — что и того постыднее, — продает его за пятьсот талантов; но тысячу пятьсот талантов обязывался отправить через Полемократа в Самофракию на хранение в верном месте; между тем как Самофракия была в его власти. Однако Эвмен, подобно негодным врачам, предпочитал получить задаток, а не заработок, и потому, видя, что не может ...сломить скупость Персея, совсем отказался от задуманного плана» (Polyb. XIX. 7. 8; 8. 1–9).

Постепенное втягивание Рима, начиная с конца III в. до н. э., в орбиту восточно–средиземноморской политики влекло за собой существенное изменение методов и средств дипломатии и международных отношений в целом. Они привнесли в региональную политику свои представления о сути договорной практики.

Из римских нам известны относящиеся, вероятно, к числу наиболее древних союзнические договоры, отличающиеся конкретностью, постоянством и сопровождаемые клятвами. Они подразделялись на *foedera aequa* и *foedera iniqua* (*foedera non aequa*), т.е. на равноправные и неравноправные¹.

Foedera aequa мог служить основанием союзнических отношений, предполагающих оборонительное и наступательное содействие.

Foedera iniqua (*foedera non aequa*) предполагал создание правовой базы взаимоотношений победителя и побежденного, при условии, что побежденное государство остается самостоятельным. Именно эти договоры на протяжении истории Рима наиболее интенсивно меняли свой характер по мере возрастания военной мощи государства.

На первом этапе закрепления в Восточном Средиземноморье Рим не мог тотально диктовать свои условия всем партнерам по политическому диалогу, приходилось маневрировать, считаться со статусом каждого конкретного правителя. Поэтому со своими потенциальными союзниками, например Родосом, римляне изначально определяли отношения в договорах по старинному типу *foedera aequa*, который в Западном Средиземноморье, где Рим безраздельно господствовал, уже фактически к этому времени не применялся. Союзники в рамках такого договора определялись точно так же, как и побежденные по договорам *foedera non aequa*. Эта, казалось бы, техническая особенность имела вполне определенный политический и правовой смысл. Рим любого партнера по договору рассматривал как вольноотпущенника, потенциального клиента, а себя в качестве патрона.

Поскольку цели Рима в регионе носили откровенно агрессивный характер, то договоры *foedera non aequa* имели благодатную почву для развития, а в их эволюции отразились основные пути и способы реализации римской экспансионистской политики. Они делились на мирные, заключавшиеся по окончании войны, и союзные договоры с чужими государствами и царями, которые присоединялись добровольно, устрашившись римского имени, и желая доставить себе посредством такого союза безопасность от Рима или от других неприятелей. По формальному статусу такие союзники были свободны, а на деле — римские вассалы, обязанные в любое время поставлять Риму вспомогательные

¹ Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения): Пер. с чешск. М., 1989. С. 135; Любкер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 21; ср.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М. Т. 1. 1996. С. 51.

войска, корабли и так далее. Их правовой статус определялся как *socius et amicus populi Romani* (союзник и друг римского народа)¹.

Трудно сказать, сохранилось ли подобное деление договоров во время активизации римской политики в Восточном Средиземноморье. Если исходить из того, что договоры *aequa* чаще заключались с целью гарантии сторонам военной взаимопомощи, то именно к такой категории можно отнести ряд договоров с эллинистическими государствами и отдельными городами конца III — начала II вв. до н. э.

Самым древним из сохранившихся оригинальных договоров Рима и наиболее ранним документом, свидетельствовавшим о связях с греческим Востоком является договор с Этолийским Союзом 212 или 211 г. до н. э. Его можно было бы расценивать как образец союзнического договора в чистом виде. Однако из источников известно, что переговоры с Этолийской Лигой не просто затрагивали проблему союза. Некоторые нюансы недвусмысленно указывают на подспудно созревавшие планы будущего имперского строительства. Ливий, например, упоминает обсуждение вопроса о возможности предоставления прав гражданства союзникам (Liv. XXVI. 24. 3–4).

Уверенные в своих силах этолийцы, по всей видимости, не считали себя «связанными» договором с римлянами. Например, они сочли возможным без оглядки на своего нового партнера самостоятельно выстраивать отношения с Македонией и в 205 г. до н. э. заключили мир с Филиппом V (App. IX. III. 2).

Это не могло не повлиять на дельнейшую судьбу римско–этолийского договора. У Полибия достаточно детально приводятся его первоначальные условия, фиксирующие, что каждая из сторон должна получить в случае военного успеха. Из уже упоминавшейся речи акарнанского посла Ликиска на народном собрании в Спарте о союзе римлян и этолян следует, что римляне по условиям договора получили право уводить себе жен и детей своих повергнутых врагов, которых ждала обычная участь людей, попадающих во власть иноплеменников, а землю побежденных занимали этоляне (Polyb. IX. 39. 3). Представитель этолян Фений напоминает об этих условиях римлянам на переговорах с Филиппом V: «...согласно условиям первоначального договора, по которому римляне получают из военных приобретений движимость, а этоляне города». Однако победитель Филиппа V римский полководец Тит Фламинин возражает союзникам: «...этоляне впадают в двойную

¹ Любкер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

ошибку, ибо договор между ними упразднен еще с того времени, когда этоляне покинули римлян и одни заключили мир с Филиппом; если же допустить, что союз еще остается в силе, все-таки они не вправе возвращать себе и отбирать в свое владение города, которые по доброй воле отдали себя под покровительство римлян, — ... а только приобретенные силою оружия» (Polyb. XVIII. 38. 6–8). Очевидно, что в содержании договора отсутствовали детально оговоренные причины возможного разрыва союзнических отношений или их изменения. Это создавало правовую предпосылку для манипуляции в интересах Рима. Политическая ситуация в регионе быстро менялась. Рим постоянно пересматривал и уточнял свои позиции, искал возможности изменить смысл содержания договора путем более подробного его прочтения. По всей видимости, римско-этолийский договор ограничивался сроком решения военно-политической задачи разгрома Македонии и не подразумевал более долгосрочных обязательств. В этом отразились римские представления о целях договорной практики.

Как только появилась возможность продвижения на восток, Рим немедленно ее использовал. Для утверждения авторитета в регионе в ход шли всевозможные дипломатические, политические приемы, включая нечто вроде сепаратных контактов. Римляне устанавливали отношения с отдельными островными государствами и городами. Договор с городом Кибирой, входившим в состав малоазиатского государства, состоявшего из четырех городских общин, предполагал военное сотрудничество и взаимную помощь¹. Сохранилась та часть документа, которая отражает техническую сторону договора. Здесь уже специально предусматривалась возможность добавлений и исключений из договора по взаимному согласию сторон. Таким образом, это было соглашение, на равных заключенное сторонами, одинаково заинтересованными друг в друге. Однажды зафиксированный договор мог варьироваться в зависимости от меняющейся ситуации, оставаясь при этом определенно союзническим. Только такой тип договора мог соответствовать бурной динамике тогдашней политической действительности. Договор предполагалось выгравировать на бронзовой таблице и поместить в храме Юпитера Капитолийского и в Кибире на базе статуи богини Ромы.

Подобные договоры не были оригинальными и во многом соответствовали широко распространенному типу эллинистического союзного договора. Таким, например, являлся договор Фарнака I Понтийского

¹ Rome and the Greek East... P. 24–25.

с Херсонесом 155 г. до н. э.¹ Этот договор интересен кроме всего прочего тем, что в нем упоминается Рим. Значимость документа подчеркивалась клятвой перед всеми олимпийскими богами. Царь брал на себя обязательство в случае необходимости оказать военную помощь, не предпринимать ничего против херсонесцев и не накапливать оружия с этой целью. Далее он обещал помогать в охране государственного демократического строя, за что херсонесцы клялись помогать в охране царского дома. Самое интересное, что исполнение условий договора обусловлено сохранением дружбы с римлянами и непротиводействием им. Не участвуя в договоре напрямую, Рим, тем не менее, является как бы залогом успеха реализации договорных отношений. Вероятно, договаривающиеся стороны рассматривали его как гарант стабильности в регионе.

Разновидностью союзнических договоров можно считать договоры не о прямой военной поддержке, а о содействии, которое могло выражаться в неоказании помощи противникам любой из союзных сторон. Так, в договоре 105 г. до н. э. между Римом и островным городом Астипалайей, располагавшейся между Европой и Азией, и в силу этого имевшей особое стратегическое значение, оговаривалось, что стороны не будут пропускать через свои территории врагов своих союзников и не будут оказывать им помощь ни оружием, ни деньгами, ни кораблями².

Конечно, можно было бы отнести договоры с Кибирой, Астипалайей, Метимной к союзным. Но по римской традиции они больше подходят к *foedera aequa*, равноправным договорам, заключавшимся с государствами, чей суверенитет признавался Римом. Однако названные договоры все же отличаются и от первого, и от второго. Они относятся к периоду, когда Рим искал варианты правового обоснования своего постоянного присутствия в регионе, которое на первом этапе казалось совершенно лишенным легитимной базы. Поэтому и приходилось маневрировать, заключая союзы на равных с отдельными городами, выбирая гибкие, приемлемые и даже желательные для союзной стороны варианты договорных отношений. Как только политика Рима в Восточном Средиземноморье приобрела характер открытой экспансии, изменился смысл большинства договоров, заключаемых с эллинистическими государствами.

Со временем Рим все чаще стал игнорировать местные политические традиции, особенно когда они шли вразрез с его планами. Договоры с эллинистическими державами все более походили на *foedera iniqua*,

¹ Rome and the Greek East... P. 29–30.

² Rome and the Greek East... P. 56–58.

при которых вторая сторона должна принимать условия Рима и попадала фактически в зависимое положение. Политическая позиция бывших союзников больше не рассматривалась как важное условие успешной реализации римских планов в регионе. Поэтому их интересы учитывались все меньше и меньше.

В договорах Рима с некоторыми восточно–средиземноморскими народами, не игравшими ведущей политической роли в регионе, но лояльность которых во многом обеспечивала свободу действий римлян, прослеживаются явные пропагандистские мотивы. Евтропий объясняет, что с мадонцами и иллирийцами римляне заключили такое соглашение, в соответствии с которым те оставались свободными и должны были выплачивать половину того налога, который они уже платили царям, чтобы было ясно, что народ римский сражается больше ради справедливости, чем из жадности. Этот договор римский полководец Эмилий Павел обнародовал на собрании многочисленных народов и дал великолепный пир для посольств многочисленных племен, которые прибыли к нему (Eutr. IV. 4. 7. 3).

В самом начале борьбы за Восточное Средиземноморье, когда Рим, с одной стороны, еще не вполне воспринял и осознал в полной мере эллинистическую традицию межгосударственной дипломатии, а с другой стороны, был пока не в состоянии диктовать свои правила игры, сама процедура переговоров принимала весьма своеобразную форму. Это зависело не только от нежелания сторон идти на уступки, но и от стремления изначально утвердить свой стиль дипломатического диалога, соответствующий собственному политическому статусу. Полибий подробнейшим образом передает детали переговоров Тита Фламинина с Филиппом V при Никее: «Тит и спутники его, когда подле Никее подошли к морю, разместились на самом берегу, а Филипп остался на море, хотя и близко к суше. На предложение Тита сойти на берег Филипп, встав на корабль, отвечал, что не сойдет. На новый вопрос Тита, чего он боится, Филипп отвечал, что, кроме богов, он не боится ничего, но не доверяет очень многим из присутствующих, больше всего этолянам. Римский военачальник с удивлением заметил, что опасность одинакова для всех, как одинаково и положение всех их. Но Филипп на это возразил, что Тит ошибается, ибо, случись что с Фением, многие смогут занять должность союзного стратега этолян; напротив, умри Филипп, никого не найдется теперь, кто бы мог стать царем македонян. Все находили, что непристойно начинает Филипп переговоры; однако Тит предложил ему объяснить причину своего прибытия. Филипп на это возразил, что объяснять следует не ему, а Титу, и потому просил

Тита сказать, что он обязан сделать для того, чтобы сохранить мир. Римский военачальник отвечал, что собственно его речь будет проста и ясна, именно: он требует от Филиппа очистить всю Элладу, возвратить пленных и перебежчиков, какие есть у него, отдельным городам по принадлежности, а римлянам передать те местности Иллирии, которыми он завладел по заключении мира в Эпире; равным образом и Птолемию¹ возвратить те города, которые он присвоил себе по смерти Птолемея Филопатора» (Polyb. XVIII. 1. 5–14). Римляне обычно старались не выдвигать сами обвинений в отношении серьезных политических оппонентов. Для этого привлекались греческие государства, претерпевшие по различным причинам притеснения от своих соседей. Пользуясь возможностью под прикрытием Рима обвинить своих опасных соседей, они тем самым облегчали задачу римской дипломатии в борьбе за статус единственного арбитра в регионе. Из того же рассказа Полибия видно, с каким рвением представители греческих государств приступили по команде Тита Фламинина к предъявлению претензий македонскому царю. Первым держал слово присланный от пергамского царя Атталы Дионисодор. Он заявил, что Филипп обязан возвратить царские корабли, захваченные им в хиосском сражении, и команду их, а святилище Афродиты и Никефорий им разрушенные, привести в первоначальное состояние. За Дионисодором говорил начальник флота родосцев Акесимброт, требовавший от Филиппа очистить Перею (южный берег Карики, расположенный напротив Родоса), которую у них отнял, вывести гарнизоны из городов Карики, удалить войска из расположенных напротив друг друга в самом узком месте Геллеспонта² Сеста и Абидоса, бывших опорными пунктами для переправы из Европы в Азию, и вообще из всех гаваней Азии. Вслед за родосцами ахейцы потребовали обратно Коринф и Аргос в нетронутым виде. За ними этоляне, так же как и римляне, требовали, во-первых, очистить всю Элладу, во-вторых, возвратить им нетронутыми города, раньше входившие в союз этолян (Polyb. XVIII. 2. 2–6). Филиппу V оставалось только наблюдать, как римляне, используя воинственность греков, вершат судьбу его монархии.

Но не только побежденным народам, но и союзникам Рима со временем становилось все тяжелее переносить римское «покровительство».

Этолийский союз, решившись доверить свою судьбу римскому консулу Манию, отдал себя под охрану римлян, не зная смысла этих слов:

¹ Имеется в виду Птолемей V Эпифан.

² Геллеспонт — совр. Дарданеллы.

их ввело в заблуждение слово «охрана», как бы обещающее довольно милостивое обращение. Между тем, как объясняет Полибий, у римлян выражение «отдать себя под охрану» значит то же, что «отдать себя на усмотрение победителя» (Polyb. XX. 9. 10–12). Когда из пояснений Мания, этолийские послы поняли, что теперь они не вправе ни по своей воле, ни по решению народа переправляться в Азию и обязаны выдать своих союзников, виновных перед Римом, то искренне возмутились. Один из этолийских послов Фений не сдержался и возразил консулу, что требования его и несправедливы, и противоречат обычаям эллинов. На это Маний цинично заявил: «И вы еще будете напоминать мне об эллинских обычаях, говорить о долге и приличии после того, как отдали себя под охрану римлян! Да если только захочу, я велю заковать всех вас в цепи и отвести в тюрьму» (Polyb. XX. 10. 2–11). Послы были настолько растеряны, что казались действительно скованными.

Процедура заключения договоров Рима с побежденными народами поначалу ничем особенным по сравнению с общепринятой в античном мире практикой не отличалась. Важным этапом обсуждения условий мира являлось заслушивание послов государств, бывших союзниками как победителей, так и побежденных (Polyb. XXI. 43. 3–8). Послы, прибывшие в Рим просить о мире, жили за городом. В черте города могли находиться только представители дружественных держав. В знак гарантии соблюдения договорных отношений предоставлялись заложники (Polyb. XVIII. 39. 5; Liv. XXXIII. 30. 10; XXXVIII. 38. 15).

Технической стороной договора обстоятельно занималась комиссия из десяти легатов, назначенных специально для этого сенатом (Polyb. XXI. 44. 6; XVIII. 42. 5–6; Liv. XXXVIII. 38. 1; XXXIII. 24. 7). Они уточняли условия, предписанные побежденным, после чего мирный договор подлежал утверждению (Polyb. XVIII. 39. 56; 42. 2–3). Если побежденные принимали условия мира без возражений, проект договора передавался в сенат на рассмотрение и утверждение (Polyb. XXI. 24). В случае необходимости делался запрос на Капитолии к народу, желает ли он заключения мира. Голосование велось в трибутных комициях. За мир с Филиппом V высказались все тридцать пять триб¹ (Polyb. XVIII. 42. 3–5; Liv. XXXIII. 25. 6–7), хотя продиктовано такое единодушие было скорее причинами внутренней политической борьбы в римском

¹ Триба — подразделение гражданского коллектива по территориальному признаку. С 241 г. до н. э. территория Римского государства делилась на 35 триб. Трибутная комиция — разновидность народного собрания, когда граждане собирались на голосование по трибам.

обществе. В подтверждение договора с побежденных царей брали клятву (Polyb. XXI. 46; Liv. XXXVIII. 39. 1).

Для полного соблюдения процедуры заключения договора с римской стороны привлекались фециалы, совершавшие особые обряды с произнесением клятв и жертвоприношениями.

Таким образом, Рим сумел навязать свои правила заключения договоров эллинистическим государствам. Однако и для римского договора этот исторический этап также стал переломным. Мотивация договоров и их сущность полностью изменились. Независимо от статуса и содержания (союзные, мирные), они оказались нацеленными на реализацию имперских планов Рима.

Что же оставила договорная практика эллинизма в наследие нынешним поколениям? Сохранившиеся источники свидетельствуют, что для договорного процесса уже в то время была характерна развернутая процедура, предполагавшая предварительные переговоры, ратификацию союзными собраниями и обязательную фиксацию, возможность оговорок и дополнений к договорам, определение сроков действия. Кроме того, дипломатическая практика эллинизма была хорошо знакома с такими категориями как толкование отдельных положений договоров и признание их недействительными. Трехсотлетняя история эллинизма стала переходным этапом, определившим основные тенденции в развитии международных договоров как правовой базы международных отношений.

«ПРАВО ВОЙНЫ» И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Эллинистические войны: за что и как воевали

«Право войны» («право копья»), на первый взгляд, представляется понятием, противоречащим логике и здравому смыслу. Тем не менее, это один из древнейших институтов дипломатии, подразумевавший закрепленное в форме международного обычая право победителя на порабощение побежденного народа, а также на присвоение захваченной территории и богатств.

В античном мире «право войны» позволяло завоевателю на законных основаниях закрепить за собой плоды победы. Со времен глубокой архаики война воспринималась населением как неизбежная и даже вполне обыденная реальность жизни. И это понятно, поскольку основная часть граждан греческих полисов все еще жила плодами аграрной экономики, экстенсивное развитие которой не всегда позволяло гарантировать даже минимальный прожиточный уровень. В таких условиях межплеменные войны позволяли компенсировать недостатки натурального хозяйства путем прямой экспроприации продукта у соседей. Подобному образу жизни соответствовал и характер формировавшегося государственного механизма.

Соединение политических структур республики и милитаризованного полиса было характерно и для Римского государства. Так, проведенная царем Сервием Тулием (578–534 гг. до н. э.) первая в истории римского общества масштабная реформа, разделившая население по имущественным разрядам, в конечном счете, имела целью повышение боеспособности римского ополчения. Она привела к тому, что политические права определялись соответственно имущественному цензу граждан, влиявшему на их военное распределение по войсковым сотням (центуриям).

По мере роста военного потенциала полисных коллективов войны все чаще провоцировались экспансионистскими настроениями, стремлением расширить пределы ойкумены за счет территории варварских народов. Такие войны по природе своей считались делом достойным и справедливым.

Таким образом, сознание античного общества с древнейших времен воспринимало войну как неизбежный и даже естественный фактор жизни государств и индивидов. И, тем не менее, в истории эллинистического общества война сыграла особую роль. Эллинизм как политичес-

кое явление, есть порождение войны. Само появление на политической карте эллинистических государств было обусловлено войной. Именно война служила средством легитимизации основных политических институтов эллинистического общества. Кроме того, с древнейших времен война, несмотря на её негативную сущность, стимулировала развитие дипломатического права. В ходе войн вырабатывались многие юридические нормы, понятия и принципы. Уже к началу классического периода (V в. до н. э.) у греков сложилась достаточно устойчивая система правил ведения войны. Эпоха эллинизма с её многочисленными войнами сформировала благодатную почву для их дальнейшего развития. Этому в немалой степени способствовал процесс смены обычаев на формализованные нормы, нашедшие свое закрепление в договорах многочисленных военных союзов и коалиций.

Обусловленность войн экономическими причинами очевидна для любой эпохи. Однако уже в античные времена экономический фактор являлся не только причиной и поводом для вооруженных конфликтов. В ходе войн экономические рычаги воздействия зачастую оказывались более эффективными, чем военные действия. История Греции доказывала это неоднократно и до начала эллинистической эпохи. Одним из наиболее показательных является пример наложения экономических санкций Афинами на Коринф и его союзников во время Пелопонесской войны (431–404 гг. до н. э.), что должно было парализовать их морскую торговлю. Аналогичные меры предпринял Филипп II Македонский против самих Афин в 340/329 г. до н. э.

В эллинистический период война, пожалуй, впервые стала играть роль инструмента пропаганды. Такой оттенок был характерен уже для завоевательной политики Александра Великого, широко деклариовавшего лозунг «отмщения персам» в качестве предлога для покорения всей Азии. Последовавшие за тем военные экспедиции на Восток Селевка I и Антиоха III также были направлены не только на решение утилитарных задач, как то, предотвращение роста сепаратистских тенденций. Сам факт сохранения контроля над богатыми сатрапиями Азии, караванными маршрутами, ведущими к золотым рудникам Сибири и Индии, наконец, подтверждение незыблемости права господства над огромными территориями, вполне можно назвать «династической мечтой» Селевкидов. Оба предприятия составили ведущие звенья пропагандистской кампании, нацеленной на доказательство права династии Селевкидов на власть и собственно на само существование. Восточный поход Антиоха III стал последней успешной мас-

штабной военной кампанией, призванной повысить статус царского дома Селевкидов.

Война служила орудием легитимизации власти эллинистических монархов, и одновременно предоставляла широкое поле для их правовой инициативы. Несмотря на существование уже упрочившихся в общественном сознании устных правил и законов войны (Polyb. II. 58. 6; IV. 47. 6–7; V. 9. 1–2), египетские, сирийские, македонские цари сами определяли достаточность поводов, методы ведения боевых действий, правовые гарантии заложников, положение военнопленных и тому подобное. Так, например, поводом к войне могло стать подложное письмо, содержащее политическую провокацию (Polyb. V. 42. 7–8), отказ отменить пошлины (Polyb. IV. 47. 4–7), посягательство на территорию и собственность греческих святилищ (Just. XXIV. 1. 5) или даже личные обиды (Polyb. IV. 49. 4–7). Вифинский царь Прусий объяснял свою враждебность по отношению к византийцам тем, что они не поставили, как обещали, его изображения и не прислали к нему посольство на священные празднества Сотерии (Polyb. IV. 49. 1).

Но одновременно цари должны были аргументировать развязывание очередной войны, доказывать ее вынужденный характер. При этом постоянно делались ссылки на «право копья», которое подразумевало легитимизацию владения территориями в ходе первого военного раздела империи Александра Македонского его ближайшим окружением (Polyb. XVIII. 51; Liv. XXXIII. 40; App. XI. 3). Так, во время Четвертой Сирийской войны (219–217 гг. до н. э.), оправдывая свои притязания на пограничные с Египтом территории, Антиох III приводил стандартные аргументы: Сирия и Финикия первоначально были завоеваны Антигоном Одноглазым и затем обещаны Селевку Никатору после битвы при Ипсе по соглашению с Кассандром и Лисимахом. Птолемей Сотер участвовал в военной кампании 315–311 гг. до н. э. как союзник Селевка, а не как самостоятельный участник, поэтому никаких оснований претендовать на спорные территории у него нет.

Ликиск, посол акарнанов, выступая в этолийском собрании приводит в пользу Антигона следующей аргументы: «Антигон воевал против вас и в открытом сражении одержал над вами победу; оружием приобрел он власть над вашей страной и вашим городом. С полным правом он мог бы поступить по обычаям войны» (Polyb. IX. 36. 3–4).

Войну греки по привычке рассматривали и как вернейшее средство вернуть себе свободу и демократию. Как до Восточного похода, так и сразу после него греческие государства пытались избавиться от тоталь-

ной опеки своего воинственного союзника Македонии. Поэтому войны, которые они вели сначала против Филиппа II, затем против Александра, можно рассматривать как противостояние самой идеи и институтов демократии монархическим принципам власти. Даже в ходе совместного греко–македонского завоевания Азии эллины не оставляли надежды на сохранение суверенных прав своих полисов и не рассматривали всерьез идею создания единого государства имперского толка. Переломить их устойчивые убеждения могла опять же лишь война, которая не замедлила себя ждать. Манифестом Александра, оглашенным на Олимпийских играх в 324 г. до н. э. дозволялось всем грекам, изгнанным из отечества, за исключением убийц и лиц, совершивших святотатство, возвратиться на родину. Это спровоцировало недовольство во многих городах, особенно у этолийцев и афинян, что вылилось в Ламийскую войну 324–323 гг. до н. э., ставшую, по сути, попыткой открытого противостояния греков македонской гегемонии в лице Александра. Война была проиграна. Македонский военачальник Антипатр выдвинул требования уплатить военные издержки, штраф, уменьшить число граждан до 9000, для которых ценз назначался не меньше 20 мин, что вело к дальнейшему ограничению демократии.

Правда, попытки ослабить македонскую гегемонию на этом не прекратились. Следующая война разгорелась в 267–261 гг. до н. э. Теперь Македонии противостояла целая коалиция греческих государств в союзе с египетским царем Птолемеем II. Война получила название «Хремнидовой» по имени афинянина Хремонида, одного из ее идеологов и автора документа, представляющего собой постановление афинского народного собрания. Ценность документа в его хорошей сохранности. Пространный текст постановления посвящен союзу Афин со Спартой и с Птолемеями против Македонии. В нем подчеркивается приверженность греческих государств старому союзу с Египтом и перечисляются участники антимакедонской коалиции: «...чтобы соперники, устремившись вместе с царем Птолемеем и друг с другом, пришли на помощь и наконец с единогодушием спасли государства, в добрый час постановлено народом, чтобы была дружба и военный союз у афинян и лакедемонян, и царей лакедемонян, и элейцев, и ахейцев, и тегейцев, и мантинейцев, и орхоменцев, и фиалейцев, и кафиейцев, и критян, которые состоят в симмахии лакедемонян и Ареса...» (Syll. 434/5). Далее содержится призыв ко всем эллинам примкнуть к союзу и принести соответствующие клятвенные заверения. Несмотря на сплоченность коалиции, она потерпела поражения от македонского царя Антигона, который закреп-

пил своей победой гегемонию над Элладой. В последующем Македония всё-таки вынуждена была уступить права гегемона Риму. Военная история борьбы греков за самостоятельность таким образом обернулась лишь сменой гегемонов.

В римской поздней аналитике представления о характере войн в принципе сходны с греческими. Луций Ампейлий в ходе краткого исторического повествования констатирует, что существуют четыре рода войн: войны между народами, ведущиеся с чужеземцами; союзническая, как у римлян с латинянами, афинян с лакедемонянами; рабская, которую римляне вели против беглых рабов и гражданская, когда сражаются между собой, как Марий и Сулла, Цезарь и Помпей, Август и Антоний (Amp. 41).

Войны Рима против внешних врагов рассматривались как справедливые (*bella iusta*); войны, которые вели другие народы против римского народа, в том числе и восстания рабов, — как несправедливые (*bella iniusta*). Все, что творилось на полях сражений во имя римского народа, однозначно расценивалось как проявление высшей справедливости. Именно римляне привнесли в международные отношения дополнительный акцент политического эгоизма. Как следствие, им не всегда требовались весомые причины для развязывания очередной войны. Можно сказать, что римляне первыми при решении глобальных «геополитических» задач стали активно прибегать к превентивным войнам.

Первая война с Македонией (215–205 гг. до н. э.) рассматривалась римлянами лишь как профилактическое мероприятие для предотвращения возможной угрозы со стороны греков и македонян, заключивших союз с Ганнибалом. Во всяком случае, отсутствуют свидетельства того, что начало военных действий было формально продекларировано.

Проведение параллели между карфагенской эпопеей Рима и войнами с Македонией закономерно. Карфаген, как постоянно ноющий зуб, не давал римскому сенату и обществу спокойно жить, пока не был стерт «с лица земли» в 146 г. до н. э. в ходе третьей Пунической войны, которая опять же носила чисто превентивный характер. Аналогии в военной стратегии Рима в Пунических войнах и Македонских настолько очевидны, что их сравнение присутствует уже у античных авторов: «Хотя римляне вели Македонскую войну с меньшим напряжением сил, чем Пуническую войну, но она принесла им настолько же больше славы, насколько македоняне были знаменитее пунийцев; за них говорила слава покорения ими Востока, им оказывали помощь все цари. Поэтому римляне и легионов набрали больше, и вызвали вспомогатель-

ные отряды от нумидийского царя Массинисы и других союзников» (Just. XXXIII. 1. 1). Суровые испытания борьбой с Карфагеном не только закалили римскую армию, но и научили римлян стратегии упреждающего удара и военной дипломатии, рассчитанной на нейтрализацию потенциальных союзников противника.

Вторая Македонская война (200 — 197 гг. до н. э.) была развязана римлянами после тщательно подготовленной и осуществленной дипломатической кампании, результатом которой стало формирование широкого антимакедонского фронта в составе Родоса, Афин, Пергама и Спарты. Идеологической платформой такого единения была перспектива возвращения независимости всем греческим государствам. Конечно, с позиций современного знания истории невозможно всерьез соотносить цели и характер римской политики в регионе с альтруизмом. Однако на тот момент греки «цеплялись» за Римскую республику как за независимого арбитра, доброго соседа и бескорыстного союзника. Римские легионы были направлены в Македонию под предлогом оказания помощи союзникам (Just. XXX. 3. 1–7).

На последовавших после победы союзников переговорах Филипп V пытался аргументировать свое право на господство над Грецией традиционным для эллинистической дипломатии «правом копья». По его разумению греки, покоренные его предками Филиппом II и Александром не могли требовать свободы (Just. XXX. 3. 9). Такую позицию македонского царя нельзя не признать недальновидной, негибкой и самонадеянной.

«Превентивная» тактика римлян не могла не вызывать подозрений и критики как у непосредственных участников событий, так и у историков. Так, в 171 г. до н. э. римляне использовали факт покушения на своего союзника, пергамского царя Эвмена II, во время его путешествия в Дельфы (четверо неизвестных, скрывшись за небольшой стеной, совершили нападение, когда царь намеревался принести жертву), как предлог для объявления третьей по счету войны Македонии. Аппиан, оценивая ситуацию, дает понять, что римляне собственно и не нуждались в серьезном поводе для объявления очередной войны Македонии. Такое положение особенно волновало эллинов, питавших симпатии к слышшему филэллином Персею и, тем не менее, вынужденных войти в соглашение с римлянами (App. IX. XI. 4). Покушение на Эвмена слишком уж напоминало провокацию. У Персея были все основания требовать международного расследования и дипломатического урегулирования конфликта. Не желая предоставлять македонскому царю «широкую трибуну», римляне форсировали события, огласив, наконец, реальные

причины объявления войны, состоявшие главным образом в том, что он захватил Фракию, имел войско и запасы, «как человек, не собирающийся оставаться спокойным». Таким образом, римский сенат признал, что цель войны: жесткие превентивные действия против дальнейшего укрепления Македонии. Македонским послам оставалось лишь горько обличать сенат: «Нуждающимся в поводе для войны, римляне, это все достаточно, как повод» (App. IX. XI. 5). Война была объявлена, несмотря на недавно возобновленный договор, вопреки общепринятым правилам дипломатической практики (App. IX. XI. 9).

В том же русле развивалась стратегия в отношении Селевкидов. Римляне, обеспокоенные возможностью распространения влияния Селевкидов в Малой Азии и в Балканской Греции, потребовали от Антиоха III эвакуации войск из Фракии и тех городов, которые раньше принадлежали Филиппу V, уже проигравшему римлянам войну. На их взгляд сирийский царь воспользовался плодами их победы. Царь был раздражен требованиями Рима и ответил, что у римлян не может быть оснований для притязаний на города Азии, а в Европу он переправился на основании того, что Фракийские территории, прежде принадлежавшие Лисимаху, перешли к Селевку I по праву войны и были утрачены лишь по недостатку внимания со стороны его (Антиоха III) предков, так как пока они были отвлечены другими делами, владения эти отторгнул и присвоил себе сначала Птолемей, потом Филипп, и теперь он (Антиох) не ищет завоеваний, пользуясь невзгодами Филиппа, а только восстанавливает прежнее владение, опираясь на свое право (Polyb. XVIII. 50–51). Командовавший римскими войсками в регионе Тит Квинций Фламиний очевидно был знаком с историей вопроса, в частности с тем, что до поражения, нанесенного Селевком I, Лисимах правил не только во Фракии, но и в Македонии. Следовательно, можно было предположить, что притязания Антиоха III не ограничатся Азией. Поэтому доводы сирийского царя не внушали ни малейшего доверия римскому сенату. Антиоху III в 192 г. до н. э. была объявлена война, закончившаяся в 188 г. до н. э. победой римлян и подписанием унижительного для сирийского царя Апамейским миром.

Расправившись с открытыми оппонентами, римляне посредством проверенной тактики приступили к устранению военного потенциала своих «вчерашних» союзников. Одним из поводов роспуска Ахейского союза послужили опять же жалобы греков: «В то время как римляне выискивали повод к войне, судьба как раз кстати оказала им услугу в виде жалобы спартанцев, земли которых ахеяне опустошали вследствие взаимной (между этими народами) ненависти» (Just. XXXIV. 1. 3).

Отчаяние ахейян было безмерным (они устроили бойню иностранцев), но, увы, уже бесполезным и лишь спровоцировало немедленную отправку в Грецию очередных легионов (Just. XXXIV. 1. 8–9; XXXIV. 2. 1).

Независимо от причин и характера войн, само ведение боевых действий так же регламентировалось правилами, ибо «...соблюдение общечеловеческих законов почитается обязательным даже по отношению к врагам» (Polyb. II. 58. 6–7). Не допускалось применение отравленного оружия (стрел и копий) и способного причинять большой ущерб. Полибий утверждает: «...только та победа над противником и почётна и прочна, которая добыта мужеством в открытом бою. Поэтому—то предки заключали между собою уговоры не употреблять друг на друга ни тайных, ни дальнобойных снарядов, и решение распри видели только в открытом бою лицом к лицу с противником. Поэтому же самому противники уведомляли друг друга о войнах и сражениях, объявляя время и место, где и когда они намерены строиться к бою и дать решительное сражение» (Polyb. XIII. 3. 3–5).

Устойчивая практика соблюдения общепринятых правил ведения боевых действий наталкивает на мысль о существовании на тот момент некоего условно принятого «кодекса» войны, регулировавшего форму капитуляции, порядок выкупа пленных, запрет на убийство и продажу в рабство населения захваченных городов, а также предусматривавшего возможность получения городами иммунитета от грабежа или репрессалий. Отсутствие формального закрепления даже общепризнанных норм вело к их нередкому нарушению. Например, город Арад, захватив Мантинею, продал всех ее жителей в рабство, однако такие случаи были исключениями и вызывали жёсткое порицание и неприятие со стороны общественного мнения (Polyb. II. 58. 4–6). Конечно, нет оснований говорить о наличии в эллинистическую эпоху развитой теории «права войны». Правильнее подразумевать под выше названным «кодексом» накопленные за много веков обычаи, которые достаточно детально регулировали действия сторон во время межполисного конфликта, а главное, способы его разрешения. Арад нарушил не право войны в целом, а лишь конкретный обычай, которым руководствовался определенный круг полисов.

Началу боевых действий должно было предшествовать официальное объявление войны через специальных глашатаев, как это было принято издревле. У Полизна находим интересное замечание, касающееся нюансов процедуры объявления войны и последствий пренебрежения ими: «Деметрий, послав вестника к беотийцам, объявил им войну. Вестник отдал беотархам в Орхомене письмо с объявлением войны; Деметрий же

на следующий день встал лагерем при Херонее. Беотийцы были поражены, что война началась сразу с ее объявления» (Polyaen. Strat. IV. 7. 11). Таким образом, сам акт объявления войны по общепринятому правилу еще не означал немедленного начала военных действий. Правда, в эллинистический период это правило часто нарушалось. Наоборот, внезапность стала расцениваться как достоинство наступающей стороны. Полибий с сожалением отмечает: «...теперь действовать открыто — значит показать себя никуда негодным военачальником» (Polyb. XIII. 3. 6).

Объявление войны моментально меняло правовой статус иностранцев, находившихся на территории враждебного государства. Поскольку в то время не существовало и намеков на международное гуманитарное право, то их участь зависела от волеизъявления конкретных политиков, а зачастую и от реакции местных обывателей, подогреваемых милитаристскими настроениями. Аппиан живописует то положение, в котором оказались мирные македоняне, находившиеся на римской территории в момент объявления сенатом войны их отечеству: «...консул велел послам в тот же самый день выехать из Рима, а в течение следующих тридцати дней удалиться из Италии. То же самое было объявлено и проживающим здесь македонянам. После этого заседания сената тотчас поднялось волнение, исполненное гнева, так как в немногие часы изгнали сразу столь большое число людей, не могших ни найти в столь короткий промежуток времени выючных животных, ни захватить с собой всего имущества. Ввиду поспешности одни не успели доехать до мест остановок, но проводили ночь среди дороги, другие же с детьми и с женами легли около ворот. Все происходило, как и полагается при таком неожиданном приказе, ибо неожиданным он мог показаться им тем более, что дело велось при помощи послов» (App. IX. XI. 9).

Формальным атрибутом победы являлось право «поставить победный трофей». Для морального духа победителей это было настолько важно, что толкало их на дополнительный риск. Ахейский стратег Арат чуть было не навлек на себя недовольство собственного войска тем, что в сражении с аргосским тираном Аристиппом раньше времени оставил поле сражения и упустил из рук победу. Его солдаты были раздражены тем, что побежденным позволили поставить победный трофей, хотя ахейцы разбили неприятелей и убили их гораздо больше, нежели потеряли сами. Пристыженный соратниками Арат попытался, правда, безуспешно, возобновить сражение (Plut. Arat. XXVII).

Аналогичная практика бытовала и в морских войнах. Конец морского сражения при Хиосе между македонским и пергамским флотами озна-

меновался тем, что Филипп V присвоил победу себе на двояком основании, во-первых, потому что загнал Атталу на сушу и завладел его кораблем, во-вторых, потому что бросил якорь у так называемого Аргенна, то есть как бы утвердил стоянку на обломках кораблей. На следующий день Филипп приказал собрать корабельные обломки и велел поднять с поля боя трупы, какие можно было еще распознать, дабы тем усилить видимость победы (Polyb. XVI. 8. 1–4).

«Право войны» в его эллинистическом варианте включало множество новшеств, связанных с некоторыми особенностями международной жизни. Фактор тесных межличностных отношений эллинистических монархов и политиков накладывал отпечаток на обычаи «права войны» и даже приводил к формированию новых традиций. Плутарх сравнивает непрекращавшуюся войну между преемниками Александра со взаимной враждой соприкасающихся стихий вследствие их «ненависти и любви». При городе Газе в Южной Палестине в 312 г. до н. э. Деметрий Полиоркет потерпел поражение от войска Птолемея, потеряв восемь тысяч пленными и пять тысяч убитыми. У него отняли палатку, деньги и вообще весь обоз. Все это Птолемей отослал обратно со своими друзьями, приказав сказать им дружеские и благородные слова, что македоняне должны сражаться не за все вместе, но лишь за славу и власть (Plut. Dem. V).

Долг чести требовал адекватного поведения от Деметрия Полиоркета. И ему действительно представился случай продемонстрировать ответное благородство. Разбив в сражении войско птолемеевского стратега Килла, он пленил семь тысяч вражеских солдат и овладел значительным количеством денег. Теперь уже Деметрий, правда, с позволения отца Антигона вернул Птолемею его плененных друзей, богато одарив их (Plut. Dem. VI). Вторично Деметрий проявил благородство после победы над флотом Птолемея в морском сражении у Саламина. Он опять отпустил родственников и друзей Птолемея, вернув им их личное имущество, помятуя о подобной же услуге, оказанной некогда ему (Just. XV. 2. 6–14; Plut. Dem. XVII).

Римлянам приходилось прилагать значительные усилия для освоения дипломатического языка, свойственного эллинистическим монархам и политикам. Во время переговоров Филиппа V с римским полководцем Титом Фламинином перед заключением Никейского мирного договора этоляне вслед за римлянами потребовали от македонского царя очистить всю Элладу, возвратить им нетронутыми города, раньше входившие в Этолийский союз. На это Филипп возразил, что сам он не ходил войною на этолийские города, а помогал Пруссии (царю Вифи-

нии), который был в войне с ними. Причиной же этой войны был отказ этолян удовлетворить требование отменить закон, дающий им право «громоздить добычу на добычу» (Polyb. XVIII. 4). Когда Тит с удивлением спросил, что значит произнесенное царем выражение, Филипп сделал попытку объяснить смысл его и сказал, что у этолян существует обычай, которым дозволяется грабить не только те народы, с которыми они ведут войну, но в такой же мере под видом помощи обеим воюющим сторонам, если какие-нибудь другие народы ведут войну между собою, опустошать земли обоих; благодаря чему у этолян не существует границы между дружбою и враждою, они всегда готовы открыть враждебные и военные действия против всякого народа, что-либо оспаривающего у другого. Таким образом, утверждает царь, он действовал с целью помочь собственным союзникам (Polyb. XVIII. 5. 1–5).

В данном случае Филипп V ссылаясь на право оказывать военную помощь участникам единого с ним оборонительного союза (эпимахии), форма которого активно практиковалась в межполисных отношениях еще в классическую эпоху. Этолянам же он вменяет в вину пренебрежение к святости союзнических отношений во имя собственных корыстных интересов.

В соответствии с целями и характером различались войны законные и не имеющие законного основания. Источники пестрят сообщениями о том, что то или иное государство начало войну вопреки всем человеческим законам, или наоборот, справедливую. Безусловно, войны оборонительные, в защиту святынь или преследующие общеэллинские цели считались справедливыми.

Родосский посол упрекает этолян: «...если бы вам суждено было вести войну почётную по ее первоначальным побуждениям или если бы она приносила честь вам по завершении, тогда будь она даже невыгодною, — такую бывает чуть не всякая война, — можно было бы ещё оправдать вашу ревность. Но вы ведете войну постыднейшую, навлекающую на вас тяжкий позор и поношение» (Polyb. XI. 4. 7–9). Причина столь суровой оценки в том, что этоляне занимали на тот момент проримскую позицию, а это, по мнению родосцев, готовило Элладе поработение и гибель.

Другой источник сообщает, что Деметрий Полиоркет, расположившись лагерем в Аттике после захвата Эгины и Саламина, послал посольство к жителям Пирея, прося оружие для тысячи мужей, чтобы прийти к ним в качестве союзника против тирана Лахара. Они же, поверив, послали ему вооружение, а он, получив просимое и вооружив своих воинов, осадил оказавших ему помощь (Polyaen. Strat. IV. 7. 5).

Война иногда использовалась как инструмент вымогательства. Это-ляне во время военного похода, двигаясь по направлению к Лусам, подошли к святилищу Артемиды, которое почиталось у эллинов неприкосновенным, и угрожали расхитить стада богини и все, что было вблизи храма. Лусиаты вынуждены были откупиться храмовыми драгоценностями. Правда, на обратном пути, этоляне всё-таки похитили стада богини (Polyb. IV. 18. 9–12; 19. 4–5).

Взаимные претензии греческих общин по подобным инцидентам постоянно звучат в дипломатическом диалоге. Акарнанский посол Ликиск, выступая перед лакедемонскими гражданами, упрекал их: «Какой народ ставил во главе походов таких начальников, каких посылали вы, начальников, которые дерзали посягать даже на неприкосновенные святыни? Тимей ограбил святилище Посейдона на Тенаре и святилище Артемиды в Лусах, Фарик расхитил святыню Геры в Аргосе, Поликрат святыню Посейдона в Мантинее. А что сказать о Латтабе и Никострате? Разве они в мирное время не нарушили всенародного праздника беотян и не вели себя как скифы и галаты?» (Polyb. IX. 34. 8–11)

Этолия во времена тирана Набиса (207–192 гг. до н. э.) стала местом убежища бандитов, беглых рабов и авантюристов разного толка. Их постоянный приток санкционировался предоставлением избирательного права иностранцам, поощрением коммерции. Подобная политика была продиктована истощением собственного населения в ходе войн. В результате Этолия быстро превратилась в бандитский анклав, служивший плацдармом для нападения на соседние государства. Этолийцы досаждали даже своим союзникам. Царь афаманов Аминандр, несмотря на партнерские отношения с Этолийским союзом по многим политическим и военным мероприятиям, порицал постоянные разбойничьи набеги этолийцев и отказывался слепо следовать в русле их политики, чем продемонстрировал достойную монарха политическую волю и дальновидность.

Зачастую стремление добиться победы любой ценой, жажда военной наживы вопреки любым нормам не только права, но и морали определяли суровую военную действительность. А в фактах военной истории можно разглядеть не столько свидетельства военной хитрости полководцев, сколько примеры кошунства даже по отношению к погибшим соотечественникам: «Антигон и Эвмен сразились; победа была на равных; Эвмен послал вестника для переговоров о поднятии с поля боя тел павших. Антигон, желая скрыть, что павших у него было гораздо больше, задержал вестника на столько времени, сколько потребовалось для сожжения всех тел павших. После же того как погребение закон-

чилося, он отпустил вестника, согласившись на поднятие тел с поля брани» (Polyaen. Strat. IV.6. 10).

Впрочем, подчиненные полководцев, следуя примеру начальников и настроению авантюризма, столь характерному для эллинистического общества, также зачастую демонстрировали непостоянство, отсутствие чувства долга и преданности. Фрурарх (начальник гарнизона) Деметрия Полиоркета Диодор, которому под надзор был оставлен Эфес, попытался сдать город Лисимаху за пятьдесят талантов. Деметрию удалось вовремя пресечь измену (Polyaen. Strat. IV. 7. 4).

Повествуя о факте измены македонского войска, покинувшего Антигона Гоната и перешедшего на сторону эпирского царя Александра, источник с определенной долей фатализма констатирует: «Столь велико было то ли непостоянство солдат, то ли превратности судьбы, что цари попеременно становились то изгнанниками, то снова царями» (Just. XXVI. 2. 9–12).

И всё же в эллинистическую эпоху ведение войн было более упорядочено, чем ранее. Этому способствовало обилие политических и религиозных союзов, развитие дипломатии и уже полностью сформировавшаяся и укоренившаяся в общественном сознании идея необходимости сохранения баланса политических сил в регионе. Поэтому и создается впечатление о существовании некоего неформального «кодекса войны», действовавшего, разумеется, только внутри эллинистического общества.

Военнопленные

Одним из наиболее «болезненных» проявлений войны является плен. Существовало ли уже в античные времена представление о специальном режиме военнопленных, — вопрос спорный. Одни исследователи отрицают его наличие, ссылаясь на обычную судьбу жителей захваченных городов, которых, зачастую умерщвляли или продавали в рабство. Другие настаивают на том, что существовало обязательное правило возвращать пленных за выкуп¹. Разночтения возможны из-за того, что само понятие «военнопленные», по представлениям того времени, трактовалось совершенно по-разному. Жители осажденного и активно оборонявшегося города, с точки зрения прагматичного античного мышления, изначально делились на две категории: способные носить оружие

¹ Ср.: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М. 1990. С. 23.; Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М. 1960. — Ч. 1. С. 50; Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. London. 1932. 240–243.

считались врагами и подлежали уничтожению, а остальные рассматривались как военная добыча.

В исторической литературе моральные качества победителя часто оценивались по тому, как он поступал с пленными. Полибий, склонный к морализации в своих суждениях, так сравнивает отношение двух полководцев Филиппа II Македонского и Птолемея V Эпифана к побежденным: «Все удивляются великодушию Филиппа, который не только подвергался злословию со стороны афинян, но и терпел ущерб через них; тем не менее после Херонейской победы он не обнаружил ни малейшей охоты воспользоваться обстоятельствами ко вреду неприятеля; напротив, позаботился о погребении афинян, павших в битве, а военнопленных отпустил к присным их без выкупа и еще наделил одеждой. Но не этому образу действия подражают люди; они стараются превосходить друг друга в ярости и мстительности в отношении к народам, с которыми воюют, ради этого начинают самые войны. Итак, Птолемей велел приковать людей к телегам нагими, волочить их и потом после истязаний перебить» (Polyb. XXII. 6. 1–4).

Эллины собственных соплеменников, сдавшихся в плен врагу или отступивших перед лицом противника с поля боя, не только осуждали, но и подвергали суровым наказаниям. Так, акарнаны, желая во что бы то ни стало отразить наступление этолян, дали клятву, в соответствии с которой те, кто, будучи побежден, не падёт в сражении и бежит с поля битвы, не должны быть допущены в город, получить приют и огонь (Polyb. IX. 40. 4–6).

Переговоры о выкупе зачастую вели сами пленные. Уже сложившаяся к началу эллинизма практика разрешения подобных вопросов в межполисных войнах допускала такую возможность. В таких ситуациях предполагалось учитывать нюансы и обстоятельства, сопровождающие сам факт пленения. Хотя во многом решающее слово оставалось за победившей стороной: «...Когда Эгину¹ взяли римляне, все те эгиняне, которым не удалось бежать тайком, собрались вместе на свои корабли и просили у римского военачальника Публия дозволения отправить послов в родственные города за выкупом. Сначала Публий наотрез отказал им, говоря, что нужно было вступать в переговоры о спасении с победоносным неприятелем в то время, когда договаривающиеся были свободны, а не теперь, когда они стали рабами» (Polyb. IX. 42. 5–8). Правда, в конце концов, Публий из дипломатических сообра-

¹ Эгина — остров с одноименным городом в Сароническом заливе.

жений «ради прочих эллинов» и в связи с тем, что таков у эллинов обычай, дозволил эгинянам отправить послов за выкупом.

Упомянутые обычаи эллинов восходили или, точнее сказать, «отпочковались» от древнейших обычаев кровной мести за смерть сородича. В афинском праве существовал специальный закон, возлагавший на родственников гражданина, умершего насильственной смертью в каком-либо иностранном государстве, обязанность священной мести. Если же государство, где это случилось, отказывалось дать удовлетворение или выдать убийцу, то тем самым оно брало на себя ответственность за это преступление. В таком случае разбирательство переходило в сферу исключительно международных отношений. Право мщения принимал на себя сам город Афины. Санкция выражалась в праве захвата до трех граждан «виновного» государства с тем, чтобы потом предать их афинскому суду.

Обычай мести, в котором проявлялась коллективная сущность полиса, в полной мере сохранял свою силу и в эллинистический период. В 223 г. до н. э. аркадский город Мантиней был разрушен македонским царем Антигоном Досоном и отдан в управление союзным ему ахейцам. Последовавшие за этим действия ахейцев в отношении Мантиней, по горькому замечанию Плутарха, роняют имя греков: «...они казнили самых известных, выдающихся граждан, остальных же частью продали, частью отправили в цепях в Македонию, женщин и детей обратили в рабство. Третью часть собранных ими денег они поделили между собой, две трети отдели македонянам. Так поступили они по закону мести. Тяжко поступать таким образом, под влиянием чувства мести с единомышленниками, близким по крови народом...» (Plut. Arat. XLV).

Весьма распространенная практика выкупа у врага своих плененных сограждан вопреки гуманитарным целям иногда приводила к плачевным последствиям. Полководцам приходилось искусственно стимулировать отвагу воинов, стремившихся, прежде всего, сохранить свою жизнь. Полиэн приводит интересный пример: «Пердикка во время войны между иллирийцами и македонянами, после того как многие македоняне были взяты в плен живыми, а остальные в надежде на выкуп стали менее отважны в битвах, объявил, — отдав приказ возвестить это по возвращении посланному на счет выкупа гонцу, — что иллирийцы не принимают выкуп, но решили убить пленников. Македоняне, оставив мысль о спасении через выкуп, стали более отважными в ратном деле, поскольку имели надежду на благополучный исход только посредством победы» (Polyaen. Strat. IV. 10. 1).

Судьба военнопленных зависела от таких факторов как особенности отношений между враждующими сторонами, их принадлежность к различным военным союзам, наконец, политическая конъюнктура. Например, Филипп V пытался склонить к союзу побежденных элейцев¹ обещанием отпустить пленников без выкупа, если они пожелают вступить с царем в дружбу (Polyb. IV. 84. 4–6).

Правовым средством разрешения вопроса о пленных, а так же перебежчиках являлось включение соответствующих условий в соглашения о мире или перемирии воюющих или завершивших войну сторон. В таких соглашениях, как правило, фигурировали и заложники. Институт заложников являлся единственно действенным средством гарантии выполнения условий договоренности сторонами. Тит Фламиний согласился заключить перемирие с Филиппом V на четыре месяца при условии, что тот заплатит Титу тотчас двести талантов и поставит заложниками своего сына Деметрия и несколько своих друзей. При этом Тит согласился возратить Филиппу двести талантов и заложников, если мир не осуществится (Polyb. XVIII. 39. 5–7; XVIII. 44).

Конечно, «законы войны» отнюдь не всеми и не всегда рассматривались как руководство к действию. Источники пестрят фактами вероломства полководцев, попрания элементарных принципов национальной солидарности. Филипп V, взяв город фасиян, обратил его жителей в рабство, несмотря на то, что состоял с ними в дружбе (Polyb. XV. 24.1). Он же «...учинил нечестие против богов, уничтожив священные предметы, совершил преступление против людей, нарушив законы войны...» (Polyb. VII. 14. 3–4). Проявления вероломства были нередки. По словам Полибия, на острове Крите «...кинодийцы состояли в дружбе и государственном единении с апполлониатами², и все то, что люди называют правами, имели общее с ними, к тому же единение городов их скреплено было клятвенным договором, помещенным у святилища Зевса Идейского. Невзирая на это, кинодийцы предательски захватили город апполлониатов, мужчин умертвили, город и поля поделили между собою и обратили в свою собственность» (Polyb. XXVIII. 14).

Поскольку ведение боевых действий предполагает нанесение врагу как можно большего ущерба, то вполне понятно, что активно уничтожалось имущество противника. Поэтому государства, подвергавшиеся

¹ Элида — местность на северо-западе Пелопоннеса.

² Кинодия — город на северо-западном берегу Крита. Город Апполония расположен на противоположном (юго-восточном) берегу острова.

военной угрозе, заранее пытались укрыть хотя бы часть его на территории святилищ, имевших статус асий. В захваченных городах часто оставлялись гарнизоны. Это была обычная мера, применявшаяся к побежденным народам.

Наемники

Особый характер эллинистическим войнам придавало то, что основным оружием их ведения были наёмники, так как полис в это время был уже не в состоянии удовлетворить мобилизационные потребности царских армий. Изменился состав армий и само содержание службы солдат. Армии становятся высоко организованными, специализированными, профессиональными. Профессиональный воин, который продает свою службу как услугу появляется в Греции уже в V в. до н. э. Но массовый характер вербовка наемников приобретает именно в период эллинизма. Теперь сам солдат выбирает военного руководителя как работодателя.

Постепенно среди наёмников увеличивалась доля представителей азиатского населения. III век до н. э. был веком кельтских наёмников. Кельтов (галатов) как наемников и союзников можно было встретить во многих эллинистических армиях.

В источниках содержится достаточно сообщений о том, насколько востребованными были галаты в качестве наемников и каким образом их вербовали на службу. Аппиан в повествовании о подготовке Антиоха III к военной кампании на Балканах говорит, что царь привлёк в союзники галатов как дарами, так и страхом своих приготовлений, считая, что вследствие их огромного роста они будут для него подходящим боевым материалом (App. XI. 6). Ливий так же упоминает, что Антиох III отправлял своих людей в Галлогрецию, жители которой были воинственны, не утратили галльский дух, не забыли свое происхождение (Liv. XXXVII. 8. 4). Это замечание подчеркивает особый характер взаимоотношения эллинистических монархов именно с данным контингентом наемников. Для галатов не приемлема была любая формализация договоров. Они как правило не входили непосредственно в состав армии нанимателя, а сражались своими собственными отрядами, действовали достаточно автономно, подчиняясь собственным командирам, за определенное вознаграждение. Их относительная свобода вносила некоторую дезорганизацию и ослабляла дисциплину в войске. Однако полководцев привлекала их безрассудная храбрость и стойкость.

Послужной список галатов в истории эллинистических войн весьма внушителен. Начиная с их появления в Азии в 278 г. до н. э., они активно привлекались на службу эллинистическими монархами. Репутация диких варваров и одновременно искусных вояк служила лучшей рекламой для потенциальных нанимателей: «Имя галлов внушало такой ужас, что даже те цари, которые еще не подверглись их нападениям, покупали у них мир за громадные деньги» (Just. XXIV. 4. 7).

Впервые галаты поступили на службу к Никомеду Вифинскому, использовавшему их в гражданской войне за трон. Это приглашение и послужило толчком для их обоснования в Малой Азии. Никомеду пришлось поделиться с галатами своим царством. Отданная им область получила название Галлогреции (Галатии)¹ (Just. XXV. 2. 11). Она граничила на западе с Фригией, на юге — с Лаконией и Каппадокией, на востоке — с Понтом, на севере — с Вифинией и Пафлагонией. Четыре части, на которые делилась Галатия, в политическом значении назывались тетрархиями. Во главе их стояли так называемые тетрархи. Только во время установления римского господства в Азии галаты были объединены под властью одного вождя Дейотара, в качестве римского союзника получившего от Помпея царский титул. В начале же III в. до н. э. они представляли собой кочующие вместе с семьями племенные группы. До серьезного поражения, нанесенного им пергамским царем Атталом I в 235 г. до н. э., они делились на три колена: трокмов, тектосагов и толистобоев. В источниках, рассказывающих о составе царских войск, галаты как раз часто упоминаются с указанием их племенной идентификации (Polyb. V. 53. 3).

Позже они служили у Митридата Понтийского, помогали Антиоху Гиераксу в борьбе против Селевка II. Именно поэтому их первоначальные отношения с Селевкидами были враждебными, и они были побеждены в большом сражении Антиохом II в 275 г. до н. э. Однако затем галаты служили в составе армий Антиоха III и Антиоха IV.

Помимо галатов в эллинистические армии входили наемники из свободных городов Балканской Греции, Малой Азии, фракийцы. Существовали целые рынки наемников, куда монархи направляли своих вербовщиков, например, в окрестностях Эфеса (Polyb. V. 35. 11–12; XXXIII. 18. 14). Галлогреция также была чем-то наподобие такого рынка.

«Пора, однако, трогаться нам к площади.

В табличках здесь записаны наемники,

¹ Область на центральном плоскогорье Малой Азии.

Им жалование надо заплатить теперь,
Ведь царь Селевк просил меня настойчиво
Набрать и принанять ему наемников»¹,

— напыщенно повествует вербовщик Перголиник, герой комедии Плавта «Хвастливый воин» («*Miles gloriosus*»).

Зарабатывать деньги вербовкой наемников не гнушались даже такие уважаемые в Элладе святилища как Дельфы. Вербовщики, действовавшие по заданию монархов и полководцев, как водится, обещали будущим служакам золотые горы за военную службу, однако надежды волонтеров осуществлялись лишь в редких случаях. Судьба тех, кто шел в наемники, не была завидной. Они были лишены привычной для них поддержки родного полиса, который не мог предложить им достойной альтернативы.

Вербовка проводилась заранее. Так, готовясь к решающему столкновению с римлянами, Антиох III начал кампанию по вербовке во время зимовки своей армии во Фригии. Он как раз посылал вербовщиков в Галлогрецию (Liv. XXXVII. 8. 4). В его войсках накануне битвы при Рафии были собраны даи, кармании, киликияне и. т.д. Офицерами были также наемники: македонянин Биттака и этолиец Теодот. Птолеми же навербовали аргиян, персов, мидян, киссий и даже арабов (Polyb. V. 79. 3–8). Но при этом основные надежды полководцев всегда были связаны с профессиональными воинами Греции и Македонии. Особенно ценились наемники с Крита, которые наряду с македонянами в большинстве эллинистических армий составляли наиболее боеспособную часть войск. Крит превратил своих граждан в военный товар, которым торговал на основе специальных соглашений.

Наемники могли быть направлены в армию царя по договору, заключенному их городом, а также могли сами выступать в роли независимой стороны соглашения.

Для закрепления иностранных солдат на службе конкретного государства монархи использовали помимо жалования, выплата которого зачастую осложнялась финансовыми проблемами, раздачу участков земли в основном из фондов царских владений. Такие военные поселения в государстве Селевкидов именовались катойкиями, а в Египте клерухиями. Точно дать определение этих понятий затруднительно. Остается до конца не уясненным вопрос о мотивах и условиях предоставления участков. Это были не колонии ветеранов. Военнослужащие

¹ Перевод А.В. Артюшкова.

были не отставные, а готовые постоянно к мобилизации. Существовала практика предоставления наемникам, видимо, за особые заслуги гражданства того государства, в армии которого они служили. Так поступил Пергам по отношению к наемникам македонского и мессенского происхождения, о чем свидетельствует декрет о гражданстве 133 г. до н. э. (OGIS. 338). Содержание декрета, адресованного согласно завещанию последнего пергамского царя Аттала III различным классам подданных, наводит на мысль, что большинство класса бенефициариев составляли бывшие солдаты—наемники: «...и тем из воинов, которые населяют город и округу, равным образом и македонянам и мисийцам, и находящимся в крепости, и поселенцам в старом городе, и масдиэнам... и несущим охрану и другим военнообязанным, живущим или владеющим имуществом в городе или в округе, равным образом и женщинам и всем»¹. Интерес пергамских царей к наемникам стал постепенно угасать с начала укрепления союзнических отношений с Римом. После окончательного поражения Македонии Пергам и вовсе перенес функцию защиты своих внешнеполитических интересов на римские легионы.

Создание военных поселений помогало преодолеть дефицит именно греко—македонских наемников, объяснявшийся истощением людских ресурсов Балканской Греции на тот момент. Их земли присоединялись к территории города. Таким образом монархи пытались превратить иностранных наемников в костяк собственной постоянной армии, переложив основное бремя содержания на их собственные плечи, взяв на себя лишь обязанность предоставить им на законных основаниях землю и разрешить создание своего гражданского коллектива, каковым становилось население катойкии или клерухии.

Еще в классический период клерухии наряду с гарнизонами могли размещаться на территории союзных государств. Во всяком случае, во время функционирования Второго Афинского союза Афины обещали не прибегать к такой практике в отношении «младших» членов союза, поскольку это воспринималось последними как оскорбление их чести и умаление суверенитета. Клерухии, размещенные на территории союзного полиса, в определенном смысле выполняли функцию представительств своих собственных государств.

Античная история наемничества знала и попытки его правового ограничения. Еще на Коринфском конгрессе было принято решение,

¹ Текст декрета см.: Griffith G.T. The mercenaries of the Hellenistic World. Groningen, 1968. P. 177, 180.

запрещавшее эллинам служить в качестве наемников у варваров (Агг. Anab. I. 16. 6; 29. 6; III. 23. 8; 24. 5). Запрет касался службы в персидской армии. Греческие государства и Македония хотели не только призвать соплеменников к проявлению национальной солидарности, но и лишить армию потенциального врага боевых частей, владеющих собственной эллинам военной тактикой.

Однако еще на закате классического периода наемничество настолько укоренилось в Греции, что фактически ни один полис, ни одно государственное объединение или союз не вели войн без предварительной вербовки иностранцев, оплата которых обходилась дешевле, чем содержание постоянных боеспособных воинских частей.

Отношения властей с наемниками регулировались договорами, скреплявшимися священными клятвами. Соглашение Эвмена I с его наемными солдатами сопровождалось клятвами и было начертано на стелах, которые поместили в пергамском святилище Афины, в святилище Асклепия в Митиле и еще в двух местах (OGIS. 266). В подобных документах оговаривались: срок службы, оплата и также право на выезд из страны и вывоз имущества. Названное соглашение относится, вероятно, к 260 г. до н. э. и улаживает многочисленные детали оплаты и условий службы наемников. Пергамский царь как опытный работодатель посредством долгосрочного соглашения пытался обезопасить себя от возможных солдатских мятежей. Подобные документы свидетельствуют о том, что наемники были слишком мощной силой и, возможно, составляли более половины армии Пергама. Отлаженная со временем система юридического оформления отношений с наемниками дала свои результаты. Во время Третьей Македонской войны Пергам, будучи союзником Рима, переправил в Грецию шесть тысяч пехоты и тысячу конницы.

Галаты, которых эллинистические правители ценили, в том числе, и за их многочисленность, всегда требовали большой оплаты своих военных услуг. Поскольку подчас скаредные наниматели нарушали условия первоначального договора или оттягивали время платежа, то, следуя своей не слишком изощренной, но действенной тактике, варвары–наемники позволяли себе в любой момент, даже опасный с точки зрения военной тактики, расторгнуть договор и компенсировать недостаток жалования и даров разграблением любой территории, оказавшейся по пути следования их орд. Ливий упоминает тактическую ошибку македонского царя Персея, вовремя не расплатившегося с галатами: «Упустил он и мощную подмогу галлов, бродивших тогда по Иллирии. Шло

к Персею десять тысяч конников и столько же пехотинцев, быстрых, как конники, — в сражении они вскакивали на коней, потерявших всадников, и продолжали бой. Договор с галлами был такой: по прибытии каждый конный получал десять золотых, пеший пять, а вождь — тысячу. Сам он (Персей) вез дары галльским начальникам — коней, конские уборы, плащи; было у него и золото. Но самая малость, чтобы раздать немногим, а толпу он думал завлечь посулами. Галлы ... воротились к Истру, опустошив по пути придорожные области Фракии. А ведь стоило провести этих галлов по ущелью Перребии в Фессалию, и они бы не только поля ее опустошили до последней травинки, оставив римлян без надежды на пропитание, но и города сравняли бы с землей. Отказавшись от галлов, Персей привел в изрядное уныние своих воинов, возлагавших надежду на эту подмогу» (Liv. XLIV. 26; 27. 1–7). Столь недалековидный шаг Персея во многом определил конец его карьеры. Это как раз тот случай, когда правителя сгубила жадность.

Поскольку со временем наемники стали составлять основную часть армий эллинистических государств, попытки лишить своего противника этого преимущества стали проявляться при заключении договоров о мире. Победившая сторона, как правило, заранее хотела обезопасить себя от быстрого возрождения военного потенциала проигравшего противника. По условиям Апамейского мирного договора 188 г. до н. э, заключенного после поражения, нанесенного римлянами Антиоху III, царю впредь запрещалось вербовать наемников в областях подконтрольных римлянам (Polyb. XXI. 45. 15; Liv. XXXVIII. 38. 10). Однако военная необходимость постоянно толкала монархов на нарушение договорных условий (I Mac. 11. 38; Diod. XXXIII. 4, 4). Своеобразным эффектом римского запрета стало значительное увеличение македонской фаланги. Кроме того, эллинистические государства всячески старались обойти условия таких договоров с Римом, навязывавших им сокращение вооруженных сил.

Впрочем, римлян вряд ли волновало использование наемников в междоусобных династических войнах. А закат крупнейших эллинистических государств в Восточном Средиземноморье ознаменовался именно такими тенденциями. Так, Деметрий II Никатор утвердился на сирийском престоле, устранив самозванца Александра Баласа с помощью критян (Just. XXXV. 2). Наемники в подобных конфликтах казались более надежными, чем собственная армия, позиция которой во многом определялась симпатиями к той или иной стороне конфликта. На наемников опирался и сам Александр Балас, предоставивший неза-

висимость евреям, вербовавший их по соглашению с первосвященником Джонатаном с условием, что ими будут командовать собственные еврейские командиры, и их служба будет зависеть от дружественных отношений с нанимателем. Попытка найти себе опору в лице иудейских наемников привела Александра к поражению от Деметрия II, так как наемники—македоняне отвернулись от царя.

Однако сам Деметрий допустил ту же ошибку, публично продемонстрировав свое благоволение к наемникам, оставив без внимания царское войско: «...он выплатил жалование полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита и с прочих островов. Этим он навлек на себя неудовольствие и ненависть со стороны своих солдат, потому что он им не заплатил, тогда как его царственные предшественники в одинаковой мере платили им плату, как во время войны, так и во время мира; этим они располагали их к себе и заручались их поддержкой, в случае необходимости, также и на войне» (Jos. Ant. XIII. 4. 9). Пренебрежение Деметрия к собственной армии спровоцировало ее мятеж, который пришлось подавлять опять же с помощью критских и еврейских наемников.

К помощи наемников приходилось прибегать при подавлении внутрисосударственных смут и мятежей. По всей видимости, Антиох IV расправился с описываемым в Библии восстанием Маккавеев с помощью набранных в армию наемников: «... собрал все войска царства своего, весьма значительные силы и открыл казнохранилище свое и выдал войскам своим годовое жалование и приказал им быть готовыми на всякую надобность» (I Mac. 3. 27–28).

Иосиф Флавий упоминает аналогичные действия Антиоха V для подавления восстания в Иудее: «...послал за своими полководцами и приближенными и приказал им навербовать наемников и созвать под знамена всех способных носить оружие подданных царства» (Jos. Ant. XII. 9. 3). В Библии о тех же событиях говорится: «...царь разгневался и собрал всех друзей своих и начальников войска своего и начальников конницы; пришли к нему и из других царств и с морских островов войска наемные, так что число войск его было: сто тысяч пеших, двадцать тысяч всадников и тридцать два слона, приученных к войне» (I Mac. 6. 29).

С трудом контролируемые отряды наемников довольно часто составляли угрозу своим нанимателям. Ситуация усугублялась тем, что трудно было провести различие между наёмничеством и откровенным бандитизмом или пиратством. Деградация воинских подразделений и превращение их в бандитские формирования, неуправляемость

наемных отрядов варваров побуждали эллинистических правителей использовать силовые способы контроля и урегулирования конфликтов, связанных с ними. От зимовавшего в Каппадокии Антигона отпали три тысячи македонских гоплитов. Они, захватив укрепленные возвышенности, стали грабить Ликаонию, а затем и Фригию. Антигон, с одной стороны, считал, что убивать их — жестоко; с другой стороны, он боялся, как бы они не присоединились к врагам. Только хитростью захватив руководителей мятежа, Антигон заставил наемников вернуться в Македонию (Polyaen. Strat. IV. 6. 6). Лисимах, после того как автариаты потеряли обоз в битве с Деметрием при Лампсаке, испугавшись, как бы варвары не затеяли чего-либо, потеряв все, что имели, выведя их за вал как бы для раздачи провианта, подав знак, всех их убил. Их было пять тысяч человек (Polyaen. Strat. IV. 12. 1).

Судя по пестроте политических сил, в то время присутствовавших на международной арене, по обилию политических интриг, эти случаи не были единичными. И, всё-таки, именно эллинизм с его многочисленными войнами стал первым историческим этапом, когда найм на службу в иностранную армию был поставлен «на широкую ногу» и даже приобрел признаки законного промысла благодаря закреплению в многочисленных договорах.

Война и международные преступления

Понятие «преступление» неоднократно появляется в исторических источниках в связи с описанием военных действий. Например, преступным считалось нарушение «права копья», обвинения в котором эллинистические монархи постоянно предъявляли друг другу. Поэтому особое значение имеет вопрос о преступлениях лиц, имевших властные полномочия. Именно их поведение определяло общую атмосферу правовой терпимости, представления о правопорядке и его нормативной базе. Монарх был олицетворением государственности, а его действия служили примером не только для его подданных, но и для никому не подчинявшихся пиратских, бандитских или просто наёмных формирований. Полибий, характеризуя Набиса, указывает, что во время своего правления он участвовал в морских разбоях критян, по всему Пелопоннесу имел святотатцев, грабителей, убийц, с которыми делил преступную добычу и для которых Спарта благодаря ему служила главным местожительством и пристанищем (Polyb. XIII. 8. 1–3).

То, что целью отдельных наиболее амбициозных главарей разбойничьих шаек были не только богатства, но и власть, доказывается историческими примерами. Одной их наиболее привлекательных для разбойников, со слов Страбона, была область вокруг Олимпа. Вершины горы, покрытые высоким лесом, служили природным укреплением и приютом для разбойничьих шаек. Из этих шаек часто выделялись тираны, которые в состоянии были продержаться у власти в течение долгого времени, как например Клеон. Он происходил из селения Гордия, которое впоследствии превратил в город, назвав его Юлиополем. Сначала ему служило разбойничьим укрытием и опорным пунктом самое сильное укрепление по имени Каллидий. Меняя своих покровителей среди римских политиков и военачальников, он сумел возвыситься до положения властителя: был не только жрецом Абреттенского Зевса (Мисийского божества), но владел также частью Морены (местность в Мисии), а под конец получил даже жреческую должность в Команах на Понте¹ (Strab. XII. VIII. 8–9).

Помимо преступлений, совершаемых властьюпридержащими, международный характер носили и деяния обычных преступников, как их называли в Греции, «какургов». Под эту категорию подходят и святоотатцы, и пираты. В классический период в Афинах суд над ними вершила «коллегия одиннадцати».

Полибий, рассказывая о союзе Филиппа V с иллирийцем Скердилаидом против этолян, так объясняет суть обвинений против последних: «...преступления, совершаемые частными лицами и государствами, если и различаются чем-нибудь, то, быть может, единственно большим количеством и большими размерами последствий. Так, скопища плутов и воров гибнут больше всего от того, что участники их нарушают взаимные права и вообще не блюдут верности в отношении друг к другу. Точно то же случилось тогда и с этолянами. Они обещали дать Скердилаиду некую долю добычи, если он примет участие во вторжении их в Ахайю. Тот согласился и помогал этолянам при вторжении, а они, разграбив город кинифян, похитив множество людей и скота, не уделили Скердилаиду ничего из награбленного» (Polyb. IV. 29. 2–7).

Многообразие политических сил и персонажей, фигурировавших на политической арене не позволяло установить единую систему контроля над территорией и обеспечить порядок. Целые народы, в том числе частично эллинизированные, наподобие писидийцев, предпочитали вести жизнь разбойников. Каждое государство и каждый правитель в своих

¹ Команы на Понте — совр. Каппадокия.

интересах использовали бандитские формирования, отнюдь не стремясь положить конец их своеволию. Поэтому источники основную заслугу в наведении порядка, в том числе и в отношении усмирения народов, промышлявших разбоем, приписывают Риму. Страбон сообщает, что в сторону области, населенной арабами, возвышаются труднопроходимые горы с пещерами, имеющими глубокие входы; одна из этих пещер может вместить 4000 человек во время нападений, которым местное население подвергается с разных сторон. Здесь варвары обычно грабили купцов из Аравии. Со временем это стало случаться реже. Разбойничьи шайки под предводительством некоего Зенодара были уничтожены благодаря введенному римлянами закону, порядку и безопасности, восстановленной римскими воинами, расквартированными в Сирии (Strab. XVI. II. 20).

Преступным безоговорочно признавалось посягательство на святилища. Полибий осуждает Филиппа V за то, что тот, не преуспев в войне с Атталом, направил ярость против изображений божеств и святилищ и причинил бесчестие гораздо более себе самому, нежели Атталу (Polyb. XVI. 1. 4–8).

Скопос с этолийским ополчением вторгся в Македонию, в разных направлениях исходил Пиерию, уничтожил хлеб на полях, вошел в город Дию, покинутый населением, срыл его стены, разрушил дома и гимнасий, сжег портики, окружавшие храм, уничтожил храмовые священные предметы (Polyb. IV. 62. 1–2). Те же этоляне, во главе с Доримахом предали пламени портики додонского святилища, уничтожили множество священных предметов и разрушили священный дом. Таким образом, для этолян не существовало границ между миром и войною, и в мирное ли то, или в военное время они в своих предприятиях нарушали общечеловеческие установления и права (Polyb. IV. 67. 3–5).

Позже Филипп V под предлогом мести за разорение Дия и Додона совершил грабительскую экспедицию и на территорию Этолийского союза. Достиг поселения Ферм рядом со святилищем Аполлона и, расположившись здесь лагерем, послал войска разорять соседние деревни, делать набеги, а также грабить дома в самом Ферме, вмещавшие в себе по случаю традиционных в это время празднеств и ярмарки в изобилии не только хлеб и другие припасы, но и ценную утварь, снесенную сюда этолянами. Масштабы грабежа были таковы, что македонское войско, обремененное добычей, рисковало потерять маневренность и в результате промедления оказаться в ловушке. Поэтому, выбрав из отнятого у этолийцев добра и вооружений все самое ценное, остальное македоняне сложили в кучу и сожгли (Polyb. V. 8. 4–9). Но и на этом дело не

закончилось. Полибий признает, что до сих пор все шло еще по правилам войны. Но затем македоняне принялись громить и жечь храмовые здания (Polyb. V. 9. 1–4). При этом сам царь Филиппа и его друзья «...проникнуты были полнейшею уверенностью в справедливости и законности такого образа действий, ибо они воздавали равною мерою этолянам за нечестие их относительно Дия» (Polyb. V. 9. 6–7).

Как тяжкое военное преступление расценивалась измена союзников. По просьбе мантинейского посольства ахеяне отправили в Мантинею 300 человек в качестве гарнизона и 200 наемников для охраны. Но внутренние распри в Мантинее привели к тому, что город был сдан македонянам, а призванные ахеяне перебиты. Характеризуя действия мантинейян как преступные, Полибий настаивает на том, что, даже желая порвать с ахейцами, они обязаны были следовать уговору и отпустить их домой, а вместо этого мантинейяне нарушили общечеловеческие права и по собственному почину совершили нечестивейшее злодеяние. Далее следует оценка строгости необходимого наказания за это преступление: не достаточно продать их в рабство с женами и детьми, так как по законам войны такой участи подлежат и невиновные ни в каком преступлении. Поэтому мантинейяне, по мнению Полибия, заслуживали более суровой и более тяжелой кары (Polyb. II. 58. 1–15).

Ливий сравнивает мятежников, покушающихся на поправление союзнических отношений, с разбойниками. Рассказывая о мятеже беотийцев против римлян, он констатирует, что у мятежников не было ни сил, ни предводителя, и они обратились к разбою, который был ближе всего к войне. На некоторых солдат нападали по постоянным дворам, на других — когда они во время зимовок разъезжали по разным надобностям. На кого-то устраивали засады в потаенных местах прямо у дороги, иных хитростью заманивали в заброшенные пристанища и убивали там. В конце концов, эти преступления стали совершаться уже не только из ненависти, но и просто из жадности наживы, поскольку, занимаясь торговлей, отпускные солдаты имели с собой в кошельках много денег. Тогда Квинкий разослал по городам легатов для расследования этого разбоя. Квинкий распорядился выдать ему виновных и потребовал с беотийцев пятьсот талантов — по числу убитых воинов. Беотийские города ограничились словесными извинениями, отговариваясь тем, что ничто не было сделано с одобрения государства. Тогда полководец отрядил послов в Афины и в Ахайю, чтобы заверить союзников в том, что война против беотийцев, которую он начинает, будет законной и справедливой. В результате беотийцам пришлось выдать

виновников и собрать в качестве пени тридцать талантов. На этих условиях был заключен мир (Liv. XXXIII. 29. 1–12).

К наиболее тяжким преступлениям всегда относилась государственная измена. Измена в Греции означала такое преступление, когда кто-нибудь передает иноземному врагу государство или какую-нибудь часть его, например укрепление, корабль и так далее. О судебном преследовании государственной измены на примере Афин известно, что оно инициировалось особым видом обвинения (исагелией). Судебное производство носило чрезвычайный характер, подразумевавший, что разбираемым преступлением нанесен вред интересам государства. Если виновность лица в государственной измене доказывалась по суду, то в качестве наказания могли быть назначены смертная казнь, разрушение дома, конфискация имущества, письменное оглашение имени и деяния изменника¹. Особенность данной категории дел состояла также в том, что ответственность за него вменялась как самому виновному, так и его доброму имени, он подвергался бесчестью, что переходило и на его потомков. Виновный не мог быть похоронен в Аттике. Надо полагать, что в данной процессуальной практике Афин в эллинистический период мало что изменилось. Что же касается государственной измены подданного какой-либо из эллинистических монархий, то в данном случае санкции носили совершенно другой характер. Все зависело от степени своевластия конкретного царя. По малейшему подозрению в покушении на царскую власть или в недопустимых с точки зрения государственных интересов сношениях с иностранными державами жестокие самодержцы казнили или собственноручно убивали собственных детей или других родственников.

Ситуация существенно изменилась с началом вмешательства Рима во политическую жизнь Восточного Средиземноморья. Стирание реальных границ до сих пор существовавших государств, привело к тому, что само содержание состава «государственная измена» начинает размываться и балансирует на грани внутренних и внешних государственных отношений. Так, формально еще независимые государства, предъявляя своим гражданам обвинения в государственной измене, доверяли правосудие над ними римлянам.

Между тем, понятие правосудия по-римски было весьма своеобразным. Полибий сообщает, что в Ахайе нашлось очень много граждан, которые навлекли на себя подозрение воздержанием от дел (имеется в виду, в пользу римлян), как люди, поджидающие благоприятного момента и

¹ Любкер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 510; Т. 3. С. 154.

сочувствующие македонскому царю Персею. Однако никто не слышал от них ни единого слова, сказанного открыто против римлян, никто не уличил их в сношениях с Персеем, письменных, или через посредников, и они оставались неуязвимы. По мнению автора, эти люди поступали правильно, когда не бежали от суда и следствия и испробовали все средства защиты (Polyb. XXX. 7. 5–8). И всё-таки это не помогло им избежать судебного преследования, ибо для римлян не только активное противодействие, но и бездействие в выражении покорности означало признак преступления. Таким образом они как бы предпринимали превентивные меры по профилактике возможных преступлений против распространения своей власти. Обвинение строилось на основе весьма сомнительных списков, составлявшихся, исходя из личной неприязни соплеменников к несчастным (Polyb. XXX. 13. 6–8). При этом римляне попытались переложить ответственность по обвинениям на самих ахейцев, как они это делали впоследствии неоднократно. Но ахейцы, не желая в угоду римлянам осуждать соплеменников, ограничились вызовом обвиняемых на суд, а вынесение приговора предоставили Риму, согласившись взять на себя эту функцию лишь в случае занятости римлян. Затягивая расследование, ахейцы надеялись свести его на нет. Но римляне, руководствуясь прежде всего политическими мотивами, постановили довести дело до конца и не отпускать подозреваемых (Polyb. XXXI. 8).

Присутствие в международных отношениях процессуальной практики, связанной с судебным расследованием военных преступлений, лишний раз доказывает наличие в эллинистическую эпоху устойчивых представлений о неразрывной связи права и внешней политики. Несмотря на то, что характер юрисдикции нес на себе отпечаток политической обусловленности (что, впрочем, свойственно и для современной эпохи), понятие международного преступления было уже вполне сформировавшимся и весьма тесно связанным с войной. И, как это не парадоксально звучит, именно «богатая» на военные конфликты эпоха могла породить в качестве защитной реакции общества стремление выработать действенные механизмы ограничения войн, контроля за способами их ведения и вооружением. В эллинистический период впервые не на локальном уровне межполисных отношений, а на просторах огромного региона ставились задачи гуманитарного значения, касающиеся определения статуса военнопленных и завоеванных территорий. Война в эпоху эллинизма не только являла собой применение силы в международных отношениях, но и создавала почву для развития дипломатии, столь востребованной обществом, желающим упрочить мир и солидарность эллинов.

БОРЬБА ЗА МОРЕ. ИСТОКИ МОРСКОГО ПРАВА

Разграничение сфер влияния на море

Восточное Средиземноморье на полном основании можно считать колыбелью морского права. Вся история народов этого региона связана с морем. Разделявшее племена в доисторические времена, море постепенно превратилось в прочное звено единой цепи, связавшей их судьбы. «...эллины, жившие отдельно по городам, понимавшие друг друга и впоследствии названные все общим именем, до Троянской войны, по слабости и отсутствию взаимного общения, не совершили ничего сообща. Да и в этот-то поход они выступили вместе уже после того, как больше освоились с морем», — так суммирует Фукидид роль моря в истории греческих племен (Thuc. I. 3. 4–5).

Существовали, конечно, и альтернативные пути для развития народов, живших на прибрежных территориях. В случае отказа от практики освоения морских пространств оставался вариант аграрного хозяйства, предполагавший почти полную натурализацию и замкнутость политической и культурной жизни. Однако рутинное земледелие, гарантировавшее устойчивый, но слишком уж невысокий уровень жизни, удовлетворяло наименьшую часть местного населения. Большинство народов неразрывно связали свою судьбу с морем, бурная стихия которого не сулила безмятежного, безопасного существования, но давала надежду на возможность достижения материального благополучия за счет морских промыслов, а также за счет освоения торговых маршрутов. Да, море уже в условиях древнего мира ассоциировалось с торговлей, а торговля с ростом материального благополучия, что являлось серьезным стимулом для приложения значительных усилий в развитии мореходства и установлении контроля над морскими коммуникациями.

В свою очередь все это способствовало интенсивному развитию древних обычаев, определявших общепринятую практику эксплуатации морских пространств. Хотя, о «пространствах» следует говорить весьма условно. Поскольку освоение моря шло неспешно, от каботажного мореходства до военно-морских экспедиций в Индию (при Александре Великом). Именно эллинизм с характерной для него мобильностью армий, купцов, дипломатов сделал море ареной активной международной жизни. Поэтому формирование правового режима морских пространств стало не просто актуальной задачей, но жизненно важной потребностью. Пожалуй, еще никогда до этого столь остро не

стоял вопрос о необходимости упорядочить регулирование международных отношений на море.

Как следствие, рост морского могущества Афин, Коринфа, Хиоса, Родоса и других государств проявлялся не только в создании мощных морских флотов, но и в развитии государственных учреждений, деятельность которых была самым непосредственным образом связана с осуществлением государственной политики в сфере мореплавания и морской торговли. Результатом функционирования этих учреждений стало развитие торгового права, портовых обычаев и судоходства в целом.

Конечно, эллинистическая эпоха просто еще не в состоянии была породить единую правовую базу эксплуатации морских коммуникаций. В соответствии с обычной практикой открытое море считалось свободным. Но принцип этот систематически нарушался. Именно поэтому свобода судоходства и требовала постоянного подтверждения, что делалось путем регулярно возобновлявшихся соглашений между прибрежными государствами. Правда, периодически все-таки предпринимались попытки решить проблему в региональном масштабе. Так при Перикле афинская внешнеполитическая стратегия, нацеленная на объединение греческого мира под гегемонией Афин, включала планы создания безопасного морского пространства для греков и под контролем греков.

Позже во время установления македонской гегемонии в Греции вопрос о свободе мореплавания официально обсуждался с Филиппом Македонским и был закреплен решениями Коринфского конгресса. Одной из важнейших попыток правового оформления «системы равновесия» в пределах морских пространств можно считать восстановление при Александре Великом некоторых положений союзного законодательства, утвержденного Коринфским конгрессом. В них, в частности, закреплялась в качестве общеобязательного правила всеобщая свобода путей сообщения и особенно мореплавания. Плавание же вдоль берегов и заход в иностранные порты были подчинены контролю со стороны прибрежных государств. Конечно, виртуальность данных положений была неизбежна в силу неразвитости механизмов контроля и гарантий безопасности. Но, тем не менее, факт очевиден, правовое закрепление режима морских пространств начинает развитие с региона Восточного Средиземноморья и именно в эллинистический период.

При Александре Македонском были созданы материальные предпосылки для ускоренного развития морских коммуникаций: формируется мощный флот, строятся порты, аккумулируются научные знания, необходимые для дальних морских экспедиций. После развала империи

Александра напрямую встал вопрос о паритете сил на море, что само по себе предполагало необходимость разграничения сфер влияния крупнейших эллинистических государств Селевкидов, Птолемеев, Антигонидов. Большое значение также имела позиция Пергама. Совершенно особое место принадлежало островным государствам Родосу и Делосу, лежавшим на перекрестках главных морских маршрутов и в силу этого большую часть своего существования имевшим особый политический и правовой статус.

Птолеми, стремившиеся к расширению пределов своего владычества за счет захвата стратегически и экономически важных анклавов Средиземноморья, старались постоянно держать в поле зрения своих главных конкурентов Селевкидов и по возможности препятствовать усилению их позиций на море. Им это неплохо удавалось. Подконтрольные египетским царям территории не просто блокировали принадлежавшую Селевкидам часть побережья, но фактически нависали над Сирией. Подобная ситуация дестабилизировала обстановку в Восточном Средиземноморье и являлась причиной нескольких войн между Селевкидами и Птолемеями. Именно амбиции Египта в отношении обладания военно-морской мощью и достижения посредством ее талассократии (господства на море) можно считать одной из причин агрессивной политики в отношении Сирии. Последняя обладала ресурсами, необходимыми для кораблестроения, в первую очередь, лесом, которого не было у Птолемеев.

Что касается Селевкидов, пик их борьбы за море приходится на царствование Антиоха III. Хотя декларативно границы государства Селевкидов распространялись вплоть до Индии, главные стратегические задачи им постоянно приходилось решать в регионе Восточного Средиземноморья. По морю проходили важнейшие коммуникации, обеспечивавшие связь со всеми политическими и экономическими центрами цивилизации. Поэтому Селевкиды большое значение придавали укреплению и развитию своего флота и обеспечению контроля над прибрежными городами, многие из которых были превращены в опорные военно-морские базы. Значительные усилия Селевкиды прилагали для установления жесткого контроля с моря за городами ионийского побережья и Келесирии. При Антиохе I флот фактически осуществлял полицейские функции в районе малоазийского побережья. Флот использовался и для борьбы с сепаратистскими тенденциями, провоцируемыми зачастую опять же Птолемеями. Так, Селевку II пришлось, по выражению Юстина, соорудить громадный флот для борьбы с отложившимися городами Малой Азии. Правда, этот флот почти полностью был уничто-

жен внезапно разразившейся бурей (Just. XXVII. 2. 1–2). Однако политический эффект от самой мобилизации военно–морских сил оказался столь действенным, что сыграл на руку царю. Интересно, как источник оценивает смену настроений сепаратистов, совсем недавно выступавших на стороне главного противника Селевка II: «...города, которые из ненависти к нему ранее перешли на сторону Птолемея, как будто удовлетворившись приговором богов, внезапно переменили свое настроение, прониклись к нему жалостью в связи с кораблекрушением, и снова отдались ему под власть» (Just. XXVII. 2. 3). Войны между Селевкидами и Птолемеями в большинстве своем основным театром военных действий имели именно море (App. XI. 4; Liv. XXXIII. 41. 8; Polyb. V. 59; 68. 1; 69. 9). Причем, каждая из двух династий пыталась установить свой контроль над островами и материковыми территориями, весьма удаленными от их непосредственных владений. В 196 г до н. э. Антиох III предпринял морскую экспедицию на Кипр, входивший в сферу его интересов еще со времени пресловутого «раздела египетского наследства». Лишь мятеж гребцов, а затем разыгравшаяся буря помешали успеху предприятия (Liv. XXXIII. 41). Весной 195 г. до н. э., переправившись из Азии с армией в Херсонес для подготовки к возможной войне с Римом, он поспешил выказать свое расположение византийцам, поскольку их город контролировал вход в проливы (App. XI. 6). Поставить под свой контроль и Херсонес, и проливы было одной из стратегических задач Антиоха III. Флот настолько был важен для жизнеспособности государства и династии, что Селевкиды вынуждены были неоднократно идти на нарушение условий международных договоров, предписывавших им значительное ограничение военно–морских сил. Так, вопреки условиям Апамейского мира, навязанного Римом, Антиох IV восстановил флот и использовал его в своих военных операциях против Египта. Боеспособность флота была восстановлена настолько, что сирийский царь счел возможным даже шантажировать этой военной силой птолемеевский двор. Он отправил корабли к Кипру, принадлежавшему Птолемеям, а послам египетского царя заявил, что флот и войско отведет не иначе как в обмен на весь Кипр, Пелузий и земли вокруг Пелузийского устья Нила (Liv. XLIV. 19. 8–9; XLV. 11. 9–11; 12. 7).

Одно из последних упоминаний в источниках о селевкидском флоте относится ко времени Антиоха VII, мобилизовавшего все военные ресурсы для борьбы с мятежником Трифоном. В Библии упоминается, что царь отправил письмо иудейскому первосвященнику Симону, в котором призывает последнего вместе со всем народом иудейским быть лояльным по

отношению к его власти и заодно сообщает, что набрал большое войско и приготовил военные корабли, чтобы наказать тех, которые опустошили территории и разорили многие города в царстве (I Мас. 15. 1–4).

Долгое время в Эгейском море существовала талассократия Родоса, базировавшаяся на неоспоримом авторитете этого государства, обладавшего лучшими эскадрами, одержавшего множество побед в морских сражениях, умевшего укротить пиратство. Родосу даже удалось создать под своей эгидой новую островную Лигу. Правовым выражением признания заслуг Родоса было предоставление его гражданам исополитии, что сделали, например, афиняне (Polyb. XVI. 26. 9). Гиерон и Селевк II Каллиник даровали Родосу освобождение от таможенной пошлины (ателию) на своей территории (Polyb. V. 88. 7–8; 89. 8).

Родос активно торговал, получал огромную прибыль от двухпроцентной пошлины на ввозимые и вывозимые товары и, безусловно, был одним из активнейших субъектов правовой инициативы в вопросах эксплуатации морского пространства. Родосское морское законодательство было столь совершенным для своего времени, а его основные принципы столь универсальными, что были позаимствованы римлянами и повлияли на правотворчество периода Марка Аврелия. Именно к Родосу часто обращались враждующие государства как за поддержкой, так и с просьбами выполнить роль посредника, третейского судьи. На Родосе стремились закрепить свое влияние и Птолемеи. В то же время противники Родоса должны были опираться на помощь других островных государств. Филипп V Македонский, например, пытался заручиться поддержкой критян в борьбе с родосским флотом (Polyb. XIII. 4. 2). Тем не менее, Родос сохранял положение главного блюстителя морского права вплоть до 166 г. до н. э., когда статус вольного порта был предоставлен так же Делосу. Длительное время монопольное положение позволяло Родосу диктовать условия даже крупнейшим эллинистическим державам и пользоваться до определенного момента поддержкой римлян. Так при заключении Никейского мира между Римом и Македонией начальник флота родосцев Акесимброт потребовал от Филиппа V очистить Перею, вывести гарнизоны из Иаса и городов баргилиян и эвромлян, удалить войска из Сеста, Абидоса и вообще из всех гаваней Азии (Polyb. XVIII. 2. 3–5).

Упадок морского могущества Македонии позволил Родосу еще более закрепить свои позиции главного блюстителя Эгейского моря. Под его управлением оказались даже большая часть Кари и Ликии. И хотя флот родосцев не превышал пятидесяти кораблей, в морском деле они не

знали себе равных. Это нашло отражение даже в поговорке, что каждый родосец стоит военного корабля.

Постоянной проблемой в морских делах оставался правовой режим проливов. В первую очередь режим Босфора и Дарданелл. Одна из важнейших целей афинской военно-морской политики всегда состояла в обеспечении свободной эксплуатации этих проливов для морской торговли. Поставки зерна с северных берегов Черного моря были жизненно важным для афинян импортом. Афины не могли допустить сосредоточения контроля над проливами в руках враждебного государства. Это составляло постоянную «головную боль» и заботу афинской дипломатии и военной стратегии. Проблема проливов имела и другой существенный аспект для внешней политики Афин. Контроль над ними обеспечивал возможность переправы в Малую Азию.

Во время существования Первого и Второго Афинских морских союзов проход через проливы облагался пошлиной. И именно в этот период Афины достигли наивысшего экономического благополучия и политического расцвета. Однако Афинам не удалось навсегда закрепить монопольные права контроля над проливами.

Желание Филиппа II Македонского обеспечить себе господство в проливах также можно считать одним из поводов к активной политике по вытеснению Афин из этого района. В начале периода эллинизма пошлина была отменена. Вновь вопрос об обложении использования проливов пошлиной встал в связи с политикой Византия, который, несмотря на чреватость ситуации международным конфликтом, решил односторонне утвердить свое право на извлечение прибыли из транзита и контроля над понтийской торговлей. Монопольное право Византия на введение пошлины базировалось исключительно на его географическом положении: «...ни одно торговое судно не может без соизволения византийцев ни войти в Понт, ни выйти из него» (Polyb. IV. 38. 2–3). А между тем, именно этим торговым путем обеспечивалась поставка скота, рабов, меда, воска и соленой рыбы. В свою очередь греки в лице прилегающих к Понту стран имели объемный рынок сбыта для оливкового масла, вина. Хлебные поставки осуществлялись в обоих направлениях в зависимости от потребностей и урожая (Polyb. IV. 37. 8 — 38). Поэтому урон, который мог быть нанесен средиземноморским странам в случае утраты этой торговли в результате действий Византия, очевиден.

Однако введение пошлин во многом объяснялось отчаянием византийцев, над которыми неожиданно нависла угроза со стороны только что обосновавшихся по соседству галатов, обложивших город ежегод-

ной данью в восемьдесят талантов. Византий не получил ответа на призывы о помощи к соседним государствам и решил напомнить о своей значимости всему греческому миру подобным способом. В результате обиженные народы «...обратились с жалобой к родосцам, так как последние почитались сильнейшим морским народом. Следствием этого была война...» (Polyb. IV. 46. 1–4).

Важность и сложность проблемы проливов подчеркивается тем, что в войне с обеих сторон приняло участие достаточно большое число государств. Закончилась же она дипломатическим путем. Царь галатов Кавар принял на себя функции посредника. Пошлина была отменена, но византийцам пообещали вернуть Миссийскую область, захваченную вифинами (Polyb. IV. 52). Кавар так же со своей стороны обеспечил свободу плавания вдоль своих берегов для купцов, идущих в Понт (Polyb. VIII. 24. 1–2).

Свобода судоходства в проливах была жизненно необходима и для Боспорского царства. Его правители Спартокиды сумели с помощью сильного флота защитить от пиратов морские коммуникации Понта Эвксинского. От этого во многом зависело экономическое благополучие и их политических партнеров Византия, Синопы, Гераклеи. Города опирались на помощь боспорских царей в борьбе за свою независимость от власти диадохов.

Блокада проливов неоднократно использовалась в качестве средства осуществления военных операций, например во время войн Пергама с Понтийским царством в 181 г. до н. э. и с Фивинией в 155/4 г. до н. э. Наконец, проливы играли роль естественной границы между государствами Европы и Азии. Поэтому любые перемещения в их акватории, будь то мирного или военного характера, находили немедленный отклик в дипломатическом диалоге и правовых документах международного характера. Так, например, именно переправа Антиоха III через проливы с армией из Азии в Европу послужила римлянам неоспоримым поводом для объявления войны Селевкидам.

Борьба с пиратством: первый международный опыт

Преступления, совершаемые в открытом море, составляли уже в то время отдельную категорию. Разбойничий промысел издревле практиковался в Средиземном море.

Фукидид достаточно точно характеризует социально–экономическую и политическую природу пиратства: «В древности эллины и те из варварских народов, которые жили на материке близ моря, а равно все

обитатели островов, обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Во главе их становились лица наиболее могущественные, которые и поддерживали пиратство ради собственной корысти и для доставления пропитания слабым. Нападая на неукрепленные города, состоящие из отдельных селений, они грабили их и большею частью так добывали себе средства к жизни. Тогда занятие это не считалось еще постыдным, скорее приносило даже некоторую славу. Доказательство этого представляют еще и теперь те из обитателей материка, у которых ловкость в этом деле пользуется почетом, а также древние поэты, везде предлагающие пристающим к берегу людям один и тот же вопрос: не разбойники ли они?, так как ни те, которых спрашивают, не считают занятие это недостойным, ни те, которым желательно это узнать, не вменяют его в порок» (Thuc. I. 4–5).

Большинство прибрежных племен промышляло разбоем. С IX в. до н. э. все каботажные пути из Италии до Азиатского побережья контролировались сменявшими друг друга либурнами, эретрийцами, акарнанами, критянами, самосцами, локрами, карийцами, этолийцами и прочими народами, почитавшими пиратство достойным промыслом. Пиратством зачастую занимались колонисты, покинувшие не способную прокормить их метрополию и рассматривавшие морской разбой как естественный способ добывания «продукта».

Согласно Аристотелю образ жизни людей, определяется нуждой. К тем, кто непосредственно трудится над тем, что дает природа, он относил кочевников, земледельцев, охотников, рыболовов и разбойников (Arist. Pol. I. III. 3. 5). Однако пираты «трудились» отнюдь не лишь пропитания ради. В архаический период (VIII –VI вв. до н. э.) вместе с усилением имущественного расслоения и укреплением полисной аристократии формировался спрос на иноземные товары и рабов. Пиратство при условии зачаточного развития торговли оказалось наиболее продуктивным способом удовлетворить этот спрос.

Зачастую именно «верхи» полисных коллективов инициировали морской разбой. В исторической литературе широко известен пример самосского тирана Поликрата (VI в. до н. э.), человека одновременно образованного, тираничного и авантюристичного, в способах добывания славы и богатства не останавливавшегося перед прямым разбоем и пиратством. Он разорял в равной степени земли врагов и друзей, объясняя свое поведение тем, что лучше заслужить благодарность друга, возвратив ему захваченное, чем вообще ничего не отнимать у него (Herod. III. 39; Thuc. I. 13. 5). Имея флот в сотню кораблей, этот

«пират–философ» господствовал в Ионии, пока не был убит по приказу персидского сатрапа.

Тот факт, что в отдельные периоды цари и сильные приморские полисы прилагали серьезные усилия к укрощению пиратства, еще не доказывает коренного изменения общественной оценки этого «рода деятельности». Чаще всего целью такой борьбы было устранение конкурентов, обеспечение монопольного контроля над торговыми маршрутами. Так, по преданию, одним из первых борьбу с пиратством возглавил царь Крита Минос, который старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы «тем вернее получать доходы» (Thuc. I. 4–5). Затем в борьбу с пиратством включились Коринф, Керкира, а с 470–х гг. до н. э. Афинский морской союз.

Оценка пиратства как рода деятельности в античном обществе менялась по мере развития институтов государства и права. Отсутствие четкой правовой регламентации морского дела угрожало хозяйственному благополучию народов и мешало дальнейшему развитию экономических и политических связей государств.

В V–IV вв. до н. э. в связи с бурным развитием демократических начал общественной жизни должно было измениться и содержание правового поля. По нормам афинского законодательства пираты относились к категории какургов, то есть злодеев, употреблявших хитрость и насилие¹. Попытки выправить ситуацию посредством религиозных и моральных норм скорее играли роль успокоительного средства для мирного населения. Например, в V в. до н. э. жители приморского города Теоса включили пиратов в перечень своих ежегодных проклятий наряду с отравителями, мятежниками и изменниками. Однако этого было явно недостаточно. Слабость правовой регламентации давала карт-бланш на свободу действий пиратам, которые сумели разработать многоступенчатую схему обогащения за счет своих противозаконных прибылей.

Для эллинистического периода особенно характерна была пиратская угроза со стороны киликийцев. В Киликии жили племена писидов и исавров, известные тем, что сделали разбой своим основным ремеслом. Наряду с каппадокийцами и критянами их по начальным буквам называли тремя «наихудшими каппа». Кроме того, небольшие по численности приморские народы, племенные группы и даже отдельные города имели свои пиратские формирования. Страбон пишет: «Как говорят, все побережье около Корики являлось притоном пиратов, так называемых кори-

¹ Любкер. Указ соч. Т. I. С. 264.

кейцев, которые придумали новый способ нападения на мореходов: рассеявшись по гаваням, пираты подходили к высадившимся там купцам и подслушивали разговоры о том, с каким товаром и куда те плывут; затем, собравшись вместе, они нападали и грабили вышедших в море купцов. Вот почему всякого, кто суется не в свое дело и пытается подслушивать секретные разговоры в стороне, называем корикейцем и употребляем даже поговорку: «Об этом даже корикеец слышать мог» (Strab. XIV. I. 32).

У Страбона же есть рассказ о событиях, которые, как он считает, послужили первым толчком для организации пиратских шаяк киликийцев. Это было восстание Диодота Трифона в Сирии против Селевкидов. Восстание, спровоцировавшее другие волнения, вместе с ничтожеством царей, правивших Сирией и одновременно Киликией, ослабили государство и послужили причиной распространения пиратства. «В особенности, — говорит Страбон, — побуждал к насилиям приносивший огромные выгоды вывоз рабов; ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко, именно Делос, который был способен в один день принять и продать десятки тысяч рабов. Отсюда пошла даже поговорка: «Купец, приставай и выгружай корабль, все продано». Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов. Ввиду такой легкости сбыта пираты появились в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов. Цари Кипра и Египта помогали им в этом, будучи врагами сирийцев. И родосцы не были друзьями с сирийцами, поэтому не оказывали им поддержки» (Strab. XIV. V. 2).

Итак, с одной стороны, процветанию пиратства способствовало ослабление ведущих эллинистических держав, раздираемых внутренними междоусобицами, с другой стороны, укрепление политических позиций некоторых государств, еще сохранявших во многом архаичный уклад жизни со слабо развитыми экономическими отношениями и, как следствие, с избытком незанятого населения, ищущего источники существования. Такими государствами, превратившими пиратство в источник своего собственного дохода и дохода своих граждан с конца III в. до н. э. стали Этолийский союз и Крит. Этолийцы, укрепившие свое политическое положение разгромом галатов, пытались распространить свое влияние на море вплоть до побережья Малой Азии и Эпира.

Многие приморские народы со слабо развитой экономикой находили выход в пиратстве и создавали целые конфедерации, что повышало их неуязвимость и давало возможность распространять контроль своих морских банд на большие пространства.

Для конца III в. до н. э. характерно бурное развитие пиратского промысла на Крите. Остров превратился в крупнейший в Средиземном море рынок рабов. Финансово сильные полисы с целью защиты интересов своих гражданских коллективов вынуждены были направлять на такие рынки представителей или обращаться к своим местным прокседам для содействия в выкупе сограждан.

Однако создать действенную правовую базу для борьбы с пиратством было весьма проблематично, в силу специфики роли, которую играли пираты в жизни тогдашнего общества. Так некий Амайнис (или Аминий) фигурирует в источниках и как пират, и как наёмник и высший офицер в армии Антигона, и даже как официальный городской советник в Дельфах. Полиэн рассказывает о военной операции, которую Амайнис осуществлял по поручению македонского царя: «Антигон осаждал Кассандрию, желая свергнуть ее тирана Аполлодора. Осада длилась десять месяцев. Наконец, он удалился; однако послал Аминия, главаря пиратской шайки, дабы тот вошел в дружественные отношения с Аполлодором. Аминий стал обещать Аполлодору через посольство задобрить Антигона и послать многочисленный провиант и вино, чтобы засвидетельствовать свою верность. Сторонники тирана, доверяя дружбе Аминия и учитывая отсутствие Антигона, стали менее тщательно охранять стены. Аминий же заготовил лестницы, равные по длине стенам, при этом за местом, называемым Бол, лежащим близко к стенам, скрылись две тысячи воинов, а вместе с ними десять этолийских пиратов, которыми руководил Милета. ...Захватив Кассандрию, он уничтожил тиранию Аполлодора» (Polyaen. Strat. IV. 6. 18).

Пираты служили матросами и на флоте Митридата Понтийского (Plut. Rompr. XXIV). Фактически все эллинистические монархи не брезговали пользоваться услугами пиратов. Их вожаки зачастую умели налаживать деловые контакты с правителями, принимая на себя функции наемных командиров в совместных морских рейдах или делясь добычей. Особенно активно пираты участвовали в работоторговле: «...они сами охотились за добычей и продавали рабов. Цари Кипра и Египта помогали им в этом, будучи врагами сирийцев» (Strab. XIV. V. 2).

Положение усугублялась тем, что пиратство в регионе имело, так сказать, местные корни. Иностранные пираты не представляли серьезной опасности в эллинистический период со времени морских операций Деметрия Полиоркета. Таким образом, вся ответственность за бездействие в отношении данного зла лежала на местных правителях.

Тот факт, что отдельные властители предоставляли пиратам как бы лицензии на похищение иностранцев может быть объяснен обычаем и принципами «права войны», поскольку подданный враждебного государства всегда рассматривался как потенциальный раб. Таким образом, подобные «лицензии» могли подразумевать захват не мирных свободных людей, а противников на поле боя, которым являлось в данном случае море.

Полибий рассказывает, как этолийские пираты решили напасть на фиалин, но при виде единоплемянников, с которыми последние встали на борьбу, отказались от своих намерений и заключили с ними договор (Polyb. IV. 79. 6–8). Конечно, этот договор был для фиалин лишь средством предотвратить сиюминутную опасность. Осознавая это, они сразу после ухода пиратов обратились к Филиппу V с просьбой о покровительстве. Это кажется на первый взгляд весьма своеобразным, поскольку в эллинистическом обществе Филипп слыл активным покровителем этолийских пиратов, державшим их даже у себя на службе и не гнушавшимся участвовать в сбыте награбленного. Известны даже имена этолийских пиратов, служивших или оказывавших «услуги» македонскому царю: Эврипид, Доримах, Скопас, Дикеарх. Последний известен тем, что возглавлял царскую эскадру из двадцати кораблей во время грабительского рейда на Киклады (Diod. XXVIII. 1). Он бесчинствовал в Эгейском море, у берегов Иллирии и в Адриатике, пока не нашел свою смерть в Александрии в 196 г. до н. э. Этот пират отличался весьма своеобразным юмором: везде, где он ставил на якорь свои суда, устанавливались по его приказу два алтаря, один «Непочтительности» (Asebeia), другой «Беззаконию» (Paranomia), что представляет собой весьма показательный пример осознания причастности к нарушению закона.

Некий Доримах, отправленный этолийцами в союзный город Фигалию, позволил дружественным этолийцам пиратам разграбить дома и похитить скот мессенян. Интересно, что эфоры и собрание мессенян пытались привлечь к ответственности как самого Доримаха, так и пиратов, хотя и безрезультатно, поскольку последние прикрывались именем всего Этолийского союза (Polyb. IV. 3–5).

Филипп V свою долю пиратской добычи активно использовал для дальнейшего укрепления морской мощи, строительства флота. Он занял Тасос, который использовал как промежуточный пункт для рейдов своих эскадр. Всё население острова было продано в рабство. В 201/200 г. до н. э. Филипп V захватил морскую базу Птолемея на Самосе, вторгся в Ионию и разорил прибрежную территорию Пергама.

Все это дает основание оценивать политические методы Филиппа V как далекие от принципов права и морали. Но, видимо, фиалыне предпочитали иметь дело именно с Филиппом V как с альтернативой откровенного пиратства. Правда, любые договоры с пиратами, даже всевластных монархов, не могли иметь под собой реальной почвы, поскольку пиратское братство руководствовалось лишь одним законом — законом наживы. Поэтому они спокойно могли грабить тех, у кого состояли на службе и с кем заключали договоры. Этолийские пираты около Кифер захватили царское македонское судно и затем продали сам корабль и команду. Одновременно сухопутный этолийский отряд, захватив опорный пункт Кларий в мегалопольской земле, устроил там торговлю добычей (Polyb. IV. 6. 1–4).

Трахейские киликийцы пользовались своими гаванями как опорными пунктами для морского разбоя; причем они или сами занимались пиратством, или же предоставляли пиратам свои гавани для сбыта добычи и в качестве якорных стоянок. В памфилийском городе Сиде были устроены корабельные верфи для киликийцев, которые продавали там пленников с аукциона, хотя и признавали их свободными (Strab. XIV. III. 2).

Все это свидетельствует о существовании целых пиратских государств. Пиратский флот все чаще пополнялся искателями приключений многочисленных национальностей, по разным причинам вынужденных или искренне желавших родиной своей признать палубу пиратского корабля, а семьей — пиратское братство. Опыт военной и государственной службы, который имели многие их главы, позволял перенести в пиратскую среду свойственные регулярной армии принципы организованности, дисциплины и субординации. Именно в это время складывается нечто наподобие «Пиратского кодекса», укреплявшего солидарность в пиратской среде и устанавливавшего правила, гарантировавшие жизнеспособность пиратской организации.

Суровая необходимость заставляла приморские общины идти на соглашение с пиратами ради самосохранения. В качестве защиты от пиратства полисы использовали асилию, которая должна была гарантировать неприкосновенность их территорий, защитить от насильственного изъятия государственной или частной собственности. Интересно, что просьбы о признании асилии направлялись прежде всего на Крит и в Этолию, являвшиеся фактически центрами пиратства.

Некоторую надежду на соблюдение договоров с пиратскими государствами внушало закрепление их религиозными нормами, например признанием со стороны Дельфийской амфикинии, в которой этолийцы как раз доминировали. Однако были хорошо известны случаи

пиратских нападений на богатые святилища. Так оказались разграблены обладавшие статусом неприкосновенности кларосское, дидимское, самофракийское святилища, храм Хтонии в Гермione, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенара и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии (Plut. Pomp. XXIV). Поэтому святилища также искали пути обеспечить свою безопасность. К этолийцам, например, обращался за асилией Делос. Будучи островом Аполлона, Делос издревле пользовался правом асилии. Тем не менее, островитяне вынуждены были унижаться, вплоть до наделения званием проксена известного этолийского пирата Букриса. Впрочем, в действиях делосцев помимо естественного желания обеспечить собственную безопасность просматривается стремление соблюсти и экономическую выгоду. Дело в том, что Делос в III–II вв. до н. э. стал в регионе вторым по величине центром работорговли.

Дело доходило до того, что крупные города, такие как Тир, вынуждены были обращаться за асилией к маленьким и бедным общинам Крита, поголовно занимавшихся пиратством. Зачастую одновременно заключались договоры о военной поддержке в случае нападения третьей стороны. Но поскольку основная угроза исходила от самих критян, то обращавшиеся за асилией требовали, чтобы соглашения были опубликованы на Крите.

Попытки борьбы с пиратством проявлялись в самых неожиданных формах правовых документов, даже в договорах о гостеприимстве, которыми поощрялись те, кто помогал предотвращать это зло. Ливий рассказывает, как римские послы повезли в дар Аполлону золотую чашу. Недалеко от Сицилийского пролива их военный корабль был перехвачен липарскими пиратами и уведен на Липары. Тамошняя община обыкновенно делила добычу между всеми, считая плоды разбоя как бы государственным достоянием. Однако возглавлявший в это время общину Тимасифей предложил послам гостеприимство от имени государства и затем отправил их в Дельфы, дав еще кораблей и охрану, а оттуда невредимыми вернул в Рим. Сенат заключил с ним договор гостеприимства и послал ему подарки от казны (Liv. V. 28. 2–5). Обязательственные отношения подобных договоров переходили и на потомков, в частности, римляне руководствовались ими при покорении острова Липары в 252 г. до н. э. Хотя описываемый случай относится примерно к 391 г. до н. э., нет оснований полагать, что подобная практика изменилась во время активизации римской политики в Восточном Средиземноморье.

То, что римляне, заявившие свои претензии на гегемонию в Восточном Средиземноморье, не сразу обратили внимание на угрозу пиратства, вполне понятно. Но необходимость хозяйственного освоения морских коммуникаций региона неизбежно столкнула их с этой проблемой, которая приобрела благодаря обилию войн и политическому кризису эллинистического общества катастрофические масштабы.

Страбон оправдывает римлян за медлительность в противодействии пиратам: «Римляне тогда ещё мало обращали внимания на племена за Тавром. Они послали, однако Сципиона Эмилиана, а затем несколько других полководцев, чтобы изучить на месте положение племен и городов. Они решили, что пиратство явилось только следствием испорченности правителей, хотя постыдились устранить последних, так как сами утвердили порядок наследования в роде Селевка Никатора. Такое состояние страны привело к господству парфян; последние завладели областью за Евфратом, а под конец — и Арменией. Парфяне покорили не только страну за Тавром, вплоть до Финикии, но уничтожили даже царей и — насколько могли — весь царский род, а море отдали под власть киликийцев. Затем, когда могущество парфян возросло, римляне были вынуждены сокрушить их войной и военной силой, хотя и не препятствовали раньше их усилению. Впрочем, трудно обвинять римлян в небрежении: ведь они, занятые более близкими и нетерпящими отлагательства делами, были не в состоянии принимать в расчет положение на далекой окраине» (Strab. XIV. V. 2). Страбон, пожалуй, первый столь определенно прослеживает связь между ослаблением власти Селевкидов, приведшим к усилению парфян, и распространением пиратства. Ослабление любой законной власти во все времена неизбежно ведет к распространению бандитизма, разбоя, пиратства и других форм проявления анархии.

Распространение пиратства стало одним из поводов для появления в регионе военно-морских сил Рима. Серьезную угрозу представляли иллирийцы, пытавшиеся контролировать торговые пути в Италию. Грабежи торговых кораблей сопровождались убийствами или захватом в плен мирных торговцев (Polyb. II. 8. 1–3; App. X. II. 7–8). Причем, на протесты римских послов иллирийская царица Тевта отвечала, что у царей Иллирии не в обычае мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море. И это было действительно так. Тевта, управлявшая фактически пиратским государством, не собиралась подчиняться требованиям Римской республики. Младший из послов позволил себе резкое заявление по поводу позиции царицы

в том духе, что у римлян существует прекрасный обычай: государство карает за обиды, причиненные частным лицам, защищает обиженных и заставит исправить обычаи царей для иллиریان (Polyb. II. 8. 8–13). За излишнюю дерзость посол поплатился жизнью. Теперь уже Тевта допустила двойную дерзость, отдав приказ на казнь и нарушив неприкосновенность послов. Зато дипломатический скандал довершил подготовку военного вторжения римлян. В результате Иллирийской войны Тевта вынуждена была заключить с римлянами мир, по которому обязывалась уплатить дань, очистить почти всю Иллирию и не переходить за Лисс более как с двумя судами, и то безоружными (Polyb. II. 9 –12).

Для римлян борьба с пиратами стала первым поводом переправиться с войском в Иллирию и соседние области, а также наладить дипломатические контакты с эллинами. Повод дала все та же Тевта, которая уже после увещеваний римских послов с началом весны снарядила суда в большем числе, чем прежде, и снова отправила их в Элладу. Одни из них пошли прямо на Керкиру, другие зашли в гавань эпидамний под тем предлогом, чтобы запастись водою и хлебом, а на самом деле для того, чтобы завладеть городом (Polyb. II. 9. 1–3).

Еще раз римляне вынуждены были обратить серьезное внимание на местных пиратов во время правления в Иллирии царя Гентия. Ливий сообщает, что в 180 г. до н. э. Луций Дуроний, бывший претор, с десятью кораблями вернулся из Иллирика в Брундизий, затем явился в Рим и, отчитываясь в своих делах, прямо обвинил Гентия в морском разбое, поскольку все суда, которые опустошали берега Верхнего моря, были из его царства (Liv. XL. 42. 1–2). Особую опасность для римлян иллирийское пиратство в этот момент представляло в силу союза Гентия с македонским царем Персеем. Наконец, иллирийский царь окончательно вывел римлян из себя, по выражению Ливия, «злостной выходкой». Он заключил под стражу римских послов Марка Перперну и Луция Петилия, отправил восемьдесят легких судов для разорения полей Диррахия и Аполлонии (Liv. XLIV. 27. 11; 30. 14). Все это побудило Рим предпринять активные действия. Претор Луций Аниций за тридцать дней закончил войну против Иллирии, которая была поделена на три части и провозглашена свободной (Liv. XLIV. 32. 4–5; XLV. 26. 9–15). Победу Луция Аниция римляне почтили триумфом, ибо, как отмечает Ливий: «...за считанные дни полководец смирил иллирийцев, неукротимых равно на суше и на море, защищенных и местностью своею и укреплениями, а царя и всю его родню взял в плен» (Liv. XLV. 26. 43).

В 102–101 гг. до н. э. проконсул Марк Антоний¹ возглавил военную экспедицию против пиратов южного побережья Малой Азии, в которой приняли участие военные корабли Афин, Византия, Родоса. Объединенный флот переправился через Истм в Саронический залив, однако из-за непогоды вынужден был бросить якорь в гавани Афин.

Именно по причине невозможности хоть как-то держать под контролем это тотальное зло эллинистическое общество со временем все же созрело до принятия законов о борьбе с ним. Известны две надписи 101–100 гг. до н. э., содержащие или разные или один и тот же закон. Одна помещена на трех мраморных блоках монумента в Дельфах, посвященного Луцию Эмилию Павлу. Вторая надпись из Книд была начертана в пять столбцов слева направо на трех известняковых блоках, расположенных рядом. Проблема идентичности содержания надписей до сих пор составляет предмет научных споров, поэтому трудно сказать: был ли это один закон или два похожих.

Суть данного закона или законов в следующем: после окончательного поражения Селевкидов при Магнезии в 189 г. до н. э. Малая Азия и большая часть Киликии вышли из — под их контроля и стали базами пиратов. При этом победившие Селевкидов римляне несли урон от пиратства не меньше восточных соседей. Их торговля, обеспечение хлебом и элементарная безопасность граждан страдали от иллирийских и далмацких пиратов. Поэтому римский сенат попытался внедрить принцип коллективной ответственности за безопасность морских коммуникаций в регионе.

Закон адресован народам, состоящим в «дружбе и союзе» с Римом. Его цель, четко сформулированная в начале текста, сводится к тому, чтобы была достигнута безопасность плавания по морю для граждан Рима, латинских союзников из Италии и друзей Рима вне Италии. Далее указываются места адресации закона: в Киликию, на Кипр, царям Египта, Сирии и всем, состоящим в дружбе с римлянами. Закон возлагает на местных правителей ответственность за защиту данных территорий от пиратов. Главным блюстителем реализации закона назначался консул, который в соответствии с ним должен был вершить правосудие. В качестве высшей инстанции по рассмотрению дел указан сенат. Проконсул Азии или Македонии должен был проследить, чтобы закон был ратифицирован на народных собраниях с произнесением присяги. По истечении пяти дней после ратификации судьи и чиновники должны

¹ Марк Антоний (143–87 гг. до н. э.) — дед будущего триумвира Марка Антония, прославленный оратор, консул 99 г. до н. э.

принять закон к исполнению. Отдельно сформулирована ответственность за издание противозаконного указа или нарушение самого закона, предусматривавшая штраф в 200 000 сестерций. Ответственности подлежали судьи, чиновники и военачальники, принимавшие пиратов под свое покровительство.

Налицо попытка ввести единый принцип универсальной юрисдикции, распространяющейся на все государства, попавшие в сферу влияния Рима. В законе недвусмысленно были выражены претензии Рима на роль верховного судьи даже в регионах, пока что еще избежавших прямого подчинения ему. В целом позиция Римской республики в отношении пиратов сводилась к их полному истреблению. Однако тактика реализации задачи предполагала поэтапное ее решение.

Явные признаки активизации нового претендента на роль властителя морей наметились во время войны Рима с Митридатом Понтийским. Диктатор Сулла, в полной мере осознававший опасность недооценки пиратской угрозы римским военным планам, отдал распоряжение подготовить флот для борьбы с ними. Однако действия его наместников в Азии Гнея Долабеллы и Мурены не дали желаемого результата. Лишь отправленный по решению сената в Киликию консул Публий Сервилий сумел разгромить флот пиратов.

Страбон описывающий в превосходных красках государственное устройство Ликийского союза, а ликийцы были одним из пиратских народов, отмечает, что даже под господством римлян они «...сохранили свободу и отцовские владения; они увидели зато, что пираты совершенно уничтожены сначала Сервилием Исаврийским¹, в то время когда он разрушил Исавры, а потом — Помпеем Великим, который сжёг более 1300 их кораблей и уничтожил их жилища. Оставшихся в живых после битвы пиратов Помпей частично переселил в Солы² (которые он назвал Помпейополем), остальных же — в малонаселенную Диму, где теперь находится римское поселение» (Strab. XIV. III. 3).

Подобные проявления гуманности римских политиков к пленным пиратам можно отнести на счет пропагандистских акций в регионах, где Рим стремился закрепить свою власть навсегда. В большинстве же случаев римские полководцы не утруждали себя точной судебной процедурой в отношении попадавших им в руки пиратов. Последних без

¹ Сервий Исаврийский — Публий Сервилий Исаврийский в 78 г. до н. э. командовал войсками в Северной Азии, покорил Исаврию, за что и получил прозвище Исаврийский.

² Солы — город на южном побережье Малой Азии.

лишних формальностей вешали или распинали. Достаточно вспомнить знаменательный эпизод политической и военной карьеры Цезаря, напрямую связанный с темой пиратства и борьбы с ним. Скрывавшийся некоторое время от политических оппонентов в Вифинии Цезарь покинул свое убежище, но выйдя в море, у острова Фармакуссы угодил в плен к местным киликийским пиратам. Согласно, видимо, традиционным в этом «бизнесе» расценкам пираты запросили за него выкуп в сто двадцать тысяч денариев. В ответ амбициозный римский политик сам увеличил сумму собственного выкупа до трехсот тысяч денариев, демонстрируя тем уровень собственной самооценки. Пока в течение тридцати восьми дней его доверенные собирали названную сумму, Цезарь развлекался гимнастикой, сочинением стихов и речей, которые декламировал тем же пиратам. Апогеем просчитано самоуверенного и даже наглого для его реального положения поведения стало обещание пиратам после обретения им свободы перевешать их. Недооценка реальности намерений Цезаря дорого обошлась киликийцам. Как это вообще было характерно для Цезаря, он последовательно воплотил свое намерение на практике. Сразу после освобождения с быстро подготовленным в гавани Милета флотом римский полководец методично переловил почти всех тамошних пиратов и приказал их распять (Plut. Caesar. II).

Римляне стремились в первую очередь уничтожить опорные базы пиратов. Так, уже названный Сервилий Исаврийский (Исаврик) в 78 г. до н. э. разрушил в Ликии Фаселис, древний город, бывший некогда дорийской колонией с тремя превосходными гаванями, со временем превратившийся в главное место склада для добычи морских разбойников.

Но одни лишь подобные мероприятия не давали долговременного результата. Необходим был постоянный контроль за наиболее опасными с точки зрения пиратства территориями, который римляне на начальном этапе продвижения своей власти на восток далеко не всегда были в состоянии обеспечить. Однако они избрали вполне действенную тактику, отдавая подобные анклавов под управление своим «марионеткам». Так, Архелаю римляне отдали лежащий у материка остров Элеусса, который был превращен последним в царскую резиденцию после того, как к этому приобретению присоединена была вся Киликия Трахея, кроме Селевкии. «Принимая во внимание то, что эта местность от природы представляла удобства для разбойников на суше и на море (на суше из-за высоких гор и племен, обитающих у подошвы их на широких равнинах и полях, открытых для вражеских набегов; на море же — из-за обилия корабельного леса, гаваней, укреплений и тайных убежищ), рим-

ляне предпочитали оставить эту страну под властью царей, чем отдать её в управление римским префектам, посылаемым для отправления правосудия, которые не всегда могли там находиться или иметь под руками военные силы», — сообщает источник (Strab. XIV. V. 6).

Но, и после этого угроза со стороны пиратов сохранялась вплоть до упомянутой выше компании, осуществленной Помпеем в 67 г. до н. э., когда пираты были действительно поставлены под контроль. Специальные полномочия, предоставленные Помпею в соответствии с законом Габиния, давали ему карт-бланш на применение силы в борьбе с пиратами на всем Средиземноморье, включая прибрежные районы на пятьдесят миль вглубь от побережья. В его распоряжении был флот в пятьсот судов, значительные сухопутные силы и право получения дани с провинций для покрытия военных расходов. Затраты оправдывались масштабностью пиратской угрозы. Евтропий по этому поводу замечает: «...пираты настолько сделали опасными все моря, что для римлян, победителей всего мира, плавание на кораблях стало небезопасным. Поэтому ведение этой войны было возложено на Гнея Помпея, который в течение нескольких месяцев очень удачно и очень быстро завершил ее» (Eutr. VI. 12. 1).

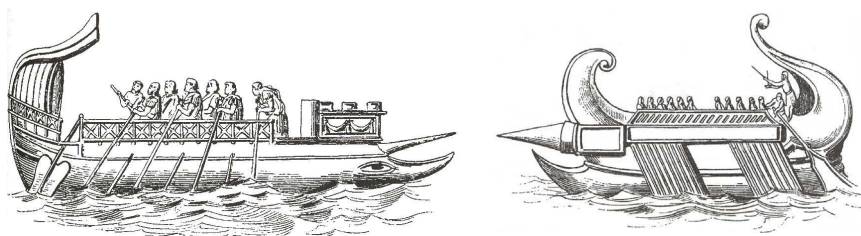
Плутарх, дающий подробное описание военной операции Помпея, фиксирует факт изменения социального статуса пиратов, что в свою очередь, способствовало росту их могущества: «Уже многие люди, состоятельные и знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни... Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов...» (Plut. Pomp. XXIV). Помпей разделил береговую линию Средиземного моря на тридцать частей и в каждой поставил определенное число своих кораблей. Пиратские корабли попадали как бы в сети, за ускользавшими были направлены шестьдесят лучших римских кораблей. Таким образом были очищены Этрусское, Ливийское, Сардинское, Корсиканское и Сицилийское моря.

Однако на востоке Средиземного моря пираты еще некоторое время чувствовали себя в безопасности. Все это не могло не раздражать римлян, для которых морские коммуникации были, в прямом смысле слова, жизненными артериями. Кроме того, как и при Александре, идея мирового господства требовала установления тотального контроля и над Восточным Средиземноморьем, которое к данному времени официально было объявлено сферой интересов римского народа.

Но Рим не только стал еще одним претендентом на звание властителя морей. С момента появления в Восточном Средиземноморье он вел себя буквально как диктатор. Используя как главный аргумент мощь своей военной машины, Рим сумел навязать всем эллинистическим государствам по очереди договоры, которые, в конечном счете, определили новый правовой режим в том числе и на море, гарантом которого теперь единолично он сам и выступал. Так, подданные Тевты и вообще все эллины были оттеснены за Лисс. Селевкиды были лишены права иметь военный флот, за исключением десяти легких судов, а границей их государства определялись два мыса Каликадион и Сарпедонион, заплывать за которые не следовало (Polyb. XXI. 45–48; Liv. XXXVIII. 38–39).

И все же сложно утверждать, что усилия римлян по установлению тотального контроля над регионом привели к решению экономических проблем, установлению политической стабильности и безопасности мореплавания. В римлянах местное население все чаще видело источник своих бед. Обнищание в ходе постоянных войн и политики римских легатов толкало мирное население на тропу разбоя. Поэтому усиление пиратства можно считать естественной реакцией на римскую экспансию. Даже после того, как все Средиземноморье вошло в состав Римской империи, приходилось постоянно держать наготове флот для патрулирования морских коммуникаций.

Но, при всем том, эллинистическая эпоха оставила о себе след в истории мореплавания как период интенсивного развития обычной практики, первых попыток определения в международных договорах правового режима морских пространств, ограничения морских вооружений, а также первого международного опыта борьбы с пиратством. Все это дает основания считать эллинизм исторической колыбелью формирования современно морского права.

Пиратские корабли

ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Характерной особенностью эллинизма стало бурное развитие международных экономических связей. Уже в ходе завоевания державы Ахеменидов Александром Македонским наметилась тенденция включения богатых азиатских территорий в единое экономическое пространство будущей империи. Масштаб финансовых операций, перераспределение капитала, ярко выраженная неоднородность участников экономических отношений (монархи, полисы, храмы и святилища, купеческие объединения, банки), наконец, включение в экономическую сферу деятельности массы ранее люмпенизированного населения, — все это требовало новых регуляторов, отличающихся гибкостью и универсальностью, учитывающих специфику коммерческого спроса, рассчитанных на решение комплексных задач, призванных обеспечить интересы как правящих кругов, так и многонационального населения, рассредоточенного на огромных просторах ойкумены. Наиболее активно развивавшимися сферами экономической деятельности стали торговля и финансовые операции. Они и стали главными инструментами формирования единого рынка эллинистических государств. Принципы и правила международной торговли в рамках эллинистической системы диктовались не только существовавшей издревле обычной практикой, но и международными соглашениями, определявшими правовой режим, который государства предоставляли друг другу.

Существенно изменились не только внешние характеристики торговли: объем, охват рынков, новые формы торговых операций, но и сам её смысл. Вплоть до конца классического периода торговля не считалась достойным занятием для эллина. Платон в «Законах» утверждал, что тому, кто собирается торговать, надо быть метеком или чужеземцем (Plat. Leg. XI. 920 с.). Торговля рассматривалась как вынужденное средство получения недостающего продукта. Теперь же торговля стала одним из основных источников обогащения, которое, в свою очередь, определяло смысл человеческой деятельности. Это вполне соответствовало прагматичному мировоззрению эллинистического общества.

Первый вопрос, который возникает по поводу ускорения темпов экономического развития: откуда появился огромный по объему первоначальный капитал, составивший основу экономики молодых эллинистических государств? Конечно, главным его источником была война. Азиатский поход Александра Великого принес значительный доход не только ему самому, но и всему его войску. Диодохам досталась существенная часть военной добычи. Головокружительные суммы приносил выкуп пленни-

ков. Основной и постоянный доход обеспечили финансовые поступления от эксплуатации захваченных территорий. Экономическая жизнь на просторах Азии не прекратилась в результате войны, хотя и претерпела серьезные изменения. Купцы финикийских городов Тира, Сидона, Берита, бывших опорными пунктами караванной торговли, по-прежнему поддерживали коммерческий оборот с Ираном, Китаем, Индией. В Египте и Сирии, как и многие столетия, основу процветания составляло земледелие. Серьезный импульс экономическому развитию придавала градостроительная политика эллинистических правителей, масштабы которой вполне можно охарактеризовать понятием «строительный бум».

«Первоначальный капитал» прошел довольно сложный путь до своего непосредственного приложения в сфере экономики, но в весьма сжатые сроки. Темп экономического развития был невероятен. Никогда ранее античное общество не знало такого ускорения всех процессов жизнедеятельности. Даже целые государства подчас создавались в результате политических и финансовых афер. Как уже говорилось, Филетер добыл собственное царство, Пергам, не в сражениях, а всего лишь провернув финансовую операцию, подкрепленную умелой дипломатией. Подобные примеры не единичны. Азиатские территории стали средоточием различных экспериментов. Авантюристичные, смелые, не скованные никакими условностями и правилами прежнего общества греко-македонские военачальники в качестве единственного регулятора формирующихся общественных отношений рассматривали свою собственную волю. Эта персонифицированная воля, тем не менее, вовсе не отличалась узостью приложения, а подразумевала обширный охват интересов, новаторство, почти полное отсутствие боязни поражения. Все это составляло благодатнейшую почву для оптимизации международных связей.

Сердцем экономики стала коммерция, связавшая артериями торговых путей все уголки эллинистического мира, включившая в активный оборот копившийся веками в царских сокровищницах Азии капитал.

Увеличению торгового оборота способствовал ряд факторов: достижение единства экономического пространства на значительной части территорий, завоеванных Александром Великим; освоение этого пространства и обеспечение его доступности; распространение общего греческого языка и права, что облегчало торговые связи между удаленными друг от друга районами.

Финансы — что может быть более эффективным инструментом дипломатии? Денежные единицы и стандарты определяют язык коммерческого диалога государств. Важным достижением и одновременно

стимулом экономической интеграции эллинистических государств была сохранившаяся со времени существования империи Александра практика единого денежного обращения. Речь идет не о полной унификации денежных единиц региона, а об их легальном хождении в различных государствах и распространении наиболее популярных стандартов.

В эллинистический период в финансовой сфере происходят серьезные изменения. Почти все коммерческие операции стали осуществляться посредством использования денег. Как следствие появилась необходимость более или менее упорядочить денежное обращение. Этому в немалой степени способствовал единый для всех государств источник драгоценных металлов — разграбленная казна Ахеменидов. До завоеваний Александра Великого Ближний Восток был слабо знаком с чеканкой денег. Даже в старых торговых городах Тире и Сидоне монеты не использовались до IV в. до н. э. Дарики, которые не употреблялись греческими купцами, в большом количестве накапливались в сокровищницах персидских царей. После кампании Александра огромная масса золота и серебра из персидских запасов была отчеканена или перечеканена в греческие монеты. В результате денежная экономика вводилась во всех завоеванных государствах. Количество денег, находящихся в обращении, возросло в огромной степени после того, как Александр установил чеканку монеты, имевшей хождение по всей его державе. Правда, драхма Александра особенно распространилась уже после его смерти, что было сопряжено с потребностью в единой валюте. Она использовалась в Афинах, Македонии, в державе Селевкидов, Пергаме, Вифинии, Каппадокии. Птолемей и Родос предпочли финикийскую систему. Конечно, еще сохранялись в отдельных местах собственные старые стандарты, но они постепенно вытеснялись.

Селевкиды допускали хождение иностранных денег того же стандарта, что и их собственный. Птолемей же принял решительные меры по исключению не только иностранных денег с египетского рынка, но и любой частной инициативы в финансовой сфере. В рамках эллинистического мира финансовая политика Птолемея являла собой весьма показательный пример унификации, автономности, основанных на вере в политическую и экономическую самодостаточность. Они попытались ввести собственные эксклюзивные деньги, которые могли находиться в обращении помимо самого Египта лишь в его доминионах. Такая позиция создавала серьезный барьер в развитии межгосударственных связей и, в конце концов, не оправдала себя. Постепенное уменьшение золотого запаса привело к изменению весового значения монет. Египет

перешёл на более легкий стандарт, серебро, что, впрочем, было характерно и для остальных государств. Полное исключение иностранной валюты из обращения в Египте стало ретроградным шагом по сравнению с валютной политикой всего остального эллинистического мира. В противоположность Египту остальные эллинистические государства активно участвовали в межгосударственных финансовых операциях.

Главное требование любого типа экономики — сбалансированный бюджет. В случае экономики, подконтрольной царям, это предполагало снижение расходов. Особенно строго отслеживали свои монопольные права почти над всеми сферами экономической жизни страны опять же Птолемеи. Они установили государственную монополию на получение основной доли прибыли от коммерческих операций. Даже свою столицу Александрию Птолемеи превратили в источник дохода, обустроив гавани товарными складами, построив мощный торговый флот с кораблями гигантской грузоподъемности и, наконец, используя знаменитый маяк. «Прежде, — говорит Страбон, — по крайней мере едва 20 кораблей осмеливалось пересечь Аравийский залив, чтобы выйти за пределы пролива; теперь отправляются большие флоты даже до Индии и оконечностей Эфиопии, откуда привозят в Египет наиболее ценные товары, а отсюда снова рассылают их по другим сторонам; поэтому взимаются двойные пошлины — на ввоз и вывоз; на дорогостоящие товары и пошлины дорогие. Страна пользуется также монополиями; ведь одна Александрия не только является в большей части складом таких товаров, но и снабжает ими чужие края» (Strab. XVII. I. 13). Страбон обращает внимание на то, что часть портовых и других прибрежных сооружений находилась в частной собственности египетских царей. Таковыми были расположенная рядом с Большой гаванью, искусственно выкопанная и скрытая Царская гавань, а так же обустроенный островок Антиродос с двумя гаванями (Strab. XVII. I. 9). Развитая экономика позволяла Египту содержать мощный военный флот, в свою очередь обеспечивавший торговые интересы государства. Находившиеся под контролем Птолемеев прибрежные анклав в Малой Азии, в Кирене, Ликии, Памфилии, остров Самос играли роль военно-морских баз. Все это вызывало раздражение у Селевкидов и Антигонидов, но способствовало крепкой дружбе с торговой республикой Родосом и даже Гераклеей Понтийской¹.

¹ Гераклея Понтийская — могущественный торговый город в Вифинии, основанный ок. 540 г. до н. э. недалеко от побережья Понта (Черного моря).

Главными экспортными товарами Египта были пшеница и папирус. В этой сфере коммерческие интересы Египта пересекались с интересами государств Северного Причерноморья. Можно говорить даже о некоторых проявлениях торговой войны, когда крупные экспортеры хлеба боролись за покупателя, в роли которого главным образом выступали государства Балканской Греции.

Кроме того, Египет славился ремесленными товарами: стеклом, шерстяными и льняными тканями, папирусом. Египетские чиновники четко отслеживали экспорт национальных товаров. Существовала обязательная регистрация торговцев и судовладельцев. Поскольку ремесленное производство базировалось отнюдь не только на внутреннем сырье, Птолемеи активно боролись за влияние в Малой Азии и Палестине не лишь по политическим соображениям, они рассматривали данные регионы как рынки сырья.

Были и другие примеры государственного контроля: над караванными маршрутами в Китай, Скифию, в Центральную Африку и даже на Британские острова. Здесь интересы Птолемеев особенно остро сталкивались с претензиями Селевкидов, столица которых Антиохия на Оронте являлась крупным центром международной коммерции. Селевкиды, контролировавшие караванные маршруты из Центральной Азии, Китая и Индии, стремились также к доминированию на морских коммуникациях, обеспечивавших выход в Индийский океан.

Нетрудно понять, что именно господство на торговом пути в Индию стало основным предметом наиболее ожесточенной борьбы Селевкидов и Птолемеев. Протекторат Птолемеев над Эфесом и Келесирией лишал Селевкидов контроля над ключевыми позициями торговых маршрутов, основная протяженность которых приходилась на их внутренние владения. Главный порт Селевкидов Селевкия в Пиерии примерно в 246 г. до н. э. перешел к Птолемею III Эвергету (Polyb. V. 58. 9). Из-за торговой политики Птолемеев Селевкиды недополучали в казну значительную часть коммерческих доходов. Следствием всего этого были, так называемые, Сирийские войны за обладание Келесирией и финикийскими портами, продолжавшиеся на протяжении всей истории взаимоотношений двух династий.

Кроме военного противостояния использовались и другие способы в борьбе за экономическое преобладание. Как уже отмечалось, строились новые и модернизировались старые порты. Создавались благоприятные условия для привлечения трудоспособных эмигрантов, приток которых, например в Египет, стимулировался стабильностью политической ситуации и сравнительно высоким уровнем жизни в стране. Государство предоставляло широкое поле для их деятельности, прило-

жения труда во многих сферах экономики и культуры. А их труд, в свою очередь, стал серьезным фактором экономического роста государства.

Фактически вся крупная торговля морем являлась оптовой. Начиная с архаических времен, в ней господствовали финикийцы, а из греков — критяне. Затем крупнейшими морскими торговыми центрами стали Афины, Коринф и другие греческие города. Для эллинистического мира морская торговля стала главной артерией, питающей жизненные силы всех без исключения приморских государств.

Обусловленная природными факторами и ресурсами специализация национальных экономик все в больших размерах диктовала потребность восполнения недостающего продукта за счет производимого другими народами. Коммерция стала реальной альтернативой насильственному изъятию богатств у соседей. Причем, будучи по природе своей преимущественно морской, она зачастую имела почти военную стратегию развития. Торговый флот строился параллельно с военным. Активно формировались специальные государственные учреждения, функции которых сводились к созданию благоприятных условий для коммерсантов и обеспечению налоговых поступлений для государства. Закладывались основы торгового права, устанавливались стандарты мер и веса. Мореплаватели освобождались от воинской обязанности, что можно рассматривать как первый в истории пример альтернативной службы. Государственные службы пристально отслеживали категории стратегических грузов, постоянно выверяя реестры запрещенных в вывозу или ввозу товаров. Наконец, именно морская торговля стимулировала развитие процессуальной практики с участием иностранцев, ибо греческим судам приходилось принимать к рассмотрению иски по транснациональным сделкам.

В то же время развитие торговли и экономики в целом тормозилось политической нестабильностью, непрерывными войнами, частыми социальными революциями в греческих городах, пиратством на море и бандитизмом на суше, отсутствием развитых коммуникаций, трудностями навигации, слабой исследованностью маршрутов.

В таких условиях монархи и правительства, признавая свою ответственность за товаро–денежный оборот внутри страны, просто не могли гарантировать стабильность и безопасность внешних рынков. Поэтому внешняя торговля во многом зависела от частной инициативы купцов, мореплавателей, банкиров. Однако, о какой бы эпохе не шла речь, частная инициатива без серьезной финансовой поддержки мало результативна.

Одним из способов воздействия на финансовую ситуацию являлось стимулирование развития банковского капитала как государствен-

ного, так и частного. Уже в классическую эпоху в Греции была развита практика обращения к банкам за процентными ссудами под обеспечение грузов. Подобного рода ссуды свободно предоставлялись лицам, не имевшим гражданских прав, но владевшим достаточным состоянием. Наиболее высокий процент присутствовал в кредитовании морских торговых предприятий, что объяснялось их повышенным риском. Деньги предоставлялись под залог груза и самого корабля. Учитывая объем и значение морской торговли для Восточного Средиземноморья, нетрудно представить себе соблазн, двигавший финансистами несмотря на многочисленные риски. Так, кредитор в случае ущерба из-за обстоятельств, не зависящих от должника, например из-за стихии, обязан был принять на себя убытки, а в качестве частичной компенсации получал за это остатки груза или корабля¹.

Транснациональные финансовые операции обеспечивались банками. Хотя понятие «банк» для эллинистического периода применимо условно: обычно употребляется термин «трапеза», под которым может подразумеваться и царская сокровищница. Тем не менее, очевидно становление нового типа финансиста, готового обслуживать широкий спектр международных торговых операций. Как правило, банкиры (трапезиты) предоставляли деньги под имущественный залог, под расписку, написанную на папирусе, или под вексель, начертанный на двойной навощенной дощечке и снабженный подписями свидетелей.

Среди банкиров по традиции было немало предприимчивых афинян, по какой — либо причине оказавшихся за пределами своей родины. Именно оторванность от гражданского коллектива стимулировала развитие частной инициативы. И в те времена четко действовало правило: спрос рождает предложение. Бурно развивавшаяся транзитная торговля и создание единого восточно-средиземноморского рынка определяли этот спрос. Услугами банкиров пользовались не только частные лица, но и целые городские общины, различные корпорации и даже монархи. Некоторые из городов, например Делос, Византий, Милет, обзавелись собственными банками и даже страховыми компаниями. Особой популярностью пользовались банки Родоса как наиболее надежные и защищенные. Банковскими операциями занимались и храмы, чей авторитет в финансовом мире гарантировался религиозными нормами. В эллинистическую эпоху наиболее знамениты подобными операциями были делосские храмы и анатолийские в Эфесе и

¹ Любкер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 521–522.

в Сардах. После получения автономии от царей их примеру последовали и египетские жрецы.

Политическая конъюнктура накладывала отпечаток и на эту сферу банковской деятельности. У Полибия присутствует сюжет, свидетельствующий о переплетении политических в финансовых интересах Приены¹ и боровшихся за каппадокийский престол Ороферна и Ариарата (будущего Ариарата VI). Приенийцы приняли на хранение от Ороферна, когда тот был еще во власти, четыреста талантов денег. Немного позже Ариарат, возвратившись на царство, потребовал деньги обратно. Приенийцы отвечали, что пока Ороферн, передавший им деньги, жив, они не отдадут их никому другому. Полибий отмечает, что, по мнению многих, Ариарат был не прав, когда требовал чужой вклад себе. Все-таки до тех пор, пока он довольствовался просьбами, можно еще было извинять его, ибо он полагал, что деньги принадлежат его царству; но когда в гнев своем и упорстве он пошел дальше, никто не мог подыскать для его действий оправдания. Ариарат выслал отряд к Приене, которую опустошил. Понесся большие потери людьми и скотом, причем трупы валялись у самых стен города, приенийцы не в силах были сопротивляться дальше и отправили послов к родосцам, а также искали помощи у римлян. Но Ариарат не внимал никаким заявлениям. Таким образом, приенийцы, возлагавшие большие надежды на эти деньги, испытали одни невзгоды: вклад они возвратили Ороферну, а от царя Ариарата незаслуженно понесли из-за него тяжкие обиды (Polyb. XXXIII. 6. 1–9).

Варьировались и отдельные функции банков. В эллинистический период обмен денег утратил свое бывшее значение, а вот получение их на хранение (депозит) играло все большую роль в банковской деятельности. С развитием путешествий необходимость доверять денежные запасы финансовым дилерам становится неизбежной. Операции с займами не претерпели особых изменений по сравнению с классическим периодом. Индустрия, мануфактуры и земледельцы требовали малого капитала и при необходимости пополнения фондов обращались за помощью к мелким ростовщикам. Однако с увеличением объема торговли количество денег, употребляемых в займах, должно было расти пропорционально. Родосские банкиры ссужали свои запасы эгейским зерновым дилерам, александрийские — купцам в Красном море.

В Египте, где главными владельцами финансовых средств были цари, именно они ссужали деньги внутри страны и за ее пределами.

¹ Приена — небольшой город, расположенный в бухте Милета.

Несмотря на специфику денежной системы Египта, серьезно отличавшейся от остального эллинистического мира и сказывавшейся на высоких банковских ставках, доходивших до 24%, Птолемеи слыли главными ростовщиками Восточного Средиземноморья. К ним зачастую обращались их политические партнеры, нуждавшиеся в ссудах. Например, стратег Ахейского союза Арат добивался субсидий у Птолемея Филадельфа для своего родного Сикиона, находившегося на грани финансовой катастрофы. Известна даже просьба Карфагена Птолемею Филадельфу о займе двух тысяч талантов. Этой финансовой операцией занимался царский банк в Александрии, о чем свидетельствует сохранившийся папирус¹. Бюрократическая машина птолемеевского Египта довела государственный контроль за финансовой сферой почти до абсолютного уровня. В немалой степени этому способствовало внимание правящей династии к упорядочению соответствующего законодательства. Все виды банковских операций: обмен, различные типы депозита, текущие счета, займы иностранных монархов, переводы кредитов, платежи в деньгах строго регулировались царскими указами и «Законом о доходах» все того же Птолемея Филадельфа.

По иронии судьбы со временем сами Птолемеи оказались в долговой зависимости от Рима, причем исключительно по политическим причинам. Птолемей Авлет добился устранения конкурентов и признания себя законным царем только посредством поддержки римлян, а именно, Юлия Цезаря. Однако цена признания оказалась весьма велика, шесть тысяч талантов. Цезарь намеревался пустить их на финансирование военной кампании в Галлии. Сам Авлет не успел за время своего правления рассчитаться по долгу, который лег тяжелым бременем на его наследников, заранее загнанных в римскую долговую кабалу.

Банки греческих полисов, находившихся под юрисдикцией монархов, несли на себе бремя общего бюрократического контроля. Однако не один лишь контроль «сверху» обеспечивал эффективность функционирования эллинистических банков. Качество и легальность банковских операций обеспечивались, прежде всего, за счет добросовестной конкуренции внутри самой банковской системы.

Таким образом, к моменту появления в Восточном Средиземноморье римских банкиров здесь давно уже была отлажена и урегулирована банковская деятельность.

¹ Rostovtzeff M. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford. 1941. Vol. II. P. 404–405.

Рим мог противопоставить местным финансистам достаточно развитый банковский аппарат, находившийся под покровительством государства. Банкиры вели частные дела, осуществляли комиссию, а также следили за перемещением общественных денег. Особую категорию финансистов составляли частные менялы, они принимали на себя поручения по торговым и денежным делам: занимались разменом иностранных денег, осуществляли денежные переводы на имя знакомых банкиров в другие города, выступали в роли депозитариев и кредиторов, участвовали в торговых операциях в качестве маклеров. Даже, составляя замкнутую коллегия, эта категория римских банкиров представляла собой серьезную конкуренцию для эллинистических коллег. Однако только жесткое военное давление и прямая экспансия позволили римскому капиталу со временем окончательно вытеснить восточно-средиземноморских конкурентов.

Общая тенденция развития экономики в античном мире (и в восточно-средиземноморском варианте, и в римском) сводилась к стимулируемому, но контролируемому государством продвижению частной инициативы. Это создавало дополнительную нагрузку на государственный механизм, усложняло администрирование, но, с другой стороны, несло очевидную экономическую выгоду правящей элите и способствовало развитию международных отношений и дипломатии.

Что касается как-раз дипломатических усилий, то они чаще всего выражались в поощрении привилегиями иностранных граждан, приложивших большие усилия для развития торговых связей, а также в заключении межгосударственных договоров о поставках наиболее важных товаров. Так, экспорт-импорт хлеба всегда находился под контролем государства. Например, Афины проявляли живую заинтересованность в торговых связях с Боспорским царством, являвшимся ведущим поставщиком хлеба на средиземноморский рынок, о чем свидетельствует афинский почетный декрет 80-х гг. III в. до н. э. в честь царя Спартока III (Syll. 370). Почести, оказанные боспорскому правителю (золотой венок, две бронзовые статуи царя на афинской агоре и в Пирее), оправдали себя. В благодарность афиняне получили 15 000 медимнов¹ зерна.

Интенсивная экономическая жизнь городов стимулировалась спонсорской поддержкой со стороны эллинистических монархов. Греческий полис с его обширным хозяйственным и религиозным комплексом стал основным объектом их финансовых вложений. При этом оживленные

¹ Медимн — мера для измерения сыпучих тел, равна 52 литрам.

экономические отношения между монархами и городами выражались отнюдь не только в благотворительности, поддержке и предоставлении налоговых льгот, в обеспечении безопасности экономического пространства силой оружия. Цари целенаправленно инвестировали развитие промышленных отраслей, культуры, строительства.

Получая деньги от царей, города уже сами инвестировали их в конкретные экономические, культурные и даже политические мероприятия и проекты. Стоит обратить внимание на схему реализации подобных финансовых операций. Селевкиды построили в Милете рыночный зал и предписали городским властям, что магазины в зале должно сдавать в аренду, ежегодную прибыль от которой следует передавать в бюджет главного святилища Селевкидов Дидимейона. Надпись, содержащая соответствующий декрет, решением милетцев была прикреплена к стене рыночного зала. В ней указывалось, что здание посвящено Аполлону Дидимскому Антиохом. Затем вышло постановление о том, что все здания, которые будут финансированы из арендной платы, должны расцениваться, как посвященные Антиохом своему династическому божеству. Селевкиды этой акцией одновременно оказывали почитание Аполлону Дидимскому и спонсировали развитие Милета. Город получил также от Эвмена II зерна на сумму от 160 до 270 талантов на покрытие расходов по организации новой гимназии. Острой потребности в деньгах Милет не испытывал и потому полученные деньги ссужались купцам для поощрения торговли с царством Селевкидов. Взамен милетцы получили от Антиоха IV привилегию беспрошльной торговли. Когда Эвмен II умер, милетцы постановили изъять из следующей выплаты торговых ссуд тридцать талантов и поместить на специальный счет для оплаты закупок зерна от ежегодного урожая, из которых каждый гражданин Милета имел право получить установленное количество в день рождения умершего благодетеля Эвмена II.

Птолемей IV за счет арендного договора относительно священной земли спонсировал известные состязания в беотийской Феспии в честь Трагедийных муз. Причем цари инвестировали не только деньгами, наличность которых не всегда позволяла подобные операции, но, как было сказано выше, и зерном. Например, Родос получил от Эвмена II большое количество зерна для установления школьного фонда и обеспечения жалования воспитателей и наставников для детей. Двести восемьдесят тысяч мер хлеба, что составляет примерно четырнадцать тысяч тонн зерна, стоимостью от 280 до 460 талантов (различие происходит от ценовых колебаний), должны были быть отправлены и

проданы. Однако доходы от продажи зерна родосцы отдавали взаймы, а ежегодные проценты собирали. Родосские грузоотправители и торговцы таким образом сохраняли свою конкурентоспособность, несмотря на учреждение свободного порта в Тилосе в 166 г. до н. э. Более того, появилась возможность предоставлять деньги под высокие проценты и на более короткие сроки, чем это обычно делалось в районах, базировавшихся на сельском хозяйстве. Правда, Полибий считает, что, испрашивая помощь у Эвмена II, родосцы нарушили стандарты благопристойности, поскольку деньги пошли не по прямому назначению, и вообще острой потребности в них не было. Дословно Полибий говорит: «Быть может, частным людям, когда они попадают в стесненные обстоятельства, и дозвоительно принимать деньги от друзей, дабы по скудости средств не оставлять детей своих без воспитания; но богатый человек скорее будет готов на все, лишь бы не заимствовать от друзей деньгами на жалование наставникам. Если государство должно держать себя с большею гордостью, нежели отдельный гражданин, то в такой же мере обязательнее наблюдать достоинство в отношениях государственных, нежели в частных. Требование это применимо к родосцам в полной силе, ибо государственная казна их богата, и они слынут за народ гордый» (Polyb. XXXI. 25).

Возмущение Полибия оправдано: Родос, осознавая свое значение важного торгового центра и военно-морской базы, позволял себе зачастую почти диктовать эллинистическим государям свои экономические требования, например ускорить отправку ранее оговоренных субсидий (Syll. 644). Если материковые города-полисы в основном находились под юрисдикцией Селевкидов, Атталидов, Птолемеев или Антигонидов и определенную долю прибыли должны были отчислять в царскую казну, то, например Родос был полностью финансово самостоятелен. Это позволяло ему даже при сравнительно небольших процентах налогов, аккумулировать значительные денежные запасы, что, в свою очередь, служило базой для проведения благоприятной налоговой политики по отношению к иностранным купцам и делало остров привлекательным в качестве «мирового центра» оборота товаров и капитала. Этому способствовало достаточно либеральное торговое право Родоса.

В 168 г. до н. э. после победы над Македонией римляне провозгласили свободным портом Делос. Это было сделано специально, чтобы лишить экономической самостоятельности Родос, проводивший, с точки зрения Рима, слишком независимую политику. Хотя считалось, что Делос находится под афинским контролем, фактически его правовое положе-

ние полностью зависело от волеизъявления римского сената. Беспешный заход в гавань Делоса обеспечил быстрое превращение острова в центр восточно–средиземноморской торговли. Господство Рима наложило свой отпечаток и на сам характер торговли. Доминирующим товаром на Делосе стали рабы (Strab. X. V. 4).

История эллинистической экономики знала и примеры частной благотворительности. Свидетельством тому являются документы правового характера, регулирующие формы поощрения иностранцев за различные виды финансовой и прочей поддержки различных ассоциаций. Сохранился текст, содержащий декрет в честь перса Бонда, который оказал финансовые услуги гимнастической ассоциации в Египте. В признание его заслуг он ежегодно по царским праздникам в соответствии с данным декретом удостоивался почестей со стороны облагодетельствованной им гимназии, его портретное изображение на памятнике было установлено на ее территории. Сам Бонд и его потомки имели почетное право бесплатно получать атлетическое масло¹.

Различные варианты взаимопомощи участников коммерческого оборота как форма саморегулирования экономических отношений также нашли широкое распространение в эллинистическом мире. Например, подписываемые городами соглашения «симбола», о разрешении споров по договорам между их гражданами, призваны были гарантировать имущественные права кредитора, в случае несостоятельности должника–иностранца и закрепляли принцип ответственности всего полисного коллектива за любого из своих сограждан. Такие договоры предусматривали и порядок процессуального разрешения возможных споров.

Несмотря на стремление государства поставить все сферы экономической деятельности под свой жесткий контроль, это ни в коей мере не препятствовало росту частного капитала, набиравшего обороты по мере расширения торговли.

Римские купцы появились в регионе уже после создания в 166 г. до н. э. свободного порта на Делосе и образования в 130 г. до н. э. провинции Азии. Преимущество римлян было отнюдь не в их праве, которое вряд ли на тот момент превосходило греческое, и не в совершенстве финансовой системы, а в мощной военной машине, позволившей им установить политическое и экономическое господство над Восточным Средиземноморьем. Недаром одними из первых экономических мероприятий Рима после установления господства в регионе стало введение контроля над

¹ Launey M. Recherches sur les armées Hellenistiques. Paris, T. II. 1987. P. 845.

экспортом стратегических товаров, например древесины; над золотой и серебряной горнодобывающей промышленностью; над налоговой системой в целом. Все это свидетельствовало об острой конкуренции на международном рынке, когда экономическая экспансия «шла об руку» с политической и военной. Эллинистические государства пытались защитить свои интересы, занимаясь протекционизмом, вытесняя иностранцев с восточно-средиземноморских рынков, где последние старались всячески закрепиться. Исход решило прямое военное противостояние, положившее конец свободному экономическому развитию региона и превратившее его многоликие государства в унифицированные провинции Римской империи. В качестве исторического наследия эллинизм оставил будущим поколениям прообраз единого экономического пространства, мирового рынка и основ международного частного права.

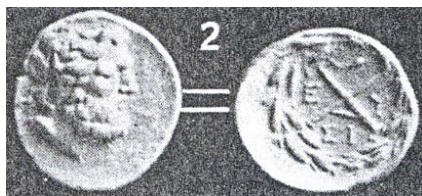
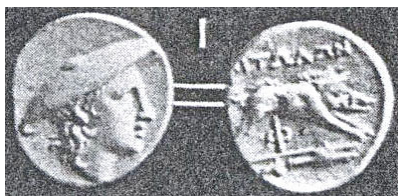
Статер Антиоха III

Монета Филиппа V

Монета Александра
Македонского

Монета Птолемея I

1–2. Монеты Этолийского союза (280 –146 гг. до н. э.)

3. Македонская тетрадрахма Антигона Гоната (или Досона) (Македония)

4. Афинская тетрадрахма 229–197 гг. до н. э. 5. Тетрадрахма Селевка IV (Сирия)

6. Октодрахма Птолемея IV (Египет)

7. Октодрахма Птолемея V (Египет)

8. Тетрадрахма Деметрия (Бактрия). 9. Тетрадрахма Филиппа V (Македония)

10. Тетрадрахма Персея (Македония)

(Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. — Oxford: At the Clarendon Press, 1941. Vol. II. P. 604)

ДИНАСТИЧЕСКОЕ ПРАВО В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

Немаловажное значение в политической жизни имела практика заключения брачных союзов. Этот универсальный для всех времен и народов инструмент дипломатии весьма широко использовался всеми без исключения эллинистическими государствами. История династических связей ведущих эллинистических государств отражает те тенденции межгосударственных отношений, которые были актуальны на каждый конкретный отрезок исторического времени.

Исходные принципы династической политики в царских домах диадохов восходили к Филиппу II Македонскому, а не к Александру. Объясняется это тем, что Александр Великий ввиду скорострительной смерти не успел своим собственным примером создать и закрепить законодательно систему преемственности власти и наследования. «Он сделал только перемены, внес в дела беспорядок и оставил государство в сильном брожении и волнении вследствие непривычки македонян к переменам» (Plut. Alex. XI). Поэтому не было никакой возможности определить ориентиры во внутрисемейных делах молодых династий по его личному примеру. Кроме того, в сознании македонян, воспитанных в архаичных традициях, восходивших к принципам родовой демократии, институт монархии вовсе не ассоциировался с конкретной династией. Для них оставалось неоспоримым, что лишь самый лучший из македонян достоин власти. И лишь достойный власти может передавать ее по наследству.

Тем не менее, нить исторической памяти, которая связывала молодое эллинистическое общество с родовыми обычаями македонского народа, особенно в патримониальных отношениях, была полностью оборвана уже в ходе агрессивной политикой диадохов и, прежде всего, Кассандра. Вынудив войсковое собрание приговорить мать Александра Олимпиаду к смерти, а затем убив Роксану с малолетним наследником в 309 г. до н. э., он тем самым не просто уничтожил законную династию, а фактически перенес право войны на внутрисосударственные отношения. Одновременно была разрушена система легитимного наследования. Диадохи и ранее не могли четко определиться по поводу дальнейшей судьбы царской власти, то предлагали ждать рождения наследника Александра от Роксаны, то пытались создать «Тройной Совет» для коллективного управления государством.

Со смертью последних представителей династии Аргеадов любая возможность традиционной передачи власти отпадала сама по себе. Далее действовали «право войны» и принцип политической целесооб-

разности. Таковыми и определялись в последующем матримониальные связи в среде диадохов и эпигонов.

На заре становления эллинистических государств, диадохи зачастую рассматривали женитьбу на представительницах царских домов как законный путь придания своей власти столь желанных царских регалий. Все брачные союзы, за редким исключением, несли политический характер. Этому правилу следовали уже Пердикка, Антипатр и другие ближайшие сподвижники Александра Великого, целенаправленно строя семейные отношения свои собственные и своих детей. Дочь Антипатра Фила стала супругой Кратера, которого собрание македонской армии назначило управляющим Вавилонией. Вторая дочь вышла за хиларха Пердикку, третья за Птолемея. Политический характер браков не отменял возможности повторных женитьб, если они опять же были политически оправданы.

Пердикка, как сообщает источник, чтобы добавить к своему могуществу царское достоинство, затеял жениться на Клеопатре, сестре Александра Великого, бывшей прежде женой другого Александра; со стороны матери ее, Олимпиады, он не встретил препятствий. Но перед этим он попытался обмануть Антипатра, сделав вид, что хочет породниться с ним. Он притворился, будто ищет брака с его дочерью, чтобы легче получать из Македонии пополнения из новобранцев. Антипатр предугадал эту хитрость, и Пердикка, добиваясь одновременно двух жен, не получил ни одной (Just. XIII. 6. 4–7). Кстати, необходимость получения военной помощи неоднократно фигурировала в качестве определяющей причины при заключении брачных союзов. Поводом для женитьбы Пирра Эпирского на принцессе из дома Птолемеев было желание получить от ее отца вспомогательные отряды из македонян и политическую поддержку для своего государства. Птолемей предоставил Пирру пять тысяч пехотинцев, четыре тысячи всадников и пятьдесят слонов сроком до двух лет (Just. XVII. 2. 1).

Хотя в целом этот пример для Птолемеев не слишком типичен. Эта династия весьма быстро сформировала собственную систему матримониальных отношений, сделав ставку на традиционные для Египта внутрисемейные браки. Это свидетельствовало о желании политически обособиться от остального эллинистического общества. В некоторой степени внешний эффект кровосмесительных связей смягчался обожествлением всех членов династии. То, что не позволено простым смертным, по праву приличествует богам. Новоиспеченные боги стремились защитить себя и свое право на Египет, в том числе, и посредством «династической политики». Таким образом, престиж лагидских принцесс у себя на

родине объяснялся четко выраженным намерением Птолемеев не допустить даже гипотетичной возможности влияния других государств на Египет, сделать его собственностью всего одной семьи. Поэтому в Египте сформировался тип правительницы, сестры и супруги монарха, равной ему по положению в обществе и разделяющей с ним ответственность за политический курс. Такой, например, была Арсиноя II Филадельфа, дочь Птолемея I. Она последовательно была супругой Лисимаха, Птолемея Керавна, а затем (в 275 г. до н. э.) Птолемея II Филадельфа, за которого фактически управляла государством. Отличавшаяся умом и энергичностью она сама планировала военные операции по возврату утраченных в войнах с Селевкидами пограничных территорий. И добилась к 273 г. до н. э. присоединения к Египту Финикии и значительной части малоазийского побережья. Это было время военного триумфа, экономического и политического расцвета государства Птолемеев.

Глава знаменитой Александрийской библиотеки, придворный поэт Каллимах восхвалял добродетель еще одной египетской царицы, супруги Птолемея III Береники. Трогательная история, изложенная в стихах, повествует о том, как молодая царица во время войны её супруга с сирийским царем Селевком II в 246 г. до н. э. дала обет богине Афродите подарить свою косу в случае победы египтян. Птолемей III одолел противника, и Береника возложила свои волосы на алтарь богини. Раздосадованный новым обликом супруги Птолемей, тем не менее, был успокоен придворным астрономом Каномом, указавшим царю на небе созвездие, в которое превратились пожертвованные волосы Береники.

В истории дипломатических отношений не последнее место занимает сама процедура заключения династических браков. Она могла свидетельствовать о равном или неравном положении сторон, о характере внешнеполитических проблем, которые пытались преодолеть партнеры посредством заключения брака.

Надо учитывать, что многие брачные союзы заключались под влиянием конкретной политической ситуации, не всегда дававшей время и возможности для скрупулезного оформления соответствующих договоров. Тем не менее, часто брачные договоры составлялись заранее, и в них обязательно включались пункты о приданом, о будущем правовом статусе невесты и детей, рожденных в данном браке. До наших дней такие документы не сохранились. В источниках присутствуют в основном лишь косвенные указания на ту или иную договоренность между сторонами при заключении брака. Так, в брачном договоре Антиоха II и египетской принцессы Береники предусматривалось, что дети, которые

родятся от этого брака, будут наследниками престола. К тому же, уже состоявшаяся жена могла стать «царицей» лишь в результате специального акта, исходившего от царя и отличного от брачных церемоний. Антиох III отпраздновал свой брак с Лаодикой в Селевкии на Евфрате, а «царицей» провозгласил ее в Антиохии.

Желание использовать институт брака как инструмент политики всегда и во все времена наряду с положительными моментами вносило и значительную сумятицу в международные отношения.

Что же касается в целом института брака в античном обществе, то следует учитывать его характерные особенности, влиявшие, в том числе, и на межгосударственные отношения. Так, грекам было чуждо наше понимание развода. Брак им представлялся свободным союзом. Если муж не изгонял жену из дома или она не покидала его, брак продолжался. Деметрий Полиоркет в 298 г. до н. э. был помолвлен с дочерью Птолемея и Эвридики, однако брак был заключен только по прошествии одиннадцати лет. Недостаток источников не позволяет объяснить мотивы и причины данной ситуации. Известно, что сначала Деметрий вынужден был по настоянию отца Антигона жениться на овдовевшей к тому времени супруге Кратера, дочери Антипатра Филе, которая была примерно на пятнадцать лет старше нового супруга. Плутарх так комментирует ситуацию: «Совершенно юный Деметрий женился, говорят, на ней по совету отца, так как она была ему не парой, гораздо старше его. Когда сын не выказывал охоты, Антигон шепнул ему, по рассказам, на ухо стих Еврипида: Если выгодно, следует жениться и против воли. Он ловко заменил слово "следует быть рабом" однозвучным с ним по окончанию "следует жениться"» (Plut. Dem. XIV).

Фила отличалась множеством добродетелей и умом, позволявшим ей разбираться в политике, однако для Деметрия она оказалась лишь фигурой в дипломатической «игре». Данный союз рассматривался сторонами как залог дружбы между Антипатром и Антигоном. От этого брака родились знаменитый в последующем Антигон Гонат и дочь Стратоника. Последовавшие затем еще два брака Деметрия были прекращены так же по политическим соображениям. Например, брак с дочерью Агафокла Сиракузского Ланассой привнес во владения Деметрия Коркиру и новые перспективы западной политики Македонии за счет связей с Сицилией. Нельзя не отметить замечательный факт: постоянно меняя жен, Деметрий продолжал поддерживать связь с Филой. Таким образом, его семейное состояние можно охарактеризовать как полигамию, что являлось не только следствием личных склонностей

Деметрия, но и свидетельством многократного чередования его политических целей и недостатком собственных средств для их реализации.

С 302 по 300 гг. до н. э. Лисимах был женат на Амастрис, владевшей Гераклеей Понтийской. Это был брак по любви. Однако Лисимах оставил ее, чтобы сочетаться браком с Арсиноей II, дочерью Птолемея I. После этого Амастрис пала жертвой покушения на ее сыновей. Лисимах же использовал этот инцидент для присоединения её страны и города. Таким образом, весьма короткий по продолжительности брак принес Лисимаху ценное владение. Теперь он господствовал и над Гераклеей, что было важно для доминирования на Черном море.

На первый взгляд царские браки не отличались фундаментально от браков простых граждан: тесть и зять заключали соглашение, из которого следовало, что отец отдает дочь, сопровождаемую приданым. Эта схема была действительна во времена диадохов даже для царей, которые практиковали многобрачие; то есть новое брачное обязательство не вынуждало их отвергать одну или нескольких предыдущих супруг. Правда, Лагиды, как говорилось выше, отдавали предпочтение моногамии, исключения из которой в их семье были редки.

В 324 г. до н. э. на свадьбе в Сузах Птолемей Лаг сочетался браком с персидской принцессой, однако история продолжения этого брака не известна. В 321 г. до н. э., он женился на Эвридике, дочери Антипатра. В это время он уже фактически осуществлял царскую власть, признанную другими диадохами. Это дает основание расценивать в качестве законного царского брака именно второй, заключенный Птолемеем после обретения им фактически царского положения. Новый брак с дочерью Антипатра имел политический смысл для обеих сторон. Ничего не известно о приданом Эвридики, но нет оснований сомневаться, что оно было. Невеста прибыла в Египет, сопровождаемая роскошным эскортом, и была официально передана супругу. Таким образом, видны два акта, имеющие юридическое значение: соглашение, заключенное между Птолемеем и Антипатром и торжественная передача супруги на руки царю. Эвридика была, очевидно, единственной законной женой Птолемея до 287 г. до н. э., когда он отверг ее ради брака с Береникой. Со смертью Антипатра прежний союз не имел больше политической ценности и мог быть расторгнут без риска.

Когда несколькими годами позже появилась потребность в политическом сближении с Македонией ради сдерживания честолюбивых намерений Селевка I, Птолемей II устанавливает связи с Лисимахом, сочетаясь браком с его дочерью Арсиноей. Брак был заключен при-

мерно по тем же правилам, что и у Птолемея I с Эвридикой. Арсиноя так же торжественно была сопровождена в Египет. Когда же она оказалась отвергнута, как и Эвридика, то продолжала пользоваться уважением, сохраняя в своем Коптском княжестве даже царское звание. Можно ли из этого заключить, что формально она не была отвергнута, и что брак оставался действительным? Скорее всего, нет. Желание мужа расстаться с прежней женой ради вступления в новый брак являлось достаточным основанием для расторжения предыдущего брака. Особенности положения Арсинои объясняются необходимостью бережного обращения с матерью законных наследников царской власти. Такая же классическая форма царского греческого брака повторно появилась в Египте только через столетие. Речь идет снова о союзе, основанном на политической необходимости, и который должен был ограничить негативные последствия поражения, понесенного египтянами от Антиоха III на поле битвы при Панионе. Антиох же стремился к сближению династий, предвидя борьбу против Рима. Юный Птолемей V уже в возрасте тринадцати–четырнадцати лет был официально признан совершеннолетним. Поэтому нет оснований сомневаться, что он мог заключить контракт с Антиохом III в 196/195 г. до н. э., который составил юридическое основание брака. Трудно сказать, шла ли речь просто о принципиальном согласии или, собственно говоря, о контракте как юридическом документе, фиксирующем участие в договоренности обеих заинтересованных сторон. Во всяком случае, подписание контракта само по себе еще не означало того, что брак состоялся. Точно известно, что имелось предварительное соглашение, и что брак между Птолемеем V и Клеопатрой I был заключен двумя или тремя годами позже в Рафии в присутствии отца невесты Антиоха III. Его непосредственное участие в свадьбе дочери, без сомнения, придавало более церемониальный характер всей процедуре, чем передача невесты будущему супругу родственником, другом или послом.

Приданое Клеопатры составляла пограничная область Келесирия, которая являлась предметом взаимных территориальных претензий двух династий. Во всяком случае, вопрос именно об этой территории всплыл в переговорах при попытке дипломатическим путем разрешить очередной конфликт уже при следующем поколении правителей. Полибий рассказывает, как к Антиоху IV во время его вторжения в Египет прибыли с посреднической миссией по просьбе Птолемея послы от ахейцев, афинян, милетцев, которые старались примирить враждующие стороны, напоминая, в том числе, и о родственных узах дина-

ствий. Однако Антиох отверг факт состоявшегося, по словам александрийцев, соглашения между недавно умершим Птолемеем Эпифаном и Антиохом III, в соответствии с которым Птолемей V должен был получить в приданое Келесирию, когда брал в жены Клеопатру, дочь Антиоха III и мать нынешнего египетского царя Птолемея Филометора (Polyb. XXVIII. 20. 8–10).

Об этом приданом есть короткое упоминание у Аппиана. Он сообщает, что Антиох III, зная, что надо скрывать свои намерения относительно войны с римлянами, предусмотрительно связал браками близких ему царей: в Египет Птолемею он послал Клеопатру, имевшую прозвище Сира, в качестве приданого отдав Келесирию, которую сам отнял у Птолемея (App. XI. 5). Видимо, позже Антиох IV попытался разрешить очевидную коллизию между нормами династического права, и «правом войны». Последнее на тот момент было более приемлемо для урегулирования ситуации в нужном для царя русле.

При заключении браков между Селевкидами и Птолемеями одно время четко прослеживалась закономерность, в соответствии с которой прибыль от брачного договора принадлежала стороне, отдающей женщину, а не тому, кто ее получает. Брак Антиоха II с египетской принцессой Береникой стал последствием временной гегемонии Птолемеев. Затем Антиох III воспользовался своими военными успехами, чтобы заставить сочетаться браком Птолемея V со своей дочерью Клеопатрой. Позже опять египтяне взяли инициативу в свои руки: Птолемей VI Филометр во время восстановления могущества Египта навязал брак со своей дочерью Клеопатрой Теей царю из династии Селевкидов Александру Бала.

Изначальное юридическое доминирование мужчины, характерное для греческих патримониальных отношений, со временем утрачивает свою незыблемость под давлением опять же политической необходимости. Так, для брака Клеопатры II и Птолемея Евергета II, заключенного в 146 г. до н. э., характерно преобладающее положение женщины. Клеопатра II к тому моменту уже была царицей, и этот брак был ей навязан как компромисс, чтобы избежать гражданской войны. Оба супруга, таким образом, оказались равны и заключили взаимное обязательство. Нет необходимости в приданом для женщины, которая является царицей Египта, и которая собирается ею оставаться. Единственным юридическим основанием в таком браке, по всей видимости, является проявленное обоими супругами желание жить и править вместе как царь и царица Египта.

Селевкиды же придерживались противоположной политики в семейных делах и широко использовали институт брака для налаживания

связей с внешнеполитическими партнерами. Селевкидскими царицами становились отнюдь не только представительницы царских домов Македонии и Египта. Известно, что уже Селевк I заключил во время своего азиатского похода брачный союз с индийским царем Чандрагуптой. Правда, источники по-разному объясняют суть этого союза. Страбон просто говорит, что Селевк вернул Чандрагупте земли арианов, когда то отнятые Александром Великим, и заключил с индийским царем соглашение о взаимных браках (Strab. XV. II. 9). То есть речь могла идти о формальной договоренности по поводу возможных совместных браков двух династий. Аппиан же как будто бы говорит о некоем конкретном брачном союзе: «...перейдя реку Инд, он воевал с царем живущих по берегу этой реки индийцев, Андрокоттом, пока не заключил с ним дружбы и брачного союза» (App. XI. 55).

Со времени основателя династии Селевка I все его наследники весьма серьезно относились к своим матримониальным связям с азиатскими династиями. Это не случайно. Селевкиды единственные из ведущих эллинистических царских домов имели корни азиатского происхождения. В отличие от Птолемея Лага, не заботившегося о своей иранской супруге, полученной от Александра во время знаменитой интернациональной свадьбы в Сузах, Селевк вместе с Апамой, дочерью иранца Спитамена, которую, не в пример своим товарищам, он не оставил и уважительно относился к ней, основал настоящую ирано-македонскую династию. От этого брака родился Антиох I, будущий законный царь. В отличие от Птолемеев, у которых не было ни капли египетской крови, Селевкиды могли восприниматься персами как законные цари, в любом случае, они не были абсолютными иностранцами. Однако это не стало правилом для Селевкидов, и уже сам Селевк для укрепления связей с македонской династией сочетался в 299 г. до н. э. повторным браком с дочерью Деметрия Полиоркета и Филы Стратоники. Этот брак был необходим Селевку из желания привлечь Деметрия на свою сторону в качестве союзника. Он знал, что подобные «стратегические» брачные союзы заключила семья его противника Лисимахы с Птолемеями. Кроме того, налицо стремление царя посредством брачно-семейной политики обеспечить поддержку своего македонского окружения.

Деметрий и его супруга Фила старались сопроводить невесту до самой Сирии, несмотря на опасную высадку на побережье Киликии, находившемся в руках враждебного правителя Плистарха (Plut. Dem. XXXI). Правда, у Деметрия для такого риска были особенные причины, он стремился провести переговоры с Селевком. Но, что бы там ни было,

торжественная передача девушки ее будущему супругу состоялась. То, что Стратоника оказалась «разменной монетой» в мужской игре, доказывает зависимое и даже в определенной степени бесправное положение селевкидских цариц в отличие от их египетских «сестер».

Неизвестно, была ли еще жива Апама, когда Селевк ввел в дом Стратонику. Со Стратоникой связан весьма неординарный и в то же время поэтичный эпизод династической истории. Сын Селевка I Антиох влюбился в молодую мачеху, правда, уже имевшую ребенка от Селевка. А поскольку для Селевка главным было сохранить династию и мир в семье, он уступил Стратонику сыну (Plut. Dem. XXVIII; App. XI. 61). Юридическое оформление этой акции было опосредовано собранием армии. Пожалуй, это был один из последних случаев, когда армия, олицетворявшая собой народ и старые македонские традиции, принимала непосредственное участие в решении династических вопросов. И это, пожалуй, первый случай в мировой литературе, когда повествование идет о талантливом враче (в данном случае Эрасистрате), правильно и вовремя распознавшем причины угасания жизненных сил царевича, страдающего от запретной любви.

Следующей серьезной династической сделкой Селевкидов стал брак Антиоха II и сестры Птолемея Эвергета Береники. Победоносные на тот момент Птолемеи навязали свое господство Селевкидам, и Антиоху волей-неволей пришлось отказаться от первой супруги Лаодики. Брак с Береникой был подготовлен заранее, о чем свидетельствует дата развода с Лаодикой 254 г. до н. э., при том, что Береника прибыла в Сирию лишь весной 252 г. до н. э. Можно допустить, таким образом, наличие предварительного соглашения о браке, в ходе заключения которого была оговорена сумма приданого. Вероятно, оно оказалось весьма значительным, так как принцесса получила прозвище «*Phernophore*» (Приносящая приданое). На пути в Сирию ее сопровождал пышный кортеж, при котором находились министр египетского двора Аполлоний и птолемеевский лейб-медик Артемидорос.

Следует сразу упомянуть, что подобная церемониальная практика не исключала активного участия в ней представителей третьих государств, желавших подчеркнуть свои дружественные отношения с династиями, заключавшими брачный союз. Так, Родос, стремясь поддержать весьма шаткое политическое равновесие в регионе после поражения Филиппа V от римлян, принял непосредственное участие в брачной церемонии нового македонского царя Персея с селевкидской принцессой. Родосцы проводили на своих кораблях невесту к Персею, за что

получили от него дары в виде корабельного леса и золотых головных уборов для гребцов (Polyb. XXV. 4. 7–10). При этом они прекрасно понимали, что подвергают серьезной опасности отношения с Римом, который одинаково неприязненно относился и к Селевкидам, и к Антигонидам. Однако желание сохранять хорошие отношения с главными торговыми партнерами пересилило опасения и родосцы с должным благочестием довели дело до конца.

Благодаря Полибию, сохранилась достаточно полная информация о браке Антиоха III и Лаодики, дочери Митридата II Каппадокийского. Лаодика была привезена сирийским адмиралом Диогнетом в Селевкию подле Зевгмата, где была передана царю. У церемониального приема в Селевкии не было юридического значения. Лаодика, юридически стала супругой Антиоха только тогда, когда все свадебные обряды были полностью выполнены. Из чего состояли эти обряды (*gamos*), Полибий не упоминает. Но они действительно были важны, поскольку, уже будучи фактически супругой царя, Лаодика еще не была царицей. Таковой она стала только в Антиохии после специальной церемонии. Таким образом, Полибий точно указывает этапы изменения статуса Лаодики: прибыв в Селевкию, она вышла из-под опеки своего отца и оказалась под опекой Антиоха, представленного его адмиралом. Некоторое время она пребывает в неопределенном положении, которое Полибий характеризует как «призванная именем супруги», что означало, что она предназначена стать супругой царя. Это следует понимать в том смысле, что Лаодика формально уже считается супругой, но реально станет ею только после празднования бракосочетания в Селевкии (Polyb. V. 43. 1–5). Все это подчеркивает исключительную важность свадебных церемоний, фиксирующих стадии изменения статуса вступающих в брак.

Брачная политика Антиоха III отличалась от той, которую проводили первые эллинистические правители. Он попытался решить задачу сохранения власти в руках семьи за счет внутридинастического брака своих детей Антиоха и Лаодики, а также за счет собственной женитьбы на обычной мещанке. Вообще, не все невесты Селевкидов были царской крови. Это относится к Лаодике, супруге Антиоха II по первому браку, и Лаодике, супруге Селевка II. Что касается женитьбы Антиоха III на обычной девушке из Халкиса, то в данном случае следует учитывать два момента. У Полибия решение Антиоха о женитьбе представлено как мелочный каприз и почти сумасшествие царя-пьяницы (Polyb. XX. 8). Действительно, на фоне все более обострявшейся политической обстановки, нараставшей угрозы со стороны Рима женитьба уже немолодого

царя по любви, сопровождавшаяся затяжным празднованием и отходом от дел, могла выглядеть как предвестие заката Селевкидов. Ничего не известно и о судьбе прежней супруги царя Лаодики. Однако пышная церемония, сопровождавшая женитьбу Антиоха III на мещанке предполагает, что он должен был официально просить руки девушки у ее отца Клеоптолема. Вероятно, последнее было важно для того, чтобы подтвердить законность брака, иначе ни армия, ни двор, ни собственный отец невесты не рассматривали бы ее как законную супругу царя. Если учесть, что царь мог просто превратить понравившуюся мещанку в наложницу, но вместо этого вступил с ней в законный брак, то напрашивается вывод о его желании продемонстрировать публично свое почтительное отношение к обычаям, уважение к свободному человеку. В итоге складывается определенная политическая линия, суть которой в желании Антиоха III заручиться поддержкой местного греческого населения перед решающей схваткой с Римом.

Иногда действительно сложно определить, чего в том или ином брачном союзе больше: матримониальных отношений или политической и военной стратегии. Клеопатра IV, насильно разведенная по решению матери-регентши Клеопатры III со своим мужем и братом Птолемеем VIII Сотером II, вышла замуж в Сирии за Антиоха IX Кизикского (Кизикена). Желая не только назваться его женой, но и принести ему что-нибудь, она подговорила войска, расположенные на Кипре, которыми, возможно, командовал ее брат Александр, и привела их с собой к Кизикену в качестве приданого (Just. XXXIX. 3. 1–3; Paus. I. 9. 2). Этот брак, кстати, свидетельствовал и о постепенной эволюции юридических оснований селевкидских браков. Традиционный брак, подразумевавший контракт между отцом невесты и женихом и сопровождавшийся обязательными свадебными церемониями, продержался до Антиоха III. Египетские супруги добавили в династические представления Селевкидов понятие о самостоятельности женщины в инициативе заключения брака. Закат династии Селевкидов ознаменовался, в том числе, и приобщением к египетским брачным традициям, которые принесли с собой в Сирию невесты из дома Птолемеев. Показательным примером является брачная история египтянок Клеопатры Теи, последовательно сменившей нескольких мужей из дома Селевкидов: Александра Баласа, затем братьев — Деметрия II и Антиоха VII Сидета; Клеопатры Селены, ставшей женой Антиоха VIII, затем его брата Антиоха IX и, наконец, сына последнего — Антиоха X. Все это в определенной степени свидетельствовало об усилении влияния Птолемеев на династические дела Селевкидов.

О заключение брака Александра Баласа с египетской принцессой Клеопатрой Теей есть сведения в Библии: «...Александр отправил послов к Птолемею, царю Египетскому, с такими словами: "я возвратился в землю царства моего и воссел на престоле отцов моих, принял верховную власть, сокрушил Димитрия и стал обладателем страны нашей. Я вступил с ним в сражение, и он разбит нами и войско его, и воссели мы на престоле царства его. Итак заключим теперь дружбу между нами, и ты дай мне дочь твою в жену, и буду я тебе зятем и дам тебе и ей дары, достойные тебя". И отвечал царь Птолемей так: "счастлив день, в который ты возвратился в землю отцов твоих и воссел на престоле царства их. Ныне я исполню для тебя то, о чем ты писал, только ты выйди ко мне в Птолемаиду, чтобы нам видеть друг друга, и я породнюсь с тобою, как ты сказал". И отправился Птолемей из Египта сам и Клеопатра, дочь его, и прибыли в Птолемаиду, в сто шестьдесят втором году. Царь Александр встретил его, и он выдал за него Клеопатру, дочь свою, и устроил брак ее в Птолемаиде, как прилично царям, с великою пышностью» (I Мак. 10. 51–58). Таким образом, египетский царь Птолемей Филометр явился собственной персоной из Египта для непосредственного участия в заключении брака. Соглашением на этот брак Александр Балас признавал политическое первенство Египта на тот момент. В Библии упомянуто даже предварительное соглашение, которое было достигнуто путем переписки, что подтверждает его дипломатический характер.

Когда Клеопатра Тея сочеталась браком со своим шурином Антиохом Сидетом, она обладала реальной властью, так как Деметрий находился в плену у парфян, а она выполняла роль регентши. Соответственно только она сама могла предложить свою руку шурина и заключить с ним добровольный союз.

Не удивительна поэтому политическая активность Клеопатры Теи. Ее изображение всегда присутствовало на монетах рядом с портретом царя. Когда она действительно взяла власть в свои руки в 125 г. до н. э. в качестве регентши и опекунши Антиоха Гриппа, это ознаменовалось появлением тетрадрахм с ее изображением и легендой. Хотя, надо учитывать, что даже у этой царицы никогда не было реальной возможности управлять страной исключительно от своего собственного имени.

В целом же для династии Селевкидов, в отличие от Птолемеев, не была характерной активная роль цариц в политике, но при этом они являлись действенным инструментом администрирования, выполняя функцию поддержания связей с автономными греческими городами. В декрете Милета в честь царицы Апамы говорится: «Постановлено

советом и народом. Так как царица Апама оказывала и раньше частое расположение и заботу по отношению к милетянам, воюющим вместе с царем Селевком, и ныне проявила особую заботу, когда к ней прибыли посланники, которых призвал от нас царь Селевк, относительно строительства храма в Дидимах...»¹. Благосклонность царицы рассматривается милетцами как проявление государственной воли, потому и отмечена особым декретом.

Забота о слабых и беззащитных, прием просителей, заступничество при посредничестве царской власти, такой была общественная роль царицы. Только в исключительных случаях, когда правитель, например находился в далеких провинциях или военном походе, царица могла полностью отвечать за выполнение административных функций. Именно такую роль выполняла Лаодика во время похода Антиоха III в «верхние» сатрапии, за что удостоилась почестей и своего собственного культа. По распоряжению царя имена верховных жриц царицы в обязательном порядке должны были упоминаться в контрактах после имен верховных жрецов царя.

Царские браки династии Атталидов характеризовались традиционностью. Среди царских невест встречались и обычные мешчанки, как Аполлониада из Кизика, супруга Аттала I, которую царь получил из рук опекуна. Данная тенденция свидетельствовала об откровенном желании Атталидов обособиться и проводить независимую политику, избегая влияния со стороны Селевкидов и Антигонидов. Так, Эвмен II отклонил предложенный ему Антиохом III брак с его дочерью, так как не хотел зависеть от более сильного соседа и предпочел политический союз с Римом, с которым Селевкиды как раз находились в конфронтации (App. XI. 5). Однако именно сложные взаимоотношения с Римом подтолкнули пергамского царя посредством брака с дочерью Ариарата Каппадокийского заручиться поддержкой этого государства.

Отсутствие каких либо источников, содержащих сведения о процедуре заключения браков пергамскими царями и о соответствующих церемониях, наводит на мысль о достаточной их скромности. Пожалуй, единственным пропагандистским актом Атталидов, связанным с семейными отношениями и направленным на повышение престижа династии, можно считать популяризацию образа Аполлониады, супруги Аттала I, матери Эвмена II. Будучи не царского рода, она заслужила похвалы сов-

¹ Греческий текст декрета см.: Vatin C. Recherches sur le mariage et la Condition de la femme Mariee l' époque Hellenistique. Paris. 1970. P. 101–102.

ременников образцовым поведением супруги и матери, заботящейся о благополучии семьи, а, следовательно, всего государства. Недаром Полибий, так много внимания уделяющий в своем труде моральным поучениям, делает ей целое посвящение, упоминая, что она, став царицей, сохранила за собой это достоинство до самой кончины скромностью и обходительностью, серьезным и благородным характером. Полибий подробно описывает знаки уважения, оказанного царице—матери ее сыновьями, когда при посещении Кизика они, поддерживая ее за руки с обеих сторон обошли все храмы и город (Polyb. XXII. 20). Конечно, позитивный образ Атталидов, созданный Полибием, можно считать элементом проримской пропаганды. Пергам был союзником Рима в борьбе с Селевкидами и Антигонидами. С другой стороны, традиция уважения к царице—матери будет поддерживаться и следующим поколением Атталидов. Аттал III возьмет себе имя Филометр, то есть «Любящий мать».

Однако далеко не все в семейных отношениях монархов достойно подражания. История эллинизма знает достаточно примеров, когда семейные и политические интересы приходили в полное противоречие и вели к пагубным как для отдельных людей, так и целых народов последствиям. Сын Селевка IV Деметрий враждебно относившийся к Ариарату Каппадокийскому за то, что тот по настоянию Рима отверг брак с его сестрой, попытался свергнуть несостоявшегося зятя с престола и сделать царем его брата Ороферна (Just. XXXV. 1. 2–3; Diod. XXXI. 28).

К концу эпохи эллинизма в династических отношениях все чаще проявлялись тенденции откровенного и ничем не оправданного авантюризма, что привносило в международные отношения лишнюю дезорганизацию, не способствуя стабилизации политической обстановки. Страбон дважды упоминает о брачной афере некоего Архелая. После изгнания александрийцами нелюбимого ими царя Птолемея Авлета царицей была провозглашена его старшая дочь. По вступлении её на престол в мужья царице пригласили некоего Кибиосакта из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей. Однако уже через несколько дней он был задушен по приказу царицы, которая не в состоянии была переносить грубость и низость его характера. В это время и появился некий Архелай, представившийся сыном понтийского царя Митридата Евпатора. В то время он собирался с римлянами отправиться в поход против парфян, однако, вместо этого тайно был проведен какими—то людьми к царице и провозглашен царем. Однако в ход событий вмешались римляне. Помпей, приняв Авлета, который прибыл в Рим, рекомендовал его сенату и добился восстановления его на престоле. После возвращения на

престол Птолемея погиб не только Архелай, но и его супруга. Прощав еще немного времени, Птолемей скончался от болезни. После его смерти разгорелась борьба между наследниками, в которой Рим принимал уже непосредственное участие. Трон достался старшей из детей, знаменитой Клеопатре VII, после бурного правления которой Египет окончательно отошел к Риму (Strab. XVII. I. 11; XII. III. 34).

Царь Кирены Магас, получивший когда то Кирену в управление от своего отчима Птолемея I, перед смертью, чтобы покончить распрю со своим братом Птолемеем, просватал за его сына, будущего Птолемея III Эвергета I, свою единственную дочь Беренику. Однако после смерти царя мать девушки, чтобы расстроить брак, о котором договорились против ее воли, отправила посланцев, которым поручила пригласить из Македонии для женитьбы на ее дочери и для занятия царского престола в Кирене Деметрия, сына Деметрия Полиоркета и внука Птолемея от его дочери Птолемаиды. Однако Деметрий, слишком надменным поведением вызвал недовольство и даже ненависть со стороны населения Кирены и солдат. В следствие этого общественное мнение склонилось в пользу сына Птолемея, а Деметрий вместе с матерью невесты были убиты в результате заговора (Just. XXVI. 3).

Последний яркий эпизод истории эллинистических династий связан с именем легендарной египетской царицы Клеопатры VII. Волей судьбы она стала главным персонажем в драме, разыгравшейся на завершающем этапе покорения Восточного Средиземноморья Римом.

Греко-македонянка по происхождению, она единственная из династии свободно владела языком египетского народа, которым управляли Птолемеи. Талантливая, образованная и обаятельная всю свою энергию Клеопатра вложила в реализацию идеи возрождения величия Египта и даже попыталась, манипулируя своим влиянием на Цезаря и Антония, стать владычицей Рима. Это весьма знаменательный факт, поскольку после Александра Македонского, никто из эллинистических владык не был так близок к реализации цели объединения под одной властью всего Средиземноморья. Но, как и на заре эллинизма, грандиозный план оказался сорван провидением. Несостоявшаяся «царица мира» погибла, как и Александр Великий, в расцвете сил. И Александрия оказалась последней гаванью для «корабля великих надежд» и посмертным пристанищем для первого и последнего из эллинистических монархов, Александра и Клеопатры.

Завершилась история эллинистических династий, а вместе с нею и важнейший этап в развитии международных отношений. Ведь специфика династических отношений состоит в том, что они даже вопреки

желанию самих представителей царских домов всегда имеют определенное международное значение и последствия. Особенно это заметно в период заката династий, когда к внутривнутриполитическому кризису добавляется внешнеполитическое давление со стороны более сильных соседей. В результате зачастую на политической карте происходят весьма значительные изменения.

Птолемей и Арсиноя
Камея Гонзага (III в. до н. э.)

Арсиноя II Филадельфа, дочь Птолемея I, поочередно супруга Лисишаха, Птолемея Керавна, а затем Птолемея II Филадельфа.

ЦАРСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ: РОЛЬ ЧАСТНОГО ПРАВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Semel heres semper heres
(Наследник единожды —
наследник навсегда)

Историческая традиция относит первый раздел империи Александра Македонского к 323 г. до н. э. Состоялся он, можно сказать, прямо у одра умершего царя в Вавилоне (Just. XII. 15). Дальнейшая судьба империи оказалась в руках военной верхушки. Как сообщает источник, полководцы явились во дворец в полном вооружении, чтобы установить какой-то определенный порядок (Just. XIII. 2. 4). Под установлением определенного порядка можно понимать стремление получить свою часть наследства, в праве на которое сподвижники царя ничуть не сомневались. На тот момент с правовой точки зрения сложилась уникальная ситуация. Традиционные нормы, определявшие право наследования, в данном случае оказались неприемлемыми. Они не были рассчитаны на урегулирование отношений, в которых участвовало невероятное число столь разнохарактерных наследников: представителей царской семьи Аргеадов, из которой происходил сам Александр; его жен, законных и незаконных, царских и весьма «сомнительных» кровей; их потомства, уже произведенного на свет и еще не успевшего до смерти отца родиться, как было с сыном бактрийской жены царя Роксаны. Наиболее последовательным сторонником сохранения единства державы и правления Аргеадов выступал ближайший сподвижник Александра Пердикка, получивший из рук умирающего царя кольцо с царской печатью. Он настаивал на совместном правлении умственно неполноценного брата Александра, Филиппа Арридея (правил с 323 по 317 гг. до н. э.), и малолетнего сына великого полководца, Александра IV (правил с 317 по 310 гг. до н. э.). Такой, возможно и не слишком то убедительный, но законный вариант наследования гарантировал сохранение власти над всей империей за царским домом Аргеадов. Однако любые рассуждения о степенях и линиях родства при определении законных наследников имели бы смысл только в том случае, если бы речь шла о стабильной политической ситуации, отлаженном государственном и правовом механизме. Подвести же под имперские «размеры» весьма архаичное македонское наследственное право оказалось делом неблагодарным и невозможным. Кроме того, сама «наследственная масса»

не подлежала никакому учету в силу своей масштабности. Разумеется, полководцы Александра, своей доблестью помогавшие в обретении ее, не могли и мысли допустить, что вся она отойдет достаточно сомнительному сборищу наследников, среди которых не было никакой возможности установить хотя бы примерный порядок преемства. Все это давало повод в разрешении этого, казалось бы, внутрисемейного и династического вопроса обратиться к «праву копья», применявшемуся обычно только в межгосударственных спорах. В данных условиях оно казалось куда более действенным, чем формализованное право.

К тому же никогда ранее решение вопросов наследования не имело столь большого международного резонанса. И это понятно, решалась судьба множества стран и народов, которые совсем недавно были объединены в границах одного государства и пока еще не восприняли в должной степени идею совместного сосуществования. Отсутствие исторической традиции существования столь грандиозных империй дало повод окружению Александра вернуться к идее восстановления обособленных менее значительных государств, тем более что это позволяло удовлетворить интересы наиболее деятельных и амбициозных друзей царя. Последняя попытка Пердикки пресечь сепаратистские поползновения бывших соратников закончилась его собственной гибелью в 321 г. до н. э. в Египте. Последовавшее за этим ускоренное и искусственное с точки зрения любых правовых оснований деление наследства Александра диадохами не могло и далее не вызывать серьезных препирательств, которые неизбежно выливались в кровавые войны. Подобный подход к решению наследственных споров сделал неизбежным попрание элементарных норм и обычаев преемственности власти. Эти настроения нашли отражение и в откровенно агрессивной политике Кассандра, нацеленной не просто на отстранение от власти матери Александра царицы Олимпиады, но и на прямое уничтожение ее, а также бактрийской супруги Александра Роксаны и ее сына. Кассандр прибег к обычной для Македонии практике разрешения внутривластных конфликтов посредством вмешательства армии, олицетворявшей собой весь македонский народ, правда, извратив ее до преступления. Войсковому собранию принадлежала прерогатива вынесения приговоров по делам о государственной измене. Видимо, именно это обвинение было выдвинуто Кассандром против Олимпиады, с тем чтобы руками армии убрать ее в политической арены как опасного конкурента. Роксана и её малолетний сын содержались под стражей в Амфиполе, а затем в 309 г. до н. э. были убиты.

Сын Александра и Борсины пал жертвой Полиперхона. Таким образом, законных наследников по прямой линии не осталось. Это окончательно развязало руки амбициозным полководцам, стремившимся реализовать свои претензии на власть. После совершения откровенных преступлений против царского дома Македонии все они приняли царские титулы, включая «кровоавого Кассандра», одновременно продолжая враждовать друг с другом.

То, что данные убийства были на руку всем диадохам — бесспорный факт. Другое дело, что решившийся на злодеяние Кассандр поставил тем самым себя вне закона. Его стратегия движения к власти не отличалась приверженностью каким-либо признанным нормам политической жизни, однако, свидетельствовала о стремлении манипулировать правовыми средствами, хотя и явно в противозаконных целях.

Ответственность за убийство членов правящей династии, как, впрочем, и вообще за любое убийство, в любых исторических условиях в цивилизованном обществе не может быть ограничена нормами гражданской морали. Однако на тот момент использовать правовые санкции было некому. Поэтому факт остается фактом: убийца и его пособники остались безнаказанными. В этом состоит особенность переломных, кризисных моментов истории, когда преступники с легкостью уходят от ответственности в силу общей напряженности политической ситуации и «недееспособности» государственного аппарата.

Действия же остальных претендентов на власть приобрели оттенок политической игры, одним из аргументов которой стало требование восстановить порядок и отомстить нарушителю закона. Сложность и пикантность ситуации как раз и состоит в том, что институты, издревле известные лишь как частно-правовые, в данном случае имели результатом своей реализации публично-правовые последствия. Такое возможно лишь в условиях абсолютизма, когда целые государства признаются собственностью отдельных людей. Возникает вопрос, когда у македонских полководцев и, тем более, у греков, сознание которых формировалось вне традиций абсолютизма, успело устояться представление о праве частного лица на решение судеб целых народов? Ответ напрашивается сам собой: все ранее существовавшие морально-правовые установления были стерты войной, причем великой войной, не имевшей аналогов за всю историю античной цивилизации. Именно война породила новые правила политической жизни. А «право войны» послужило инструментом деления наследства, в результате чего возникла система эллинистических государств.

Вместо одного огромного государства на политической карте возникло сразу несколько достаточно мощных государственных образований, границы которых еще долгое время перекраивались, а отдельные территории так до конца существования всей эллинистической системы и оставались предметом постоянных споров и военных конфликтов. Причем, в ходе борьбы за эти территории, диадохи и эпигоны постоянно ссылались в качестве юридического аргумента на факт наследственного деления, описанного выше. Нужно отдать должное их дипломатической ловкости, оперативности мышления, широте кругозора и образованности. При всей беспринципности моральной позиции и используемых средств они смогли достаточно быстро сформировать действенный аппарат межгосударственного общения. Его основу составило восходящее к глубокой архаике обычное право, дополненное столь популярным в эллинистический период «правом копья» и религиозными нормами.

Постепенно укрепляя власть, диадохи и их наследники эпигоны озаботились дальнейшей легитимизацией своих наследственных прав. В эллинистических царских домах сложилась формально закрепленная система наследования, которую можно считать эллинистическим династическим правом. В основе своей она восходила к македонской традиции. В соответствии с ней власть над государством наследуется одним правомочным лицом. Право наследования властных полномочий предполагает переход к наследнику всех юридических прав в отношении наследственной массы, в данном случае, государства с его территорией и материальными ресурсами. И здесь виден явный отход от пагубной тенденции подмены наследственного права «правом копья». Кроме того, наметилась тенденция путем завещаний сохранять и укреплять систему управления, сформированную при царе-наследодателе. Антигон Досон, по выражению Полибия, перед смертью «прекрасно позаботился о будущем устройении всех дел». Он оставил завещание, в котором представлял отчет македонянам в своем управлении, а вместе с тем давал указания относительно будущего: каким образом и какие личности должны вести отдельными частями управления (Polyb. IV. 87. 6–8).

Поначалу практика наследования в ведущих эллинистических царских домах свидетельствовала о стремлении в целом придерживаться норм наследственного права, учитывавших линии и степени родства. Царская власть передавалась по мужской линии с соблюдением принципа старшинства (Polyb. V. 40. 5; App. XI. 66). Но со временем

фактор персонификации власти стал играть определяющую роль. Установленный традиционным правом порядок передачи власти в любом случае мог быть изменен по воле царствующего монарха. Такое положение не могло не отражаться на межгосударственных отношениях, особенно если принимать во внимание родственные связи большинства новых династий.

Наиболее показательным примером влияния династических связей и наследственного права на международную политику являются отношения Селевкидов и Птолемеев. Две династии, постоянно оспаривавшие друг у друга территории и право на доминирование в регионе, тем не менее, никак не могли отказаться от укоренившейся традиции заключения совместных браков. Естественно, это порождало не только накал страстей, путаницу в престолонаследовании и правах на территории, но и целые войны, каковой была, названная по имени одной из цариц, война Лаодики (Третья Сирийская война). Лаодика, супруга Антиоха II, дочь Ахея была оставлена царем ради его женитьбы на дочери Птолемея II Беренике. При этом были лишены права наследования дети Лаодики. Однако перед смертью, в 246 г. до н. э., царь примирился с Лаодикой и признал права ее детей, чем была создана по сути правовая коллизия. Лаодика жестоко отомстила египетской сопернице и ее детям, стремясь устранить их от наследования власти, что послужило поводом для очередной войны Селевкидов с Птолемеями в 247–246 гг. до н. э.

В конце II в. до н. э. последний представитель боспорской династии Спартокидов Перисад отказался от своего престола в пользу понтийского царя Митридата VI Евпатора. Причиной тому послужил политический и экономический кризис государства, с которым правящая верхушка не смогла справиться самостоятельно. Население царства ответило на этот акт мощным восстанием. После его подавления Митридатом Боспорское государство находилось под юрисдикцией этого царя до победы над ним Рима в 64 г. до н. э.

Абсолютизм, столь естественный для Востока и эллинистических государств, в конце концов, был принят и Римом, как единственная форма правления, позволявшая держать в подчинении привыкшие к ней народы. Однако тот же абсолютизм накладывал отпечаток и на судьбу самих династий. Преемственность власти в таких государствах требовала жесткого регулирования, а в период эллинизма единая четкая схема наследования так и не установилась. Зачастую она подменялась широко практиковавшимися убийствами законных наслед-

ников, политическими спекуляциями и вмешательством иностранных государств. Роль международного признания прав на наследование царского престола и власти над государством особенно явно прослеживается в случаях прихода к власти царских внебрачных детей. Александр Бала, внебрачный сын Антиоха IV, утвердился на сирийском престоле именно благодаря поддержке общественного мнения и соседних монархов. Рим весьма активно использовал конфликты внутри эллинистических династий на почве наследования в целях вмешательства во внутренние дела ослабевших государств и установления над ними своего контроля.

В целом, принципы, которыми руководствовались римляне при выборе дипломатических средств установления контроля над Азией, во многом зависели от начального статуса и степени лояльности тех или иных властителей по отношению к новому гегемону. Сенат максимально использовал юридические институты для легализации своих имперских планов. Это весьма важный момент их политики на Востоке, свидетельствующий о том, что отнюдь не одни лишь «железные» римские легионы прокладывали Риму путь к мировому господству. Юридическое закрепление прав римского народа на целые государства посредством оформления завещаний можно считать выдающейся дипломатической победой Рима, ничуть не уступавшей громким военным свершениям. Эти юридические акты закрепили законность и долговечность римской власти в Восточном Средиземноморье. Мало того, узаконивалось право римлян на внедрение в Азии своего административного аппарата, требовавшегося пока что для управления доставшейся по завещанию территорией. А, следовательно, приобретало законные основания право вмешательства в внутригосударственные дела на основании защиты интересов «благоприобретенной» собственности.

Как только Рим обозначил свое присутствие в регионе, ситуация с наследственным правом приняла самую неожиданную форму. Римский сенат усмотрел с нем действенных рычаг для решения своих имперских задач. Как говорилось выше, повод для приглашения римлян вмешаться в региональную политику также носил в определенной степени юридический характер. Египетский двор в лице римского сената искал действенной опеки для малолетнего Птолемея V. Восприняв роль опекуна как должное, Рим не преминул использовать право и дальше, уже для прикрытия аннексии территорий целых государств.

Вифиния, еще проявлявшая при Пруссии I самостоятельность на международной арене, начиная со времени правления Пруссия II (ок. 182–149 гг. до н. э.) выстраивала внешнеполитический курс в русле римских интересов. Пруссий II публично демонстрировал, что признает себя вольноотпущенником римского народа. Собственного сына Никомеда он заранее представил римскому сенату, дабы не возникло проблем в будущем с наследованием вифинского трона (Liv. XLV. 44. 4–13). Отданный под покровительство сената Никомед I, тем не менее, когда пришло время, назначил опекунами собственных детей от второго брака своих союзников по Северной Лиге Византий, Гераклею и Киос. Лишь разногласия между гарантирующими державами привели к тому, что престол достался сыну Никомеда от первого брака Зейласу. После смерти царя Никомеда II его наследник Никомед III Филопатор получил право на престол посредством признания его законным царем со стороны Рима. Наконец, в 74 г. до н. э. Никомед IV сделал своим наследником римский народ. «Никомед, союзник и друг римского народа, с которым в юности находился в дружественных отношениях Цезарь. Умирая, он сам по завещанию сделал римский народ своим наследником», — так говорит Луций Ампелий о дальнейшей судьбе Вифинии (Amp. 34. 3). Таким образом, постепенно выстраивавшаяся «линия наследования» привела к торжеству римских интересов.

Соседняя с Вифинией Пафлагония стала предметом притязаний Митридата Эвергета Понтийского, основанных на завещании последнего пафлагонского правителя из династии Пилеменидов. Правда, это завещание было оспорено не только другими претендентами, но и самой страной. В конце концов, Митридат был вынужден уступить часть Пафлагонии Никомеду Вифинскому. Дальнейшая судьба Пафлагонии являет собой яркий пример юридической казуистики. Дело в том, что римский сенат опротестовал право и Митридата, и Никомеда на Пафлагонию. Митридат согласился с требованиями Рима, а Никомед, дав одному из своих сыновей пафлагонское династическое имя Полимена, удержал на этом основании страну за собой. Римляне, занятые на тот момент другими проблемами, не проявили активной реакции на предпринятую Никомедом авантюру. Но уже чуть позже Пафлагония в соответствии с традиционной римской схемой была объявлена независимым государством, а после этого «благодеяния» превращена в римскую провинцию.

В случае с Каппадокией, в дела которой после прекращения царской династии вмешались владыки соседних Вифинского и Понтий-

ского царств, римляне действовали весьма осторожно. Не располагая полноценным документом о завещании в свою пользу, они сделали опору на обязательственные отношения, якобы вытекающие из договора о дружбе и союзе с этим государством. Обосновав таким образом свое вмешательство во внутренние дела Каппадокии, римский сенат принял непосредственное участие в определении дальнейшей судьбы государства и династии, навязав в конце концов в цари своего ставленника Архелая. Страбон сообщает, что как только после победы над Антиохом III римляне начали устраивать азиатские дела, заключая договоры о дружбе и союзы с народностями и царями, то случилось так, что всем прочим царям они оказали эту честь только лично, а царю Каппадокии — вместе с народом. После прекращения царского рода римляне согласились в соответствии с договором о дружбе и союзе с этим народом предоставить им самостоятельность, однако прибывшие послы отказались от свободы, так как, по их словам, она им не по плечу, и просили дать им царя. Римляне удивились, что может существовать какой-либо народ, столь изнуренный свободой, и разрешили им выбрать голосованием из своей среды кого пожелают. Каппадокийцы выбрали Ариобарзана. Когда же род его прекратился в третьем поколении, царем был поставлен по распоряжению Антония Архелай (Strab. XII. II. 11). При выборах Ариобарзана были отклонены попытки вифинского и понтийского царей посадить на каппадокийский престол своих ставленников. Таким образом, создавалось впечатление о полном самоопределении каппадокийцев в выборе своего правителя и решении судьбы государства. К тому же римляне уже по привычке активно манипулировали лозунгом свободы.

Но самой блестящей политической аферой Рима с использованием наследственного права можно считать обретение Пергама.

Внешнеполитические события, связанные с принятием пергамского наследства, разворачивались параллельно с нарастанием социально-экономического и политического кризиса самой Римской республики. Внутреннее спокойствие римского общества, установившееся после разгрома Карфагена, постепенно иссякло. Многочисленные войны обеспечили нескончаемый приток рабов, что в конечном итоге перенесло угрозу бунтов и войн внутрь римского государства. Восстания рабов, вспыхивавшие то здесь, то там, начинают отвлекать значительные воинские силы от решения внешнеполитических задач. Закончилось терпение и мелких землевладельцев, не выдерживавших

конкуренции с крупными латифундистами. Значительно выросло число городского люмпена, требовавшего «хлеба и зрелищ». Все это означало необходимость уступок со стороны нобилитета и пересмотра внутренней политики, проводимой сенатом. Однако римская аристократия и торгово-ростовщическая верхушка (всадническое сословие) вовсе не собирались решать социальные проблемы за счет более справедливого перераспределения доходов между римскими гражданами, то есть, за свой счет. Поэтому аграрная реформа, предложенная народным трибуном Тиберием Гракхом и нацеленная на справедливый раздел «общественных земель», встретила жесткую оппозицию. Попытки Тиберия Гракха «продать» закон о реформе путем апелляции напрямую к народному собранию и отстранения от должности находившегося в оппозиции второго трибуна Марка Октавия привели лишь к усилению политического кризиса и открытым столкновениям. В результате погиб сначала сам Тиберий Гракх, а затем его брат Гай, попытавшийся продолжить аграрную реформу, а также провести некоторые демократические преобразования общества. Тем не менее, Гай Гракх успел внести новую идею в содержание аграрной реформы. Пытаясь решить болезненную проблему распределения земли, не затрагивая напрямую интересы латифундистов, он предложил предоставлять наделы римским гражданам в провинциях. Последние становились бы колонистами, укрепляя римскую власть в провинциях и обеспечивая приток налогов в казну. Это было универсальное решение проблемы за счет ущемления интересов провинциального населения, не имеющего гражданских прав. Теперь внутривластная и социальная стабильность римского общества напрямую были связаны с успешностью реализации экспансионистских планов. Каким путем они будут воплощены в жизнь: военным, дипломатическим, правовым, — это вопрос техники. Вот тут, как нельзя, кстати «подвернулись» царские завещания. Земли и прочие богатства, переходившие на основе юридических документов в собственность римскому народу, могли спасти ситуацию и погасить социальные противоречия внутри римского гражданского коллектива хотя бы навремя.

Пергамское царство, всегда проводившее по отношению к Риму лояльную политику, также перешло под власть Рима по завещанию. При Аттале II Филадельфе Пергамское царство достигло вершины расцвета. В лице этого правителя Рим и римский торговый капитал нашли надежную опору на Востоке и могли спокойно заняться политическими проблемами в Испании и в Северной Африке.

Аттал II умер в 139 или 138 г. до н. э., и ему наследовал Аттал III, незаконный сын Эвмена II. Аттал III умер в 133 г. до н. э., будучи бездетным. Именно он оставил знаменитое завещание, по которому возвращал свободу Пергаму и, одновременно, завещал свое царство Риму. Луций Ампелий с позиций римской историографии характеризует ситуацию так: «Аттал, часто сражавшийся на стороне римлян; по завещанию он сделал римский народ своим наследником» (Амр. 33. 4; см. также: Eutr. IV. 18). Завещание было не просто политической декларацией, а полноценным юридическим документом, что подтверждается декретом городского собрания Пергама (OGIS. 338).

Данный акт подразумевал передачу Риму царской земли, казны и царских прав по отношению к другим частям страны. Имелись в виду те, которые не входили в категорию царских земель, в том числе, греческие города, которым возвращалась свобода. Надо помнить, что, так называемые, свободные города в эллинистических государствах далеко не всегда были освобождены от царских налогов. Тиберий Гракх постарался, чтобы распределение казны пергамских царей было оформлено решением народного собрания, а не сената, что гарантировало справедливый и демократичный характер юридического акта. Римские «всадники» и плебс получили реальную пользу от благоприобретенной наследственной массы. Мотивы же поступка пергамского царя могли быть разными: возможно, он опасался нараставшей социальной напряженности в Пергаме, грозившей вылиться в восстание рабов и государственный переворот, или просто признавал неизбежность полного подчинения Риму и пытался правовыми и дипломатическими средствами сгладить внешний эффект от фактической утраты государственного суверенитета.

Аттал III вообще слыл странным правителем. Ходили слухи о его умственной неполноценности, нелюдимости, странных увлечениях ваянием и садоводством с пристрастием к ядовитым растениям. Однако нельзя не признать определенную логику в его решении относительно судьбы государства. В конце концов, он поступил подобно лисице из басни Эзопа «Лев, осёл и лисица», рассказывающей, как три зверя решили жить вместе и отправились на охоту. Когда осёл поделил добычу на три равные доли и предложил льву выбрать, тот убил осла и предложил поделить добычу лисе. Она отдала все льву, оставив себе лишь малую частичку. Лев спросил, кто научил её так хорошо поступить, и лиса ответила: «Погибший осёл!». Подобно льву, Рим признавал

за эллинистическими партнерами право лишь на безоговорочное подчинение и довольство малым.

Рим принял наследство, но в качестве официального наследника вынужден был считаться хотя и с формальным, но все же определенным в завещании статусом Пергамского государства как свободного. Это последний акт пергамского царя, пытавшегося сохранить не только свою честь как правителя, но и достоинство всего государства. Завещание как юридический документ признавало за Римом лишь право управления. Его содержание не предусматривало переход к римлянам имущества храмов и получение контроля над свободными греческими городами. Управлять, но не иметь в качестве собственности: это блестящий, пусть и прощальный, жест Аттала III, можно сказать, «политическая усмешка». Римский сенат не мог удовлетвориться подобной неоднозначностью своего положения.

Кроме того, завещание не избавляло от претензий других потенциальных наследников. Претендовавший на власть сводный брат умершего царя Аристоник поднял в 132 г. до н. э. восстание против римлян.

Тем не менее, политическая ситуация вскоре сложилась в пользу государства—наследника и во многом, как раз благодаря разгоревшемуся восстанию. Риму пришлось затратить немало усилий на его подавление, в результате чего было разрушено много городов, разорена территория, погибло множество людей. Но, в конце концов, Рим получил формальный повод освободить себя от выполнения условий завещания Аттала III. В 130 г. до н. э. большая часть царства была превращена в римскую провинцию. Лишь немногие города, подобно Милету, сохранили свободу, но при наделении их статусом римских союзников, что предполагало так же некоторые политические обязательства. Бывшее Пергамское царство стало самой важной и самой доходной провинцией Римского государства.

Еще один внутримонархический конфликт по поводу наследования имеет непосредственное отношение к международному праву в связи с участием в его разрешении Рима в качестве арбитра. После смерти Селевка IV власть перешла к его малолетнему сыну Антиоху. Однако трон захватил брат умершего царя Антиох IV, а его несовершеннолетний конкурент был убит. С этого момента начался раскол внутри дома Селевкидов между двумя родственными линиями. Антиоху IV наследовал его сын Антиох V. Его право наследовать власть оспаривал второй сын Селевка IV Деметрий I. Эту ситуацию можно рассматривать как

коллизии норм наследственного права, поскольку требование наследования по закону явно расходилось с требованием наследования по завещанию (последнего монарха).

Полибий рассказывает, что Деметрий, долгое время содержавшийся в Риме в заложниках, жаловался на незаконность содержания, так как был отдан в заложники Селевком, своим отцом, в обеспечение его верности, но потом, когда Селевку наследовал Антиох, он не был обязан оставаться заложником на месте детей Антиоха. По достижении полной зрелости он явился в сенат с настоятельной просьбой отпустить его домой на царство, как имеющего больше прав на власть, нежели дети Антиоха. Деметрий приводил много доводов в пользу своего ходатайства, но больше всего угодил сенаторам тем, что назвал Рим своим отечеством и кормильцем, всех сыновей сенаторов своими братьями, а их отцами, так как явился в Рим еще ребенком (Polyb. XXXI. 12. 1–6). Несмотря на то, что сенаторы были растроганы речью царевича, дело они разрешили в пользу малолетнего сына Антиоха, исходя из своих политических расчетов (Polyb. XXXI. 12. 6–12). В последующем, когда Деметрий все-таки утвердился на престоле, римский сенат опять вынес определение в пользу детей Антиоха: «Александр и Лаодика, дети царя, нашего прежнего друга и союзника, предстали перед сенатом и держали речи; сенат разрешил им возвратиться на царство отца и постановил оказать им в этом помощь, как они о том просили» (Polyb. XXXIII. 18. 12–14). Это решение сената откровенно противоречило нормам греческого права, устранявшим дочерей от наследования в случае наличия мужского потомства по прямой линии. Данный факт можно объяснить лишь политическими целями сената, желавшего основательно закрепить власть за своими ставленниками. Выступая в роли верховного арбитра, Рим готовил почву для окончательного превращения владений откровенно ослабевших династий в свои провинции.

По завещанию Птолемея Апиона римскому народу перешла Кирена, которая для начала была поставлена под управление римского наместника, а затем также превращена в провинцию.

Пытались римляне и сам Египет «получить по наследству». Во всяком случае, в 80–х гг. I в. до н. э. в Риме активно муссировались слухи о некоем завещании египетского царя Александра I, якобы признавшего своим наследником римский народ. Однако на тот момент римляне, а именно Сулла, решились лишь на то, чтобы утвердить на египетском престоле своего ставленника Александра II, и то ненадолго.

Вскоре Александр II был убит. В ответ со стороны Рима не последовало никаких решительных действий, что свидетельствовало о неподготовленности к широкомасштабной дипломатической атаке. Поэтому присоединение Египта на время было отложено.

Создается впечатление, что наследственное право стало одним из наиболее излюбленных и универсальных средств римской дипломатии, позволявших повлечь экспансионистские планы. Определение прав наследодателя и наследника в отношении целых государств — практика для греческого мира нестандартная. И, тем не менее, она способствовала предотвращению множества международных конфликтов, подрывавших экономику и грозивших многочисленными жертвами населения. Включение Рима в политику региона, с одной стороны, привело к постепенному свертыванию внутрдинастических наследственных отношений, но, с другой стороны, стимулировало изменение правового статуса целых государств не посредством военной экспансии, а благодаря юридическим актам, формально закреплявшим завещательную волю монархов. Благодаря наследственному праву римская дипломатия проложила путь к полному подчинению ранее независимых государств при минимальной затрате материальных и военных ресурсов. Все это лишний раз доказывает универсальность и действенность институтов античного права.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

*Civitates privatorum loco habentur —
Государства (в правовом отношении)
рассматриваются как частные лица
(«Digesta Justiniani». D. 50. 16. 16)*

Мир эллинистических государств был создан войною. Но он не мог жить и развиваться в условиях нескончаемых войн. Полноценная жизнь общества и индивида основана на политической и экономической стабильности, и потому нуждается в мире. А значит, следовало искать пути мирного разрешения и улаживания международных споров. Греки издревле привыкли в случае нарастания военной угрозы прибегать к посредникам для разрешения споров между полисами. Трехсотлетняя практика международных отношений в рамках эллинистического мира позволила оформиться основным принципам межгосударственного посредничества в конкретный правовой институт международного суда.

В предшествовавшие эллинизму периоды судебские функции могли возлагаться на пользовавшиеся уважением и авторитетом полисы, религиозные святилища. Однако Пелопонесская война между Афинами и Спартой 431–404 гг. до н. э. выявила весьма симптоматичную тенденцию в эволюции античного права: государства–полисы, утратив остатки доверия друг к другу, пытались найти объективного судью в лице бывшего своего врага — царя Персии. Спарта, победив Афины, не смогла, тем не менее, справиться с ролью гегемона и вынуждена была принять предложение персидского царя, пожелавшего выступить в роли арбитра в греческих делах.

Подписанный в 387 г до н. э. под давлением Персии в ее столице Сузах Анталкидов (или, так называемый, Царский) мир между греческими полисами поставил греков в откровенно унижительное положение, поскольку монарх иностранной державы (Персии) был признан высшим арбитра в греческих делах. К тому же, пользуясь ослаблением греческих государств, персидский царь вернул под свою юрисдикцию города Малой Азии, получившие свободу после греко–персидских войн.

Такая ситуация явно противоречила общим принципам и представлениям греков о собственном праве. Классическая схема международного общения предполагала выбор арбитров среди соплеменников. Недаром Филипп II Македонский, пытаясь обосновать свои претензии на положение общегреческого арбитра, объявил себя объединителем и защитником эллинов. Эта идея получила юридическое оформление на

Коринфском конгрессе. Филипп II попытался создать такую систему отношений, при которой суд превращался в орудие выражения воли монарха — гегемона, который и должен был служить гарантом стабильности общества. Именно с этого периода намечаются признаки формирования институтов посредника и международного суда в том виде, в каком они будут существовать в эпоху эллинизма.

Характерной чертой международного суда времен Александра и диадохов было стремление последних до конца играть роль независимых объективных арбитров, не пользующихся своей властью. В качестве примера монархи могли ориентироваться на давно существовавшую систему договоров между полисами по обмену коллегиями судей — дикастов. Такая практика демонстрировала солидарность греческих общин, их готовность помочь друг другу различными способами. Отсюда и происходил достаточно высокий уровень развития в греческом мире институтов посредничества, третейского суда.

Обычно потребность в иностранной судебной коллегии объяснялась противостоянием различных политических группировок внутри полисного коллектива. Если стороны слишком долго не могли прийти к соглашению, городские власти никогда не обращались к индивидуальным специалистам в сфере права, а всегда направляли в другой город официальную просьбу прислать опытных юристов, способных проявить профессиональное рвение и неподкупность. Кто будет направлен в составе коллегии, решала отправляющая сторона. Этот обычай обращаться за юридической помощью для разрешения внутриполисных споров в другой полис стимулировал и развитие процедур международного посредничества и судейства.

Большинство международных споров касалось разграничения государственных границ. Извечная проблема Греции и Малой Азии — небольшая территория и, как следствие, невозможность прокормить растущее население. Поэтому любой спор по территориальному поводу был чреват вооруженным конфликтом. Чаще всего судьи представляли тот регион, где разгорелся конфликт, и где враждующие стороны рассчитывали закрепить свое влияние.

Необходимый для арбитра нейтралитет базировался на его незаинтересованности в усилении любой из сторон. Во время войны Филиппа V с этолийцами к македонскому царю прибыла посредническая миссия, включавшая послов Птолемея, родосцев, афинян и хиосцев. Этолийцы пригласили быть миротворцем своего соседа афаманского царя Аминандра. Ливий так оценивает истинные намерения посредников: «Все

они, правда, не столько беспокоились об этолийцах — народе, чересчур грубом для греков, — сколько боялись, что вмешательство царя Филиппа в дела Греции грозит их свободе» (Liv. XXVII. 30. 4–5).

Посредники при разрешении споров должны были исходить исключительно из правового поля. Однако разделять вопросы, подлежавшие их рассмотрению и вердикту, на чисто правовые и политические бессмысленно. Ангажированность интересами своих государств и собственными политическими пристрастиями, безусловно, присутствовала и накладывала отпечаток на характер судебных решений и содержание посреднических миссий.

Вот и в случае с македонско—этолийским конфликтом посредники не спешили занять чью—либо сторону, так как, выиграв процесс, победитель мог развернуть дальнейшую экспансию в Малой Азии. Это повредило бы и без того зыбкому равновесию политических сил в регионе. Интересно, что, обосновывая свои права на Келесирию, и Птолеми и Селевкиды ссылались на историческое право или «право копья», то есть, на признанное легальным право завоевания территории в честной войне (Polyb. V. 67. 9–10). Но это право противоречило требованиям стабильности и равновесия политических сил. Международное правосудие как раз и выступало в роли некоего антипода «праву войны», призванного ради общеэллинских интересов добиваться урегулирования конфликтов мирными способами. Однако этот противовес касался только выбора способов достижения конкретного результата: мирным или военным путем. В процессуальной же практике суд признавал законными ссылки на «право войны». На этом фоне вполне естественным выглядит время от времени проявлявшееся желание монархов «соскользнуть» со стези ими же санкционированных мирных способов разрешения конфликтов на «тропу войны», которая опять же не рассматривалась как нечто противозаконное. Как следствие, политическая ситуация в эллинистическом мире менялась так быстро, что одно и то же государство, только что выступавшее в роли посредника, само сталкивалось с необходимостью обращения в третейский суд. Так, византийцы всячески пытались примирить сирийского наместника Ахея с Атталом Пергамским, и почти в то же время их самих мирил с родосцами царь галатов Кавар (Polyb. IV. 52. 1–2).

В традиции греческого арбитража именно примирение сторон, заступничество являлись определяющей стороной, поскольку речь шла о конфликтах внутри греческой среды, подрывавших этническое единство. Эллинизм унаследовал этот принцип, придававший судебной

практике моральный оттенок. Несмотря на то, что теперь участниками судебных разбирательств выступали не только греки, и социально–политический статус сторон весьма разнился (от городской общины до царя), арбитраж оставался результатом посредничества, а иногда и прямого заступничества. По сообщению Диодора, во время осады Родоса Деметрием Полиоркетом более пятидесяти посланников из Афин и других городов просили царя прийти к соглашению с осажденными (Diod. XX. 98. 2). В свою очередь сами родосцы были весьма усердными послами мира, активно выступая в роли арбитра в войне Филиппа V с этолийцами 220–217 гг. до н. э. (Polyb. V. 24. 11) и в войне между Антиохом III и Птолемеем IV (Polyb. V. 63. 46). Этолийцы посредничали в примирении Мессении и Фигалии (Syll. 472). Кносс помогал разрешению спора Лато и Олуса (Syll. 712). Пергам примирял Митилену и Питану.

Довольно часто в сохранившихся источниках в качестве истца или ответчика по пограничным конфликтам фигурирует прибрежный малоазийский город Приена. Письмо одного из пергамских царей содержит данные о решении судебной комиссии Смирны, которая выступала в роли арбитра, то есть города выбранного в судьи при разрешении пограничного конфликта между Приеной и Милетом: «...на этих границах милетян и приенцев пусть определители границ установят в соответствии с тем, как постановил народ Смирны в тех самых местах в присутствии свидетелей от милетян и приенцев...» (Welles. 46). Письмо было начертано на стене храма Афины в Приене. Возможно, отраженное в нем судебное разбирательство являлось следствием реорганизации территориального устройства и политико–правового статуса многих малоазийских государств после заключения Апамейского мирного договора между Антиохом III и Римом.

Еще одна надпись представляет собой решение судебной комиссии Родоса в споре между Приеной и Самосом (Syll. 599). Хотя документ не полностью сохранился в левой его части, и не все его строки могут быть восстановлены с уверенностью, он представляет исключительный интерес в силу четкости юридических формулировок и полноты процессуального содержания. Документ представляет собой полноценную судебную формулу. Начинается он с поименного перечисления состава судебной комиссии; указывается источник наделения данной комиссии полномочиями — народ Родоса. Далее называется предмет судебного разбирательства — крепость Карион. За этим следует перечисление представителей Приены и Самоса, избранных вести тяжбу. Следующая часть документа содержит отчет о самих судебных слушаниях, состоявшихся на Родосе

в святилище Диониса и в Эфесе в святилище Артемиды. Результатом слушаний стало вынесение родосской комиссией постановления, чтобы крепость Карион и область вокруг нее принадлежали приенцам. В документе упоминается, что письменный отчет о слушаниях с решением передан представителям и самосцев, и приенцев, которые называются поименно. При этом четко фиксируются даты передачи документов сторонам.

У нуждавшихся в услугах арбитров государств была возможность выбора: к кому обращаться за помощью, принимать ее или нет, оказывать или нет. Как правило, обращение направлялось к родственным городам. Например, бывшие колонии направляли просьбы о судебной помощи в города-метрополии. Именно по этой причине Акрефия выбрала город Ларису арбитром в урегулировании конфликтов с ее соседями. Магнезия предложила свое посредничество Кноссу и Гортине, признавая свое мифическое родство с критянами. Для города, который нуждался в иностранных судьях для рассмотрения его судебных дел, было вполне нормально сначала просить родственную общину о подобной помощи, поскольку считалось естественным для колонии в бедственном положении обращаться за советом к метрополии.

Для судебной практики с участием монархов и свободных греческих полисов было характерным стремление сторон придерживаться позитивного паритета интересов. Деяния самих царей, особенно по отношению к греческим полисам, могли стать поводом для вынесения судебного определения. По рассказу Полибия, Аттал Пергамский обратился к Ахейскому собранию с просьбой о восстановлении почестей своему предшественнику Эвмену, которые были отменены по решению ахейских судей. Апеллировать на судебное решение Атталу пришлось к Ахейскому союзному собранию (Polyb. XXVIII. 7).

Плутарх приводит пример судебного разбирательства по поводу вмешательства ахейцев во внутренние дела Аргоса в 30–х гг. III в. до н. э. Руководитель Ахейского союза Арат взял на себя инициативу низвержения аргосского тирана Аристиппа и фактически руководил подготовкой заговора. Однако сами аргивяне не только не поддержали Арата, но и выдвинули против ахейцев обвинение в нарушении мира и разжигании войны. Иск, как говорит Плутарх, разбирали мантинейцы и, так как Арат на суд не явился, приговорили ответчика к штрафу в тридцать мин (Plut. Arat. XXV). Стоит обратить внимание на содержание формулы иска, выдвинутого Аристиппом против Арата. Из него ясно видно, что уже в то время в рамках правового поля присутствовала ответственность за разжигание войн между государствами.

По уровню развития правосудия оценивалось общее состояние государственных дел. Это являлось серьезным показателем как приверженности эллинистического общества правовым стандартам, так и его правовой культуры в целом. Полибий дважды в качестве примера негативного состояния государственных дел беотян отмечает запущенность судопроизводства: «Государство беотян было окончательно расстроено, у них в течение чуть не двадцати пяти лет не было постановлено ни одного приговора ни по частным жалобам, ни по государственным делам» (Polyb. XX. 6. 1–2; XXII. 4. 1–8).

С появлением в Восточном Средиземноморье Рима международное правосудие претерпевает кардинальные изменения. Рим не предполагал строить отношения с новыми внешнеполитическими партнерами исключительно на договорной основе. Соответственно и римская судебная практика в регионе носили совершенно иной характер.

Вначале, когда римляне только обозначили свои претензии на присутствие в регионе, они не имели ни знаний, ни опыта цивилизованного общения с правителями крупных государств. Но уже довольно быстро римляне усвоили методы и терминологию эллинистической дипломатии, разобрались они и в практике арбитража. Правда, их усердие было направлено не на приобщение к эллинистической правовой культуре, а на преобразование традиционных для греков правовых институтов в инструмент реализации экспансионистских планов.

Преимущество Рима заключалось во времени появления на Востоке. В конце III–начале II вв. до н. э. рост напряженности международных отношений в эллинистическом мире достиг такого уровня, какого не было со времени раздела империи Александра Великого. Восточное Средиземноморье представляло собой настоящий клубок противоречий, распрей, взаимных претензий. Главными претендентами на роль мирового арбитра выступали цари Македонии и Сирии, Филипп V Антиох III. Однако ни того, ни другого не желали видеть абсолютными носителями права остальные государства. Поэтому появившийся с запада Рим казался меньшим злом и даже некой панацеей для наведения порядка. Одними из первых апеллировали к Риму Птолемеи. Надо заметить, что античные авторы всячески оправдывают действия египтян, фактически нарушивших границы действия эллинистического права (см.: Polyb. XV. 20. 1–3; Just. XXX. 2. 8). Птолемеи решились на подобное под страхом потерять свои владения в результате раздела их Сирией и Македонией. В эллинистическом мире больше не было государств, способных противостоять Филиппу V Антиоху III. И в поведе-

нии египтян, вроде бы, не было бы ничего порочного с точки зрения права и морали, если бы не заставившие себя ждать пагубные последствия недальновидного приглашения римлян. Рим использовал его как зацепку для активного вмешательства в восточно–средиземноморские дела. Он действовал решительно и безапелляционно.

Жалобы от эллинистических государств на своих соплеменников буквально посыпались к римлянам. Смирна и Лампсак обратились с жалобой на действия Антиоха III (Syll. 591; Polyb. XVIII. 52. 2; Liv. XXXIII. 38; App. XI. 2). Пергам и Родос возмущались по поводу политики Филиппа V. Последний вообще очень часто фигурировал в качестве ответчика при осуществлении судопроизводства римлянами. Фессалийцы, перребы, афаманы, эпироты, иллирийцы жаловались на присвоение их земель, похищение рабов и скота, несправедливое решение денежных тяжб. Некоторые из них утверждали, что нет возможности добиться правды судом международным, так как Филипп затягивает отправдение правосудия, а выносимые приговоры противозаконны, поскольку судьи подкуплены македонским царем (Polyb. XXIII.1. 10–13).

Рим, взбодренный подобным вниманием, ничтоже сумняшеся уверовал в свою миссию верховного арбитра. Он ломал старые стереотипы, навязывал свои правила игры на правовом поле.

Именно потому, что в арбитры было приглашено не эллинистическое государство, ни Сирия, ни Македония не чувствовали себя обязанными оправдываться. В ответ на это Рим прибег к методам дипломатического нажима. К сирийскому царю были направлены послы с поручением примирить его с Птолемеями, а также были приглашены в качестве свидетелей представители Лампсака и Смирны. Антиоха III правовое самоуправство римлян вывело из себя. Полибий пишет, что царь был раздражен, так как создавалось впечатление, что он дает ответ своим обвинителям перед римлянами. Но, желая остаться все же в рамках правового поля, Антиох заявил, что не перед римлянами, а перед родосцами согласен разобрать взаимные пререкания (Polyb. XVIII. 50–52).

Римлян не мог не раздражать факт признания за Родосом роли наиболее авторитетного арбитра в регионе даже со стороны царей. Однако, учитывая репутацию Родоса, они не могли выдвинуть никаких возражений против предложения Антиоха III, что составило дипломатический триумф царя.

Очевидно и собственное стремление Родоса всячески способствовать разрешению конфликтов между государствами, в благополучном существовании которых островное государство было заинтересовано.

Так, родосцы возглавили целую команду из представителей Афин, Ахейского союза, восьми анатолийских городов ради разрешения длившегося столетиями территориального спора между Самосом и Приеной, о чем говорилось выше. Оба конфликтующих государства были торговыми партнерами Родоса и их разорение в ходе возможной войны грозило очевидным материальным ущербом родосским купцам и банкирам. Таким же образом Родос попытался прекратить спор Милета и Магнезии на Менандре, разгоревшийся по поводу возврата территории, ранее занятой Филиппом V. С точки зрения родосцев, эта война была нежелательна не только потому, что могла разгореться на границе сферы их влияния и навредить торговле, но и из-за возможного создания условий для расширения экспансии Селевкидов. В 196 г. до н. э. Родос успешно завершил свою посредническую миссию.

Тем не менее, именно римский сенат довольно быстро превращался для эллинистических государств в своеобразный арбитраж, куда надлежало отправлять жалобы в случае ссоры с соседями. Эвмен Пергамский жаловался Риму на Филиппа V, завладевшего городами Фракийского побережья. Ему вторили фессалийцы, маронейцы, перребы, афаманы. Римляне проводили нечто наподобие судебного расследования, поручая это специальным легатам. Теперь уже и сам македонский царь считал необходимым отправлять в Рим послов с целью защиты от обвинений (Polyb. XXII. 9. 1–6). Римляне находили возможным грозить Филиппу V судом за обиды, причиненные Пергаму и Родосу (Polyb. XVI. 34. 4–5). Обращения восточно-средиземноморских государств в римский сенат с жалобами на соседей и просьбами прислать комиссии для разбирательства дел на месте можно рассматривать как апеллирование к независимому суду.

Роль судей часто выполняли римские послы. Имея поручение сената, они на месте разрешали спорные вопросы, о чем отчитывались по возвращении в Рим. Так, Марк Юний с товарищами были уполномочены уладить распри между Ариаратом Каппадокийским и галатами. Затем этот же вопрос обсуждало второе посольство Гнея Октавия и Спурия Лукреция (Polyb. XXXI. 13). Иссеяне и даорсы, неоднократно направлявшие в Рим посольства с уведомлением о том, что далматы разоряют их страну и зависимые от них города Эпетий и Трагирий, добились от сената отправки посольства с Гаем Фаннием во главе для ознакомления с делами Иллириды, главным образом долматов (Polyb. XXXII. 18. 1–4). Все это весьма напоминает выездные суды, хотя, конечно, окончательные решения по делам выносились в сенате.

Со временем адресоваться к римским легатам или сенату по поводу разрешения спорных вопросов для эллинистических государств стало делом обычным. Афиняне и родосцы в 189 г. до н. э. обращались к римским легатам с ходатайством о мире для этолян. Затем этоляне направили собственное посольство в Рим (Liv. XXXVII. 6. 4–6; XXXVIII. 3. 7; Polyb. XXI. 4). Родосцы обращались к сенату с просьбой о Солах киликийских, обосновывая свою причастность к проблемами города узами родства, обязывающими заботиться о нем, поскольку Сола, как и сами родосцы, колония аргивян (Polyb. XXI. 24. 10–12). Все это стимулировало амбиции Рима и толкало на решительную реализацию имперских планов.

Полибий приводит уникальный случай из судебной практики римского сената, свидетельствующий о коллизии норм международных договоров, разрешением которой вынуждены были заниматься римляне. В Рим прибыли послы от афинян и от ахейцев с просьбой рассмотреть дело о возмещении: после того, как Делос был передан афинянам, и делосцы в ответ на свою просьбу получили от римлян дозволение при очищении острова взять с собою движимость, они переселились в Ахайю и, принятые здесь в число граждан, решились истребовать от афинян удовлетворение по суду согласно договору, существовавшему между афинянами и ахейцами. Но афиняне утверждали, что договор вовсе не касается делосцев, последние же просили ахейцев добиться от афинян удовлетворения силою. По поводу решения римлян Полибий указывает, что в своем ответе послам сенат утверждал меры ахейцев относительно делосцев, как согласные с законами (Polyb. XXXII. 17). Упоминание законов должно, по сути, свидетельствовать о наличии норм, обладающих большей силой по сравнению с нормами договоров. К сожалению, нет ясности в понимании природы этих норм: восходили ли они к общепризнанным международным обычаям или носили характер внутрифедеральных установлений, в данном случае, Ахейского союза. Но, так или иначе, налицо яркий пример разрешения в ходе судебной практики конкретной юридической коллизии.

Римляне старались с максимальной выгодой использовать рычаги судебных полномочий для повышения собственного авторитета в регионе. Они не стеснялись себя обязательствами по отношению к собственным союзникам, если таковые совершали деяния, способные опорочить римское правосудие. Так, правитель Эпира Хароп, отличавшийся крайней жестокостью, прикрываясь союзническими отношениями с Римом, проводил массовые репрессии и конфискации, а затем отправился в Рим с деньгами с целью добиться от сената одобрения собст-

венных беззаконий. Однако римляне постарались продемонстрировать свою объективность и, когда Хароп предстал перед сенатом, просьба его не была уважена. От определенного ответа сенат, однако, воздержался, объявив, что отправит послов с поручением собрать сведения на месте (Polyb. XXXII. 20; 21. 4–5).

После поражения, нанесенного римлянами Филиппу V, а затем и Антиоху III монархи, не говоря уже о должностных лицах республиканских государств, вынуждены были считаться с необходимостью согласовывать свои внешнеполитические акции, в том числе, и в сфере судопроизводства, с римским сенатом. Слушания в сенате по делам на востоке Средиземноморья становятся делом привычным и даже обязательным, поскольку регион окончательно попадает в «сферу жизненно важных интересов» Рима. Стиль дипломатического общения также быстро меняется. Полибий рассказывает, что сенат, выслушав донесение Публия Лентула и товарищей, недавно возвратившихся из Азии, о вифинском царе Прусии, вызвал в собрание Афиней, брата пергамского царя Атталы. Затем сенат выбрал легатов Гая Клавдия Центона, Луция Гортензия и Гая Аврункулея, и велел им отбыть вместе с Афинеем, дабы удержать Прусию от войны с Атталом (Polyb. XXXIII. 1. 1–2). Как видим, посредничество «по-римски» больше напоминает диктат.

Одним из условий Рима в мирных договорах с побежденными царями было бесприкословное признание за ним роли высшей судебной инстанции: «В сто сорок девятую олимпиаду сошлись в Риме посольства из Эллады в таком большом числе, в каком, наверное, никогда раньше не собирались. Дело в том, что Филипп вынужден был наконец силою договора представить свои отношения к соседям на суд римлян; к тому же стало известно, что римляне выслушивают жалобы на Филиппа и принимают меры к охране его противников. Вот почему все соседи Македонии имели теперь в Риме своих представителей с жалобами на Филиппа от отдельных лиц, от городов и от союзов» (Polyb. XXIII. 1. 2). Римское судопроизводство отнюдь не отличалось более высоким уровнем. Его преимущество заключалось в опоре на мощный аппарат принуждения в лице римских легионов.

При осуществлении судопроизводства римляне руководствовались прежде всего соображениями политической целесообразности. Они могли затянуть процесс или даже отказать в рассмотрении дела, если находили невыгодным для себя вмешиваться в ход событий. Так римский сенат весьма вяло отреагировал на жалобу Оропа, разграбленного афинянами, под властью которых находился. Римляне обязали афинян

выплатить штраф в пользу Оропа, однако не пожелали даже пронаблюдать за исполнением этого решения. Весьма подробный рассказ Павсания позволяет проследить последовательность судебного разбирательства. На первой его стадии римский сенат признал оропцев несправедливо потерпевшими и поручил сикионцам взыскать с афинян в их пользу штраф, соответствующий стоимости того вреда, который был нанесен. На второй стадии дело свелось к попыткам взыскать штраф с виновной стороны. Процесс затянулся, поскольку сначала афиняне не явились к назначенному сроку слушаний, за что на них был наложен штраф в 500 талантов, потом просили римский сенат сложить с них всю пеню, кроме 100 талантов. В конце концов, афиняне не выполнили ни одного судебного решения и все благодаря тому, что римляне, взявшие на себя роль судей, не особо то и настаивали (Paus. VII. XI. 2; см. также: Polyb. XXXIII. 2). Факты доказывают, что для того времени пороки правосудия так же были характерны и, видимо, неизбежны. Оропцы, не найдя действенной судебной защиты у римлян, а затем у ахейцев, попытались купить таковую за взятку в 10 талантов, обещанную ахейскому стратегу Меналкиду. Но, в конечном счёте несчастный город пострадал от повторного разграбления афинянами (Paus.VII. XI. 3).

Римляне умело «играли» на многочисленных противоречиях между греческими государствами, дававших им возможность выступать в роли верховного арбитра. Знаменитая тактика «*divide et impera*» («разделяй и властвуй») выразилась, в том числе, в сстраивании греческих государств посредством перекладывания судебных и полицейских функций на некоторые из них. Примером является миссия римского сенатора Галла, прибывшего в Грецию как—раз во время оропского конфликта. Официальная цель миссии сводилась к урегулированию спорных вопросов между Ахейским союзом и отдельными городами, входившими в его состав. Однако Галл счел ниже своего достоинства быть судьей между этими государствами и поручил разбирательство вопроса Калликрату, злому гению всей Эллады (см.: Paus.VII. XI. 2). Павсаний подробно описывает образ действий римских послов, выполнявших по поручению сената судебские функции в споре между лакедемонянами и ахейцами: посол Орест пригласил ахейских начальников и откровенно рассказал им намерения римлян в отношении преобразования Ахейского союза, в результате которых от ахейцев должны были отойти не только Спарта, но и Аргос, и Коринф. Данные требования были неприемлемы не только для Ахейского союза, но и для большинства граждан Аргоса и Коринфа, где римских посланников всерьез не рассматривали.

Однако ахейцы фактически не имели права опротестовать решения римского сената и решились на открытое сопротивление. Результатом стало очередное слушание в римском сенате, вынесшем постановление о признании ахейцев виновными и начале военных действий против них (Paus. VII. XIV).

Все это решительно отличало римский суд от традиционного греческого арбитража. К чести греков следует отметить, что они пытались противостоять натиску «римского правосудия» не только открытым сопротивлением, но и вполне цивилизованными средствами, опираясь на тонкости процессуальной практики. Даже беотяне, собственные суды которых, по замечанию Полибия, на протяжении лет двадцати пяти бездействовали, сумели юридически грамотно оформить отказ на требование Рима возвратить на родину политических изгнанников Зевксиппа и его товарищей. Беотяне боялись, что последствием их возвращения может быть разрыв с македонянами, и потому решили огласить приговоры против названных изгнанников, которые раньше постановили. Зевксипп и его соратники по одному делу были обвинены в святотатстве за то, что сорвали с Зевсова стола серебряную накладку. По другому делу их осудили на смерть за убийство их политического оппонента Брахилла. В результате беотяне оставили требование сената без исполнения; вместо того они отправили в Рим посольство объявить, что бессильны отменить законные постановления (Polyb. XXII. 4. 1–8).

До установления абсолютной власти Рима в Восточном Средиземноморье эллинистические государства еще обладали некоторой самостоятельностью в сфере международного судопроизводства. Это видно и из сохраненного римлянами обычая назначения третейских судов из представителей греческих полисов. Полибий говорит, что в Апамее десять легатов и римский военачальник Гней, заслушали всех послов, и тем из них, которые спорили между собою из-за земли, денег или иного чего-нибудь, указали с согласия спорящих города, где они могли бы решить свои разногласия судом (Polyb. XXI. 48. 1–2).

Наиболее решительно противостоять политико-правовому произволу Рима и вытеснить его за пределы ойкумены попыталась Сирия. Но после окончательного военного поражения зимой 190/189 гг. до н. э. Селевкиды сами оказались в роли ответчика на грандиозном по масштабам того времени судилище. В Апамее, где был оглашен мирный договор (а фактически, приговор), собрались представители большинства эллинистических государств. Риму оставалось, подобно искусному актеру, лишь разыгрывать роль «верховного арбитра», раздавая

каждому по заслугам (Polyb. XXI; Liv. XXXVIII. 37–39; App. XI. 38–39). В результате этого политическая карта Восточного Средиземноморья была сильно перекроена. Отпала возможность независимого политического диалога между государствами эллинистической системы. Теперь допускалась только та свобода международных отношений, которая была приемлема для Рима.

Когда речь идет о роли Рима в качестве «верховного арбитра», надо четко представлять те политические условия и обстоятельства, при которых она осуществлялась. В состязательный процесс зачастую превращались обычные межгосударственные переговоры. Римские легаты, наделенные сенатом весьма широкими полномочиями, считали возможным доказывать царям свою правоту, опираясь на свидетельские показания приглашенных ими делегаций союзных Риму эллинистических государств; брали на себя миссию отстаивать интересы последних, выдвигать обвинения со ссылкой на историческое право. Ливий подробно описывает переговоры римских послов Публия Сульпиция и Публия Виллия в Эфесе с представителем Антиоха III Минионом. Царь не смог сам явиться на переговоры, поскольку плохо чувствовал себя после смерти одного из сыновей. Примечательно, что легаты, будучи представителями римского народа, в то время уже считали возможным вести переговоры лишь непосредственно с царями. Это видно из оскорбления в адрес Миниона, которого Сульпиций обозвал первым попавшимся, кому царь доверил вести переговоры. Суть полемики, откровенно напоминавшей судебное расследование, состояла в том, что Минион обвинил римлян в политике «двойных стандартов», так как с италийских городов и Сицилии они взымали дань и требовали корабли на основании того, что покорили их силой оружия, однако не принимали подобного же объяснения политики Антиоха III в отношении Смирны, Лампсака, городов Ионии и Эолиды. Сульпиций аргументировал позицию Рима тем, что с того самого времени, как Регий, Неаполь, Тарент попали под власть Рима, с их жителей всегда требовалось то, что положено по договору, на основании одного и того же постоянного и неизменного права, которым римляне пользовались всегда, и действие которого ни разу не прерывалось. Что касается городов Азии, то, раз попав под власть предков Антиоха, они не оставались под нею неизменно. Некоторые побывали под властью Филиппа или Птолемея, другие пользовались в течение многих лет свободой, которую никто не оспаривал. По мнению римского посла у Селевкидов нет права требовать их возврата в рабство столько поколений спустя. Далее после-

давало приглашение на слушания посольств от городов, которые принялись излагать свои жалобы, притязания, превратив, в конце концов, обсуждение в препирательство. В переговорах закулисно участвовал и Эвмен Пергамский, выполняя роль консультанта, помогавшего представителям городов формулировкой аргументации, что весьма напоминает функции адвоката (Polyb. XXXV. 16).

Однако римлянам все же не удалось полностью монополизировать международное судопроизводство. Эллинистические государства по-прежнему часто обращались к Афинам с просьбой быть посредником при разрешении каких-либо споров. И это вполне понятно: Афины как и в прошлом сохраняли непререкаемый авторитет, являли собой носителя основных этико-правовых ценностей античного общества, освященных вековой традицией. Помимо этого, Афины негласно признавались воплощением идеи «Alma mater» эллинской цивилизации, или, как называл их Антигон Одноглазый, «сторожевой башней мира» (Plut. Dem. VIII). Поэтому Афины достаточно часто участвовали в урегулировании межгосударственных конфликтов. Так на протяжении II в. до н. э. афиняне посредничали и занимались разрешением самого разного рода конфликтов, от территориальных, как например между Милетом и Магнезией на Менандре, между Трезеном и Арсиной, где, кстати, фактически выполняли роль «судебных приставов», до религиозно-правовых, как между Скарфеей и Тронионом по поводу права голоса в Амфиктионии.

Развитые и устоявшиеся правила судопроизводства, подразумевавшие присутствие третейских посредников, арбитров, защитников, апеллирование, упорядоченное судебное делопроизводство, подтверждаемое сохранившимися документами, фиксирующими судебные решения, — все это позволяет рассматривать эллинистическую эпоху как важный исторический период в становлении международного правосудия. История и значение эллинистического международного правосудия не ограничиваются рамками эпохи эллинизма. Римляне, как они это умели делать, восприняли вместе с политической и дипломатической культурой эллинизма и основы цивилизованной международной судебной практики, что в последующем сказалось на становлении римского имперского суда и права в целом.

ПРОПАГАНДА

Миф и история на службе у дипломатии

*«Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки...»
(Гомер «Илиада». IV. 17–18)*

Одним из важнейших и эффективнейших средств проведения политического курса является пропаганда. Это положение, верное для любой страны и любого исторического периода, вполне осознавали правители и политики эллинистической эпохи.

Александр Великий, как и его отец Филипп II, относился к пропаганде как к полноценному оружию, способному нанести серьезный урон врагу. Александр при любом удобном случае не только публично бравировал ролью освободителя малоазийских греков от персидского гнета, талантливо режиссировал целые спектакли с пророчествами оракулов, но и старался всячески демонстрировать уважение к древнейшим греческим святилищам, центрам греческой цивилизации, словом, к культурному и историческому достоянию Эллады.

Одним из объединяющих эллинов эпических образов была гомеровская Троя. Будучи македонянином, Александр, тем не менее, имел прекрасное классическое образование, а значит, знал наизусть песни «Илиады» и с детства старался подражать в доблести и отваге героям поэмы — и смертным, и богам. Поэтому, оказавшись в Малой Азии, он просто не мог позволить себе даже в пылу войны проигнорировать близость священного места, где свершали подвиги Ахиллес, Гектор, Патрокл, Агамемнон.

У Страбона имеется упоминание о том, что Александр после битвы при Гранике прибыл в Илион (Трою), украсил храм посвятительными дарами, назвал селение городом, приказал тем, кому было вверено попечение над городом, восстановить его постройки и объявить независимым и свободным от податей; впоследствии же после разгрома персов он отправил туда благосклонное послание, обещая построить великий город, сделать храм знаменитым и учредить священные игры. Страбон считает, что Александр стал заботиться об илионцах, имея в виду восстановить древнее родство с ними и будучи в то же время поклонником Гомера. Преклонение перед Гомером, однако, вылилось

в исправление текста его поэм, известное под названием «редакции из Ларца». Александр просмотрел текст совместно с Каллисфеном и Анаксархом и в некоторой части снабдил примечаниями, а затем вложил экземпляр в ларец с драгоценными инкрустациями, найденный среди сокровищ персидской казны. Таким образом, Александр проявил благосклонность к илионцам в силу своего преклонения перед поэтом и по родству с Эакидами, царями молоссов, где, по рассказам, была царицей Андромаха, бывшая супруга Гектора (Strab. XIII. I. 26–27). Судя по всему, именно доказательство данного родства и составило суть редакции гомеровского текста.

Образ легендарного Илиона, на протяжении веков вдохновлявший греков на новые героические свершения, занимал в их сознании настолько важное и прочное место, что игнорировать этот факт не могли даже иноплеменники. Что еще могло связать вместе судьбы народов как не общее героическое прошлое, пусть даже легендарное?

Вот и римляне, обозначили свое дипломатическое присутствие в регионе так же с «раскручивания темы» Иллиона, муссируя древний миф, свидетельствовавший об их родстве с малоазийскими греками через троянского героя Энея, сына Анхиза и Венеры. Суть легенды в том, что оставшиеся в живых после гибели родного города троянцы во главе с Энеем после длительного путешествия прибыли на кораблях в Лаврентскую область, где заключили союз с местным царем Латинум. Женившись на дочери Латина, Эней основал новую династию, из которой позже и произошли родоначальники Рима Ромул и Рем (Liv. I. 1; XXXVII. 37). Таким образом, Илион (Троя) играл в политической истории римлян весьма значительную роль, а забота об этом городе занимала не последнее место среди их дипломатических мероприятий. Причиной тому было желание «отредактировать» свое мифологическое прошлое. Подчеркнуть в нем героические страницы и заглазить не вполне приглядные эпизоды, впрочем, ничуть не смущавшие самих римлян, но раздражавшие греков. Во время первых дипломатических контактов с римскими послами этоляне вели себя с большим высокомерием. На то время это было вполне естественно, ведь они смотрели на римлян как на народ пастухов, который владел землей, грабительски отнятой у законных владельцев: «...они вследствие этого своего позорного происхождения даже и жен не могли себе найти, им пришлось их открыто похищать. Да и самый город они заложили на братоубийстве и основание своих стен забрызгали кровью братской» (Just. XXVIII. 2. 1–10).

Этот криминальный подтекст родословной самим римским народом не принимался в расчет при политических контактах с варварским окружением. Наоборот, римляне постоянно бравировали своим воинственным прошлым. Однако дипломатический диалог с греко-македонским обществом, в свою очередь, воспринимавшим римлян лишь как варваров, требовал иного, идеологически выверенного подхода.

Страбон, продолжая повествование о судьбе Илиона уже при римлянах, замечает: «Что касается Цезаря, то он не только был поклонником Александра, но, имея более действительные доказательства родства с илионцами, смело, со всем пылом юности стал благодетельствовать им. Эти доказательства были более действительными, во-первых, потому что он был римлянин, а римляне считали Энея своим родоначальником, во-вторых, потому что имя Юлий производили от Юла, одного из его предков; последний получил свое прозвище от Юла, одного из потомков Энея. Поэтому Цезарь отдал им землю, сохранив свободу и освобождение от государственных повинностей; они сохраняют и до настоящего времени эти привилегии» (Strab. XIII. I. 27).

Так Илион — священное место, где бок о бок сражались простые смертные, герои и боги, продолжил свою легендарную историю, став связующей нитью от мифологической древности к эпохе рождения великой империи. И если Александр не успел довести идею мирового государства до триумфа, то ее подхватили и воплотили в жизнь римляне. Александр же сам стал легендой, вдохновляющей своим примером, подобно героям «Илиады».

Именем Александра

«Во всем мире я завидую только Ахиллу: у него был друг при жизни и певец после смерти»

Смерть Александра подвела черту, прервав жизнь смертного царя и полководца и открыв миру новую легенду о герое, достойном бессмертия. Диадохи, жаждавшие как можно скорее закрепить права на собственные царства, весьма активно занялись планомерной эксплуатацией этой легенды. Кто как не Александр возвел идею монархии на столь высокий пьедестал, что даже свободолюбивые греки согласились стать под знамена македонской монархии.

В античном мировоззрении, представленном философией и религией, нет четко выраженного неприятия монархической власти как

таковой. Греческие философы и историки обсуждают нравы и деяния царей. Они могут выражать свое предпочтение республиканской форме правления, как это делает Полибий в отношении Рима (Polyb. VI. 11–18), но при этом не отрицают саму идею монархии. А после исторического триумфа Александра Великого это было бы и не возможно. Александр после смерти стал личностью вне критики, что само по себе уже составляло серьезную предпосылку для обожествления.

Мифологизация образа Александра, как положено, началась с легенды о его божественном происхождении от Зевса (Омона). Следуя примеру, почти каждая эллинистическая династия возвела свою родословную к кому-либо из олимпийских богов. Более того, например Селевкиды почти повторили повесть о рождении Александра, с той лишь разницей, что вместо Зевса их отцом-основателем оказался Аполлон. Получился достаточно трогательный плагиат: «Он (Селевк) также и доблестью своей был знаменит и обстоятельства его рождения были достойны удивления. Ибо мать его Лаодика, когда вышла замуж за Антиоха, одного из славнейших полководцев Филиппа, увидела во сне, что зачала, совокупившись с Аполлоном, что став беременной, она получила от него в дар за то, что отдалась ему, перстень, на котором было вырезано изображение якоря, и что бог повелел ей отдать этот дар сыну, который у неё родится. Особенно удивительным показалось видение Лаодики, когда на следующий день на её ложе был найден перстень с таким точно изображением, и ещё более, когда на бедре новорожденного ребенка оказалось родимое пятно в форме якоря. Поэтому Лаодика, когда Селевк отправлялся в персидский поход с Александром Великим, рассказала сыну о его происхождении и отдала ему перстень. Когда после смерти Александра Селевк захватил царство на востоке и основал там город, он посвятил его памяти о своем двойственном происхождении. А именно — сам город он назвал Антиохией по имени своего отца Антиоха, а окрестности города посвятил Аполлону. Доказательство его божественного происхождения сохранилось и у его потомков, так как и его сыновья и внуки носили на бедре изображение якоря, как природный отличительный признак своего происхождения» (Just. XV. 4. 2–9).

Однако подобающая родословная еще не означала наличия у претендента на власть способностей к управлению, неоспоримому лидерству. Как следствие, практичный ум эллинов выделял и фиксировал в коллективном сознании те признаки и черты характера Александра, которые свидетельствовали о его исключительности, благородстве, дипломатическом таланте. Поэтому, несмотря на хорошо известные современни-

кам внутрисемейные разногласия Аргеадов, реально присутствовавшее соперничество Филиппа II с собственным сыном отступало на задний план, и историческая память сохранила факты взаимного согласия и предопределенности будущей судьбы: «...Филипп, без сомнения, горячо любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра «царем», Филиппа — «полководцем», — говорит Плутарх (Plut. Alex. IX). Он же воспроизводит сюжет, характеризующий молодого Александра как дипломата и талантливое стратега: «Однажды ему пришлось в отсутствие Филиппа угощать и принимать послов персидского царя. Он сошелся с ними и привел их в такой восторг своей лаской и вопросами, в которых не было ничего дерзкого или пустого, — он спрашивал их о длине дороги, о том, как путешествовать по северной Азии, затем о персидском царе, каков он в отношении неприятелей, какими средствами и силами располагают персы, — что они в удивлении сочли за ничто прославленные способности Филиппа в сравнении с живостью ума и обширностью планов его сына» (Plut. Alex. V).

Примечателен сам факт доверия между правящим монархом и будущим наследником. Для эллинистических династий нередким было открытое соперничество в борьбе за власть даже между отцами и детьми. Достаточно вспомнить македонского царевича Деметрия, незаслуженно заподозренного в измене и казненного по приказу его собственного отца Филиппа V. Тем дороже были примеры сильных семейных кланов, способных решать масштабные задачи, соответствующие размаху эпохи. В рассказе Плутарха о родоначальниках династии Антигонидов Антигоне Одноглазом и Деметрии Полиоркете недвусмысленно угадываются мотивы взаимного доверия Филиппа II и Александра: «Деметрий пришел однажды к Антигону прямо с охоты, когда царь принимал послов. Подойдя к отцу, Деметрий поцеловал его и сел рядом, не выпуская из рук охотничьих дротиков. Послы начинали уже уходить, получив ответ, когда Антигон громко сказал им вслед: «Расскажите, господа, и об отношениях между мной и сыном!» В согласии с ним и доверии к нему Антигон видел своего рода опору царской власти и доказательство силы. Между тем власть крайне необщительна, так сказать, полна недоверия и вражды, вследствие чего величайший и самый старый из диадохов Александра мог хвастливо говорить, что не боится сына и даже позволяет ему стоять рядом с ним с копьем. Действительно, почти один лишь дом Антигона не знал в продолжении целого ряда царей бедствий подобного рода или, верней, из потомков Антигона один Филипп убил своего сына. В то же время почти все другие динас-

тии дают ряд убийств детей, матерей и жен. Убивать же своих братьев считалось даже каким-то обыкновенным требованием в интересах безопасности царской власти, как необходимы некоторые требования в геометрии» (Plut. Dem. III).

Такие примеры говорят не о случайном подражании, а о создании некоего прецедента в сфере высшей государственной власти. Отныне любой правитель или крупный политический деятель сравнивал свои достижения с подвигами Александра, оправдывал свои поступки примером Александра, ставил перед собой задачи, ориентируясь опять же на масштабы его свершений. Эта тенденция, в том числе, выразилась в борьбе диадохов за право похоронить его на своей части разделенной империи.

Восемь лет спустя после смерти Александра, его полководец Птолемей, проигнорировав волю самого царя и македонскую традицию, перехватил обоз, транспортировавший его тело в Македонию, оправдываясь тем, что оно должно быть похоронено в Сиве. Однако после некоторого пребывания в Мемфисе тело царя переправили в основанную им Александрию (Павсаний. I.VI. 3; I.VII. 1). При Птолемее IV Филопаторе оно было помещено в монументальную гробницу — Сому, которая должна была стать усыпальницей и для всех египетских царей. Птолемеи монополизировали право покоиться рядом с тем, кто своей нестигаемой волей преобразовал мир. Надо сказать прямо: у оппонентов Птолемея в то время просто не было возможности предъявить убедительные и веские аргументы против его позиции. Таким образом, символика свойственная новой реликвии была ограничена ролью в пределах Египта. Здесь Александр воспринимался как основатель нового государства и столицы Александрии. Для греко-македонян, обосновавшихся в Египте, это означало законность их власти над страной. Птолемеи на протяжении поколений старались сберечь эту реликвию как свой политический капитал. Только при Птолемее X золотой саркофаг был заменен на стеклянный, который видел Страбон во время путешествия в Египет (Strab. XVII. I. 8). Последнее упоминание о гробнице, относится к времени правления императора Каракаллы. Возможно, она была разрушена во время восстаний или сильным землетрясением.

Авантюристичное, на первый взгляд, поведение Птолемея I с идеологической точки зрения было весьма выверенным. Обладание реликвией наделяло его статусом законного наследника и хранителя имперской традиции, хотя именно он одним из первых приступил к разделу державы Александра и созданию собственного государства. Активная пропаганда птолемеевского двора, направленная на доказательство

связи между происхождением власти Птолемея и его причастностью к личности Александра, позволили новому египетскому владыке закрепить свое влияние у греко-македонского населения, которое и стало его главной социальной опорой в управлении египтянами. Вообще идентификация молодых династий на причастность их к македонскому царскому дому Аргеадов играла не последнюю роль среди средств легализации их власти. Вот и Птолемей дошел в мифологизации своей родословной до того, что будто бы был рожден своей матерью Арсиноей от Филиппа II Македонского, и потому является единокровным братом Александра и представителем дома Аргеадов. Важным фактором в обосновании претензий на власть большей части диадохов стала их личная доблесть во время азиатского похода. Товарищеские отношения с Александром использовались как аргумент, доказывающий личностную ценность; как орудие политической пропаганды. Правда, не для всех из них сакрализация личности Александра была очевидной и неизбежной необходимостью. Некоторые продолжали рассматривать его в качестве первого среди равных. Смерть Александра открыла им дорогу для перемещения по социальной лестнице. Так, лишь некоторые представители Антигонидов и Селевкидов поощряли распространение слухов о связи своих династий с Аргеадами. Селевк, по сообщению Аппиана, дал двум основанным на востоке своего государства городам имя Александра: в Индии — Александрополь, Александресхата (Александрия крайняя) (App. XI. 57). Правда, Александресхата была в свое время заложена еще самим Александром. Имя царя использовал в политической борьбе и Лисимах, пытавшийся утвердить влияние в Македонии, ссылаясь на свою принадлежность к кругу царских друзей.

С течением времени, особенно со сменой поколения диадохов на поколение эпигонов, продолжавших передел власти, имя Александра, казалось бы, потеряло первостепенное идеологическое значение в политической игре. Тем не менее, никто напрямую не отказывался от его политического наследия. В этой связи интересен ряд фактов, касающихся активного использования в дипломатии аргументации с упоминанием имени Александра. Один из них связан с попыткой Антиоха III закрепить свое влияние в Греции и собрать как можно больше союзников под знамена борьбы против римского порабощения. Потенциальным союзником являлся царь афаманов Аминандр. Эта фигура привлекла внимание сирийского царя не случайно. Несмотря на то, что Аминандр являлся властелином весьма незначительного государства, он был зятем некоего Александра из Мегалополя, объявившего себя

сыном Александра Великого. Ливий упоминает, что жена Аминандра, Апама, была дочерью некоего мегалопольца Александра, который мнил себя потомком Александра Великого, почему и нарек двух своих сыновей Филиппом и Александром, а дочь — Апамой. (Liv. XXXV. 47). Старшего брата Апамы Филиппа Антиох III привлек на свою сторону обещаниями содействовать в обретении македонского престола.

Согласие царя афаманов заключить брак с дочерью мегалопольского Александра Апамой доказывает, что и во II в. до н. э. любое свидетельство родственных связей с династией Аргеадов, и непосредственно с Александром Великим, продолжало иметь значительный политический вес. Вряд ли у самого мегалопольца имелись хоть сколько-нибудь убедительные доказательства столь высокого происхождения, однако это ничуть не смущало ни Аминандра, ни других современников. Он не оставлял о себе впечатления как об аферисте и шарлатане, видимо, благодаря весьма дипломатичному и выверенному поведению.

Александр Мегалопolec, последовательно настаивавший на своем родстве с Аргеадами, для своей дочери искал супруга царского происхождения, поэтому, предположительно, именно он стал инициатором заключения брака Апамы с Аминандром. Афаманского царя эта брачная партия вполне устраивала, а, следовательно, он ожидал от данного союза каких то политических дивидендов. Таковым могло быть повышение статуса династии и подтверждение суверенности государства. Непосредственное общение мегалопольского семейства с царем Антиохом III так же в значительной степени служило поддержанию их имиджа. Антиох III выступал в роли прямо-таки гаранта достоверности происхождения самого Александра и его сына Филиппа. Занимавшие в это время македонский престол Антигониды, а именно Филипп V, могли расценивать такую дипломатическую кампанию как оскорбление и открыто враждебное поведение. Было очевидно, что Селевкиды используют мнимое царское происхождение Мегалопольца как пропагандистский инструмент для ослабления их власти и влияния.

С помощью гипотетического потомка Александра Великого Антиоху III удалось выиграть афаманов как союзника в борьбе против Рима. Антиох поручил Филиппу Мегалопольцу собрать и захоронить останки македонских солдат, которые оставались на поле битвы при Киноскефалах не захороненными уже шесть лет в нарушение всех религиозных норм. По мнению Антиоха III, Филипп Мегалопolec мог тем самым расположить к себе македонский народ. В том, что

павшие македоняне были наконец то погребены с почетом, присутствовал определенный вызов Антигонидам. Римляне не выразили никакого сомнения или протеста по поводу проведения погребения. Однако вызов представляла личность, предпринявшая похороны: частное лицо, претендующее на царский титул. Пропаганда Антиоха III ставила под сомнение само господство в Македонии царского дома Антигонидов. В результате была упущена последняя возможность установить коалицию двух самых могущественных эллинистических династий против Рима, на чем так настаивал Ганнибал. Для Антиоха III реакция Филиппа V была предсказуемой: он понимал, что Филипп не примет спокойно позор кощунства, разоблачающий его перед македонским народом. Однако на этом локальная цель Антиоха III была достигнута. Как только Аминандр присоединился к селевкидо-этолийской коалиции, Антиох моментально потерял интерес к мегалопольскому семейству. Тем не менее, этот пример очевидно доказывает, что имя Александра Великого и связанные с ним реликвии продолжали играть роль фактора, придающего любым акциям тех, кто ими обладал, легитимный характер. В определенном смысле, это печальная реальность любой эпохи: выдающийся политик не принадлежит себе ни при жизни, ни после смерти. Эксплуатируя волю и сознание масс, он сам, в свою очередь, превращается в орудие реализации чьих-либо интересов.

Что касается обращения к имени Александра Великого в римской идеологии и политике, здесь прослеживаются две четко выраженные тенденции. Личность великого македонского полководца была популярной у римской политической и военной элиты до того момента, пока Рим не начал победное шествие своих легионов по всему Восточному Средиземноморью. Тогда у римских полководцев появился повод уверовать в собственное величие, не уступавшее, по их мнению, славе Александра. Римское общество рождало собственные идеалы карьерного роста, величия, славы. Появились личности, претендовавшие на героизацию, например Помпей и Цезарь. Хотя, сам Цезарь достаточно явно демонстрировал желание следовать примеру Александра: «...в наше время Божественный Цезарь проявил о них (илионцах) гораздо большую заботу, подражая Александру. Ибо Александр стал заботиться об илионцах, имея в виду восстановить древнее родство с ними и будучи в то же время поклонником Гомера» (Strab. XIII. I. 27). Как видно, римляне явно «тоскуют» по абсолютному мировому господству, которое олицетворяется личностью Александра. Такое положение сохраняется

до начала правления Августа. Не будучи великим полководцем, он, тем не менее, сумел добиться власти над всем Средиземноморьем. Коренным образом изменилась система ценностей: личных и общественных. Ушли в прошлое или отступили на второй план многие идеалы республиканского Рима, в том числе и восхищение масштабностью личности Александра. Теперь ему отводится роль героического персонажа, за которой, тем не менее, осталось прошлое. Будущее принадлежало имперскому Риму.

(мозаика II в. до н. э. Национальный музей Неаполя)

Торговля свободой

Свобода не как политическая и правовая категория, а как осязаемая реальность бытия в сознании греков всегда связывалась с привычной для них полисной организацией государства. Была ли это свобода граждан демократических Афин или аристократической Спарты, или множества других полисных гражданских коллективов, она представляла собой «воздух», которым дышала Греция. Свобода гражданина полиса была неотделима от свободы самого полиса. Поэтому любое покушение на государство не могло не восприниматься как попытка превратить его граждан в рабов. Четко осознавая это, еще на заре

эллинизма Филипп II Македонский не без успеха «примерил на себя одеяние» поборника греческой свободы. С позиций непредвзятого исторического анализа, его действия иначе, чем чистейшей политической аферой, не назовешь. Однако нельзя не признать таланты политика, облекшего аннексию греческих территорий в освободительный марш греков против самих же греков. Заставив их после разгрома при Херонее в 338 г. до н. э. сесть за общий стол переговоров на Коринфском конгрессе, Филипп II юридически оформил подчинение Греции привычными для греков демократическими средствами. Македонский царь сам предложил то, от чего греки не могли отказаться: признание суверенитета греческих государств, неприкосновенность их границ, право на выход из договора, свободу от податей и даже от размещения иностранных гарнизонов (Polyb. IV. 25. 7; XVIII. 46. 5). В ответ от «свободных» греческих государств требовалось признать за македонским царем роль гаранта законности, причем, как на уровне союзных отношений, так и внутригосударственной жизни.

Конечно, для современников было очевидно, что отныне автономия греческих полисов не являлась результатом свободного волеизъявления, а была предписана македонским царем. Тем не менее, греки вынуждены были согласиться на условия Филиппа II по многим причинам, наиболее важными из которых являлись две: во-первых, их согласие «гарантировали» македонские войска, во-вторых, наступило такое время, когда свобода отдельно взятого полиса теряла смысл и ценность перед лицом масштабных политических задач, вставших перед всем греческим обществом.

Последствия «согласия» греков с условиями свободы, продиктованными Македонией, не заставили себя ждать. В 335 г. до н. э. восставшие против македонской гегемонии Фивы были разрушены до основания. «Это бедствие, постигшее Элладу, — говорит Арриан, — потрясло остальных эллинов не меньше, чем самих участников этого дела: величина взятого города, стремительность покорения, неожиданное поражение и неожиданная победа — потрясало все» (Arr. Anab. I. 9. 1). Действительно, было чем быть потрясенными. Подавление восстания превратилось в показательное масштабное избиение фиванцев собственными соплеменниками, греками, под руководством македонцев. Решающую роль в развитии трагического сценария сыграла старая межполисная вражда: фокейцы, латейцы и прочие беотийцы не преминули выместить на фиванцах старые соседские обиды. Город был срыт до основания, земля разделена между союзниками, оставшиеся в живых фиванцы проданы в рабство (Arr. Anab. I. 8–9; Diod. XVII. 14. 1). Кар-

казм положения в том, что эта бойня была узаконена распоряжением избранного на Коринфском конгрессе Синедриона (Diod. XVII. 53. 5f.). Позже ситуация повторилась при усмирении Спарты македонским полководцем Антипатром.

В таких условиях любые ссылки на решения коллективных органов и игра демократическими лозунгами выглядят как «смазывание маслом» жесткого механизма, построенного на силе приказа. Это лишний раз подтверждается примером расправы Александра над афинскими наемниками, служившими в персидской армии и попавшими в плен после первой победы над персами у Граника весной 334 г. до н. э. Афиняне сражались на стороне персов только потому, что большинству из них было дозволено состоять на персидской службе уже давно, то есть еще до официального решения Коринфской Лиги объявить войну Персии под верховным командованием македонского царя. Несмотря на это, Александр отправил их в цепях на принудительные работы в Македонию. Его ничуть не смутило, что он поставил свою волю выше нормы межгосударственного договора, действуя без согласования со всеми членами Лиги. После этого трудно рассматривать завоевание Востока как победу эллинов над варварами, ибо она принесла окончательное порабощение самой Греции. Однако манипулирование лозунгом свободу оказалось настолько эффективным, что и в последующем как сам Александр, так и его преемники постоянно возвращались к подобной практике.

Так, после смерти Александра, его соратник Полисперхон обратился к греческим городам с обещанием вернуть свободу и автономию, то есть государственное устройство, которое они имели ранее. Он начал свое управление Грецией в качестве наместника (Diod. XVIII. 48) с издания эдикта, подобно Филиппу II и самому Александру, так же некогда «наводившим порядок» в Элладе.

В 311 г. до н. э. было подписано очередное соглашение, содержащее в себе декларацию свободы для всех эллинов. Его инициатором явился Антигон Одноглазый. Соглашение, сохранившееся в качестве эпиграфического памятника из города Скепсиса, известное под названием «Манифест Антигона о свободе эллинов», призвано было закрепить рамки уже сформировавшейся в ходе войн диадохов системы эллинистических государств. Главным его условием было возвращение к политическому положению, существовавшему до войны диадохов. Документ фиксировал взаимную ответственность сторон: «Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы

живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать...» (OGIS. 5). С одной стороны, данным актом Антигон обязывал сам себя признать независимость других властителей. Однако в результате он выглядел главным защитником свободы греков. Это было действительно умелый политический шаг.

Далее тенденция развивалась по нарастающей. В роли освободителя выступали один за другим диадохи и эпигоны, претендовавшие на закрепление влияния в Балканской Греции, на островах и в Малой Азии, словом, везде, где лозунг свободы мог найти отклик в греческой среде.

Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет неоднократно «примеряли» на себя роль борцов за свободу греков. Деметрию, избавившему Галикарнасс от осады Птолемея, по выражению Плутарха, «...явилось страстное желание освободить всю Грецию, находившуюся в зависимости от Кассандра и Птолемея». Афины Антигон рассматривал как сторожевую башню мира, способную распространить своей славой по всем народам молву о подвигах македонян. Следуя такой тактике Деметрий объявил афинянам, что отец послал его с помощью свыше даровать им свободу, выгнать гарнизон Кассандра и вернуть их древние законы и государственное устройство (Plut. Dem. VIII).

Собственная оценка греками того положения, в котором они оказались в результате потери самостоятельности и постоянной смены одного «освободителя» другим, довольно ясно представлена историческим анекдотом. По взятии Мегар Деметрием Полиоркетом, город был избавлен от военного грабежа благодаря заступничеству афинян, однако мегарцы лишились всех своих рабов. В состоявшейся на прощание беседе Деметрия со знаменитым мегарским философом Стильпоном полководец горделиво заметил, что оставляет город свободным. На что философ ответил: «О да, ты не оставил нам ни одного раба!» (Plut. Dem. IX)

Примечательна также реакция аргосцев, которых ахейский стратег Арат без их собственного согласия пытался освободить от гнета тирана Аристиппа. В разгар осады «освобождаемые» аргосцы сидели совершенно спокойно, в качестве беспристрастных, справедливых зрителей, как будто праздновали Немейские игры и перед их глазами не шло сражение за их свободу (Plut. Arat. XXVII). А позже против Арата был подан иск в международный суд по поводу разжигания войны.

С появлением в регионе римлян лозунг освобождения Греции приобрел особое значение. К нему в равной степени прибегали, оправдывая свои внешнеполитические акции, как сами римляне, так и их оппоненты.

Антиох III Великий в 195 г. до н. э. переправился из Азии в Европу с войсками ради освобождения Греции — освобождения не на словах, не притворного, какое принесли с собой римляне, а на деле. Во всяком случае, так уверяли его союзники этолийцы. В свою очередь, занимавшие проримскую позицию халкидцы выражали недоумение: кого это собрался освобождать Антиох, оставив свое царство и переправившись в Европу; ведь в Греции нет ни одного города, который имел бы римский гарнизон в своих стенах, или платил бы дань, или, связанный неравноправным договором, вынужден был бы против воли терпеть его условия (Liv. XXXV. 46. 4 — 6).

Однако, оппонируя сирийскому царю, халкидцы приводили аргументы, отнюдь не свидетельствовавшие в пользу реальности их свободы под сенью римских легионов. Заявляя о том, что не нуждаются ни в спасителе их свободы — ибо они свободны, ни в заступнике — ибо, облагодетельствованные римским народом, наслаждаются миром и свободой, халкидцы оговариваются, что решили Антиоха и этолийцев в свои стены не принимать и даже никакого союза не заключать, иначе как с одобрения римлян (Liv. XXXV. 46. 9–13).

Как уже отмечалось, при осуществлении аннексионистских планов римская дипломатия не стеснялась пускать в ход и откровенные фикции и демагогию. Использование лозунга свободы стало еще одним удачным пропагандистским трюком, активно применявшимся при решении как локальных, так и стратегических политических задач. Примером тому служит провозглашение свободы Греции.

Стремясь консолидировать вокруг Рима греческие государства, только что избавившиеся от македонской гегемонии, и, желая ослабить влияние на них Этолийского союза, Тит Фламинин, дождавшись Истмийских игр 196 г. до н. э., на заполненном множеством зрителей стадионе через глашатаев объявил: «Римский сенат и полководец с консульской властью, Тит Квинций, победив в войне Филиппа и македонян, даруют свободу коринфянам, фокидцам, локрам, эвбейцам, ахеянам фтиотидским, магнетам, фессалийцам, перребам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам» (Polyb. XVIII. 46. 4–6; Plut. Tit. X, XI; App. IX. IX. 4). Поскольку на стадионе было достаточно шумно, то сперва не все слышали слова глашатая, что вызвало дополнительное волнение. После повторного объявления присутствующие в восторге вскочили со своих мест, оглашая окрестности криком ликования. Больше никто не обращал внимания на спортивные состязания, ради

которых и собрались на стадионе. Все поздравляли друг друга и приветствовали Тита Фламинина.

Возбуждение народа было настолько велико, что Титу пришлось спешно удалиться, уклоняясь от наседавшей восторженной публики. Ведь греки наконец то получили то, за что вели нескончаемые войны. Счастье было тем более велико, что на сей раз свобода досталась Греции без собственной крови и без слез, ибо за неё сражались римляне (Plut. Tit. XI).

То, что это был «чистейшей воды» ловкий дипломатический прием, повергший политических оппонентов Рима, не вызывает сомнения. В благодарность греки оказали Фламинину почести, каких обычно удостоивали монархов. Римского полководца превозносили как спасителя. Только этолийцы предупреждали греков, что они носят теперь ошейник тяжелей прежнего, утешаются тем, что он более гладкий, и видят в Тите своего благодетеля за то, что он, сняв цепи с ног Греции, надел их ей на шею? Действительно, «спасение» и «свобода» обернулись для греков размещением римских гарнизонов в Коринфе, Халкиде и Деметриаде (Plut. Tit. X) и полной подконтрольностью римским легатам.

Какое содержание вкладывал сам римский сенат в понятие даруемой народу Греции «свободы»? По всей видимости, Рим мог подразумевать под ней лишь привилегию, предоставляемую грекам, как иностранным клиентам в строго юридическом смысле слова. Вполне можно допустить, что Фламинин на том этапе был достаточно искренен в намерении «осчастливить Грецию». Почему бы и нет? Однако патернализм Рима не стоит понимать буквально. Ведь благодаря этой инициативе римляне добились роспуска оппозиционных по отношению к себе союзов греческих государств.

Еще раз римляне публично повторили жест с провозглашением свободы, когда Луций Эмилий Павел огласил программу своего урегулирования дел в Македонии в Амфиполисе в 167 г. до н. э. Этому предшествовала очередная война Рима с Македонией. Стремление римлян к публичной риторике можно расценивать как способ зондирования настроений в политических кругах, с которыми они контактировали, и одновременно как форму ненавязчивого внедрения в сознание политических партнеров идеи несокрушимого могущества Римского государства. Действительно, к любой политической акции римляне старались привлечь как можно больше сторонников и свидетелей. Они понимали, что отдельных военных побед и дипломатических мероприятий не достаточно, чтобы окончательно привлечь греков на свою сторону, тем более, что последние постоянно проявляли колебания в зависимости от успехов Рима или его противников. Именно поэтому Эмилий

Павел и убедил сенат в очередной раз провозгласить свободу, на этот раз Македонии.

Евтропий так комментирует суть намерений Рима: «...народ римский сражается больше ради справедливости, чем из жадности. И вот Павел обнародовал этот [договор] на собрании многочисленных народов и дал великолепнейший пир для посольств многочисленных племен, которые прибыли к нему, говоря, что одному и тому же человеку должно быть свойственно и на войне побеждать, и оставаться изысканным посреди великолепия пира» (Eutr. IV. 7. 3).

Эмилий Павел объявил, что македоняне отныне свободны, но их монархия должна была быть упразднена, а сама Македония должна быть разделена на четыре республики. Что касается других греческих общин, те из них, которые поддерживали последнего македонского царя Персея, должны были отправить послов в Рим для объяснения своего поведения. В Эпире сто пятьдесят тысяч мужчин были порабощены.

После окончательного поражения Македонии римляне устроили не столько традиционный триумф своему полководцу Эмилию Павлу, сколько показательную демонстрацию своего превосходства, что должно было служить для восточных правителей поучительным примером: «Посмотреть на это зрелище (триумф Павла над Персеем и Аниция над Гентием) прибыли в Рим цари многих народов, среди прочих — Аттал и Эвмен, цари Азии, и Прусий, царь Вифинии. Они были приняты с большими почестями, а дары, которые они доставили, поместили с разрешения сената на Капитолии. Прусий также представил сенату своего сына Никомеда» (Eutr. IV. 4. 8. 2; Liv. XLV. 39–40).

Закат эллинизма на Востоке Средиземноморья породил немало подобных примеров. После смерти египетского царя Эвергета II государство утратило и фактически, и юридически контроль над Кипром и Киреной. Позже Кирена досталась Птолемею Апиону, побочному сыну покойного царя. Он же, будучи бездетным, завещал ее римскому народу. Рим, следуя уже отработанной тактике, сначала объявил Кирену свободной и даже не докучал излишним надзором со стороны своего африканского наместника, а затем окончательно превратил ее в свою провинцию.

Для эллинистических монархов ценность политической свободы приобрела зримый характер в связи с проблемой сохранения независимости собственных государств от римского диктата. Ливий, вложив в уста македонского царя Персея призыв к Эвмену II и Антиоху III объединиться на антиримском фронте, суммирует роль лозунга сво-

боды в римской дипломатии: «Свободное государство и царская власть, сказал он, — враги по самой природе своей. Римляне царей бьют поодиночке и, хуже того, натравливают друг на друга, и это подло: Филиппа они подавили при пособничестве Аттала, Антиоха одолели с помощью Эвмена и не без поддержки Филиппа, отца Персея; теперь Евмен с Прусием ополчаются против самого Персея. А если падет Македонское царство, наступит черед Азии, которую римляне и так уже отчасти подчинили себе под предлогом освобождения городов, а там и до Сирии дело дойдет. Римляне и так уже Пруссия ставят выше Эвмена и лишают Антиоха его победной награды — Египта. Так что пусть цари поразмыслят...» (Liv. XLIV. 24. 1–6). Македонские послы, отправленные на Родос с официальным царским письмом, увещевали родосцев: «Если они стараются установить повсюду вольности и равенство и не перестают ратовать за свободу не только свою собственную, но и прочих эллинов, то тем с большей зоркостью надлежит им следить за притязаниями противоположного свойства и по мере возможности бороться против них» (Polyb. XXVII. 4. 7).

Конечно, упрекать именно римлян в нещадной эксплуатации лозунга свободы не логично. Ведь свобода была той ценностью полисной и индивидуальной жизни эллина, на которой держалось все общественное устройство. Поэтому любому претенденту на гегемонию над Грецией приходилось «ломать голову» по поводу того, что с нею делать и как лишить ее греков их же собственными руками. Именно римлянам удалось довести эту политическую задачу до логического завершения.

Престиж и амбиции в борьбе за преобладание

Эллинизм стал первым в истории примером формирования многонациональной, мультикультурной цивилизации. Её внешние признаки — уникальность и контрастность, как проявления не только культуры и искусства, но и политики, права, идеологии.

Гигантомания и миниатюрность, помпезность и интимность, аллегоричность и натуральность — столь причудливые сочетания пронизывают всю жизнь людей эллинистической эпохи независимо от их социального статуса и общественного положения. Ибо рядовой человек также постоянно сталкивался с проявлениями революционного преобразования среды обитания, как и правящая элита.

Содержание государственной идеологии определялось задачей легитимизации власти людей, ставших в одночасье по воле судьбы монар-

хами, и превративших целые страны в подобие личных поместий. Для реализация такой задачи требовалось привлечение всех ресурсов материальной и духовной культуры, способных через доступные обыденному сознанию образы утвердить идею неизбежности и величия монархии.

Поэтому уже на заре эллинистической эпохи между эллинистическими династиями развернулась настоящая «гонка» за престиж и авторитет в греко–македонской среде.

В расчет принималось все, от элементарных, так называемых, внешних признаков царского сана, до архитектурного облика столиц и целенаправленного формирования государственной идеологии. Большое значение придавалось атрибутам царского сана: диадеме, пурпуру, особому вооружению и так далее. Со временем оформилась даже мифологизация истории обретения диадохами символов царской власти.

Атрибуты власти сопровождали монархов всю жизнь и во время погребения, а также могли достаться врагу в виде трофея. Монарх мог отказаться от них или заменить на обычное одеяние и вооружение только в исключительных случаях, например во время сражения, чтобы ничем не отличаться от обычных воинов.

Особое значение придавалось диадеме. Она являлась неоспоримым атрибутом власти и в силу этого несла сакральный смысл и почти одушевлялась. В античной литературе сформировалось даже нечто вроде традиции, рассматривавшей факт чудесного обретения диадемы тем или иным историческим персонажем в качестве предзнаменования реального достижения власти.

Юстин рассказывает, что однажды в Индии Александр преследовал рассеявшихся врагов и благодаря резвости своего коня далеко оставил за собой отряд телохранителей. Лишь один Лисимах во время скачки по беспредельным песчаным пустыням остался его спутником. Но Александр, спрыгивая с коня, так сильно ранил Лисимаха в лоб острием копья, что кровотечение остановилось лишь тогда, когда царь надел на его голову свою диадему, чтобы заткнуть рану. Это было, по словам Юстина, первым предсказанием Лисимаху о предначертанном ему царском величии (Just. XV. 3. 11–14).

Весьма поэтичное предание о судьбе одной из диадем Александра Великого передает Арриан. Однажды Александр, самолично правя триерой, осматривал озера недалеко от Вавилона. Интерес царя, вероятно, был вызван тем, что здесь среди прибрежных тростников находились могилы древних вавилонских царей. Сильный порыв ветра сорвал с головы Александра шапку с диадемой. Шапка упала в воду, а диадему

подхватил ветер и опустил на тростник на могиле какого-то древнего царя. Один из сопровождавших царя моряков бросился в воду и поплыл за диадемой. Он снял её с тростника и одел себе на голову, чтобы не замочить, плавая обратно. Дальнейшее толкование легенды привело к тому, что вместо обычного моряка, в качестве спасителя диадемы оказался полководец Селевк. Все произошедшее было истолковано в последующем как знамение: Александру оно предвещало смерть, в Селевку — великое царство. Действительно, как замечает Арриан, из тех, кто принял власть после Александра, Селевк обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей страной (Arr. VII. 22. 2–5).

Постепенно стремление подчеркнуть национальный характер монархии привело к тому, что, например Селевкиды не чурались, участвуя в религиозных ритуалах восточных святилищ, примерять на себя атрибуты власти вавилонских и персидских царей. Птолемеи пошли еще дальше, полностью восприняв стиль убранства египетских фараонов. Несмотря на свое македонское происхождение, Птолемей Лаг короновался как фараон со всей подобающей древней египетской традиции атрибутикой, придворным этикетом и религиозной символикой. Птолемеи коренным образом порвали с традицией македонской монархии, но при этом приобрели статус законных правителей египтян, которым власть фараонов была привычна.

* * *

В вопросах престижа и достоинства власти эллинистические владыки разбирались столь превосходно, что могли позволить себе учить римлян. Исторический анекдот повествует, как Антоний неумело пытался произвести впечатление на Клеопатру, приказав во время рыбалки пловцам нырять в воду и сажать на крючок заранее пойманных рыб. На что догадливая Клеопатра отреагировала с царским достоинством. В очередную рыбалку она приказала рабу насадить на крючок Антонию соленую понтийскую рыбу, сопроводив неожиданный улов римского полководца поучением: «Оставь удочку, император, нам, рыбакам Фара и Канобы! Ты должен ловить города, царей и земли» (Plut. Ant. XIX). Иными словами, правитель должен помнить: «*Aquila non captat muscas*» (Орел не ловит мух).

Достойным занятием для монархов помимо войн могло быть наилучшее устройство собственных владений, покровительство храмам и греческим полисам, демонстрация преуспевания в экономике, культуре. Платформой для воплощения планов пропаганды в архитектуре и

искусстве стала активная градостроительная политика. Работа скульпторов, художников, архитекторов была направлена на прославление монархов и уподобление их божествам. Художественные взгляды и творческие приемы мастеров формировались четко под влиянием государственного заказа.

Старейшие центры античной культуры Афины, Родос, Дельфы, Олимпия, Пергам, Смирна получили новый стимул для расцвета. Десятки новых городов, основанных Селевкидами и Птолемеями стали полноценными полисами, а значит, имели все признаки греческой градостроительной культуры. В таком виде они становились привлекательными для греко-македонских поселенцев, что гарантировало укрепление контроля монархов над территорией и увеличение притока налоговых поступлений в казну. Александрия — в Египте; Антиохия, Лаодикея, Дурра-Европос, Селевкия-на-Тигре — в Азии, являли собой образцы единения архитектурных традиций и новаций.

Особое восхищение современников вызывала столица Птолемеев Александрия. Город — порт с миллионным многонациональным населением, царской резиденцией, развитой инфраструктурой, приспособленной для полноценной жизни и функционирования многочисленной бюрократии, являлся не только столицей Птолемеев, но мировым экономическим и культурным центром. Именно так и было задумано при его основании самим Александром. Птолеми же развили эту плодотворную идею и превратили столицу в парадный фасад своего государства. В этом сказались величие, но одновременно, и слабость Александрии. Она оказалась оазисом греко-македонской культуры в древнем египетском государстве. Птолеми же со временем лишь все больше усугубляли культурный разрыв внутри своей страны, ориентируясь исключительно на запросы родственной себе этнической группы и желание эффекта на международной арене.

Птолемей Сотер основал Музей (Дом муз) с большим книжным собранием. Здесь находились: зал для общих трапез, лекционный зал, сад, астрономическая обсерватория и знаменитая Библиотека. Астрономы, математики, врачи и литераторы, которых Птолеми приглашали со всего греческого мира, получали жалование из царской казны. В некотором роде, это был первый научно-исследовательский институт.

Птолемей III издал указ, гласивший, что каждая доставленная в Александрию книга должна быть помещена в Библиотеку, где с неё сделают копии, которые отдадут владельцу, а оригинал останется в Библиотеке. По разным данным, к I в. до н. э. количество свитков достигало

от 500 000 до 700 000. Египетские цари стремились аккумулировать в Библиотеке мудрость всех известных народов. Они учитывали духовные запросы и своих подданных, среди которых были не только египтяне и греки, но и значительное число иудеев. При Птолемее II с согласия иерусалимского первосвященника Елиазара был осуществлен перевод на греческий язык текста Пятикнижия Ветхого Завета. Работу осуществляли 72 ученых—перводчика, почему окончательная редакция текста и получила название «Перевод Семидесяти».

Крупные библиотеки были и в других городах, например в Эфесе. Однако соперничать с александрийской могла лишь библиотека Пергама. Основанная Евменом II в 196 г. до н. э. к середине I в. до н. э. она насчитывала 200 000 свитков.

Созданием библиотеки Атталиды не ограничились. Они также стремились сделать свою столицу показательным образцом собственных достижений. В честь победы над галлами, представлявшими серьезную угрозу всему греческому миру, Эвмен II приказал возвести алтарь, посвященный Зевсу. В 180 г. до н. э. строительство было закончено. Перед пергамцами и иностранными гостями предстало удивительно гармоничное, и в тоже время монументальное сооружение в форме огромной буквы «П». Драматизм реальных исторических событий нашел воплощение в 120—метровом мраморном фризе, выполненном в технике горельефа. На нем война с галлами предстала в виде гигантомахии — борьбы олимпийских богов с гигантами. Патетика сюжета не помешала скульпторам реалистично отобразить страдания и, в тоже время, достоинство поверженных врагов. Военная победа предстала в облике вселенского катаклизма, вызванного столкновением стихий, несущего всепоглощающую боль и смятение.

Аллегорическое уподобление собственных подвигов деяниям богов и гигантов стало для эллинистических правителей закономерной традицией. Начиная с Александра Великого, масштабность, размах свершений стали восприниматься как неотъемлемый атрибут величия власти. Отсюда происходила тяга к гигантомании в искусстве, архитектуре и военной технике.

По приказу Птолемея I Сотера в 279 г. до н. э. был построен самый высокий и технически оснащенный маяк на острове Фарос, при входе в александрийскую гавань. Трехъярусная башня, ориентированная гранями по сторонам света, достигала 130 метров. Свет от сжигаемой древесной смолы и масла фокусировался и отражался вогнутыми металлическими зеркалами. Маяк одновременно служил дозорной башней. В крепости у его основания располагался целый военный гарнизон.

На фоне гигантомании монархов отнюдь не кажутся меньшими по масштабу претензии республиканского Родоса. Главным символом величия островного государства стал Колосс Родосский. Статуя бога Гелиоса (Солнца) — покровителя Родоса, был воздвигнута в честь победы над Деметрием Полиоркетом, целый год (305–304 гг. до н. э.) безуспешно осаждавшим остров. На создание скульптуры ушли все деньги, вырученные от продажи осадных машин врага. Работой руководил скульптор Харес. В окончательном виде статуя представляла собой 35 метровую конструкцию из глины с металлическим каркасом и наружным покрытием из бронзовых листов. 56 лет она простояла у входа в гавань, пока не была разрушена в 220 г. до н. э. землетрясением.

Сохранившимся до сих пор свидетельством монументальности, духовного порыва и стремления к свободе стала статуя Ники Самофракийской. Созданная мастером родосской школы в III/II в. до н. э., в наши дни она украшает собой Лувр. Крылатая богиня была установлена на береговом утесе гористого полуострова у побережья Фракии. Пьедестал в виде носа боевого корабля «выносил» ее на морской простор, открывая ветрам и соленому прибою. Сама фигура богини, как бы расправляющей крылья для полета, олицетворяла несгибаемый дух эллина, готовый противостоять всем испытаниям судьбы.

Поскольку могущество эллинистических держав во многом зависело от способности контролировать море, то объектом проявления амбициозных притязаний стала мощь военно-морских сил. Можно даже говорить о «гонке вооружений» на море, в которой опять же проявилась гигантомания.

Так, Птолемеи всячески популяризировали свои военно-морские победы и достижения в развитии флота. Сохранились две египетские мозаики, датируемые примерно 200 г. до н. э. На них изображена, предположительно, царица Береника II, несущая в руке подобно скипетру корабельную мачту. Лента, закрепленная на мачте, обвивает голову царицы, как диадема¹. Все это можно расценить как стремление Птолемеев даже в художественных образах пропагандировать свое морское могущество. Птолемей I имел эскадру, состоявшую из 150–200 судов. При Птолемее II насчитывалось 336 военных кораблей. В правление Птолемея IV Филадельфа был построен гигантский корабль

¹ Koenen L. The Ptolemaic King as Religious Figure // Images and ideologies: self-definition in the Hellenistic world / A. Bulloch et al. Berkeley ets. 1993. P. 27.

с 40 рядами гребцов, составлявший в длину 120 метров, с 17-метровыми веслами и общей численностью экипажа до 7 000 человек.

Внушительным флотом обладали Деметрий Полиоркет (500 кораблей) и Антиох III (300 кораблей). Цари устраивали даже что то наподобие военно-морских парадов. Стоя на берегу, неприятели удивлялись плывшим мимо них кораблям Деметрия Полиоркета с пятнадцатью или шестнадцатью рядами весел. А его осадные машины гелеполы удивляли даже осажденных, что видно из примеров. Лисимах, самый заклятый враг Деметрия среди царей, послал попросить показать ему машины и корабли во время плавания. Когда ему показали их, он в изумлении удалился. Родосцы, долгое время осаждаемые Деметрием, просили у него после окончания войны несколько машин на память (Plut. Dem. XX).

В то же время борьба за преобладание «на идеологическом фронте» не исключала проявлений гуманизма, великодушия, даже альтруизма, пусть и показного. Современники чутко реагировали и примечали все проявления заботы царей о подданных, их нуждах и чаяниях. Особенно актуально это было для греко-македонского населения, сохранившего веру в то, что монархи — это всего лишь первые среди равных. Исторический анекдот раскрывает суть представлений простых людей о царской власти: «Раз Филиппу II надоедала по дороге какая-то старуха и то и дело просила выслушать её. Царь отвечал, что занят. «Такними с себя сан царя», — вскричала она. Ее слова глубоко запали в душу Филиппа. Он обратил на них внимание, вернулся во дворец и несколько дней, отложив другие дела, принимал желающих видетсья с ним, начиная со старухи. Действительно, ничто не прилично так царю, как дела правосудия. «Арей — тиран, — говорит, выражаясь словами Тимофея, Пиндар, — закон же — царь надо всем». Цари, по словам Гомера, получают от Зевса не машины или военные корабли, а священные законы, чтобы быть другим защитой и оплотом» (Plut. Dem. XLII).

Контрастность эпохи сказывалась, в том числе, в характерах главных исторических персонажей. В жизни и деяниях одних и те же люди могли воплощаться проявления морали, справедливости и скромности, и в то же время, жестокость, надменность, деспотизм.

Сирийский царь Антиох IV шокировал современников неординарными поступками. Он любил в качестве частного лица бродить по городу, заводить знакомства с первым встречным, бражничать с «беднейшими из чужеземцев», изображать участие в выборах городских магистратур, выступать распорядителем на праздниках, плясать с шутами, посещать общественные бани. Однажды незнакомцу, позавидовавшему возмож-

ности царей умашать себя ароматными маслами, он вылил на голову целый кувшин превосходного масла, чем вызвал в бане веселый переполох. Царь часто одаривал незнакомых людей. Одним он дарил козы и игральные косточки, другим финики, третьим золото. Одни видели в нем человека простодушного и достойного, другие порочного безумца. И при всем том, Антиох IV был воинственным монархом. Его твердое намерение добиться реванша в традиционном пограничном противостоянии с Египтом чуть было не реализовалось самым блестящим образом, не воспрепятствуй этому римляне. В жертвенных приношениях городам и храмам он был неизменно щедр и превосходил всех царей. Особенно были известны его приношения святилищу Зевса Олимпийского в Афинах и святилищу Делоса. И в то же время Антиох IV не гнушался в случае нужды грабить восточные святилища. И умер — то он в состоянии умопомешательства после неудачной попытки добыть деньги из святилища Артемиды в Элимаиде (Polyb. XXVI. 1; XXXI. 4; 11).

Деметрий Полиоркет также являл собой образец откровенно противоречивой личности. В нем современники находили, то человеколюбивого полководца, то неприступного, необщительного и оскорблявшего македонян и греков своим поведением и даже внешним видом правителя. То он торжественно хоронит трупы неприятелей и отпускает пленных, блистает щедростью, то грубо общается с афинскими и спартанскими послами, заставляет афинян собрать пятьдесят талантов на румяна своей любовнице Ламии и ее подругам — гетерам. Да и судьба его в итоге демонстрирует контраст блистательного взлета политической и военной карьеры и тихого, бесславного «угасания» на положении почетного пленника Селевкидов (Plut. Dem. II. XVII; XLII; XXVII; XLVII). При всем том, его жизнь, как и «труды правления» Антигона Одноглазого и Антигона Гоната оказались достойны пера Иеронима из Кардии, исторический труд которого стал первоисточником для последующих античных писателей. Именно историографы составили основную традицию популяризации достижений диадохов и эпигонов. Филарх, Берос Вавилонский, Манефон Египетский — это имена историков, сделавших историю эллинистических народов популярной и поучительной для последующих поколений.

Некоторые правители, как тиран Самоса Дурис или стратег Ахейского союза Арат Сикионский, не доверяя профессиональным писателям реализацию политического заказа, лично трудились над историческими описаниями собственного правления и жизни современников. Однако в большинстве случаев диадохи и эпигоны активно привлекали представителей интеллигенции, ученых для создания научных, истори-

ческих трудов, которые в будущем могли бы послужить базой для прославления династии. Идеология единовластия должна была приобрести законное место в умах эллинов.

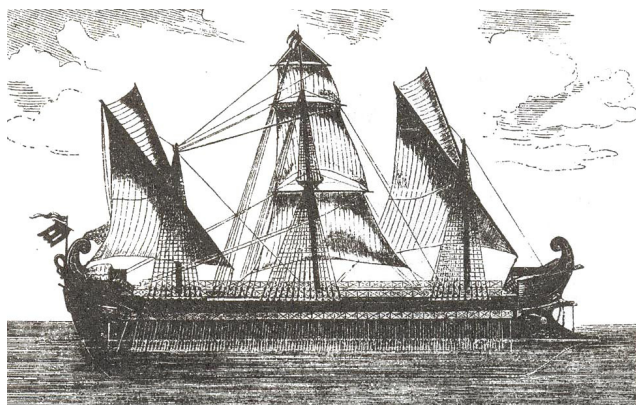
До наших времен дошли сведения о масштабных кампаниях, напоминающих пропагандистские войны. Так идеологическое соревнование и даже противостояние Птолемеев и Селевкидов началось еще при основателях династий и продолжалось на протяжении всей истории существования государств. При Птолемеи I было создан хронограф Гекатея Абдерского «Египтика», в котором излагалась вполне соответствующая египетской традиции схема жесткой структуризации общества, возглавляемого царями, что вполне устраивало Птолемеев.

Ответным шагом Селевкидов стало создание «Индики» Мегасфена. Структура индийского общества, расписанная Мегасфеном могла рассматриваться как достойная альтернатива египетской иерархической лестницы. Конечно, вряд ли идейная борьба целенаправленно планировалась сторонами. Просто конкретный запрос власти, как это всегда бывает в любом обществе, довольно быстро находил соответствующую реакцию в кругах интеллигенции, желавшей не просто удовлетворить его, но и свои собственные амбиции. В любом случае, это была попытка интеллигенции предложить свое видение оптимального пути организации общества и власти.

Борьба на опережение на всех фронтах: политическом, военном, идеологическом, культурном, продолжалась бы и дальше, если бы «картина мира» не изменилась в результате римской экспансии. Кто знает, каких высот научной и художественной мысли достигли бы лучшие умы эпохи, выполняя идеологический заказ монархов и стратегов, воплощая в жизнь идеалы совершенства, превосходства и величия. В том и состоит заслуга эллинизма перед мировой культурой и цивилизацией в целом, что, открыв путь экономическому, культурному соревнованию стран, он предложил альтернативу открытому военному противостоянию.

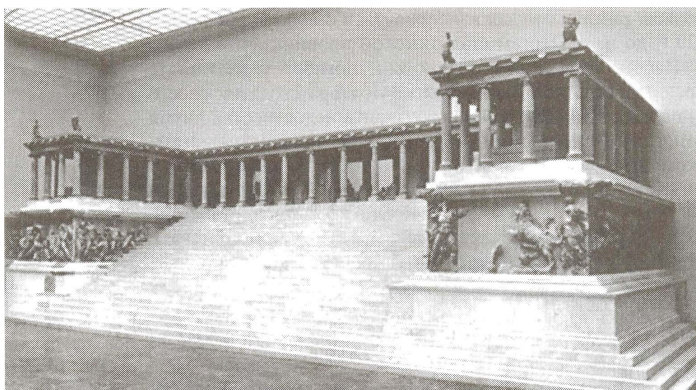
Антиох IV Эпифан (изображение на монете, на реверсе изображение Зевса, держащего Нику на правой руке)

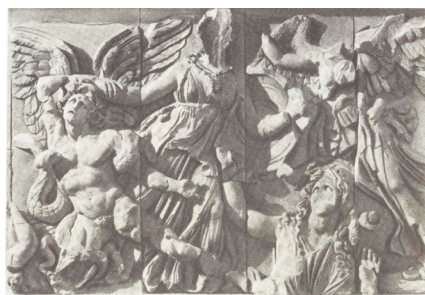
Пентера

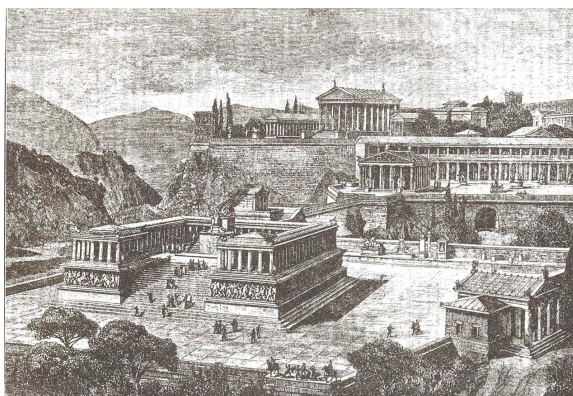
Ника Самофракийская (Лувр)

Пергамский алтарь Зевса (реконструкция).

Пергамский алтарь Зевса. Фрагменты рельефного фриз (мрамор).

Пергам (реконструкция)

КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ АНТИОХА III И РИМА

Одним из наиболее драматичных эпизодов истории эллинистической дипломатии и международных отношений в целом стала борьба за сферы влияния между Римской республикой и царством Селевкидов. Особую остроту вопросу придавал тот факт, что речь шла о континентальном разграничении.

Будучи царем крупнейшего из эллинистических государств, простиравшегося от Средиземноморского побережья Азии до границ Индии, Антиох III, тем не менее, осознавал важность закрепления своего влияния на Балканах. Для эллинистических владык всегда оставался актуальным лозунг: кто владеет Грецией (сердцем ойкумены), тот владеет миром. Но, прежде чем начать борьбу за плацдарм на Балканах, Антиох III постарался овладеть сердцами греков, выступив в роли достойного наследника воинской славы Александра Великого. С 212 по 205 гг. до н. э. он совершил со своей армией знаменитый Восточный поход («Анабасис»), повторив военные экспедиции Александра Великого и Селевка I. Это грандиозное военное мероприятие должно было укрепить авторитет династии Селевкидов, утвердить их право выступать защитниками эллинов в Азии. Не взирая на иллюзорность большинства результатов военной кампании, после ее завершения Антиох III счел возможным именоваться подобно Александру Великим. Это должно было лишний раз привлечь внимание греческого населения и расширить ряды его сторонников на Балканах.

Традиционно главным оппонентом Селевкидов в балканских делах была Македония. Однако на тот момент Филипп V был занят более серьезными проблемами: шла вторая война с Римом. Римскую республику Антиох пока что не рассматривал в качестве потенциального противника. В рамках всей эллинистической системы война Рима с Македонией даже при участии третьих государств оставалась до некоторой степени частным делом. Для Селевкидов не было никакого смысла связывать себя обязательствами с любой из сторон. Их позиция определялась тем, насколько выгодно сложится ситуация для реализации собственных планов. Пока военные действия римлян против Филиппа V открывали для Антиоха возможность без чрезмерных усилий поставить под свой контроль большую часть Анатолии. Ранее отвлеченный

на несколько лет отвоеванием у Птолемеев Келесирии, теперь он мог без лишнего риска вернуться к осуществлению своих анатолийских планов, нацеленных на включение в состав державы Селевкидов малоазийских территорий, подконтрольных Атталидам. Границы Пергамского царства как раз оказались без защиты, поскольку Эвмен II участвовал в Македонской войне на стороне Рима.

Бесспорно, Рим был обеспокоен тем, какую позицию может занять Антиох после того, как его задачи в Келесирии оказались выполненными. Признавая за ним право на свободу действий в Азии, римляне опасались его активности в Европе. Слишком болезненными были воспоминания о недавней угрозе: «Hannibal ante portas» (Ганнибал у ворот). В подобной ситуации лучшим вариантом для Рима было добиваться нейтралитета Антиоха. До сих пор это удавалось. Но уже само поведение сирийского царя, избегавшего каких-либо обязательств, вызывало подозрения, а попытки подражать Александру Македонскому внушали опасения насчет его конечных целей. Поэтому римляне предпочли в очередной раз предпринять превентивные действия: сначала поставить заслон на границе Европы и Азии, не допустить сирийские войска на Балканы, затем, по мере успешности военных и дипломатических мероприятий, наращивать свое присутствие в Малой Азии, отесняя опасного противника как можно дальше.

Односторонний подход в оценке разворачивающихся на Балканах событий стал первой крупной ошибкой Антиоха. Он не учел, что Рим уже успел присвоить себе миссию «освободителя». И хотя лозунг «освобождения Греции» носил для римлян временный характер, они сумели внушить грекам веру в возможность освобождения «чужими руками». Пока греки пребывали в эйфории надежд на свободу, ни один владыка эллинистического мира, даже способный противостоять македонской экспансии и даже увенчанный лаврами защитника эллинов на Востоке, как Антиох III, не имел в их глазах такого веса как Римская республика. Все преимущества последней на данном этапе заключались в том, что греки не успели столкнуться с её территориальными претензиями и объективно оценить экспансионистские настроения. Филипп V и Антиох III, в свое время сумевшие разглядеть общность антиегипетских интересов, на этот раз не нашли точек соприкосновения для совместного противостояния Риму. Причину можно видеть опять же в ошибочной оценке римского присутствия в Восточном Средиземноморье как временного явления. В эллинистическом обществе отсутствовала «почва» для появления идеи о создании единого фронта

против римской агрессии. Малые государства привыкли бороться за свою независимость с агрессивными соседями внутри эллинистического мира. Ведущие державы, каждая из которых вынашивала гегемонистские планы, также видели противников в своих прежних партнерах. Рим, потенциальные возможности и планы которого в этом обществе были еще абсолютно неизвестны, с первых шагов своей восточной политики с наибольшей для себя выгодой использовал противоречия между оппонентами.

Антиох, невзирая на разворачивающиеся в Греции события, продолжал реализацию планов по восстановлению империи Селевкидов. В 197 г. до н. э. началась его военная кампания в Малой Азии. Предварительно (зимой 198–197 гг. до н. э.) он отправил в Рим посольство с заверениями в дружбе (Liv. IV. 57; Polyb. XVIII. 50. 3–4; App. Сут. 6). Царь вел дипломатическую игру с целью создания благоприятных условий для реализации своих целей. С наступлением весны 198 г. до н. э. армия во главе с царскими сыновьями Антиохом и Селевком начала продвижение вдоль побережья по направлению к Сардам. Сам царь во главе флота из 100 военных кораблей и 200 легких судов совершил экспедицию вдоль побережья Киликии, Ликии, Карии, подчиняя себе птолемеевские города (Liv. XXXIII. 41. 6).

Морской демарш Антиоха произвел глубокое впечатление на его противников. Особенно был обескуражен Родос, занимавший господствующее положение в Эгейском море после гибели македонского флота летом 201 г. до н. э. Римляне же вполне могли расценить появление Антиоха в этом районе как желание поддержать Филиппа V. Однако воевать с Антиохом они пока еще были не готовы. Кроме борьбы с Филиппом V, им приходилось вести длительную войну в Испании (со 197 г. до н. э.). Поэтому римский полководец Тит Фламинин предпочел на призывы Родоса к активным антисирийским действиям ответить уклончивыми обещаниями предпринять определенные меры по пресечению активности Антиоха. Последний же, со своей стороны, старался избегать прямых столкновений с Родосом, опасаясь реальной возможности вызвать этим противодействие римского и пергамского флотов.

Таким образом, в стане противников Селевкидов появился Родос. Причем, намечался союз Пергама и Родоса, забывших о недавней вражде на почве соперничества в бассейне Эгейского моря. Возникла возможность консолидации на антисирийском фронте бывших противников Филиппа V. Несмотря на очевидное отсутствие любых признаков очередной блокировки македонского и сирийского царей, они приобрели почти одних и тех же врагов среди эллинистических государств.

Попытки Антиоха возродить империю Селевкидов в первоначальных границах выглядели не менее опасными для свободы греков, чем гегемонистские намерения Филиппа V в Греции. Греческие государства готовы были признать за Антиохом его заслуги по защите эллинов на Востоке, но не могли допустить усиления его позиций в Малой Азии и на Балканах. Здесь Селевкиды из защитников превращались в потенциальную угрозу свободе греков.

Именно морские операции Антиоха вызывали наибольшую подозрительность и опасения у Рима и его союзников. Если бы Селевкидам удалось укрепиться на море, это позволило бы создать нечто вроде моста, соединяющего Азию с Фракией и Балканской Грецией.

Аппиан упоминает, что завоевание при-Геллеспонтских областей, эолийских и ионийских городов шло под предлогом принадлежности их Антиоху как властителю Азии, ведь и раньше они подчинялись царям Азии (App. XI. 1). Однако вряд ли можно толковать этот лозунг как ссылку на историческую традицию, восходящую к азиатским династиям, предшествовавшим Селевкидам. Среди греческих городов подобные упоминания об азиатском господстве не могли быть популярными. Антиох лишь продолжал эксплуатировать идею возрождения прав династии Селевкидов на некогда принадлежавшие ей земли. Под их протекторат попали Эфес, Абидос, Патара, Ксанф, Миласа, Тралы, Гераклея у Латма, Колофон, Илион и другие города. Это означало аннексию приобретений Аттала I. Эвмен II, унаследовавший в 197 г. до н. э. пергамский трон, сохранил власть лишь над первоначальной территорией Пергама. Рим не торопился оказывать помощь ни Пергаму, ни Родосу, стремясь избежать неподготовленного столкновения с Селевкидами. Но оба государства продолжали делать ставку именно на римское присутствие в регионе, хотя на первых порах им пришлось обходиться собственными силами.

В отличие от Пергама позиция других городов-государств перед угрозой подчинения Антиоху была далеко не последовательной: «... большинство их жителей из страха захвата силой подчинялись ему и выдавали гарнизоны» (App. XI. 2). Однако Смирна и Лампсак отправили послов с жалобой к Фламинину (Syll. 4, 591; Polyb. XVIII, 52, 2; Liv. XXXIII, 38). Эти города, традиционно приверженные союзу с Пергамом, действовали и на этот раз в русле пергамских интересов.

Поведение других городов можно считать конъюнктурным. В отличие от союзников Пергама у них не было оснований рассчитывать на римскую помощь. Их отношения с Римом в сущности еще не определились. Тем не менее, именно захват городов Малой Азии и фракийского побере-

жъя, по версии Аппиана, послужил началом явного разногласия Антиоха с римлянами (App. XI. 2). Последние были весьма обеспокоены возможностью переноса Антиохом военных действий в Европу. Для них, пытавшихся основательно закрепиться в Греции, подобное развитие событий было чревато угрозой непосредственного столкновения с правителем Азии. Антиох действительно переправился во Фракию. Усмирив местные племена, приступил к созданию плацдарма на европейском берегу: укрепил Херсонес, заселил Лисимахию, разрушенную фракийцами.

Антиох находился во Фракии, когда к нему прибыли послы от сената Луций Корнелий и Публий Лентул (Polyb. XVIII, 49, 2–3; Liv. XXXIII, 39; ср.: App. XI. 3). Это было одно из пяти посольств, которыми обменялись римляне с Антиохом с 196 по 193 гг. до н. э. Переговоры проходили в Лисимахии. Сюда явились селевкидские послы Лисий и Гегесианакт, которые перед этим были отправлены к Фламинину. Перед ними, видимо, была поставлена задача выяснить реакцию римлян на действия Антиоха и выведать их планы. Все это действительно напоминало «предлюдию» к войне. Причем Антиоху приходилось иметь дело как с представителями сената, посланными под прикрытием официальной версии примирения царя с Птолемеем V, так и с представителями Фламинина, придерживавшегося во многом самостоятельной линии ведения дел на Балканах. На встрече в Лисимахии Антиоху была предъявлена официальная позиция Рима, дававшая представление о направленности римской политики в регионе. Во-первых, от Антиоха потребовали, чтобы он возвратил Птолемее V отнятые у него города. Это требование касалось азиатских городов, и римляне выдвигали его, исходя лишь из своих обязательств по отношению к Египту. Кроме того, защита птолемеевских интересов придавала римским дипломатам статус международных арбитров. Во-вторых, римляне особенно настаивали на эвакуации войск Антиоха из тех городов, которые до этого принадлежали Филиппу V и достались Селевкидам в ходе недавних военных операций в Малой Азии. Одержавшие над Македонией победу римляне усмотрели в действиях Антиоха ущемление своих прав. На их взгляд, сирийский царь воспользовался плодами их победы. В-третьих, Антиоха убеждали вернуть свободу автономным греческим городам, что явно было бы выгодно Пергаму. Наконец, послы позволили себе выразить недоумение по поводу переправы Антиоха с войсками во Фракию, расценив это как возможное приготовление к войне с Римом (Polyb. XVIII, 49–50; Liv. XXXIII, 39; ср.: App. XI. 3). Позиция римских дипломатов строилась, исходя из новой политической обстановки, сложившейся после пораже-

ния Филиппа V во Второй Македонской войне. Если ранее Рим искал себе союзников на Востоке, то теперь он заявил права на постоянное свое присутствие в регионе. В качестве плацдарма были определены те территории, которые оказались освобожденными от македонского протектората. Рим заявил о своем праве на участие в решении их судьбы.

Тит Фламинин не упускал повода в пропагандистских целях принизить боевые достоинства армии Антиоха, дабы отвратить греков от стремления солидаризироваться с ним. Так в ответ на попытку сирийских послов произвести впечатление на ахейцев перечислением множества царских войск Тит заявил, что за ужином у одного из своих приятелей он бранил его за множество перемен, удивляясь, вместе с тем, где ему удалось купить столько сортов мяса. Приятель отвечал, что все это — свинина, и что все кушанья отличаются одно от другого только способом приготовления и соусом... «так и вы, ахейцы, — закончил Тит, — не удивляйтесь войскам Антиоха, слыша, что в них есть копейщики, солдаты, вооруженные пиками, и пешая гвардия: все это — сирийцы, отличающиеся один от другого лишь вооружением...» (Plut. Tit. XVII).

Смог ли Антиох объективно оценить сложившуюся обстановку? Судя по его ответам послам, он был раздражен требованиями Рима. Царь отметил, что у римлян не может быть оснований для притязаний на города Азии. Он просил римлян вообще не вмешиваться в дела Азии, как он нисколько не занимается делами Италии. В Европу, как объяснил царь, он переправился на основании того, что фракийские территории, прежде принадлежавшие Лисимаху, перешли к Селевку I по праву завоевания и были утрачены лишь по недостатку внимания со стороны его (Антиоха) предков. Восстанавливаемая Лисимахия предназначается в качестве места жительства сыну Антиоха Селевку. Статус азиатских городов должен зависеть от Селевкидов, а не от римлян. Наконец, царь намерен уладить отношения с Птолемеем V, кровно породнившись с ним (Polyb. XVIII. 51; Liv. XXXIII. 40; ср.: App. XI. 3; Diod. XXVIII, 14). Итак, встреча не внесла ясности в отношения двух сторон. Как говорит Аппиан, они разошлись безрезультатно, дав совершенно ясно проглядывать взаимным угрозам (App. XI. 3). Антиох не захотел признать уже реально сложившегося положения вещей, при котором римляне основательно закрепились в Восточном Средиземноморье. Он пытался наметить сферы разграничения интересов, оставляя за собой Малую Азию, признавая сферой римского влияния Италию. При этом, Эгейское море и Балканы требовал считать буферной территорией, где не может быть чьих-либо исключительных прав. Однако взгляды римлян склонялись

к тому, что их исключительная сфера интересов включает Балканы до Геллеспонта, а Малая Азия должна служить буферной территорией. Причем, положение римлян казалось более твердым благодаря умелому использованию популистских лозунгов. Мог ли тот же Антиох предъявить римлянам обвинение в аннексии бывших македонских владений, если они прикрывались миссией спасителей греческой свободы? Провозглашение Фламинием на Истмийских играх 196 г. до н. э. свободы Греции от македонского господства лишний раз позволяло римлянам узаконить свое пребывание на Балканах. К тому же недалековидный энтузиазм по поводу обретения свободы разделяли и малоазийские греки.

Дипломатическая тактика Антиоха требовала срочной переработки. Все указывало на необходимость создания единого антиримского фронта на Балканах и в бассейне Эгейского моря. Нужно было пересмотреть отношения с Македонией. Вероятно, в 196 г. до н. э. еще существовала возможность объединения усилий двух государств с целью совместных действий по вытеснению из региона римлян.

Но Антиох не торопился вступить в диалог с Македонией, поскольку не желал расставаться с частью македонских владений, которые уже перешли под его юрисдикцию. Кроме того, после недавних удач в Келесии и на Востоке царь пребывал в плену иллюзий относительно военного могущества своего государства. Хотя он избегал неспланированного столкновения, тем не менее, навряд ли исключал в перспективе возможность военного конфликта с Римом. Поэтому антиохийский двор ограничился укреплением пограничных союзов. Антиох прибег к традиционному средству: заключению династических браков. Одна из его дочерей была выдана за Ариарата Каппадокийского (App. XI. 5). Каппадокия, находившаяся в центре Малой Азии и граничившая с Пергамом, галатами, Понтийским царством и Арменией, должна была смягчать давление на северные границы коренных территорий государства Селевкидов. Особенно важна была ее позиция по отношению к западному соседу — Пергаму, и восточному — Армении. Последняя оставалась довольно нестабильной частью владений Селевкидов, несмотря на преобразования, проведенные здесь Антиохом еще в 201 г. до н. э. С престола Софены был устранен Ксеркс, возможно, не без участия своей собственной жены, селевкидской царевны. Царь Великой Армении Оронт (Еруанд) также был лишен власти. Обе Армении были превращены в сатрапии. Стратегами Антиох назначил представителей армянской знати Арташеса и Зареха. Однако и после этого Армения оставалась предметом постоянного беспокойства для антиохийского правительства.

В отношении галатов политика Антиоха носила характер «кнута и пряника». У Аппиана есть упоминание о том, что Антиох пытался привлечь галатов к участию в своих военных операциях, делая это и с помощью подарков, и с помощью «нажима» (App. XI. 6).

Чтобы добиться контроля над Анатолией, Антиоху не хватало лояльности Пергама. Но пергамские цари даже и не пытались приспособиться к соседству с Селевкидами. Не имея возможности собственными силами противостоять им, Эвмен II все свои усилия направил на вовлечение в конфликт Римской республики. Ввиду последних дипломатических столкновений с Римом Антиох вполне осознал необходимость срочно нейтрализовать антисирийскую активность Пергама. Одна из дочерей Антиоха предназначалась в жены Эвмену II. Однако пергамский царь отказался от почетного брака, что было встречено недоумением даже среди его родственников. Причиной же отказа была дальновидность Эвмена: «...он видел, что Антиох уже задумал войну против римлян и под давлением такой необходимости хочет связаться с ним узами родства» (App. XI. 5; см. также: Polyb. XXI. 20, 8; Liv. XXXVII. 53, 13).

Эвмен надеялся, что в случае победы римлян спокойно будет править в своей стране; если же победителем окажется Антиох, то можно было ожидать, что все будет отнято у пергамского царя и сам он попадет в зависимость от победителя (App. XI. 5). Эвмен II не считал допустимым делать ставку на союз с Селевкидами. Он не верил в ореол непобедимости, окружавший Антиоха III после Восточного похода. Пергамские правители как ближайшие соседи могли непосредственно наблюдать эволюцию династии Селевкидов. Мало того, они не раз пользовались слабостью антиохийских владык. Поэтому у Эвмена не было оснований видеть в деятельности Антиоха III признаков возрождения величия династии. С другой стороны, он, как и Птолеми, не представлял, что опора на римскую помощь может связать его самого и его потомков не просто определенными обязательствами, но прямой зависимостью от покровителя.

Проблема урегулирования сирийско–египетских отношений также была взята на вооружение римскими дипломатами. Обвиняя Антиоха в аннексионистских устремлениях, одним из аргументов они приводили антиптотемеевскую направленность его внешней политики (App. XI. 3; Liv. XXXIII. 39). Антиох в соответствии с данным в Лисимахии обещанием направил в Египет свою дочь Клеопатру Сиру в качестве невесты Птолемея V. Свадьба состоялась в Рафии (Liv. XXXV. 13), где Антиох в молодости потерпел поражение от Птолемея IV. Возможно, место было выбрано неслучайно. Оно должно было символизировать

примирение двух династий. В приданое Клеопатра получила Келесирию, которую ее отец недавно отвоевал у Птолемеев. Причем, сама Келесирия оставалась под юрисдикцией Селевкидов. Птолемеи через Клеопатру получали в свою казну доходы с некоторых городов Келесирии, Иудеи и Финикии. Столь удачно заключенный династический брак на некоторое время обезопасил южную границу государства Селевкидов, но он же имел и негативную сторону. Египет, в прошлом одно из ведущих государств эллинистического мира, был низведен до положения младшего родственника Селевкидов. Это означало, что стабилизация отношений двух государств носит искусственный и потому временный характер. Подобное положение, в свою очередь, вело к дальнейшему углублению кризиса эллинистической системы, основные составные звенья которой теряли равноценность.

С обретением Келесирии территориальные претензии Селевкидов не прекратились. Ближайшие египетские анклавы стали объектом открытой экспансии, основанной на том же историческом праве. Так, в этом же 196 г. до н. э. Антиох предпринял морскую экспедицию на Кипр, входивший в сферу его интересов еще со времен «раздела египетского наследства». Лишь мятеж гребцов, а затем разыгравшаяся буря помешали успеху предприятия (Liv. XXXIII. 41).

Зиму 196–195 гг. до н. э. Антиох провел в своей сирийской столице. У него было достаточно времени, чтобы взвесить силы перед новым витком политической борьбы. Поскольку предположительно театром военных действий могли стать Балканы, возникала задача переправы крупной армии, поисков союзников и укрепления позиций во Фракии. Кроме того, традиции эллинистической дипломатии требовали юридического обоснования конфликта. Соблюдение подобного условия было особенно важно при желании вести военные действия на буферной территории. Все это требовало кропотливой предварительной работы.

Весной 195 г. до н. э. царь с армией переправился в Херсонес и совершил рейды по Фракии с целью демонстрации силы перед местными племенами. При этом он старался выказать свое расположение византийцам, поскольку их город контролировал вход в пролив (App. XI. 6).

Той же весной царь отправил послов к Фламинину. Но очередные попытки убедить римского военачальника в дружественных намерениях сирийской стороны успехов не имели. Фламинин отослал послов в сенат. Однако они в Рим не поехали, поскольку не имели на этот счет никаких инструкций. Прибывший в Эфес в этом же году Ганнибал, по

своей видимости, придавал решительности планам Антиоха (Liv. XXXIII. 49. 7; Just. XXXI. 3. 5).

Сенат, невзирая на активность сирийского царя, продолжал придерживаться тактики затягивания переговоров. Необходимость уделять большое внимание делам в северной Италии вынуждала более осторожно относиться к перспективе начала новой войны, несмотря на возможность установления в Эгейском бассейне власти куда более значительной и опасной для римлян, чем македонская. Сенат даже как бы сделал шаг назад, приняв после долгих колебаний предложение Фламинина об эвакуации войск из Греции (Liv. XXXIV. 49–50). Это должно было продемонстрировать миротворческие намерения Рима по отношению к эллинам и доказать ложность обвинений со стороны римских противников. В случае войны грекам должно было быть очевидно, чью сторону следует принять во имя сохранения собственной свободы.

Происшедшие события требовали в очередной раз внести ясность в римско–селевкидские отношения. Примерно в конце 194 г. до н. э. или весной 193 г. до н. э. в Рим были отправлены послы Лисий, Гегесинакт и Менипп с поручением испытать настроение сената (App. XI. 6; Liv. XXXIV. 57). В то время в сенате решался вопрос о греческих поселениях. В связи с этим в Рим были приглашены представители греческих государств, в том числе и из Малой Азии. Без сомнения, их присутствие было обеспечено Фламинием. Ситуация на переговорах, при которой господствовало показное согласие римлян и греков, усугубляла положение антиохийских послов и позволяла оказывать на них давление. Опасаясь осложнений во время переговоров, сенат передал разбирательство десяти уполномоченным, часть которых находилась или в Азии, или в царской ставке в Лисимахии. Они были специально вызваны для заслушивания послов (Liv. XXXIV. 57). Во главе уполномоченных стоял Фламинин. Он непосредственно и вел переговоры. Менипп настаивал на необходимости учитывать, что оба государства никогда не были врагами и сошлись для заключения дружественного договора. Кроме того, с сирийской стороны было выражено недоумение по поводу присвоения римлянами права предписывать Антиоху условия: какие из городов Азии должны быть свободными и независимыми, а какие должны платить дань; запрещать вступление в некоторые города царским гарнизонам и самому царю (Liv. XXXIV. 57). Ответ Фламинина послам можно расценивать как предложение компромисса. Фактически же сенат пытался переиграть заново результаты переговоров в Лисимахии. Важно было не позволить Антиоху оставить последнее слово за собой.

Послам было заявлено, что, если царь не желает распространения римского влияния на города Азии, он сам должен отказаться от европейских территорий. Если он все же переправится в Европу, то римляне оставляют за собой право поддерживать дружбу с городами Азии и искать себе новых друзей (Liv. XXXIV. 58). Рим упорно не желал признавать в Селевкидах греко-македонскую династию, отводя им роль традиционных азиатских владык, чуждых греческому миру. Мало того, заявив о своем праве приобретать друзей в Азии, сенат впервые наметил на возможность расширения своих азиатских планов. На это послы могли возразить лишь одно: в отличие от городов Фракии и Херсонеса, ранее принадлежавших прадеду Антиоха, азиатские территории римлянам никогда не принадлежали. Поскольку этим доводом исчерпывались все историко-правовые аргументы, Фламинин перешел в дипломатическое наступление, вылившееся в пропагандистский фарс. Он напомнил о той роли, которую каждая из сторон играла по отношению к греческим городам. При этом упор делался на освободительную миссию римлян, с одной стороны, и на желание Селевкидов поработить греческие города, с другой. Более того, Фламинин поставил под сомнение исторические права последних. Ливий упоминает, что Фламинин указал на то, что ни отец, ни дед Антиоха III уже не считали своими те города, которые царь пытается подчинить своей власти (Liv. XXXIV. 58). Можно сказать, что последние доводы Фламинина и решили судьбу переговоров. Перевес оказался на стороне римлян. Послы, не имея в своем «дипломатическом багаже» аналогичного популистского оправдания пребыванию сирийской армии на европейской территории, вынуждены были признать безрезультатность миссии.

Римляне «почувствовали твердую почву под ногами» и решили продемонстрировать результаты переговоров перед всем греческим миром. На следующий день в сенат были введены посольства Греции и Азии. Фламинин намеревался публично показать превосходство римской идеологии над сомнительными доводами селевкидских дипломатов. Антиох был поставлен «на одну доску» с Филиппом V. Греков уверили, что их будут защищать от Антиоха так же, как защищали от Филиппа (Liv. XXXIV. 59). Таким образом, римляне обосновали необходимость своего дальнейшего пребывания в регионе. Фламинин намеренно не упоминал при греческих представителях о доводах и требованиях Антиоха. Не должно было оставаться никаких сомнений насчет мотивов римской активности на Балканах, не должно было звучать никаких упоминаний и исторических ссылок о правах эллинистических монар-

хов. Но при этом заявление римской стороны несло на себе отпечаток двусмысленности. Особенно ясно это прослеживается в готовности Рима продолжать затягивание переговоров. Как сообщает Аппиан, Антиоху было заявлено, что в случае выполнения римских условий он может надеяться на дружбу римского народа, если захочет (App. XI. 6).

Послы не могли заключить договора на условиях, противоречащих интересам Антиоха III. Они лишь условились об отсрочке в решении вопроса и с этим отбыли к царю (Polyb. XVIII. 47. 1–5; Liv. XXXIV. 59). Сенат, вероятно опасаясь, что столь двусмысленно прерванные переговоры могут спровоцировать нежелательную реакцию Антиоха III, сразу отправил к нему очередное посольство. Это опять же позволяло оттягивать время. Кроме того, из Карфагена пришло известие, что Антиох готовит войну при содействии Ганнибала (Liv. XXXIV. 60). Донесение требовало проверки, чем и должны были заняться послы.

Бежавший от римского преследования Ганнибал действительно был готов не только делиться своим опытом борьбы с Римом, но и принять непосредственное участие в надвигающейся войне (Liv. XXXIII. 49. 7; Just. XXXI. 47. 1–5). Царь же, по словам Юстина, был охвачен таким энтузиазмом, что не столько думал о войне, сколько о тех выгодах, которые принесет ему победа (Just. XXXI. 3. 6). В отличие от Антиоха III, предлагавшего в случае войны боевые действия сконцентрировать на территории Греции, Ганнибал считал единственно возможным вариантом борьбу с Римом на территории Италии: «...он посоветовал Антиоху захватить какую-либо часть Италии и, двигаясь оттуда, воевать с римлянами так, чтобы положение и внутри страны, и вне её стало более шатким» (App. XI. 7; Liv. XXXIV. 60. 7; Just. XXXI. 3. 7–8). Ганнибал к тому же рассчитывал на перемену настроений в Карфагене и на поддержку соотечественников. Он брался лично осуществить операцию и просил для этого 100 кораблей и 10 тысяч пехотинцев с тысячей всадников. Благожелательность царя провоцировала Ганнибала на немедленные действия. Чтобы договориться со сторонниками новой войны с Римом Ганнибал отправил в Карфаген купца Аристона. Но его миссия провалилась (App. XI. 8; Liv. XXXIV. 34). Появление в Карфагене посланника Ганнибала усилило подозрительность римлян, и без того уже обеспокоенных союзом своего заклятого врага с Антиохом III. Направленные ко двору Антиоха послы старались всячески нейтрализовать опасность, исходившую со стороны Ганнибала. Для этого делались попытки склонить знаменитого полководца в пользу римлян или спровоцировать подозрительность к нему со стороны царя (Liv. XXXV. 14;

Just. XXXI. 4. 4). Добиться последнего было не так уж сложно. План Ганнибала, первоначально встреченный благожелательно, все же не вписывался в представления Антиоха о его собственной роли в международной политике. Ганнибал не осознавал, какое место отводится ему в планах царя. Между тем, нежелание Антиоха делить в случае успеха славу с кем-либо другим было очевидно: ни ему, повторившему поход Александра Великого, слепо следовать советам карфагенского полководца.

Прибывшие в Эфес римские послы обнаружили, что царь отсутствует по причине похода в Писидию (App. XI. 9; Liv. XXXV. 13). Время ожидания царя послы как раз использовали для дискредитации Ганнибала. Аппиан и Ливий упоминают о возможном участии в посольстве Сципиона Африканского (App. XI. 9–10; Liv. XXXV. 14). Во время встреч, которым никто не препятствовал, члены посольства сначала пытались склонить Ганнибала на римскую сторону. Не добившись этого, они преуспели в другом: частые беседы, сопровождаемые лестью, скомпрометировали карфагенянина в глазах царя. Сам Ганнибал, и ранее не проявлявший особой дипломатической гибкости, на сей раз оказался непростительно недалеким (App. XI. 9; Just. XXXI. 4. 6–9). В результате им была утрачена возможность активно участвовать в разработке стратегии предстоящей войны. Это обстоятельство губительно отразилось на всей подготовке к войне, так как полководческое искусство Ганнибала осталось без применения (Just. XXXI. 4. 9).

Между тем, вернувшийся из Писидии Антиох заявил послам, что предоставит автономию Родосу, византийцам и жителям Кизика, а также и другим эллинам в Азии, если у него будет союзный договор с римлянами, но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии (App. XI. 12). Переговоры опять окончились безрезультатно. Можно, конечно, предположить, что определенную роль в этом сыграл Эвмен II Пергамский, не заинтересованный в компромиссе Рима и Селевкидов (Liv. XXXV. 16–17), тем более, что еще до прибытия в Эфес послы посетили пергамского царя. Это было сделано в соответствии с решением сената. Здесь они в очередной раз выслушали доводы в пользу начала войны с Антиохом. Надо учитывать, что за немедленную войну ратовал монарх, чьи владения были фактически окружены территориями Селевкидов. Эвмен, как указывает Ливий, был уверен, что в случае столкновения с Римом Антиох III непременно будет побежден. А это сулило возможность вернуть утраченные по его вине территориальные приобретения (Liv. XXXV. 13). Желание Эвмена II столь очевидно, что

дает основание оценивать его роль в борьбе против Антиоха III как более значительную, чем в Македонской войне против Филиппа V. Из рассказа Ливия также следует, что римские послы пытались использовать в своих интересах представителей греческих государств, заранее подготовленных и наученных Эвменом II. Смешивая жалобы с требованиями, они окончательно завели переговоры в тупик (Liv. XXXV. 17).

Трудно сказать, каким образом развивались бы последующие события, если бы не активность этолийцев. После отвода римских войск они разослали послов к Набису, Филиппу V и Антиоху III. Разочаровавшись в своих бывших союзниках (римлянах), присвоивших лишь себе все лавры победы во Второй Македонской войне (Polyb. III. 7. 1–2; Liv. XXXV. 12), этолийцы решили сколотить альянс, в том числе из бывших римских противников. Как сообщает Ливий, этолийский посол Дикеарх всячески старался склонить Антиоха III к войне с Римом и при этом перечислял: «...какое множество конницы и пехоты доставят этолийцы Антиоху для войны, какие места для сухопутных войск, какие гавани для флота»; без всяких оснований уверял в готовности Филиппа и Набиса участвовать в войне (Liv. XXXV. 12). Однако Антиох, несмотря на дальнейшее нагнетание нервозности в отношениях с римлянами, вряд ли чувствовал себя готовым к схватке с противником, повергшим недавно Филиппа V. Кроме того, сама обстановка на Балканах была далеко не ясна. Нет сведений о том, чтобы Антиох пытался сблизиться с Филиппом V. Да это было бы слишком с его стороны бесцеремонно, если учесть, что он успел за время последней Македонской войны часть бывших владений Филиппа V «прибрать к рукам». Вряд ли внушала доверие и столь быстрая смена этолийцами своего отношения к римлянам. Наконец, Антиохом не была еще окончательно выполнена программа подчинения Малой Азии.

Однако во время второго обращения этолийцев настроение царя было уже несколько иным. В результате происков римских дипломатов он уже не связывал каких-либо надежд с Ганнибалом и его планом ведения войны на итальянской территории. В случае же открытия военных действий на Балканах на стороне Селевкидов могли оказаться этолийцы, озлобленные на Рим за отказ выполнить их требования после разгрома Македонии; галаты; Каппадокия, царь которой приходился зятем Антиоху; беотийцы и некоторые другие общины Средней Греции.

По словам Аппиана, этолийское посольство, мягко говоря, преувеличило стремление греков начать войну с римлянами под командованием Антиоха III: «К Антиоху же прибыли послы этолийцев, во главе кото-

рых стоял Тоас; они объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и приглашали в Грецию, как на готовое дело» (App. XI. 12). Почему царь, столь осторожный в других ситуациях, на сей раз позволил увлечь себя безосновательными прожектами? Надо признать, что значительную роль в данном случае сыграл личностный фактор. Возможность встать во главе чуть ли не общегреческого движения против римлян, как рисовали этолийцы, соответствовала стремлениям Антиоха III, удовлетворяла его амбиции.

Общее напряжение в ожидании грядущих событий не спадало. Ливий указывает на отсутствие точной информации у сената о событиях на Востоке (Liv. XXXV. 23). Римляне продолжали опасаться экспедиции Антиоха в Италию. Они предприняли ряд мер по защите от возможного вторжения на Сицилию и побережье Италии. В Грецию отправилось очередное посольство, якобы для поддержания духа союзников (Liv. XXXV. 23; XXXV. 31).

Весной 192 г. до н. э. Антиох III переправился через Геллеспонт. Возможно, его действия не были бы столь поспешными, если бы ни внезапное выступление против римлян этолийцев. Последних же, в свою очередь, спровоцировали распространенные прибывшим в Этолию царским министром Мениппом слухи об огромных сухопутных войсках, флоте, слонах и золоте царя Антиоха (Liv. XXXV. 32). Поведение и официальная речь царского посла на Всеэтолийском собрании вовсе не выглядят абсурдными, если учесть, что предполагалось произвести впечатление не на одних только этолийцев, которые и без того были инициаторами предстоящей войны. На собрании присутствовали послы греческих государств, союзных Риму, которые по замыслу Фламинина, должны были вразумить этолийцев, вернуть их в лагерь римских союзников. В противовес целям римской дипломатии Менипп делал упор на то, что общей задачей Селевкидов и Этолии является восстановление прежнего «прекрасного» положения дел в Греции, подразумевающего свободу, не зависимую от чужого произвола. Имелось в виду, конечно, римское вмешательство. Причем, подчеркивалась необходимость сохранения баланса сил в регионе: «Лучше всего было бы, если бы Антиох имел возможность приступить к делу в то время, когда силы Филиппа были еще целы; тогда каждый владел бы своею собственностью и не попало бы все во власть и распоряжение римлян» (Liv. XXXV. 32).

Усилия Мениппа склонить на сторону своего монарха как можно больше греческих государств не оправдались. Уже на первом этапе стало ясно, что существует довольно сильная оппозиция планам Анти-

оха III и этолийцев. Так, афиняне призвали греков блюсти союз с римлянами во избежание губительной войны (Liv. XXXV. 32). В конечном счете именно неопределенность в позиции большинства греческих государств позволяла римлянам разыграть роль невинной жертвы, которую заставляют воевать.

Уже вполне освоившись с приемами эллинистической дипломатии, они старались снять с себя ответственность, внушая общественному мнению, что виновники войны — этолийцы. Именно в таком русле строилось выступление Фламинина перед греческим собранием (Liv. XXXV. 33). Остается заметить, что, если бы римская сторона и теперь действительно желала любой ценой избежать столкновения с Антиохом III, этолийцам уже были бы предложены условия для примирения. Между тем, сенат приказал произвести набор 4 тысяч пехоты из римских граждан и 300 всадников, а также 6 тысяч латинских союзников и 400 всадников. Эти силы в случае необходимости могли быть отправлены с новым консулом «туда, куда сенату благоугодно будет послать» (Liv. XXXV. 41).

Очень скоро Антиох убедился, что политическая обстановка в Греции отнюдь не благоприятствует его успехам. Позволив этолийцам убедить себя чуть ли не во всеобщей поддержке, Антиох III даже согласился не ждать основного войска, возвращавшегося из Центральной Азии, и переправился в Грецию всего с 10 тысячами пехоты, 500 всадников и 6 слонами. Местом высадки была выбрана Деметриада в Фессалии. Распространившиеся ранее слухи о возможном возвращении римлянами Деметриады Филиппу V (App. XI. 12; Liv. XXXV. 31; 43) и готовность фессалийцев помешать этому придавали действиям Антиоха освободительный характер.

На сторону Селевкидов перешел Аминандр, царь афаманов. Союз этот был достигнут за счет обещаний передать в случае успеха его родственнику Филиппу, приписывавшему себе родство с Александром Великим, власть над Македонией (App. XI. 13; Liv. XXXV. 47). Подобные обещания свидетельствуют о решимости Антиоха обойтись в предстоящей войне без Филиппа V. Царь лично побывал в Фивах, рассчитывая на союз с этим городом. Однако его успехи на этом, пожалуй, и закончились. Когда он обратился через посольство к беотянам, получил ответ, что предложение будет обсуждаться лишь в случае его личного прибытия (Polyb. XX. 2; Liv. XXXV. 6; 50).

В начале зимы, когда царь находился в Халкиде, к нему прибыли посольства от эпиротов и элейцев. Эпироты убеждали не втягивать их в войну, поскольку их земли, ближе всего расположенные к римским

владениям, в первую очередь могли быть подвергнуты разорению. Граждане Элиды просили защиты от ахейян (Polyb. XX. 3. 5–6). Таким образом, вместо получения подкрепления в Греции Антиох был озадачен необходимостью выделить часть из своих скромных сил для защиты предполагаемых союзников.

Антиох не внял совету Ганнибала привлечь на свою сторону Филиппа V, а, если это не удастся, послать против него царевича Селевка, чтобы тот военными действиями с территории Фессалии отвлекал македонского царя от возможного содействия римлянам (App. XI. 14). Когда же он (Антиох) пришел в Киноскефалы, на место недавней битвы македонян с римлянами, то приказал захоронить оставшиеся здесь без погребения останки македонских воинов. Филипп V, ответственный за святотатство, связанное с непогребением павших воинов, расценил действия Антиоха III как провокацию (App. XI. 16). В отместку македонский царь пропустил через свою территорию в Фессалию Аппия Клавдия с 2 тысячами римских пехотинцев.

Оказавшись фактически один на один с противником, Антиох вынужден был рассчитывать лишь на собственные силы. Как следствие, сражение, которое произошло при Фермопилах летом 191 г. до н. э., оказалось проигранным (App. XI. 17–20; Liv. XXXVI. 16–29; Plut. Flam. XV). Царь удалился в Халкиду, а затем переправился в Эфес. Так окончилась военная кампания на Балканах. Антиох III, олицетворявший собой единственный реальный противовес Риму после поражения Филиппа V, также не смог защитить престиж эллинистической монархии.

При подобном положении дел было бы логично соглашаться на те условия заключения мира, которые предлагались римской стороной. Они включали оплату Антиохом всех военных расходов римлян, вывод селевкидских гарнизонов из всех городов Ионии и Эолиды, отказ от всех владений «по сю сторону Тавра» (Liv. XXXVII. 35). Как видим, предложения римской стороны соответствовали тем представлениям о разграничении сфер влияния, на которых она настаивала еще в Лисимахии. Для Антиоха это означало не только отказ от претензий на европейские территории, но и потерю контроля над значительной частью азиатских владений, с таким трудом возвращенных в пределы державы Селевкидов.

Нежелание царя заключать мир при подобных жертвах неминуемо вело к новому столкновению, но теперь уже на территории Азии. Этолийские послы еще просили Антиоха возобновить военные действия в Греции, но разорение этолийских территорий римлянами и взятие Гераклеи заставило их самих искать мира.

Родос и Пергам активно сотрудничали с Римом, помогая выигрывать морские сражения (Liv. XXXVI. 43–45; XXXVII. 23–24; 29–30). Малая Азия, еще недавно казавшаяся недоступной для римлян, теперь грозила превратиться в ловушку для Селевкидов.

Обескураженный неудачами, чувствовавший непрочность своей малоазийской базы Антиох попытался вступить в переговоры с римлянами. Но эти попытки были сорваны Эвменом II. Пергамский царь был заинтересован лишь в полном разгроме Антиоха III. Только при таком условии он был бы окончательно избавлен от угрозы со стороны Селевкидов (Liv. XXXVII. 18–19; Polyb. XXI. 10).

Римским войскам удалось беспрепятственно переправиться через Геллеспонт. С первых шагов по азиатской земле лозунг защиты греков от восточной деспотии продолжал оставаться главным в оправдании всех действий римской стороны. Провозглашалась свобода греческих городов, происходил обмен дипломатами, всячески подчеркивалось родство римского народа с малоазийскими греками. Римляне позаботились о привлечении на свою сторону царя Вифинии Пруссия. После «обработки» римскими дипломатами он отказался от сотрудничества с Селевкидами (App. XI. 23; Liv. XXXVII. 25; 37; Polyb. XXI. 11–12).

Антиох III еще раз попытался начать переговоры о мире. Некоторые надежды царю внушало поведение римлян, не спешивших разворачивать военные действия. Через своего посла византийца Гераклида он передал, что готов уступить Смирну, Лампсак, Александрию в Троаде и другие города в Эолиде и Ионии, оплатить половину военных расходов римлян (Liv. XXXVII. 34–35; Polyb. XXI. 13–15). Но последние потребовали оплаты всех расходов и отказа от малоазийских владений вплоть до Тавра. Попытки договориться частным путем через Публия Корнелия Сципиона (Африканского), состоявшего легатом при своем брате Луции Корнелии Сципионе, осуществлявшем командование высадкой римских войск в Азии, также не оправдались. Не возымел действия даже нажим на отцовские чувства римского полководца. Антиох предлагал Публию Сципиону вернуть без выкупа его сына, находившегося в сирийском плену. Причем, если верить Полибию, Сципион конкретно указал Антиоху на его тактические просчеты, главным среди которых была нерешительность царя, имевшая следствием беспрепятственную высадку римлян на азиатском побережье. К чести Антиоха следует сказать, что он, несмотря на неудачу переговоров, вернул Сципиону сына (Liv. XXXVII. 36–37; Polyb. XXI. 15. 7–10). Из благодарности Публий Сципион, вынужденный уехать по причине болезни, советовал Анти-

охлаждению не ввязываться в военные действия до его приезда. Но Антиоху все еще казалось, что его положение не столь уж угрожающее и он в состоянии взять реванш. Зимой 190/189 гг. до н. э. состоялось решающее сражение при Магнесии у горы Сипила. Армия Антиоха потерпела поражение (App. XI. 30–36; Liv. XXXVII. 37–43; Just. XXXI. 8. 5–7). Победа римлян была тем более явной, что оказалась одержанной в Малой Азии, на территории врага.

Главную ошибку Антиоха III на последнем этапе его соперничества с Римом можно сформулировать так: он допустил перенос войны на территорию Азии, а его поражение ускорило проникновение римлян в эту последнюю, остававшуюся пока еще не доступной для них часть эллинистического мира. Моральный урон, нанесенный как авторитету царя, так и самой идее величия и жизнеспособности эллинистической монархии оказался слишком велик.

Последовавшие за поражением Селевкидов переговоры велись в три этапа. Царские послы Зевксид, бывший сатрап Лидии, и царский племянник Антипатр прибыли в Сарды, уже занятые римлянами, чтобы обговорить условия мира. В первую очередь они постарались встретиться с Эвменом, поскольку именно от него как инициатора срыва прошлых переговоров ожидали больше всего неприятностей (Liv. XXXVII. 45; Polyb. XXI. 16. 5–6). Однако Эвмен старался держаться с послами доброжелательно, что вполне соответствовало тактике терпеливого политика, старающегося без лишних осложнений довести начатое дело до конца.

Приглашенные на военный совет послы Антиоха выслушали объявленные Публием Сципионом условия мира. Поскольку царем было дано указание соглашаться со всеми требованиями, проблем с обсуждением не возникло. Проект договора был передан в сенат для утверждения. Наряду с послами Селевкидов в Рим отправились представители почти всех государств, заинтересованных в исходе переговоров (Polyb. XXI. 17. 9–12). Источники особенно подробно передают речь Эвмена II перед сенаторами. Стараясь быть ненавязчивым, он, тем не менее, умело подчеркивал свою роль в разгроме Антиоха III и пытался оттеснить на второй план заслуги Родоса (Liv. XXXVII. 52–53; Polyb. XXI. 19), который после поражения Селевкидов стал наиболее явным конкурентом Пергама. Таким образом, вновь всплыли на поверхность старые разногласия этих двух государств, вовремя и в полной мере не использованные Антиохом III.

Наконец, условия, оговоренные с Публием Сципионом, были утверждены сенатом (Liv. XXXVII. 55; Polyb. XXI. 24. 2–3). Оставалось огласить их еще раз перед побежденными, что было сделано в Апамее летом

187 г. до н. э. Но прежде римлянами были приняты послы галатов и Ариарата Каппадокийского. И галаты, и Ариарат были единственными союзниками Антиоха III. Каппадокия должна была заплатить за мир с Римом 600 талантов (Liv. XXXVIII. 37; Polyb. XXI. 43. 4–8). Правда, позже Ариарату, сумевшему просватать свою дочь за Эвмена II Пергамского, значительная часть суммы была прощена (Liv. XXXVIII. 39).

Основная тяжесть расплаты за поражение легла на Селевкидов. Они теряли все европейские территории и азиатские вплоть до Тавра. Границей государства определялись два мыса Каликадион и Сарпедонион, за эти границы заплывать не следовало. Антиох терял всех своих слонов и весь военный флот, за исключением десяти легких судов. В течение двенадцати лет предстояло выплатить 12 тысяч талантов и предоставить римским войскам значительное количество пшеницы. 350 талантов должен был получить за пять лет Эвмен II и еще 127 талантов вместо хлеба. Антиох III обязан был выдать Риму его врагов, в том числе Ганнибала, и предоставить двадцать заложников. Царь не имел права вербовать наемников в областях, принадлежавших римлянам и принимать оттуда беглецов. Отдельные статьи регулировали и ограничивали свободу внешнеполитической деятельности Антиоха III. Так, ему предписывалось не принимать к себе ни воинов, ни кого-либо другого из царства Эвмена, не набирать наемников из народов, подвластных Риму, не захватывать никаких городов по праву войны и не заключать с ними дружественные союзы (App. XI. 38–39; Liv. XXXVIII. 38–39; Polyb. XXI. 45–48).

Большая часть отобранных у Селевкидов территорий досталась Эвмену за активное содействие римлянам (Liv. XXXVIII. 39; Polyb. XXI. 48, 9–11). Он получил Херсонес и Лисимахию, Фригию при Геллеспонте и Великую Фригию, Ликаонию, Лидию, Эфес, Тралы и другие области и города. Евмен пытался получить и всю Памфилию, хотя часть ее находилась по другую сторону Тавра. Родосцам были отданы Ликия и почти вся Кария (App. XI. 44; Liv. XXXVIII. 39; Polyb. XXI. 48). Особо оговаривалось положение общин, плативших дань Селевкидам, но державших сторону римлян. Они освобождались от повинностей. Общины, оставшиеся верными Антиоху или платившие ранее дань Атталидам, теперь должны были платить Эвмену II.

Условия мира свели на нет все усилия Антиоха III по возвращению династии европейских и малоазийских владений и, что еще хуже, теряли вес все предшествующие достижения царя, поскольку он не смог реализовать должным образом накопленный в ходе недавних успешных предприятий опыт и потенциал.

Антиох пожинал плоды собственных ошибок не только в отношении римлян, но и в отношении эллинистических партнеров. Не сумев хотя бы на время отказаться от роли гегемона, он оказался вынужден почти в одиночку взвалить на себя задачу защиты эллинов от римской экспансии. Он не смог привлечь на свою сторону греческие общины, поскольку неумело использовал пропагандистские лозунги, поэтому не приобрел себе союзников, а наоборот, нажил новых врагов, как это случилось с Филиппом V.

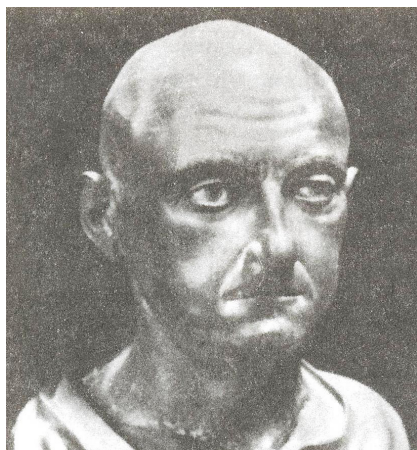
Все эти события разворачивались на фоне глубокого кризиса эллинистического общества, были его проявлением и показателем. Антиох, пытавшийся опереться в трудный для себя момент на традиционную солидарность эллинов, к разочарованию своему обнаружил, что ее ценности больше не имеют веса в сравнении с меркантильными интересами отдельных государств и надеждами на призрачные свободы, которые ассоциировались у части эллинистического общества с появлением на Балканах римлян, еще не проявивших в полной мере свои имперские притязания. Крушение политических планов Антиоха совпало с его собственной смертью. Примерно через два года после заключения мира в Апамее он был убит при попытке принудительного изъятия денег, необходимых для выплаты репараций Риму, из казны храма в Элимаиде (Just. XXXII. 2. 1–2; Diod. XXIX. 15). Сам факт попытки получить деньги у храма свидетельствовал о крайне сложной финансовой ситуации в государстве. Гибель же царя от рук возмущенной святотатством толпы внесла как бы последний штрих в картину окончательного крушения всех иллюзий по поводу возрождения величий эллинистических монархий.

По иронии судьбы Сципион Африканский, ни снискал себе почета дипломатическими победами над Антиохом III. Через девять лет после окончания войны он был обвинен политическими противниками в нарушении римских законов, в получении взятки от Антиоха за якобы слишком мягкие условия Апамейского мира. Полководец, которому римский народ был обязан избавлением от карфагенской угрозы и распространением влияния на востоке Средиземноморья, не смог противостоять судебной и административной системе собственного отечества. Он удалился в добровольное изгнание и жил в своем поместье в Литерне до смерти в 183 г. до н. э. Умирая в деревне, он велел там же похоронить его, не желая себе похорон в неблагодарном Риме (Liv. XXXVIII. 53. 8–9). *Ingrata patria, ne ossa quidem mea habebis* (Неблагодарная отчизна, ты не получишь даже мои кости)!

В конечном итоге в судьбе двух великих полководцев отразилось будущее эллинистического мира и Римской республики. Силой легионов и искусством дипломатии Рим подчинил эллинистические царства, но не сумел растворить «душу» древней культуры. Собственной политической трансформацией, переходом от республики к монархии римляне обязаны как раз влиянию примера эллинистических государств. Однако римские политики не сумели по достоинству оценить уникальный опыт создания космополитичного, мультикультурного общества, позаимствовав лишь форму правления — абсолютную монархию. Столь ограниченный подход в оценке достижений эллинистического общества определил довольно узкие рамки собственного политического мировоззрения римлян. Римская империя так и осталась «неблагодарным отечеством» для восточно-средиземноморских народов.

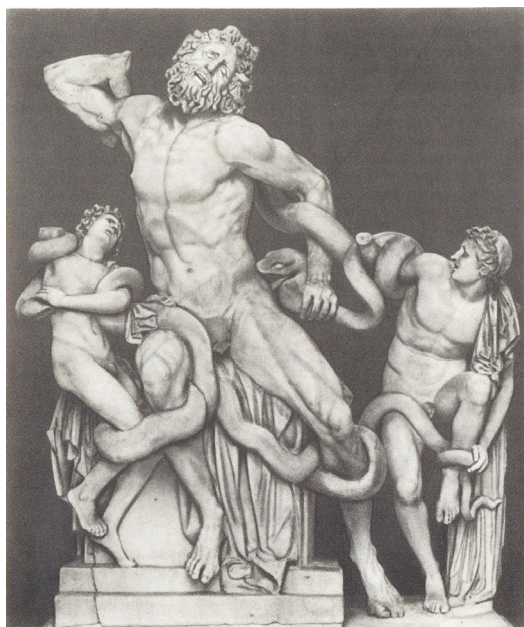

Антиох III

Публий Сципион Африканский

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лаокоон

(Агесандр, Полидор, Афинодор. Мрамор, I в. до н. э.)

*«Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes» —
«Что там ни будь, я данайцев страшусь и дары
приносящих»*

Вергилий «Энеида»(II. 40)

В I в. до н. э. родосские скульпторы Агесандр, Полидор и Афинодор изваяли в мраморе троянского жреца Лаокоона и его сыновей, заключенных в смертальные объятия двух змей. Жрец пытался спасти родной город и убедить троянцев не вносить в его стены подаренного данайцами деревянного коня, чем разгневал Геру, наставшую на него змей. Античное предание воплощено настолько реалистично, что не может не вызывать душевного отклика на драматизм и безысходность ситуации, обреченность и мучения людей, подвергнутых страшной смерти за попытку предотвратить предрешенную богами гибель Трои.

Подобно троянцам народы Восточного Средиземноморья не сумели разглядеть угрозу, приняв римлян за благодетелей и защитников. И в конце

концов, как Лаокоон, эллинистический мир не смог разомкнуть тяжелых «объятий» Рима. Однако самим существованием своим, борьбой за право свободно определять собственную судьбу эллинистические государства и народы завоевали себе право на историческую память человечества.

Эллинизм оставил последующим поколениям неоценимое политическое и культурное наследие. И это не только достижения науки, политической мысли, искусства, украшающие залы современных музеев многих мировых столиц, штудируемые историками и философами, но и опыт построения системы цивилизованных межгосударственных отношений внутри эллинистической системы, а также с окружающими народами. Впервые в истории столь отчетливо ставились задачи определения границ реализации интересов отдельных народов. На международных конгрессах, во время мирных переговоров, в ходе осуществления дипломатических миссий, наконец, путем постановлений международных судебных комиссий формировался арсенал мирной дипломатии, решались задачи ограничения и предотвращения вооруженных конфликтов, происходил поиск путей налаживания культурного диалога народов.

Именно для этой эпохи характерно приспособление архаических и классических институтов античной государственности к новым условиям интернационализации политической и экономической жизни. По экспрессивности и темпам развития международных отношений эллинистическая эпоха напоминает наши дни. Недаром можно проследить массу параллелей в жизни эллинистического общества и современного, в характере взаимоотношений государств, в политическом и культурном диалоге народов.

Какие же уроки может извлечь современное общество из истории международных отношений и дипломатии эллинистических государств? Ответ напрашивается сам собой, достаточно вспомнить проблемы нашей цивилизации, взаимоотношений стран и народов, с которыми сталкивается человечество. В наши дни повседневная политическая, экономическая и культурная жизнь государств характеризуется тесным взаимодействием и взаимовлиянием, как это было и в период эллинизма, пусть и в меньших масштабах. Сосуществование народов в рамках общего мира, где любая внешнеполитическая инициатива, экономическая или технологическая новация непосредственно сказываются на судьбе всех без исключения государств, требует в качестве неперемennого условия согласования позиций. Эллинизм доказал, что война, какой бы успешной она не была, не может стать альтернативой сохранению мира и баланса сил. Любой военный конфликт способен породить лишь последующую

конфронтацию и новое вооруженное противостояние. Мир, порожденный войной, всегда ею же и разрушается. В конце концов, каждый полководец и каждая армия сталкивается с более сильным противником. И далеко не всегда военная победа несет мир, почет и процветание победителям. Эллинистический мир не смог сдержать удар со стороны Рима по той причине, что отдельные монархи поставили свои амбиции выше солидарности своих народов, паритета сил. Диадочи и эпигоны, союзные стратеги и дипломаты пренебрегли собственным историческим опытом, ознаменовавшим начало эпохи эллинизма, когда эллины и македоняне сплотились под знаменем совместной борьбы с персидской угрозой и сумели достичь невиданных высот в военном деле и государственном строительстве. Как только меркантильные интересы отдельных правителей взяли верх над общенациональной идеей, созданный руками и волей самих же эллинов мир стал рушиться.

Антиох III, несмотря на масштабность его политических и военных свершений, был одним из целого ряда выдающихся политиков и государственных деятелей эллинистической эпохи. Его личная судьба, наполненная борьбой за возрождение величия династии и объединение эллинов, как в зеркале отражает судьбу всего эллинистического мира. Решившись выступить против неизвестного и грозного противника в одиночку, он обрек на поражение и себя самого, и те идеалы, которые были основой эллинистической государственности, начиная с Александра Великого. Эту же ошибку повторили все эллинистические правители, дерзнувшие воспротивиться гегемонистским планам римлян. Рим, умело разделял и, благодаря этому, властвовал.

Римское господство не принесло культурного единения многочисленным народам Восточного Средиземноморья. Имперская идеология не ставила задачу сохранения и приумножения культурных ценностей покоренных стран. Рим попросту выкачивал ресурсы из региона, начиная от сырья и продуктов, заканчивая произведениями искусства. Греко-македоняне, управляя восточными народами, не подавляли их в той мере, в какой это делал позже Рим. Более того, эллинистические династии часто демонстрировали свое расположение и покровительство азиатским и египетским культам, национальным традициям и укладу жизни. Однако общая и постоянная неудовлетворенность расстановкой политических сил в регионе, а также взаимное недоверие между греко-македонской элитой и покоренным населением, так и не успевшим в решающей мере внедриться в правящий слой, ослабляли силы эллинистических государств, провоцировали губи-

тельные попытки найти справедливый суд и покровительство в лице западного соседа.

В результате эллинизм оказался последним этапом существования свободного греческого мира и созданной на его основе самобытной мультикультурной цивилизации.

Рим как губка впитал в себя все материальные и духовные богатства Восточного Средиземноморья. И даже знаменитое римское право своей универсальностью во многом обязано греческому и эллинистическому праву. Римлянами были позаимствованы те элементы правовой культуры, которые способствовали осуществлению имперской программы. Но, помимо публично-правовых институтов, римлян не могли не привлечь и механизмы защиты частных интересов в сфере международных отношений, а именно они у эллинов были весьма развиты. Частное римское право, которому современные европейские правовые системы обязаны своим происхождением, не состоялось бы в полной мере без опыта коммерческой и судебной практики Восточного Средиземноморья. Величие имперского Рима возросло на «благодатной почве» цивилизации, созданной трудом и борьбой восточно-средиземноморских народов.

Значительная удаленность в историческом пространстве отнюдь не умаляет значения опыта международных отношений эпохи эллинизма. Утратив шанс на политическую самостоятельность, мир эллинистических государств не растворился бесследно в исторической памяти человечества благодаря обилию сохранившихся документальных свидетельств и потому остается своеобразной исторической миниатюрой, наглядным образцом, на примере которого следует учиться политикам и дипломатам. Рассказ об эллинизме — это не миф об античных богах и героях, а повествование о реально существовавших людях, раздвинувших в сознании своем понятие границ возможного и добившихся грандиозных результатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Эпиграфические материалы

- Bagnall R., Derow P. Greek historical documents: The hellenistic period. — Chico, California: Scholars Press, 1981.
- Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. / Bearbeitet Von H. Bengtson — München; Berlin: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. Bd 2. 1962.
- Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Bearbeitet von H. H. Schmitt — München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. Bd 3. 1969.
- Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio tertia. — Leipzig. 1915–1924. Vol. I–IV.
- Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. — Leipzig. 1903–1905. Vol. I–II.
- Welles C.B. Royal correspondence in the hellenistic period. A study in greek epigraphy. — London, New Haven: Yale university press. 1934.

Памятники литературы

- Ampelius Lucius. Liber memorialis. — Stuttgartiae: Teubner, 1976.
- Appianus Alexandrinus. Appiani Historia Romana. — Lipsiae: Teubner. 1962.
- Diodorus Siculus. Diodori Bibliotheca historica / Ed. L. Dindorfius. — Lipsiae. 1866–1868. Vol. I–IV.
- Eutropius. Breviarum ab urbe condita / Ed. F. Ruchl. — Lipsiae, 1897.
- Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A. Roos. — Lipsiae: Teubner, 1967. V. I.: Alexandri Anabasis. — 1967.
- Flavii Iosephi opera omnia / Post Immanuelem Bekkerum recognovit Samuel Adrianus Naber. — Lipsiae, 1888–1896.
- Herodotus. Historiae/ Rec. C. Hude. Ed. III. Vol. 1–2. Oxonii. 1933.
- Livius Titus. Titi Livi ab urbe condita libri. — Lipsiae: Teubner. 1865–1869.
- Pausaniae. Graeciae descriptio / Ed. Fr. Spiro. — Lipsiae. 1903.
- Platonis opera / Recogn., brevique annotatione, critica, instruxit Ioannes Burnet. — Oxonii [Oxford]: E. typogr. Clarendonian. T. 5.: Tetralogiam IX Definitiones et Spuria continens. — 1987.
- Plutarchus. Plutarhi Vitae parallelae / Rec. K. Ziegler. — Lipsiae. 1961–1964.
- Polybius. Polibii Historia. — Lipsiae: Teubner. 1866–1868. Vol. 1–4.
- Justinus. Ehitoma de Trogi Pompei historiarum Philippicarum, rezensuit Justus Jur. — Lipsiae. 1876.

- Аппиан Аллксандрийский. Римская история / Пер. с греч. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера, Е.С. Голубцовой, Л.Л. Кофанова. — М., 2002.
- Арриан. Поход Александра: Пер. М.Е. Сергеенко. — М., 1993.
- Аристотель. Политика. Афинская полития / Пер. с греч. С.А. Жебелева. — М., 1997.
- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. — М., 1993.
- Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Пер. с греч. И. Алексеева. — СПб., 1774–1775. Ч. 1–6.
- Геродот. История. / Пер. Г.А. Стратановского. — М., 2006.
- Евтропий. Бrevиарий от основания Города / Пер. с лат. Д.В. Карева, Л.А. Самуткиной. — СПб., 2001.
- Иосиф Флавий. Иудейские древности: Пер. с греч. Г. Генкеля. В 2-х томах. Ростов н/Д., — 2000. Т. 1; Т. 2.
- Институции Юстиниана. Пер. с лат. Д. Расснера / Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. — М., 1998.
- Книга оракулов. Пророчество Пифий и Сивилл. — М., 2002.
- Орозий Павел. История против язычников. Книги I–III / Пер. с лат. В.М. Тюлеменева. — СПб., 2001.
- Павсаний. Описание Эллады: Пер. С.П. Кондратьева. — М., Т. I–II. 1938–1940.
- Платон. Законы / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — М., 1999.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. с греч. В.А. Алексеева. М., 2008.
- Полибий. Всеобщая история/ Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. СПб., Т. I–III. 1994–1995.
- Рим: Эхо имперской славы/ Пер. с англ. Т. Азаркович. — М., 1997.
- Словарь античности. Пер. с нем. — М., 1994.
- Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1994.
- Тит Ливий. История Рима от основания города. — М., Т. I. 1989, Т. II. 1994, Т. III. 1994.
- Фукидид. История. СПб.: Т. I. 1994.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiae Philippicae». Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского. М., 2005.

Специализированная литература

- Аннерс Э. История европейского права: Пер. со швед. — М., 1999.
- Античная Греция: проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой, Л.П. Маринович, А.И. Павловской, Э.Д. Фролова. — М., 1983. Т. 2.

- Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. — М., 1963. Т. 1.
- Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения): Пер. с чешск. — М., 1989.
- Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. — М., 1990.
- Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. — Ставрополь, 2003.
- Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма: Пер. с нем. — М.: Наука, 1985.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов: Пер. с франц. — М., 1985.
- Бокшанин А.Г. История международных отношений и дипломатия в древнем мире: Стенограмма лекции. — М., 1945.
- Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. — М., 1960. Ч. 1.
- Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. — М., 1963.
- Броунтон Т.Р.С. Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности. — М., 1970.
- Бухарин М.Д. Мегасфен в Индии // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. — М., 1998. С. 103–113.
- Бухарин М.Д. Раннеэллинистические хронографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос // ВДИ. — 2000. — № 2. С. 88–99.
- Вейсман А.Д. Греческо–русский словарь. Репринт V–го издания 1899 г. — М., 1991. 1370 с.
- Вигасин А.А. Греко–индийский диалог в середине III в. до н. э. // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70–летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. — М., 1999. С.19–24.
- Габелко О.Л. История Вифинского царства. — СПб., 2005.
- Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. — СПб., 1995.
- Дройзен И.Г. История эллинизма. — Ростов н/Д., 1995. Т. 1–3.
- Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. О наиболее раннем применении латуни и «чистой» меди в эллинистической чеканке Причерноморья и Малой Азии // ВДИ. — 2000. — № 1. С. 71–87.
- Дюрант В. Жизнь Греции / Пер. с англ. В. Федорина. — М., 1997.
- Ефремов Н.В. Родосско–Византийская война 220 г. до н. э. // ВДИ. — 2005. — № 1. С. 128–153.
- Жебелев С.А. Древняя Греция. Ч. II. Эллинизм. — Пг., 1922. — Вып. 7.
- Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. — Казань, 1980.

- Журавлев Ю.Е. Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (200–160 гг. до н. э.) : Дис. ...канд. ист. наук. — М., 1982. 181 с.
- Илюшечкин В.Н. Эллинистические историки // Эллинизм: восток и запад / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992. С. 280–296.
- Исаева В.И. Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм. // *Acta Antiqua*. — Budapest: Akademiai kiado, 1990–1992. Т. XXXIII. С. 267–271.
- История дипломатии / Под. ред. В.А. Зорина и др. М., 1959. Т. 1.
- Кашеев В.И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка. — М., 1997.
- Кашеев В.И. Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // *Античность: миры и образы*: Сб. статей. — Казань, 1997. С. 32–41.
- Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. — М., 1993.
- Кечекьян С.Ф. Государство и право древней Греции. — М., 1963.
- Климов О.Ю. Роль Пергамского государства в Сирийской войне (192–188 гг. до н.э.) // *Античная гражданская община* : Межвуз. сб. науч. трудов. — М., 1986. С. 29–43.
- Климов О.Ю. Царская власть в эллинистическом Пергаме // *Политика и идеология в древнем мире*: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1993. С. 55–69.
- Кошеленко Г.А. Греция в эллинистическую эпоху // *Эллинизм : экономика, политика, культура* / Отв. Ред. Е.С. Голубцова. — М., 1990. С. 141–185.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. — М., 1979.
- Левек П. Эллинистический мир: Пер. с франц. — М., 1989.
- Ленцман Я.А. К вопросу об источниках эллинистического пиратства // ВДИ. — 1946. — № 4. С. 219–228.
- Литвиненко Ю.Н. Сатрап Птолемей и Сострад Книдский: захват Мемфиса // ВДИ. — 1999. — № 2. С. 33.
- Лурье С.Я. История Греции. — СПб., 1993.
- Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3-х т. — М., 2001. Т. 1–3.
- Ляпустина Е.В. Конференция по древней экономике (Сен-Бертран-де-Комменж, 6–7 мая 1994 г.) // ВДИ. — 1995. — № 2. С. 218–226.
- Майорова Н.Г. Институт фециалов в раннем Риме // *Древнее право. Ius antiquum*. — 1998. — № 1(3). С. 78–81.
- Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. — М., 1975.
- Маринович Л.П. Некоторые теоретические проблемы становления эллинизма // *Acta Antiqua*. — Budapest, 1990–1992. Т. XXXIII. С. 261–266.

- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М., Т.1. 1996.
- Митина С.И. Правовая культура международных отношений эпохи эллинизма. — Великий Новгород, 2003.
- Митина С.И. Регулирование международных отношений эпохи эллинизма. — Великий Новгород, 2006.
- Моммзен Т. История Рима. В 5 т. — М., Харьков, 2001. Т. I–II.
- Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. — М., 1953.
- Нойкирхен Х. Пираты. Морской разбой на всех морях. Пер. на рус. язык. — М., 1980.
- Никитина И.П. Проксении Херсонеса Таврического // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1978. С. 98– 111.
- Пацация М.Ш. К вопросу о происхождении международного права // qemiz. Ежегодник истории права и правоведения. — М. 2000. — Выпуск 1. С. 54–65.
- Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. — М., Л., 1950.
- Ростовцев М.И. Сирия и Восток (русский вариант главы для «Кембриджской древней истории») // ВДИ. — 2000. — №4. С. 159–180.
- Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация Античного общества: Межвуз. сб. / Под ред. Э.Д. Фролова. — Л., 1982.
- Сапрыкин С.Ю. Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. — Казань, 2000. Ч. I. С. 159–177.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. — 2003. — № 1. С. 11 –35.
- Свенцицкая И.С. Социально — экономические особенности эллинистических государств. — М., 1963.
- Свенцицкая И.С. Особенности гражданской общины на эллинистическом Ближнем Востоке // ВДИ. — 1999. — № 3. С. 23–38.
- Сергеев В.С. История Древней Греции. — СПб., 2002. 704 с.
- Сини Ф. Об итальянско–русском научном проекте: «Жрецы республиканского Рима в сакральном, публичном и частном праве: жреческие документы и сакральные формулы» // Древнее право. Jus antiquum. — М., 1996. — № 1. С. 241–244.
- Снисаренко А.Б. Властители античных морей. — М., 1986.
- Снисаренко А.Б. Эвпатриды удачи. — Л., 1990.

- Тарн В. Эллинистическая цивилизация: Пер. с англ. — М., 1949.
- Тураев Б.А. История Древнего Востока. — Минск, 2002.
- Федоров–Давыдов Г.А. На окраинах античного мира. — М., 1975.
- Феррари Ж.–Л. Восток и запад «ойкумены» от Александра Великого до Августа: история и историография // ВДИ. — 1998. — № 2. С. 32–50.
- Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). — СПб., 2001.
- Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. — М., 1999.
- Хаммонд Н. История Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М., 2003.
- Цибукидис Д.И. Древняя Греция и Восток. — М., 1981.
- Шахермайер Ф. Александр Македонский: Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. — М., 1984.
- Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток: Пер. с франц. — М., 1985.
- Шофман А.С. Дипломатическая деятельность Персея // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века: Межвуз. сб. — Уфа. 1990. С. 29–37.
- Шофман А.С. История античной Македонии (Македония и Рим). — Казань, 1963. Ч. II.
- Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // ВДИ. — 1994. — № 3. С.3–13.
- Эллинизм : восток и запад / Отв. ред. Е.С. Голубцова. — М., 1992.
- A History of the Greek World from 323 to 146 B.C. — London, 1972.
- Adcock F.E., Mosley D.J. Diplomacy in ancient Greece. — London, 1975.
- Adcock F.E. The Greek and Macedonian art of war. — Berkeley; Los Angeles, 1957.
- Afzelius A. Die Romische Kriegsmacht. — Kobenhavn, 1944.
- A history of greek political thought. — London, 1967.
- Alexander der Grosse im Bild der Munzen / Bearbeitet von D. Mannsperger. — Tubingen, 1981.
- Alexandrien. Kulturbeggnungen dreier Jahrtausende im Schmelztiegel einer mediterranen Grosstadt. — Mainz an Rhein, 1981.
- An Introduction to the History and Sources of Jewish Law / Ed. by N.S. Hecht, B.S. Jackson, S.M. Passamanek, D. Piattelli, A.M. Rabello. — Oxford, 1996.
- Armees et fiscalite dans le 'monde Antique. — Paris, 1977.
- Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt. — Berlin; New York, 1972.
- Austin M.M. The Hellenistic world from Alexander to the Roman conquest: A selection of ancient sources in translation. — Cambridge ets., 1981.
- Austin M.M., Vidae–Naquet P. Economies et Societes en Grece Ancienne. — Paress, 1972.

- Austin N. The Greec historians Introduction and Selected Readins — Herodotus, Thucydides, Polybius, Plutarch. — New York, 1969.
- Aymard A. Du nouveau sur Antiochus III d'apres une inscription grecque de'Iran // REA. — 1949. T. 51. — № 3–4. P. 327–345.
- Aymard A. Du nouveau sur la chronologie des Seleucides // REA. — 1955. T. 57. P. 102–112.
- Aymard A. Etudes d'histoire ancienne. — Paris, 1967.
- Aymard A., Auboyer J. L'Orient et la Grece antique. — Paris, 1955.
- Badian E. Rom and Antiochus the Great: a stadi in cold war // CPh. — 1959. Vol. 54. — № 2–4. P. 81–99.
- Badian E. Roman imperialism in the late Republic. — Ithaca; New York, 1971.
- Badian E. Romischer Imperialismus in der Spaten Republik. — Stuttgart, 1980. 172 s.
- Badian E. Studies in Greek and Roman histori. — Oxford, 1964.
- Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon 205–200 B.C. // JRS. — 1954. Vol. 44. P. 30–42.
- Bar–Kochva B. The Seleucid army. Organization fnd tactics in the great campaigns. — Cambridge, 1976.
- Bartlett J. Jews in the Hellenistic World. — Cambridge ets., 1985.
- Bayer E. Griechische Geschichte. — Stuttgart, 1987.
- Beard M., Crawford M. Rome in the late Republic. — Ithaca, New York, 1985.
- Becher I. Das bild der Kleopatra in der griechischen und lateinischen literatur. — Berlin, 1966.
- Bell H.I. Egypt from Alexander the Great to the Arab conquest. — Oxford, 1966.
- Beloh K.J. Griechische Geschichte. — Berlin; Leipzig, 1925. Bd. 4.
- Benecke P.V.M. The fall of the Macedonian monarchy. // CAH. — 1970. Vol. VIII. P. 241
- Benecke P.V.M. Rome and the hellenistic states // CAH. — 1970. Vol. VIII. P. 279
- Bengtson H. Die Diadochen. Die Nachfolger Alexanders des Grosen. — Munchen, 1987.
- Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. — München, 1971.
- Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. — Munchen, 1944.
- Bengtson H. Gestalter der Alten Welt. — Munchen, 1989.
- Bengtson H. Herrschergestalten des Hellenismus. — Munchen, 1975.
- Bengtson H. Wesenzuge der hellenistischen Zivilisation. — Brussel, 1968.
- Berger P. Le portrait des Celtes dans les Histoires de Polybe // Ancient Society. 1992. № 23. S. 105–126.

- Bernard P. An Ancient Greek City in Central Asia // *Scientific American*. — 1982. Vol. 246. — № 1. P. 148–159.
- Berthold R.M. Rhodes in the Hellenistic Age. — Ithaca; London, 1984.
- Berve H. Das Alexanderreich auf Prosopographischer Grundlage. — Munchen, 1926.
- Bevan E.R. The House of Seleucus B.C. 326–64. — London, 1966. Vol. I–II.
- Bichler R. Hellenismus. Darmstadt, 1983.
- Bickermann E. Bellum Antiochicum // *Hermes*. — 1932. Bd. 67. H. I. S. 47–76.
- Bickermann E. Institutions des Seleucides. — Paris, 1938.
- Bickermann E. Les preliminaires de la seconde guerre de Macedoine // *RPh*. — 1935. T. 9 (61). P. 59–81; 161–176.
- Billows R.A. Antigonos the one eyed and the creation of the Hellenistic State. — Ann Arbor, 1988.
- Bohec S. Antigone Doson roi de Macedoine. — Nancy, 1993.
- Bohm C. Imitatio Alexandri im Hellenismus. — Munchen, 1989.
- Bosworth A.B. From Arrian to Alexander. — Oxford, 1988.
- Bosworth A.B. The reign of Alexander the Great. — Cambridge ets., 1988.
- Bouche–Leclercq A. Histoire des Lagides. — Paris, 1903. T. I; 1904. T. II; 1906. T. III; 1907. T. IV.
- Bouche–Leclercq A. Histoire Romaine. Reublique et Empire. — Paris, 1990.
- Bouche — Leclercq A. Histoire des Seleucides (323–64 avant J.C.). — Paris, 1913. T. I; 1914. T. II.
- Berve H. Gestaltende Krafte der Antike. — Munchen, 1966.
- Beyer–Rotthoff B. Untersuchungen zur aussenpolitik Ptolemaios'III. — Bonn, 1993.
- Bodson L. Alexander the Great and the Scientific Exploration of the Oriental Part of his Empire. An Overview of the Background, Trends and Results // *Ancient Society*. — 1991. № 22. P. 127–138.
- Bohrmann M. Flavius Josephus, the Zealots and Yavne: towards a rereading of the War of the Jews. — Bern ets., 1994.
- Bonquet J. Polybius on the Critical Evaluation of Historians // *Ancient Society*. — 1982/1983. № 13/14. P. 277–291.
- Brambach J. Kleopatra und ihre Zeit. Legende und Wirklichkeit. — Munchen, 1991.
- Briant P. Antigone le Borgne. — Paris, 1973. 397 p.
- Briscoe J. A commentary on Livy books XXXI — XXXIII. — Oxford, 1989.
- Brown T.S. Polybius'account of Antiochus III // *Phoenix*. — 1964. Vol. XVIII. № 2. P. 124–136.
- Brule P. La piraterie Cretoise Hellenistique. — Paris, 1978.

- Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien und die Agais. — Munchen, 1982.
- Burn A.R. Alexander the Great and the Hellenistic Empire. — London, 1947.
- Burstein S.M. Pharaoh Alexander : a Scholarly Myth // *Ancient Society*. — 1991. — № 22. — P. 139 — 145.
- Capelle W. Griechische Ethik und romischer Imperialismus// *Ideologie und Herrschaft in der Antike*. — Darmstadt, 1979. — S. 238–270.
- Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. — London, 1932.
- Chamoux F. La civilisation Hellenistique. — Paris, 1985.
- Chamoux F. Le roi Magas // *Revue Historique*. — 1956. — № 216.
- Christ K. Das Romische Weltreich. Aufstieg und Serfale einer antiken Grosmacht. — Basel; Wien, 1973.
- Christ K. Krise und Untergang der romischen Republik. — Darmstadt, 1984.
- Christ K. Romische Geschichte. Einfuhrung. Quellenkunde. Bibliographie. — Darmstadt, 1980.
- Ciccotti E. Griechische Geschichte. — Gotha, 1922.
- Cohen G.M. Katoikoi and Macedonians in Asia Minor // *Ancient Society*. — 1991. № 22. P. 41–50.
- Cloche P. La Dislocation d'un Empire. — Paris, 1959.
- Cook J.M. The Greeks in Ionia and the East. — London, 1965.
- Dascalakis A. Alexander the Great and Hellenism. — Fessalonikh, 1966.
- Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr. — Berlin–New York, 1971.
- Delorme J. Le monde Hellenistique (323– 133 avant J.C.). — Paris, 1975.
- Derow P.S. Rome and the Greek World from the earlist contacts to the end of the first Illyrian war. — Ann Arbor, Michigan, 1978.
- Dorsey G.L. Jurisculture Greece and Rome. — New Brunswick, Oxford, 1988.
- Droysen J.G. Geschichte Alexanders des Grossen. — Kettwig, 1990.
- Droysen J.G. Geschichte des Hellenismus. — Tubingen, 1952. T. I; 1952. T. II; 1953. T. III.
- Eddy S. The king is dead. Studies in the Near Eastern resistance to Hellenism, 334–31 B.C. — Lincoln, 1961.
- Edson Ch. Imperium Macedonicum: The Seleucid empire and the literary evidence // *CPh*. — 1958. Vol. 53. № 3. P. 153–170.
- Egypt and the Hellenistic World // *Proceedings of the International Colloquium Leuven* — 24–26 May 1982. / Ed. by E. Van't Dack ets. — Lovanii, 1983.
- Ellis W.M. Ptolemy of Egypt. — London; New York, 1994.
- Emlyn–Jones C.J. The Ionians and Hellenism. — London ets., 1980.

- Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. — Berkeley ets., 1978.
- Errington R.M. Antiochus the Great // CAH. — 1989. Vol. 8. P. 274–289.
- Errington R.M. Geschichte Makedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. — München, 1986.
- Errington R.M. The alleged Syro–Macedonian Pact and the Origins of the Second Macedonian War // Athenaeum. 1971. Vol. 49. P. 336–354.
- Errington R.M. The Second Macedonian War // Athenaeum. — 1971. Vol. 49. P. 336–354.
- Ferguson W.S. Greek Imperialism. — New York, 1963.
- Ferguson W.S. Hellenistic Athens. — New York, 1969.
- Fischer T. Untersuchungen zum Partherkrieg Antiochos VII. Im Rahmen der Seleukidengeschichte. — Tübingen, 1970.
- Forte B. Rome and the Romans as the Greeks saw them. — Rome, 1972.
- Freber P.–S. G. Der hellenistische Osten und das Illiricum unter Caesar. — Stuttgart, 1993.
- Funck B. Uruk zur Seleukiden Zeit. — Berlin, 1984.
- Gabbert J.J. The Greek hegemony of Antigonos II Gonatas (r. 283–239 B.C.). — Cincinnati, 1988.
- Gaither J. (Walser III) A study of selected economic factors and their contribution to the understanding of the history of Palestine during the Hellenistic period. — London, 1978.
- Gawantka W. Isopolitie. Ein Beitrag zur Geschichte der zwischenstaatlichen Beziehungen in der griechischen Antike. — München, 1975.
- Gehrke H.–J. Geschichte des Hellenismus. — München, 1990.
- Gera D. Ptolemy Son of Thrases and the Fifth Syrian War // Ancient Society. — 1987. № 18. P. 63–73.
- Giovannini A. Teos, Antiochos III et Attale I er // Museum Helveticum. — 1983. Vol. 40. F. 3. P. 178–184.
- Glötz C., Cohen R., Roussel P. Alexandre et l'Hellenisation du monde Antique. — Paris, 1938.
- Glover T.R. Polybius. // CAH. — 1970. Vol. VIII. P. 1–24.
- Goudriaan K. Ethnicity in Ptolemaic Egypt. — Amsterdam, 1988.
- Grant M. From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. — London, 1982.
- Green P. Alexander of Macedon 356 — 323 B. C. — Berkeley ets., 1991.
- Green P. Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic age. — Berkeley, Los Angeles, 1990.
- Griffith G.T. The mercenaries of the Hellenistic World. — Groningen, 1968.

- Grimal P. Le siecle et l'hellenisme au temps des guerres puniques. — Paris, 1975.
- Gruen E. Hellenism and Persecution: Antiochus IV and the Jews // Hellenistic histori and Culture. — Berkeley ets., 1993.
- Gruen E. The Hellenistic world and the coming of Rome. — Berkeley ets., 1984. Vol. I–II.
- Gruen E. Imperialism in the Roman republic. — New York, 1970.
- Gullath B. Untersuchungen zur Geschichte Boiotiens in der Zeit Alexanders und der Diadochen. — Frankfurt an Main, 1982.
- Habicht C. Athen in Hellenistischer Zeit. — Munchen, 1994.
- Hammond N.G.L. Illyris, Rome and Macedon in 229–209 B.C. // Journal of Roman Studies. (J.R.S.). — 1968. № 58. P. 1–21.
- Hampl F. Der Konig der Makedonen. — Leipzig, 1934.
- Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. — Oxford, 1979.
- Hatzfeld J. Histoire de la Grece ancienne. — Paris, 1950.
- Hauben H. The Expansion of Macedonian Sea — Power under Alexander the Great // Ancient Society. — 1976. № 7. P. 79–105.
- Hauben H. The First War of the Successors (321 B.C.): Chronological and Historical Problems // Ancient Society. — 1977. № 8. P. 85–120.
- Hauben H. The Ships of the Pydnaeans: Remaeks on Kassandros' Naval Situation in 314/313 B.C. // Ancient Society. — 1978. № 9. P. 47–54.
- Heckel W. The marschals of Alexander's empire. — London; New York, 1992.
- Heinen H. The Syrian–Egyptian wars and the new kindoms of Asia Minor // CAH. 1984. Vol. 7. P. 412–445.
- Heinen H. Zur Sklaverei in der hellenistischen Welt // Ancient Society. — 1977. № 8. P. 121–154.
- Heisserer A.J. Alexander the Grant and the Greeks. — Norman, 1980.
- Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non — Greek civilizations from Syria to Central Asia after Alexander / Ed. By A. Kuhrt, S. Sherwin–white. — Berkeley; Los Angeles, 1987.
- Herrmann S. Geschichte Israels in alttestamentlicher Zeit. — Munchen, 1980.
- Heuss A. Romische Geschichte. — Braunschweig, 1971.
- Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus // Klio. — Beiheft 39. Wiesbaden, 1963.
- Holleaux M. Rome and Antiochus // CAH. — 1930. Vol. VIII. P. 199–240.
- Holleaux M. Rome and Macedon: Philip against romans // CAH. — 1970. Vol. VIII. P. 116–137.
- Holleaux M. Rome and Macedon: The Romans against Philip // CAH. — 1930. Vol. VIII. P. 138–198.

- Holleaux M. Rome et la conquete de l'Orient. Philippe V et Antiochos le Grand // Etudes d'epigraphie et d'epigraphie et d'histoire GRECQUES. — Paris, 1957. T. V.
- Holleaux M. Rome, la Grece et les Monarchies Hellenistiques au III siecle avant J.-C. (273–205). — Paris, 1969.
- Huss W. Der makedonische Konig und die agyptischen Priester. — Stuttgart, 1994.
- Huss W. Die Beziehungen zwischen Karthago und Agypten in hellenistischer Zeit // Ancient Society. 1979. № 10. S. 119–137.
- Huss W. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV. — Munchen, 1976.
- Images and Ideologies: self-definition in the Hellenistic world / A. Bulloch et al. — Berkeley ets., 1993.
- Imperialism in the Ancient World.: The Cambridge University research seminar in ancient history / Ed. by P.D.A. Garnsey, C.R. Whittaker. — Cambridge, 1978.
- Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. — Paris, 1929. T. I.
- Jehne M. Koine eirene: Untersuchungen zu den Befriedigungs- und Stabilisierungsbe-muhungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. — Stuttgart, 1994.
- Jorguet P. Alexander the Great and the Hellenistic World. — Chicago, 1985.
- Jorguet P. L' Imperialisme macedonien l'hellenisation de l'Orient. — Paris, 1972.
- Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. — Stuttgart, 1968. Bd. I.
- Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. — Darmstadt, 1975. Bd. II.
- Karttunen K. India and the Hellenistic World // Studia Orientalia / Ed. by Finnish Oriental Society. — Helsinki, Vol. 83.
- Keller E. Alexander der Grosse nach der Schacht bei Issos bis zu seiner Ruckkehr aus Aegypten. — Lubeck, 1965.
- Kertest I. Pergamon und die Strategie des romischen Imperialismus //Acta Antiqua. — Budapest, 1990–1992. T. XXXIII. S. 247–253.
- Kienitz F.-K. Das Mittelmeer. — Munchen, 1976.
- Kincaid C.A. Successors of Alexander the Great. — Chicago, 1985.
- Klaffenbach G. Der Romisch — Atolische Bundnisvertrag vom Jahre 212 v. Chr. — Berlin, 1954.
- Kleopatra. Agypten um die Zeitenwende / Stiftungs Vorstand: H. Fey, E. Martini, K. Albredit. — Mainz, 1989.
- Kloft H. Ideologie und Herrschaft in der Antike. — Darmstadt, 1979.
- Koehler H. Die Nachfolge in der Seleukidenherrschaft und die parthischen Konflikt. — Bochum, 1972. 169 s.

- Kreissig H. *Geschichte des Hellenismus*. — Berlin, 1982.
- Kraissig H. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich: Die Eigentums — und die Abhängigkeitsverhältnisse*. — Berlin, 1978.
- Kreuter S. *Aussenbeziehungen Kretischer Gemeinden zu den hellenistischen Staaten im 3. Und 2. Jh. v. Chr.* — Munchen, 1992. Band 3.
- Kuhr A., Sherwin-White S. Aspects of Seleucid royal ideology: the cylinder of Antiochus I from Borsippa // *The Journal of Hellenic Studies (JHS)*. — 1991. Vol. CXI. P. 71–86.
- Launey M. *Recherches sur les armées Hellenistiques*. — Paris, 1987. T. I–II.
- Leveque P. *L'Aventure Grecque*. — Paris, 1964.
- Lewis N. *Greeks in Ptolemaic Egypt*. — Oxford, 1986.
- Lintott A. *Imperium Romanum. Politics and administration*. — London; New York, 1993.
- L'Hellenisation du Monde antique. — Paris, 1914.
- L'Ideologie du pouvoir Monarchique dans l'antiquité. — Paris, 1991.
- Lund H. S. *Lysimachus. A study in early Hellenistic kingship*. — London and New York, 1992.
- Macurdy G.H. *Hellenistic Queens*. — Chicago, 1985.
- Magie D. The «Agreement» between Philip V and Antiochus III for the Partition of Egyptian Empire // *JRS*. — 1939. Vol. 29. Parts 1–2. P. 32–44.
- Mahaffy J.P. *Alexander's Empire*. — Chicago, 1981.
- Maier F.G. *Neque quies gentium sine armis: Krieg und Gesellschaft im Altertum*. — Opladen, 1987.
- McDonald A.H. The Treaty of Apamea (188 B. C.) // *JRS*. — 1967. № 57. P. 1–8.
- McSchane R. The foreign policy of the Attalids of Pergamum. — Urbana, 1964.
- Mehl A. *Seleukos Nikator und sein Reich*. — Leuven, 1986. Teil I.
- Melko M., Weigel R.D. *Peace in the Ancient World*. — Jefferson, 1981.
- Mendels D. Perseus and the Socio — economic Question in Greece (179–172/1 B.C.). A study in Roman Propaganda // *Ancient Society*. — 1978. № 9. P. 55–73.
- Meyer P.M. *Das Heerwesen der Ptolemaer und Römer in Agypten*. — Darmstadt, 1966.
- Momigliano A. *Alien Wisdom. The limits of hellenization*. — Cambridge, 1975.
- Morkholm O. *Antiochus IV of Siria*. — Kobenhavn, 1966.
- Morkholm O. The Ptolemaic coinage in Phoenicia and the Fifth war with Syria // *Egypt and the Hellenistic World: Proceedings of the International Colloquium. 24–26 may 1982*. — Lovanii, 1983. P. 241–252.
- Morkholm O. The Speech of Agelaus again // *Chiron*. — 1974. № 4. P. 127–132.

- Mosley D.J. Diplomacy Conference: Almost a Spartan Contribution to Diplomacy // *Emerita*. — 1971. Vol. 39. P. 187–193.
- Mosse C., Sehnapp–Gourbeillon A. *Precis d'Histoire grecque*. — Paris, 1990.
- Musti D. Syria and the East // *CAH*. — 1984. Vol. 7. P. 175–220.
- Narain A.K. *Indo–Greeks*. — Oxford, 1957.
- Newell Ed. *The Coinage of the Eastern Seleucid mints from Seleucus I to Antiochus III*. — New York, 1938.
- Newell Ed. *The Coinage of the Western Seleucid mints from Seleucus I to Antiochus III*. — New York, 1941.
- Nicolet C. *Rome et la conquete du monde Meditteraneen*. — Paris, 1977. — T I; 1989. — T. II.
- Niese B. *Geschichte der grichischen und makedonischen Staaten Seit der Schlacht bei Chaeronea*. — Gotha, 1899. Teil II.
- O'Brien J.M. *Alexander the Great: The Invisible Enemy*. — London; New York, 1992.
- Oost S.I. *Roman policy in Epirus and Acarnania in the age of the Roman conquest of Greece*. — New York, 1975.
- Orth W. *Die Diadochenzeit im Spiegel der historischen Geographie*. — Wiesbaden, 1993.
- Otto W. *Beitrage zur Seleukidengeschichte des 3 Jahrhunderts v. Chr.: IV, Zu dem Dreisprachligen Preisterdekret von Memphis aus dem sechsten Jahre Ptolemaios' IV*. — Munchen, 1928.
- Otto W. *Ptolemaica*. — München, 1939.
- Otto W., Bengtson H. *Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaers*. — Munchen, 1938.
- Pearson L. *The lost histories of Alexander the Great*. — Chico, 1983.
- Pedech P. *Historiens compagnons d'Alexandre*. — Paris, 1984.
- Peters F.E. *The harvest of Hellenism. A History of the Near East from Alexander the Great to the Triumph of Chistianity*. — London, 1972.
- Petit P. *La civilisation hellenistique*. — Paris, 1965.
- Petzold K.–E. *Die Eroffnung des Zweiten Romisch — Makedonischen Kriegs*. — Darmstadt, 1940.
- Philip of Macedon / Ed. By M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. — Athens, 1980.
- Piejko F. *Antiochus III and Ilium // Archiv fur Papyrusforschung und verwandte Gebiete (APF)*. — 1991. Bd. 37. P. 9–50.
- Piganiol A. *La conquete Romaine*. — Paris, 1927.
- Podes P. *Die Dependenz des hellenistischen Ostens von Rom zur Zeit der romischen Weltreichsbildung*. — Frankfurt am Main ets., 1986.

- Polybe: Neuf exposes suivis de discussions. — Geneve, 1974. T. XX.
- Potts D.T. The Arabian Gulf in Antiquity. — Oxford, 1990. Vol. II.
- Preaux Cl. Le monde hellenistique: La Grece et L'Orient de la mort d'Alexandre a la cojnquete romaine de la Grece (323–146 av. J.–C.) — Paris, 1978. — T. I.
- Reiter W. Aemilius Paullus. Conqueror of Greece. — London ets., 1988.
- Reuter F. Beitrage zur Beurteilung des Konigs Antiochos Epiphanes. — Munster, 1938.
- Rice J.D. The Greek state of Elis in Hellenistic times. — An Arbor; London, 1982.
- Rodgers W.L. Greek and Roman naval warfare. — Annapolis, 1964.
- Rome and the Greek East to the death of Augustus / Ed. By Sherk R.K. — Cambridge ets., 1984.
- Rome and the Mediterranean to 133 B.C. // CAH. — 1989. Vol. VIII. P. 324–421.
- Rostovcev M. A History of Ancient World. — Oxford, 1928. Vol. I–II.
- Rostovtzeff M. Caravan cities. — Oxford, 1932.
- Rostovtzeff M. Pergamum // CAH. — Vol. VIII. P. 590–618.
- Rostovtzeff M. Rhodes, Delos and hellenistic commerce // CAH. — Vol. VIII. P. 619–667.
- Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. — Oxford, 1941. Vol. I–II.
- Roussel P. La Grece et l'Orient. — Paris, 1928.
- Rutten M. Contracts de l'epoque seleucide conserves au Musee du Louvre. — Paris, 1935.
- Ruze F., Amouretti M.–C. Le monde grec antique. — Paris, 1978.
- Saibert J. Alexander der Grosse. — Darmstadt, 1994.
- Samuel A.E. The Promise of the West. — London; New York, 1988.
- Samuel A.E. The Shifting sands of history: interpretations of Ptolemaic Egypt. — Lonham ets., 1989.
- Schachermeyr F. Griechische Geschichte. — Stuttgart, 1960.
- Scherwin–White A.N. Roman foreign policy in the East, 168 B.C. to A.D. 1. — London, 1984.
- Scherwin–White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis. — Berkely; Los Angeles, 1993.
- Schmitt H.H. Die Staatsvertrage des Altertums. — Munchen, 1969. Bd. 3.
- Schmitt H.H. Rome und Rhodos. Geschichte ihrer politischen Beziehungen seit der ersten Beruhrung bis zum Aufgehen des Inselstaates im romischen Weltreich. — Munchen, 1957.
- Schmitt H.H. Rome und die Griechische Welt von der fruhszeit bis 133 v. Chr. Antike Quellen in Ubersetzung. — Munchen, 1992.

- Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit // *Historia Einzelschriften*. — Wiesbaden, 1964. H. 6.
- Schubert D.R. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. — Leipzig, 1914.
- Scullard H.H. *A History of the Roman World from 753 to 143 B.C.* — 2 d. ed. — London, 1951.
- Scullard H.H. *Scipio Africanus: soldier and politician*. — London, 1970.
- Seibert J. Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in Hellenistisschen Zeit. — Wiesbaden, 1967.
- Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. — München, 1969.
- Seibert J. *Das Zeitalter der Diadochen*. — Darmstadt, 1983.
- Seibert J. *Hannibal*. — Darmstadt, 1993.
- Selb W. *Antike Rechte im Mittelmeerraum/ Rom, Griechenland, Ägypten und der orient* — Köln–Weimar, 1993.
- Sinclair T.A. *A history of greek political thought*. — London, 1967.
- Societes urbaines, societes rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellenistiques et romaines. : Actes du colloque organise a Strasbourg (novembre 1985) par l'Institut et le Groupe de Recherche d'histoire romaine et le Centre de Recherche sur le Proche-Orient et la Grece antiques.* — Strasbourg, 1987.
- Spiegelberg W. *Agypptologische Mitteilungen*. — München, 1925.
- Spyridakis S. *Ptolemaic Itanos and Hellenistic Crete*. — Berkeley ets., 1970.
- Stein — Kramer M. *Die Klientelkonigreiche Kleinasiens in der Aussenpolitik der spaten republik und der Augustus*. — Berlin, 1987.
- Starr Ch. G. *Rhodes and Pergamum, 201–200 B.C.* // *CPh*. — 1938. Vol. 33. № 1–4. P. 63–68.
- Stier H.E. *Die geschichtliche Bedeutung des Hellenennamens*. — Köln; Opladen, 1970.
- Strack M.L. *Die dynastie der Ptolemaer*. — Darmstadt, 1979.
- Sullivan R.D. *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C.* — Toronto ets., 1990.
- Tarn W.W. *Antigonos Gonatas*. — Oxford, 1969.
- Tarn W.W. *Hellenistic civilisation*. — London, 1930.
- Taubler E. *Ausgewahlte Schriften zur Alten Geschichte*. — Ctuttgart, 1987.
- The Cambridge History of Iran /Ed. by Yarshater E.* — Cambridge ets., Vol. 3(1). 1983.
- The Greek World / Ed. by H. Lloyd–Jones*. — London, 1965.
- The Hellenistic Age*. — Cambridge, 1925. — New York, 1968.
- The Hellenistic monarchies and the rise of Rome // CAH.* — 1969. V. VII. P. 75– 858.
- The Hellenistic World. // CAH.* — 1984. Vol. VII. P. 23–481.

- The Oxford history of Greece and the Hellenistic World / Ed. by J. Boardman ets. — Oxford; New York, 1991.
- The World of Philip and Alexander: A symposium on Greek life and times / Ed. Elin C. Daniel. — Philadelphia, 1990.
- Toynbee A.J. Hellenism. The history of a civilization. — London, 1959.
- Urban R. Wachstum und Krise des Achaischen Bundes. — Wiesbaden, 1979.
- Vatin C. Recherches sur le mariage et la Condition de la femme Mariee l'epoque Hellenistique. — Paris, 1970.
- Volcker-Janssen W. Kunst und Gesellschaft an den Hofen Alexanders d. Gr. Und seiner Nachfolger. — Munchen, 1993.
- Volkman H. Kleopatra. Politic und Propaganda. — Munchen, 1953.
- Walbank F.N. Die hellenistische Welt. — Munchen, 1985.
- Walbank F.W. Polybius. — Berkeley ets., 1990.
- Walbank F.W. Sather classical lectures. — Berkeley ets., 1972.
- Warth H. Epoche und Repräsentation. — Frankfurt am Main, 1974.
- Welles C.B. Alexander and the Hellenistic World. — Toronto, 1970.
- Welwei K.-W. Unfreie in antiken Kriegsdienst. — Wiesbaden, 1977. 185 s.
- Wilcken U. Alexander der Grosse. — Leipzig, 1931. 118 s.
- Wilhelm A. Griechische Königsbriefe. — Darmstadt, 1968. 63 s.
- Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). — Nancy, 1966. T. I. 369 p.; 1967. T. II. 564 p.
- Will Ed. Le monde Grec et l'Orient. — Paris, 1985.
- Wilwei K.-W. Könige und Königtum im Urteil des Polybios: Inaugural — Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität Köln. — Herbede, 1963.
- Winthrop L.A. Cassander, Macedonia and the Policy of Coalition, 323–301 B.C. — Michigan, 1975.
- Witte K. Über die Form der Darmstellung in Livius' Geschichtswerk. — Darmschadt, 1969.
- Wolski J. Beiträge zur alten Geschichte // Klio. — 1960. Bd. 38. S. 110–121.
- Worrle M. Antiochos I, Achaïos der Ältere und die Galater // Chiron. — 1975. № 5. P. 59–87.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
CAH — The Cambridge Ancient History.
CPh — Classical Philology.
JRS — The Journal of Roman Studies.
OGIS. — Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*.
REA — *Revue des Etudes Anciennes*.
RPh — *Revue de Philologie*.
Sill. — Dittenberger W. *Silloge Inscriptionum Graecarum*.
Welles. — Welles C.B. *Royal correspondence in the hellenistic period. A study in greek epigraphy*.
Amp. — Луций Ампелий. Памятная книжица.
App. — Аппиан. Римская история.
Aristot. Pol. — Аристотель. Политика.
Arr. Anab. — Арриан. Анабазис Александра.
Demosthenes. — Демосфен.
Digesta Justiniani. — Институции Юстиниана.
Diod. — Диодор Сицилийский. Источеческая библиотека.
Eutrop. — Евтропий. Бrevиарий от основания Города.
Flor. — Луций Аней Флор. Эпитомы римской истории.
Herod. — Геродот. История.
Jos. Ant. — Иосиф Флавий. Иудейские древности.
Just. — Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога.
Liv. — Тит Ливий. История Рима от основания города.
Mac. — Библия. Книги Маккавейские.
Oros. — Орозий Павел. История против язычников.
Paus. — Павсаний. Описание Эллады.
Polyaen. Strat. — Полиэн. Стратегемы.
Plat. Leg. — Платон. Законы.
Plut. Alex. — Плутарх. Александр.
Plut. Aem. — Плутарх. Эмилий Павел.
Plut. Ant. — Плутарх. Антоний.
Plut. Arat. — Плутарх. Арат.
Plut. Caesar. — Плутарх.
Plut. Dem. — Плутарх. Деметрий Полиоркет.
Plut. Philop. — Плутарх. Филопемён.
Plut. Pomp. — Плутарх. Помпей.
Plut. Tit. — Плутарх. Тит Фламинин.
Polyb. — Полибий. Всеобщая история.
Strab. — Страбон. География.
Thuc. — Фукидид. История.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. Источники знаний, свидетели времен, учителя жизни	10
2. Коринфский конгресс: рождение нового международного порядка	18
3. Монархия: формула власти	26
<i>Право на царство</i>	26
<i>Антиох III: в начале пути</i>	34
<i>Монархия победителей и побежденных</i>	48
<i>Анабазис Антиоха III: по стопам Александра Великого</i>	55
4. Полис на пороге империи	66
5. Рим и эллинистический Восток: стратегия и тактика на пути к мировому господству	81
6. Религия в международных отношениях: кому помогают боги?	99
<i>Эллинистический мир — творение богов и людей</i>	99
<i>Во славу богов и эллинов</i>	111
7. Дипломатия	114
<i>Aequalitas haud parit bellum (Равенство не рождает войны)</i>	114
<i>Государственные органы внешних сношений</i>	121
<i>Проксения в эллинистический период</i>	131
<i>Дипломатические дары</i>	133
<i>Дипломатическая неприкосновенность</i>	136
8. Право убежища (религиозное и политическое)	140
9. Международный договор эпохи эллинизма: историческая основа дипломатического права	147
10. «Право войны» и международные преступления	165
<i>Эллинистические войны: за что и как воевали</i>	165
<i>Военнопленные</i>	177
<i>Наемники</i>	181
<i>Война и международные преступления</i>	188
11. Борьба за море. Истоки морского права	194
<i>Разграничение сфер влияния на море</i>	194
<i>Борьба с пиратством: первый международный опыт</i>	200
12. Экономика и международные отношения	215
13. Династическое право в эллинистическом мире	230
14. Царские завещания: роль частного права в строительстве Римской империи	246
15. Международный суд	259
16. Пропаганда	273
<i>Миф и история на службе у дипломатии</i>	273
<i>Именем Александра</i>	275
<i>Торговля свободой</i>	282
<i>Престиж и амбиции в борьбе за преобладание</i>	289
17. Континентальное разграничение сфер влияния: дипломатическая дуэль Антиоха III и Рима	300
Заключение	322
Библиография	326
Список сокращений	343

Митина Светлана Игоревна
АНТИОХ III. ОДИН ПРОТИВ РИМА

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Е. А. Виноградова*

Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 21,02. Печать офсетная.

Заказ №

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЕТЕЙЯ»

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Никифор II Фока

Стратегика / пер. и коммент. А. К. Нефёдкина. – СПб.: Алетея, 2014. – 288 с.: ил. – (Серия «Византийская библиотека. Источники»).

ISBN 978-5-90670-509-9

Византийский император Никифор II Фока (963–969) хорошо известен любителям истории как правитель-воин, воевавший с князем Святославом на Дунае, однако не этот враг был главным для Византии данной эпохи – большая война шла с арабами в Восточной Анатолии. Император, прошедший много лет в схватках с арабами, решил передать свой опыт последующим военачальникам, отчего и появился данный трактат, условно называемый «Стратегика». В нем даются рекомендации по вооружению, количеству и соотношению родов войск, построению и, главное, по тактике полевого боя византийской армии третьей четверти X в. Книга представляет собой первый перевод данного трактата на русский язык и включает статьи Ю. А. Кулаковского, не потерявшие своей актуальности до сих пор.

Книга будет интересна не только специалистам-византистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся военным делом.
